

ИРИНА СРЕЛКОВА
ОДНА
ЛОШАДИНАЯ СИЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

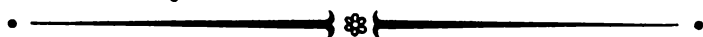

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1984

ИРИНА СТРЕЛКОВА

ОДНА
ЛОШАДИНАЯ СИЛА

Повести

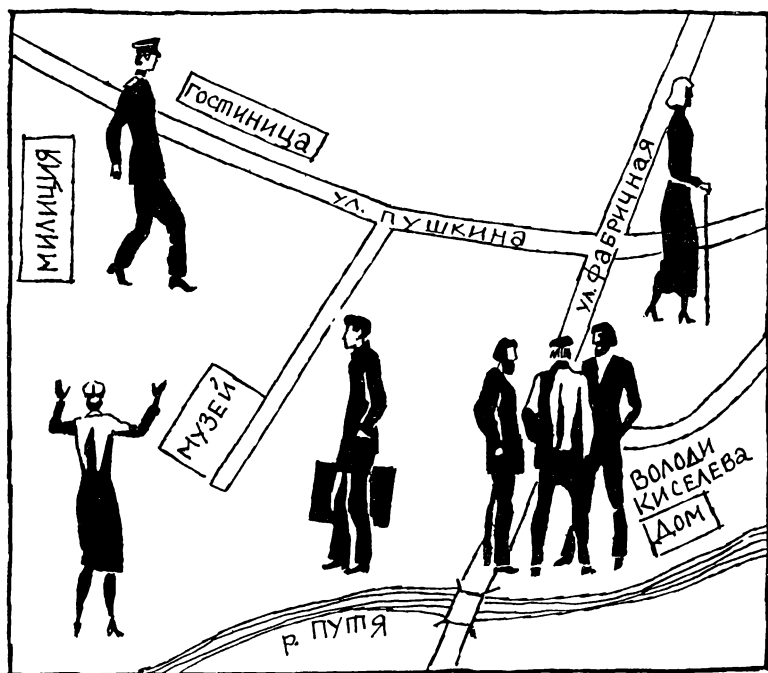
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Рисунки С. Воробьева

С 4803010102—095 410—84
М101(03)84

Охраняемые произведения отмечены в содержании.
© Состав Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

ПОХИЩЕНИЕ ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО МУЗЕЯ

I

В половине десятого Ольга Порфирьевна отправилась в обход музейных помещений. Сторожиха тетя Дена терпеливо дожидалась в вестибюле ее возвращения. Закончив обход, Ольга Порфирьевна отпускает сторожиху домой. В вестибюль выходила низкая дверца бывшей швейцарской, на ней белела табличка: «Заместитель директора музея В. А. Киселев». Молодой и самолюбивый заместитель не имел обыкновения по утрам сопровождать Ольгу Порфирьевну, хотя являлся на работу одновременно с ней. Кассирша и методист еще не пришли — музей открывается в десять часов.

В голубой гостиной с балконной дверью в угловом фонаре Ольга Порфирьевна задержалась подольше. Несколько дней назад в Путятин приехала вдова Пушкина, Вера Брониславовна. В гостиной проходили ее беседы о творчестве замечательного художника, не признанного при жизни, но теперь завоевывающего все более громкую славу.

По случаю приезда Веры Брониславовны из голубой гостиной вынесли все музейные витрины с монетами, медалями, статуэтками из бронзы и фарфора, старинной

посудой и бисерным шитьем. На прежние места вернулись кресла и полукреслица из голубого гарнитура, привезенного бывшим владельцем особняка и Путятинской мануфактуры Кубриным в начале века из Франции. К гарнитуру принадлежал и майоликовый столик на тонких витых ножках. В нем туманно отражалась белая ваза, обманчиво простая, с изображением дымчатой лилии — дорогой датский фарфор. К вечеру — так заведено уже много лет — Киселев принесет из дома и поставит в вазу букет белой сирени. Голубая гостиная наполнится томительным запахом майского сада, необходимым Вере Брониславовне для творческого настроения, — она всегда приезжает в Путятин на две майские недели.

Убедившись, что в гостиной все в порядке, Ольга Порфирьевна направилась было к высокой белой двери, ведущей в зал Пушкина, но какая-то непонятная тревога остановила ее. Ольга Порфирьевна еще раз придирчиво оглядела знакомую до мелочей обстановку гостиной. Все на месте, ничто не сдвинуто. Только в фонаре возле балконной двери валяется на дивном кленовом паркете грязный комочек. Ольга Порфирьевна подошла ближе и разглядела, что это оконная замазка. Балконную дверь на зиму замазывали и заклеивали полосками бумаги. В этом году тепло наступило поздно. Только после майских праздников Ольга Порфирьевна распорядилась отворить балконную дверь, смыть пожелтевшие за зиму бумажные полоски и заодно навести чистоту на балконе, обнесенном чугунными перилами, представлявшими собою тоже музейную ценность, — один из шедевров каслинского литья. После уборки дверь заперли. В музеях не любят свежего воздуха.

Осмотрев балконную дверь, Ольга Порфирьевна убедилась, что бронзовые шпингалеты задвинуты плотно, до отказа. Но их, несомненно, уже давно не чистили, кое-где появилась неряшливая прозелень. Такие мелочи ужасно расстраивали придирчивую Ольгу Порфирьевну. В досаде она машинально подняла с пола кусочек замазки и тщательно затерла войлочной подошвой пятнышко на сияющем паркете. И тут вдруг с улицы донесся дикий скрежет. Как ножом по стеклу, но во много крат сильнее и противнее. Испуганная старуха спешно повернула бронзовую ручку, открывавшую одновременно верхний и

нижний шпингалеты, распахнула дверь и вышла на балкон.

На перекрестке, затененном густой зеленью, нос к носу стояли две машины — городская «неотложка» и синий «Москвич». Знакомый Ольге Порфирьевне шофер «неотложки» на высоких нотах объяснял правила разъезда на перекрестке владельцу «Москвича», явно нездешнему, в рыжей замшевой кепочке с захватанным козырьком.

Ольга Порфирьевна в гневе наклонилась через перила:

— Нельзя ли потише?

— Да не лезьте вы, бабуля, не в свое дело! — огрызнулся шофер «неотложки». — Я не собираюсь из-за каждого дурака садиться в тюрьму! — И с новой силой напустился на владельца «Москвича»: — Ты где поворачивал? Ты как шел? — Шофер был настроен излить весь свой гнев до последней капли и только тогда, окончательно разрядившись, отправиться своей дорогой.

Владелец синего «Москвича» смиренно помалкивал, только разок воздел руки к небу и как бы призвал стоящую на балконе Ольгу Порфирьевну в заступницы.

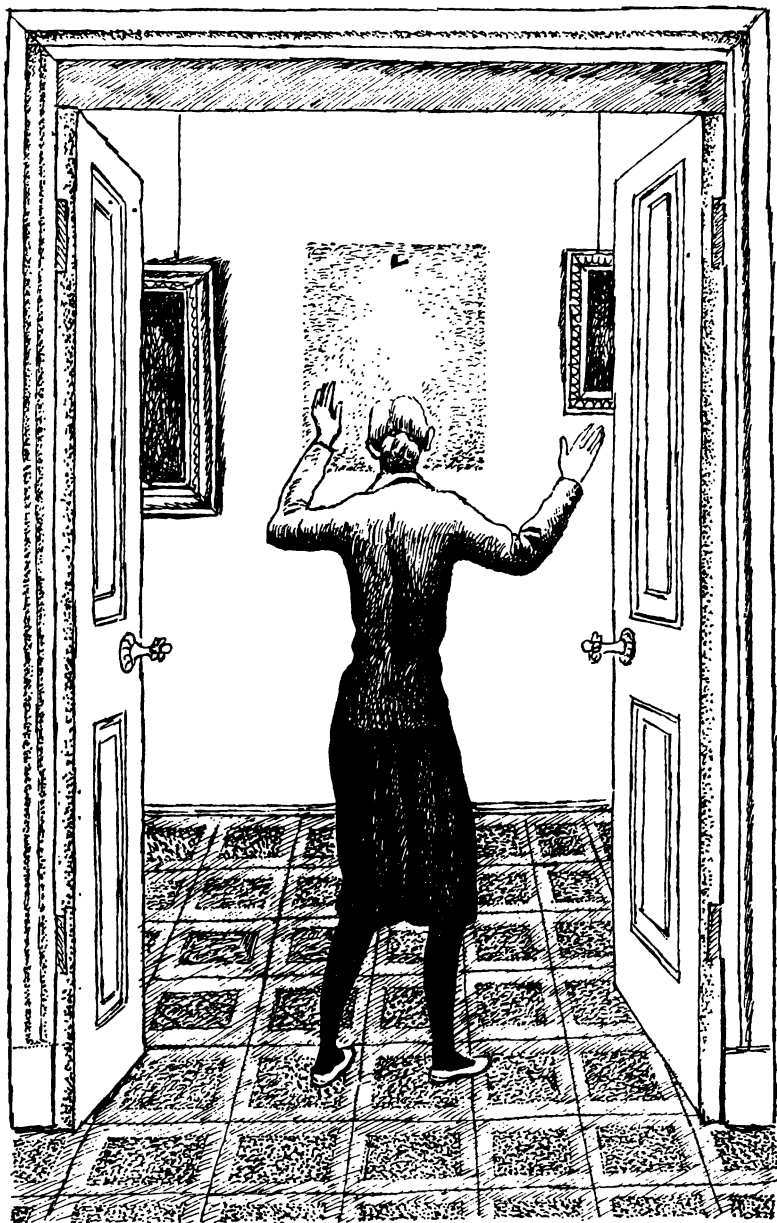
Где-то она его раньше видела... Да, это он был в музее вчера и очень интересовался «Девушкой в турецкой шали» Пушкина. По музею он, разумеется, расхаживал не в кепочке. Что за дурь в почтенном возрасте напивать на голову какую-то мерзость!

Ольга Порфирьевна вернулась в гостиную, тщательно затворила за собою дверь и задвинула шпингалеты. Не забыть сегодня же распорядиться, чтобы до вечера начистили всю бронзу в голубой гостиной. И уж заодно освежили паркет. Мельком глянув под ноги, она не обнаружила валявшегося только что на полу кусочка замазки. Куда он подевался?

— Ах, да! — Она коснулась пальцами лба. — Я его подняла, а потом, наверное, бросила с балкона.

На камине часы с бронзовым Мефистофелем показывали без четверти десять. Ольга Порфирьевна заторопилась, однако, берясь за ручку двери, ведущей в зал Пушкина, успела и тут обнаружить прозелень. Ольга Порфирьевна раздраженно повернула ручку и распахнула дверь. Ноги ее подкосились, дыхание перехватило. На противоположной стене зала зияла пустота. Лучшее творение Пушкина, «Девушка в турецкой шали», исчезло.

Не веря глазам, Ольга Порфирьевна подтащилась ближе на ватных, непослушных ногах и потрогала стену. Там, где висела картина, отпечатался небольшой прямоугольник. В нем торчал крюк, слегка обросший паутиной, надорванной там, где находился шнур. Портрет был снят очень бережно и аккуратно.

Ругая себя за преждевременную панику, старуха поспешила вниз. Слабость в коленях пропала, ноги в домашних тапочках легко несли Ольгу Порфирьевну по ступенькам беломраморной лестницы. Она трусцой пересекла вестибюль, толкнула дверь бывшей швейцарской.

Киселев, как школьник, застигнутый учителем, что-то поспешно сгреб со стола в выдвинутый ящик и, вставая, затолкал ящик животом.

— Картина у вас? — выпалила Ольга Порфирьевна, еле переводя дыхание.

— Какая именно? — Он вытаращил глаза.

— «Девушка в турецкой шали». Ее там нет. Кто-то снял. Если не вы, то... — Она пошатнулась и чуть не упала.

Киселев успел ее подхватить, усадил в кресло, придушившееся в углу за шкафом.

— Володя, ее украли, — с трудом выговорила старуха. — Ради бога, звоните сейчас же в милицию!

— Нет уж! Сначала я вызову врача! — сказал Киселев.

В музее был только один телефон. Позвав к Ольге Порфирьевне тетю Дену, Киселев из вестибюля черным ходом выскочил во двор и помчался по наружной чугунной лестнице, по застекленной галерее в директорский кабинет. Такой отдельный ход в кабинет существовал в доме еще со времен бывшего владельца.

II

Почти одновременно с врачами в музей приехали трое из городского отдела внутренних дел. Пока они осматривали место происшествия, все окна и двери, все царапины на паркете, Ольге Порфирьевне стало лучше, и она, распорядившись повесить на дверях музея табличку «Санитарный день», направилась в голубую гостиную.

— Следователь Фомин,— представился ей молодой человек в штатском.

— Очень приятно,— сказала Ольга Порфирьевна, подумав про себя, что следователь слишком молод и, кажется, простоват.

— Вы всегда сами делаете утренний обход или чередуетесь с заместителем? — спросил следователь.

— Всегда. Мой заместитель недостаточно требователен к персоналу.

Фомин что-то пометил в раскрытом блокноте.

Ольга Порфирьевна спокойно и логично поведала все подробности сегодняшнего утреннего обхода вплоть до привлечшего ее внимание происшествия на перекрестке. Показала, как вошла в гостиную, затем направилась к двери, ведущей в зал Пушкина, и, не дойдя, повернула к балконной двери.

Фомин осмотрел надежные старинные шпингалеты.

— Так вы говорите, дверь на балкон была заперта?

— Она всегда заперта.

— Зачем же вам понадобилось ее открыть сегодня утром?

— Меня испугал ужасный скрежет. Я решила взглянуть, что случилось на улице.

Следователя насторожило, что старуха на этом месте начала сбиваться и путать. Она показала, где лежал на паркете комочек замазки, но не помнила, куда он потом исчез.

— Кажется, я его бросила вниз с балкона.

— Что значит «кажется»? Бросили или не бросили?

— Кажется, бросила. Но не берусь это утверждать со всей очевидностью.

Фомин присел, потрогал паркет там, где, по уверениям старухи, валялась замазка.

— Прекрасный паркет, не правда ли! — воскликнула Ольга Порфирьевна.

— Возможно.

Фомин поднялся и перешел к двери, ведущей в зал Пушкина. Ольга Порфирьевна просеменила за ним.

— Итак, вы вошли в этот зал и увидели, что картины нет?

Старуха остановилась на пороге.

— Если быть точной, то я заметила пропажу, даже

не войдя в зал, а отсюда.— Она стояла, как бы боясь шагнуть дальше.

— Значит, вы сразу посмотрели туда, где находится или, вернее, находилась пропавшая картина. Почему?

— Потому что портрет девушки в турецкой шали — жемчужина нашего музея.

— Жемчужина? — недоверчиво переспросил Фомин.

Ольга Порфирьевна смерила его уничтожающим взглядом:

— Судя по вашему вопросу, вы прежде у нас никогда не бывали. Очень жаль. Люди приезжают к нам в Пуятин издалека именно ради картин Пушкина. Такого собрания его работ нет нигде. Даже в Третьяковской галерее висит только одна картина Пушкина.

На Фомина упоминание Третьяковки произвело некоторое впечатление.

— Я давно собирался посмотреть выставку Пушкина, да все как-то некогда, — смущенно оправдывался он. — Вообще-то я бывал у вас в музее. Когда еще в школе учился.

— Так, значит, вы здешний. Тогда тем более жаль... — Она укоризненно покачала головой. — Закончили здесь школу? Недавно?

— Восемь лет назад.

— Ах, вот как... Восемь лет назад. И с тех пор в музей не заглядывали? А собрание картин Пушкина поступило к нам семь лет назад. Дар Вячеслава Павловича родному городу. Картины были развешаны им собственноручно. И, увы, через полгода его не стало. — Ольга Порфирьевна вытерла кружевным платочком набежавшие слезинки.

— Пройдемте! — Фомин взял ее под руку и повел к противоположной стене. — Вы помните, на каком шнуре висела картина?

— Разумеется. Белый капроновый шнур.

— Принято ли у вас в музее время от времени снимать картины? Например, для того, чтобы стереть пыль, исправить раму.

— Разумеется, мы иногда тревожим картины. И эту нам приходилось снимать чаще других.

— Почему?

Ольга Порфирьевна глянула на следователя, как ему показалось, с жалостью:

— Но я же вам говорила! «Девушка в турецкой шали» — лучшее творение Пушкина. Ее копируют, фотографируют. Кстати, недавно приезжали от издательства «Искусство», «Девушка в турецкой шали» будет на обложке книги о Пушкине. Потом еще эти халтурщики, которые оформляют новое кафе возле гостиницы, они тоже...

Фомин насторожился:

— Художники из Москвы? Три бородача?

— Они! Нам известно, что они собираются украсить новое кафе изображением девушки в турецкой шали, разумеется, поданным в каком-нибудь ужасном современном искажении.

— Художники вам сами сказали о своем замысле?

— Это не замысел, а умысел! — запальчиво возразила Ольга Порфирьевна. — Я узнала о нем от своего заместителя Киселева. Он тоже возмущен. Наглое мародерство! Вопиющее издевательство над русской и советской классикой! Вера Брониславовна с утра направилась в горсовет. Шедевр Пушкина не должен быть использован для оформления пищевой точки! Вера Бронисла...

Фомин увидел, что Ольга Порфирьевна вдруг страшно побледнела.

— Боже мой! Она ни в коем случае не должна знать! Она не переживет!

— Кто — она?

— Да господи, Вера Брониславовна, вдова Вячеслава Павловича! Она с утра отправилась с визитом к председателю горсовета, а потом придет сюда... Как я ей скажу о пропаже?!

— Постарайтесь скрыть. — Фомин записал в блокноте имя и отчество вдовы Пушкина, обвел жирной чертой. — Заприте зал, придумайте причину.

— Но в шесть у нее беседа о творчестве Пушкина!

— В шесть? — бодро переспросил Фомин. — До шести у нас еще есть время.

— Вы надеетесь так быстро найти картину? — Ольга Порфирьевна уставилась на следователя чуть ли не с ужасом.

«Что же ее напугало?» — подумал Фомин. И сказал деловито:

— Я надеюсь, что до шести часов вы успеете оповестить всех приглашенных об отмене беседы, а вдову худож-

ника... ну... увезете куда-нибудь под благовидным предложением. А я тем временем буду действовать.

— Дай-то бог! — Ольга Порфирьевна прижала руки к груди. — Вы уж постарайтесь... Ах, как жаль, что вы не видели ни разу саму картину! Возьмите у Киселева цветную фотографию. Хотя, конечно, фотография не передает всей прелести портрета. На нем изображена Таисия Кубрина, дочь последнего владельца Путятинской мануфактуры. Она славилась своей красотой. Рассказывают, что как раз накануне революции в Петербурге Таисия Кубрина...

— О ней вы мне расскажете как-нибудь потом, — перебил Фомин. — А сейчас не припомните ли вы что-нибудь более относящееся к делу?

— Я от вас ничего не скрыла, — заявила с достоинством старуха. — Мое сегодняшнее утро вам известно. Каждый шаг, каждая минута. Что я могу знать еще?

— Не казались ли вам подозрительными какие-нибудь посетители вчера, позавчера?

— Боже мой! — вскричала Ольга Порфирьевна. — Вот память-то! Именно подозрительный посетитель! Накануне он провел полдня в музее и особенно интересовался портретом. А сегодня утром я его увидела с балкона, и что-то меня насторожило.

— Насколько я помню из ваших объяснений, под балконом пререкались водитель «неотложки» и владелец синего «Москвича». Который же из двух был накануне в музее?

— Этот, с «Москвича», в мерзкой рыжей кепочке.

— С балкона можно было разглядеть номер машины?

— Я не знаю. Я не подумала о номере.

— Жаль, жаль...

Ольга Порфирьевна растерянно терла пальцами лоб.

— Мне трудно вам объяснить, откуда у меня взялось внезапное подозрение. Впрочем, мне так же трудно объяснить то тревожное предчувствие, которое вдруг охватило меня, когда я вошла сегодня утром в голубую гостиную... И более того... — Она убрала руку, заслонявшую лицо, и пристально поглядела в глаза следователю. — Если признаться честно, я еще со вчерашнего дня ждала беды. С той самой минуты, как проводила Веру Брониславовну до гостиницы. Мне показалось внезапно, что...

— Мы еще поговорим с вами об этом,— перебил ее Фомин.— А теперь мне нужно побеседовать с вашими сотрудниками, причем с каждым в отдельности. Могу ли я обосноваться на часок хотя бы в соседней комнате?

— В голубой гостиной? Вам здесь будет неудобно.— Она помедлила.— Если хотите, можете занять мой кабинет.

— Ваш кабинет нужен вам самой.— Фомин изобразил особую почтительность.— Спокойно занимайтесь делами музея и не забудьте отменить сегодняшнюю беседу вдовы. Я устроюсь в комнате вашего заместителя.

III

В бывшей швейцарской Фомин по-хозяйски уселся за письменный стол. Заместитель директора подал ему цветную репродукцию «Девушки в турецкой шали».

— Ну и что? — Киселев выкатил кресло из темного угла и расположился напротив Фомина.

Фомиң насмешливо фыркнул:

— Я ничуть не удивлюсь, если через полчаса вдруг выяснится, что картину вовсе не украли. Кто-то из вашего персонала снял ее без разрешения начальства, чтобы вбить в раму выпавший гвоздик или сменить протершийся шнур.

— Что ж... Подождем полчаса.— Киселев принял ленивую позу.— И поговорим... хотя бы о Сенеке. Он утверждал, что люди, которым мы уделили время, не считают себя должниками, хотя время вернуть невозможно.

— Все умничаешь? — усмехнулся Фомин.— Не отучился?

— Нельзя ли ближе к делу? — вспыхнул Киселев.— Ты должен меня допросить по всей форме.

— Чудовищная правовая безграмотность! — заявил Фомин.— На месте опрашивает инспектор уголовного розыска, а я следователь. И я еще не решил, стоит ли вообще возбуждать дело. Ну скажи мне положи руку на сердце, кому может понадобиться картина из какого-то захудалого, провинциального музея?

— Так, так... Очень интересно! — Киселев возмущенно

подпрыгнул в кресле. — Продолжай развивать свои сообщения.

— Ты не обижайся, — благодушно продолжал Фомин. — Постарайся объективно оценить ситуацию. Ты, конечно, патриот нашего родного Путятина, любишь свою работу, но...

— Давай, давай! — вставил Киселев. — Смелее веди наступление!

Фомин и Киселев десять лет проучились вместе, не отличаясь в школьные годы особыми успехами в науках. После десятого класса Коля Фомин поехал по комсомольской путевке в Сибирь на стройку. Володя Киселев остался дома, у него тяжело болела мать. Она болела уже много лет, и Володя тащил на себе все домашнее хозяйство, сад и огород, убирал в доме, варил обед и воспитывал Таньку, младшую сестренку.

Работу себе он нашел в городском музее. Володя неплохо рисовал, и даже пробовал писать красками. Оформлял стенгазеты, наглядные пособия и мало-помалу набил руку. Иногда ему случалось заработать пятерку, а то и десятку на объявлениях и афишах для клуба. Так что в музей Володя пришел, как он сам полагал, опытным специалистом по части оформления. История его не интересовала — школа внушила Володе стойкое отвращение к датам и цитатам. Однако, проработав в музее год, Киселев поступил на заочное отделение областного педагогического института, по историческому факультету. За время его заочной учебы в Путятинском музее появилась новая штатная единица — заместитель директора. Сюда прочили бывшего Володиного школьного учителя, это был счастливый случай избавить от него ребят, но Ольга Порфирьевна добилась в горсовете, чтобы замом утвердили Киселева. В горсовете подозревали, а в гороно говорили открыто, что старая директорша музея выдвинула Киселева в замы, чтобы вертеть им как угодно. Деспотический характер Ольги Порфирьевны был всем известен. Однако насчет мягкотелости Володи в горсовете, в гороно да и вообще в Путятине могли очень сильно ошибаться.

Репутация тюхи-матюхи сложилась у Володи на том основании, что его привыкли видеть бегущим с хозяйственной сумкой в магазин или на базар, развешивающим белье во дворе своего дома, причем мокрый фартук выда-

вал, что стиркой занимался не кто иной, как он сам...

Людские мнения обычно складываются по шаблону. Но ведь можно заниматься стряпней, ходить по воду, стирать белье и даже — если уж на то пошло! — шить себе рубашки и при всем при этом иметь нестигаемый, волевой характер. Разве мало женщин с исключительно сильными характерами всю жизнь ведут хозяйство, варят и шьют? Почему же мужчина, на которого свалились женские заботы, должен непременно превратиться в тюху-матюху?

Володя Киселев был решительно не согласен с общественным мнением, сложившимся по шаблону. И тем более не согласен, что он сам всегда избирал оригинальный ход рассуждений и любил парадоксальные выводы. К тому же втайне Володя был страшно честолюбив и в своем воображении постоянно вел сложную игру с Ольгой Порфирьевной, умело противопоставляя ее неустойчивому дамскому деспотизму свою стальную руку в мягкой перчатке.

К сожалению, Фомин не догадывался обо всех этих качествах своего бывшего одноклассника и в разговоре с ним взял излишне снисходительный тон. Для Фомина Володя был робкий неудачник, ничего не видевший дальше родимого Путятина, тогда как сам Фомин и на стройке поработал, и бандитов ловил, будучи дружинником, и в армии отслужил, и учился в школе милиции, и практику проходил под руководством знатоков своего дела.

— Вы тут и понятия не имеете, что такое современная система сигнализации. В Москве в любом музее... да и не только в музеях или там универмагах... известные артисты, художники, писатели ставят квартиру под охрану. Вор сунул в дверь отмычку — и сразу в отделении милиции вспыхнула лампочка. До форточки не думай дотронуться — сразу тревога. Конечно, это я тебе упрощенно объясняю, чтобы ты мог понять, а на самом деле все не так просто, современная аппаратура, электроника, телемеханика и тэ пэ. А у вас тут что? У вас какая-нибудь тетя Маша караулит все ваши ценности. Спит в вестибюле или в лучшем случае вяжет внукам носки.

— Не тетя Маша, а Денисия! — возразил кротко Володя.

— Кто? — спросил Фомин. — Не понял!

— Нашу сторожиху зовут Денисия. Если фамильярно,

то тетя Дена, а никак не тетя Маша. Впрочем, ты угадал, она отлично вяжет. Девочкой она служила в этом доме на побегушках. А хозяин этого дома был из староверов, у него в кабинете собраны труды по истории раскола в России. Будет время и охота — погляди, любопытно.

— Для чего?

— Ну, хотя бы для того, чтобы по душам поговорить с тетей Деной. Она у нас держится старой веры.

— Тебе это кажется криминалом?

Киселев расхохотался:

— Фома, ты ничуть не меняешься! Ты все такой же, Фома! Я думал, что из тебя сделали современного сыщика, такого интеллектуала, который не только владеет приемами дзюдо, но еще и цитирует к месту Лабрюйера, а также разбирается, кто такой Гоген и кто Ван-Гог. Но, оказывается, не все в вашем ведомстве такие блестящие эрудиты.

Фомин покраснел и набычился.

— Прошу тебя, перемени тон. Мы с тобой сейчас не на пятачке прогуливаемся. И ты на работе, и я здесь по делу. Я же тебя не называю Киселем.

— Да называй, пожалуйста, как тебе угодно. Хоть Киселем, хоть подследственным.

— Не ощущаю такой потребности! — отрезал Фомин.

— Не хочешь — не надо! — весело согласился бывший одноклассник. И тут же перешел на серьезный тон: — Я собирался тебя спросить, следишь ли ты за современными тенденциями в искусстве. Но это, в общем-то, был вопрос чисто декларативный. Видишь ли, Коля, Вячеслав Павлович Пушкин, наш с тобою земляк, при жизни не завоевал большой славы. Думаю, что он за ней и не гонялся. Только однажды ему достался шумный успех. О портрете Таисии Кубриной много говорили и писали. «Девушку в турецкой шали» собирались купить для Третьяковки, но художник наотрез отказался продать эту картину. Пушкин не отдал портрета Таисии и ее отцу, хотя тот предлагал большие деньги. Писали туманно о ссоре художника со своим меценатом. Пушкин был должен Кубрину немалую сумму.

— И что же потом?

— После революции Кубрины эмигрировали. Долгие годы считалось, что им все-таки удалось прижать Пуш-

кова и они увезли картину с собой. Портрет девушки в турецкой шали считался безвозвратно утраченным для русского искусства. Друзья Пушкива боялись хоть словом напомнить ему об этой работе, чтобы не бередить душу художника. И вот представь себе сенсацию, когда Пушкин однажды объявляет, что преподносит все свои картины в дар родному городу и среди них оказывается и портрет, считавшийся пропавшим. Никто и не догадывался столько лет, что «Девушка в турецкой шали» хранилась в чулане у самого художника. Что ты на это скажешь?

Фомин пожал плечами.

— Бывает...

— А я убежден, что за этим скрывается какая-то тайна.— У Киселева отчаянно заблестели глаза.— Моделью художнику послужила девушка со странным характером. В старых газетах я вычитал, что некий критик — тогда он был корифей, а теперь его имя ничего не значит,— так вот этот критик на выставке застыл перед «Девушкой в турецкой шали» и изрек, что именно такой ему представлялась Настасья Филипповна... героиня романа Достоевского «Идиот».

Насчет Достоевского Володя добавил после некоторой паузы, как бы усомнившись, знает ли Фомин, кто такая Настасья Филипповна. Фомин обиделся:

— Как-нибудь без тебя знаем Достоевского.

— Вот и отлично! — не моргнув, продолжал Володя.— Сможешь себе представить нынешнюю ситуацию. Полгода назад заявила в наши палестины кинозвезда Элла Гребешкова...

— Гребешкова? — перебил Фомин.— Разве она к нам приезжала?

— Представь себе — да! Но не для встреч со зрителями. Гребешкова получила роль Настасьи Филипповны в многосерийном телефильме. Великий режиссер потребовал, чтобы она немедленно командировалась в Путятин, и никакой халтуры... Найди зал Пушкина, сядь перед портретом девушки в турецкой шали и сиди перед ним до тех пор, пока полностью не постигнешь натуру Настасьи Филипповны. Чуешь, как дело повернулось?

— И что, она долго сидела перед портретом? — заинтересовался Фомин.

— Как же... Иной раз по часу. А потом бежала в наш

универмаг. Оказывается, в провинции можно достать кое-какие дефицитные шмутки. В общем, она с пользой провела тут целую неделю. А мы с Ольгой Порфирьевной сделали соответствующие выводы.

— Какие же? — На Фомина раздражающе действовала манера Киселя умничать по любому поводу.

— «Э-э-э», сказали мы с Ольгой Порфирьевной. — Киселев несколько раз с удовольствием проблеял «э-э-э». — Великий режиссер не зря заинтересовался Пушкиным. У киношников особый нюх на новые имена.

— Почему новые? — Фомин чувствовал, что терпение его уже на пределе.

— Видишь ли, Фома, в известном смысле Пушкин сейчас новое имя. — Володя заговорил с особенной, взлелеянной вескостью. — В общем-то, довольно типичная история, распространенный вариант загробной славы. Не так давно подобный случай произошел с одним молодым драматургом. Он погиб в автомобильной катастрофе, и сразу же оказалось, что он оставил человечеству семь гениальных пьес. Но ведь не за месяц до гибели он их — все семь! — написал. Наверное, лет десять трудился, носил свои пьесы в театры и получал всюду отказ. Почему же при жизни не признавали, а после смерти буря восторгов? Не потому ли, что кто-то умело зажимал талантливого конкурента? Пока он был жив! Ну, а покойник уже никому не мешает. Я готов спорить, что именно те, кто авторитетно отвергал одну за другой все семь пьес, сейчас громче всех кричат о даровании безвременно ушедшего писателя.

— Ну ты даешь! — Фомин усмехнулся. — Слушая тебя, можно подумать, что ты свой человек в театре. Ты сколько раз там был за всю свою жизнь?

Володя вскочил с кресла и снова сел.

— Допустим, меньше десяти раз. И то в областном. Но что это доказывает? Я мог разгадать механику этого преступления — да, преступления! — проверенным дедуктивным методом; ищи того, кому это выгодно.

— Ладно, ладно, не возникай, — заметил Фомин, уверенный, что на этот раз взял верх над Киселем. — Давай дальше про Пушкина. Только не размазывай. Мне ведь надо опросить других работников музея.

— Я буду предельно краток. Когда Пушкин привез

в Путятин свои полотна, веришь ли — их не хотели брать. И помещения, мол, нет, и негде взять средства, чтобы содержать картинную галерею частного характера. Тогда Ольга Порфирьевна — ей на том свете зачтется! — взяла всю ответственность на себя, хотя наш музей всего лишь краеведческий. Пушкин оставил ей свои картины и вернулся в Москву, а через полгода умер от кровоизлияния в мозг. В газетах даже некролога приличного не дали, только сообщение в черной рамочке. Но вот проходит несколько лет, и Пушкиным начинают интересоваться. Словно он при жизни был этому помехой. Там статья промелькнет, тут репродукция. За этими первыми камешками — лавина. Нашего Пушкина ставят рядом с Рерихом. И ведь не зря! Он на самом деле рядом. Русский Ренессанс конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Пушкин, как и Рерих, обратился к традициям древнерусского искусства. Молодые художники называют себя учениками Пушкина... За рубежом тоже начинают шевелиться. На аукционах всплывают полотна, увезенные когда-то из России. Цена на Пушкина так и скачет вверх. Возьми это обстоятельство себе на заметку и запроси по своей линии, сколько долларов могла бы стоить сейчас «Девушка в турецкой шали».

— Ты серьезно? — спросил Фомин, хотя уже понимал, что глупым розыгрышем тут и не пахнет.

— Вполне, — отозвался Володя. — Пушкина украли. И сделали это весьма компетентные люди.

— Так какого же черта! — Фомин стукнул кулаком по столу. — Какого черта вы не позаботились об охране этих картин! Знали, какие у вас тут доллары, и оставались при этой вашей тете Дене.

— Мы запрашивали, сколько раз, — печально оправдывался Киселев. — Но ты же сам только что говорил — музей провинциальный, краеведческий, возможности копеечные. Да что там охрана! Я краски покупаю на свою зарплату. Я ведь хоть и зам по чину, а до сих пор самолично оформляю стенды, пишу таблички, вплоть до «Гасите свет»!

— Н-да-а... — посочувствовал Фомин. — У вас тут, конечно, и ставки мизерные. У тебя, к примеру, сколько «рэ»?

Володя назвал свои «рэ».

— Не разживешься. У тебя ведь мать и сестра. Кстати, как они?

— Мама умерла, сестра в этом году кончает десятый класс. Собирается подавать в Строгановское. Самостоятельная особа. Несмотря на мои запреты, познакомилась с примитивистами!

— С какими примитивистами? — не сразу понял Фомин.

— Да это я их так называю, хотя у них за плечами высшее художественное образование. Трое ребят делают тут халтуру. Они втолковали Таньке, что талант талантом, но нужна еще и подготовка — годик работы с квалифицированным преподавателем. В Путятине такого не найдешь, надо ехать в столицу, а там берут за урок пять рублей... Не по карману нам с Танькой художественное образование.

— Они сами не набивались в преподаватели?

— Для них пятерка не заработок. Примитивисты сейчас в моде, особенно у торгового начальства.

— Ну, а вообще, какое они произвели на тебя впечатление?

— Работящие ребята, вкалывают в новом кафе от зари до зари.

— Твоему начальству они почему-то не понравились.

Володя вздернул тощими плечами:

— Ольга Порфирьевна человек старых вкусов. А с художниками — не только с этими — у нас свои счета. В музее со времен Кубрина хранятся альбомы с образцами русских и французских ситцев. Эти альбомы с недавних пор стали чаще спрашивать, в моде стиль «ретро». Смотрим — тут листок выдран, там листок. А вроде бы брали приличные люди, художники-дизайнеры. Вырвут узорчик и выдадут где-нибудь на текстильной фабрике за свой творческий поиск. А как уличишь, если образец исчез? Мы теперь альбомы на руки не выдаем. Садись в кабинете директора и листай, а Ольга Порфирьевна сидит и глаз не сводит.

— У тебя с ней хорошие отношения?

Киселев тонко улыбнулся:

— Я бы сказал, разнообразные отношения.

— А что бы ты сказал о вдове художника Пушки-

ва...— Фомин заглянул в блокнот,— о Вере Брониславовне?

На этот раз Киселев не спешил с ответом.

— Умна,— начал он.— Очень энергична, обладает несомненной деловой хваткой, умело включилась в посмертную славу своего мужа. При этом любит жаловаться на свою непрактичность. В Москве легенды ходят о ее простоте.

— Ты ее **не** очень-то любишь,— заметил Фомин.

— Возможно. А она, кажется, не очень-то любит модель, с которой написан портрет в турецкой шали.

— С Ольгой Порфирьевной у вдовы хорошие отношения?

— Они держатся как задушевные подруги, но на самом деле она Ольгу Порфирьевну терпеть не может. Это общество ее старит. Еще вопросы есть?

Фомин закрыл блокнот и достал из кармана пачку сигарет.

— Закурим?

— Я не курю.

— Правильно делаешь.— Фомин чиркнул зажигалкой, затянулся.— Слушай, Володька, сколько же лет мы с тобой не виделись?

— Через месяц, когда моя Танька сдаст экзамены, исполнится ровно восемь.

— Надо бы встретиться, потрепаться. Расскажешь, как ты тут жил все эти годы.

Володя смешливо покрутил головой.

— Нет уж, давай условимся рассказывать про эти годы по очереди. Немного я, потом немного ты, потом опять немного я... Согласен?

— Чудишь ты, Володька.— Фомин натянуто улыбнулся.— Какие-то дурацкие условия ставишь.

Киселев надул щеки и по-мальчишески прыснул:

— Слушай, Фома, а ведь ты меня заподозрил!

— Нет, ты совсем спятил! — возмутился Фомин.

— Честное слово, заподозрил! — с удовольствием повторял Киселев.— В расследовании этой кражи ты, Фома, главное — остерегайся идти по шаблону. У людей твоей профессии, как я замечал, есть склонность к шаблону. Шаблон — злейший враг науки, искусства и твоего

ремесла тоже, поверь! Похожее не значит одинаковое. Подумай над этим изречением!

Фомин выразительно покрутил пальцем у виска:

— Ты, Кисель, как я убедился, имеешь привычку выносить суждения по множеству вопросов, не заботясь о мало-мальски подходящих доказательствах. Например, только что с умным видом пустился рассуждать о шаблоне. Среди преступников не так-то много встречается таких, которые находят оригинальные пути. В преступлениях, напротив, употребляется шаблон, и при расследовании полезно прикинуть, какой шаблон мог быть использован в данном случае.

— Например? — заинтересовался Володя.

— Например, знаток искусства вступил в контакт со знатоком иного сорта. Один разбирается в живописи, а другой — в том, как проникнуть в запертое, но плохо охраняемое помещение.

— Но ведь вы не обнаружили следов взлома! — вскричал Володя.

— Обнаружили или не обнаружили — об этом еще говорить рано. — Фомин нарочно темнил. — А теперь спасибо тебе за ценные сведения, можешь быть свободным и не сочти за труд сказать тете Дене, чтобы она зашла ко мне.

Оставшись один, следователь слегка выдвинул верхний ящик письменного стола и увидел четвертушку ватмана. На ней тушью, затейливым шрифтом было выведено: «Таисия Кубрина», и чуть ниже — виньетка.

— Вот оно что! — сказал Фомин самому себе и задвинул ящик.

Дверь отворилась, вошла старуха в низко повязанном черном платке.

— Ольга Порфирьевна велели передать... Они уехали с Верой Брониславовной и сегодня на работе не будут.

«Вот это оперативность!» — подумал Фомин.

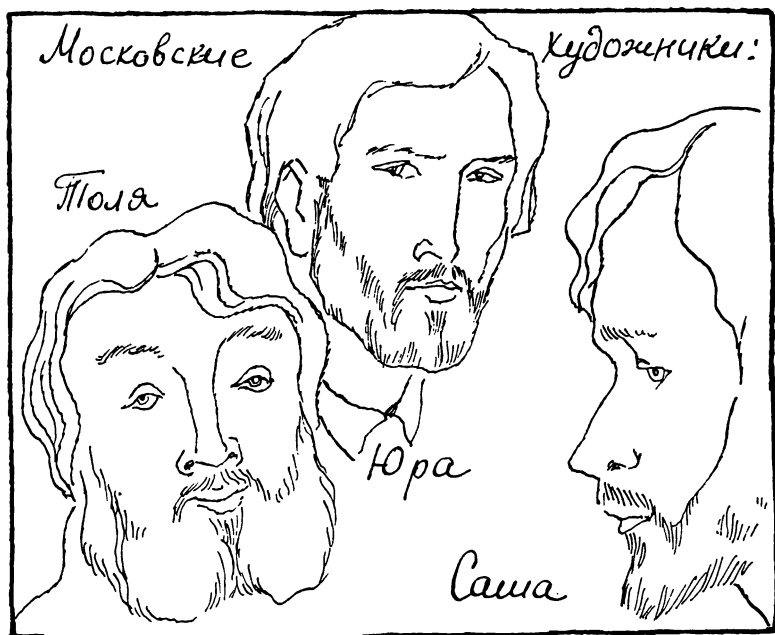
— А ты чей же? — спросила тетя Дена, усевшись напротив следователя. — Не внук ли Фомина Ивана Степаныча?

За исключением Киселева, весь крохотный штат музея оказался женским. Фомин уловил, что Ольгу Порфирьевну тут недолюбливают за строгость и будут рады, когда она наконец уйдет на пенсию, а ее место займет Володя Киселев.

— Уж такой он добрый, со всеми уважительный!

Известно, что женщины обычно бывают наблюдательней мужчин, памятьвей на всякие мелочи. А в провинции вообще наблюдательность развита сильнее, чем в больших шумных городах. Про московских художников и про владельца синего «Москвича» Фомин получил в музее весьма обширную информацию.

В тройке художников за главного считается Юра, у него борода цвета пеньки. Юра посетил музей только один раз. Прямым поднялся в зал Пушкина, постоял перед знаменитым портретом и больше никуда не заглядывал, ушел. Было это еще зимой. Очевидно, руководитель халтурной бригады приезжал заключать договор.

В конце апреля в музее появился художник с рыжей бородой, его зовут Саша. Копию с портрета девушки в турецкой шали писал он. Рыжий Саша работал в музее целую неделю. Когда стоял за мольбертом, разговаривал вслух сам с собой. В таких разговорах отзывался о самом себе очень плохо, попросту говоря — ругал себя последними словами. Бросит кисть и пойдет бродить по музею, вроде что-то потерял. Словом, на сотрудниц музея Саша произвел впечатление немного чокнутого.

За ним несколько раз заходил чернобородый Толя, он в бригаде художников за младшего, подай-принеси. На нем все покупки. Черный Толя уже как свой во всех путятинских продовольственных магазинах. Универмаг не посещает. На промтовары у бородачей, как видно, денег нет. Они вообще живут экономно, не пьют, даже не ходят обедать в ресторан, черный Толя варит обед на электрической плитке. Он сам об этом рассказывал. Толя парень вежливый, всегда здороваётся, где бы ни встретился, только взял себе привычку и в булочной, и в молочном, и в овощном брать все без очереди. Но этим и местные мужчины отличаются, не только москвичи.

— Работая в музее, художник уносил копию каждый раз с собой или оставлял? — интересовался Фомин.

— Он ее в угол ставил и завешивал тряпкой. Только один раз было — унес. Он в тот день очень злился, прямо перекосило всего.

Фомин установил, что, закончив работу над копией, рыжий Саша больше в музее не появлялся. Он теперь вместе с теми двумя что-то малюет в кафе. Там стена сплошь стеклянная, с улицы все видно. Как-то у художников видели Таньку, сестру Володи Киселева. Сотрудники музея обсудили этот факт между собой и решили, что хотя б и сплетня, а старшему брату знать надо, ведь он у Таньки и за отца, и за мать. О чем Володя с ней после говорил, в музее не спрашивали, но Танька больше в кафе не бегаёт. И слава богу. Ничему хорошему ее бородачи не научат.

Владелец синего «Москвича» произвел в музее впечатление интеллигентного человека. Приезжие обычно осматривают только зал Пушкина, что является для музея обидой. А этот обстоятельно прошел по всем залам, интересовался и природными богатствами, и историей Путя-

тинской мануфактуры, и знаменитой стачкой. Поспорив, женщины установили, что владелец синего «Москвича» побывал в музее не один раз, а два. Номер машины женщины не запомнили.

Закончив опрос сотрудников, Фомин пошел звонить по телефону своему начальству. Дело о краже из музея оказалось не пустяковым.

Кабинет хозяина Путятинской мануфактуры и рядом комната для конторщиков были расположены таким образом, чтобы мануфактурный дух не проникал в апартаменты. Пройдя двором и поднявшись по лестнице, Фомин по застекленной галерее добрался до кабинета. Здесь все сохранилось в том виде, в каком оставил свое святилище сбежавший за границу Кубрин. Кожанные кресла, кожаный диван, книжные шкафы с резными колонками, письменный стол с львиными мордами на дверцах. Сыщик-эрудит определил бы в убранстве кабинета стиль, который в России предшествовал вторжению деловой мебели шведского производства. Но Фомин, как правильно заметил его бывший одноклассник, не был еще эрудитом. Читать он не любил с детства, поэтому его не интересовали книжные шкафы, сквозь зеркальные стекла которых посвечивало золотое тиснение на корешках.

Поговорив со своим начальством, Фомин подумал немного и позвонил в приемную председателя горсовета.

Секретарша председателя бойко ответила, что товарищ Колосков действительно принимал сегодня утром вдову художника Пушкина. Именно с ней он и укатил неожиданно на родину Пушкина, в деревню Нелюшку. Вряд ли он сможет обернуться с такой поездкой до конца рабочего дня, хотя туда теперь хорошая дорога, асфальт. А между тем ему все время звонят, у него сегодня по плану два важных совещания, и никто не может понять, что с ним случилось.

— Может быть, его упростила вдова Пушкина? — осторожно осведомился Фомин. Он догадывался, что поездка в Нелюшку придумана Ольгой Порфирьевной. Ловкая особа, ничего не скажешь.

— Да нет, что вы! — затараторила секретарша. — Вера Брониславовна приходила к нам совсем по другому вопросу. Она возражает против использования копии с картины покойного мужа для оформления кафе. Ни в

коем случае! Товарищ Колосков при ней вызвал к себе отдел торговли и отдел культуры.

— Ну, и что же решили? — Вопрос был для Фомина не праздный: он собирался напрямиком из музея направиться к троиm бородачам.

— Решили категорически запретить художникам использовать эту картину.

— Круто берете,— проворчал Фомин.— С юристом советовались? Договор с художниками смотрели?

Секретарша рассмеялась:

— Ой, да мне-то откуда знать! Меня в кабинет не приглашали. Я только знаю, что наши все ушли, а товарищ Колосков еще беседовал с Верой Брониславовной и велел его ни с кем по телефону не соединять. Потом выходит и говорит мне, чтобы я звонила в музей Ольге Порфирьевне, пускай она через пять минут спускается на крыльцо и пускай оденется потеплее, потому что ехать далеко, в Нелюшку. Ну, я и позвонила Ольге Порфирьевне.

— А она что?

— Она очень удивилась и обрадовалась. Говорит, мигом буду готова.

«Еще бы не обрадоваться»,— подумал Фомин. Он пришел к окончательному убеждению, что Ольга Порфирьевна не промах.

Секретарша продолжала тараторить:

— Только я дозвонилась в музей, выходит Вера Брониславовна, очень расстроенная. Ах, говорит, как жаль! Оказывается, у нее сегодня вечером беседа в музее, а товарищ Колосков буквально с ножом к горлу — поедem и поедem в Нелюшку. Он хочет ей школу показать, там ребята устроили музей Пушкива, шефствуют над могилами его родителей. У Веры Брониславовны такой характер добрый! Она всем уступает. Муж у нее знаменитый, а она ну до того простая!

После того как Фомин положил трубку, у него еще долго звенело в правом ухе.

Он вышел из кабинета и спустился во двор, мощный отборным крупным булыжником. В глубине двора стояли каменные конюшни, их воротца были заперты висячими замками дореволюционного качества. Внушительная лестница вела в глубокий подвал. Фомин увидел, что дверь внизу, окованная железными полосами, тоже заперта на

замок. Подвалом здесь, как видно, не пользовались — каменные ступени поросли нежной травкой, на одной из ступеней поднялось деревце.

Со двора в дом вела низкая дверца. Днем она не запиралась, а при закрытии музея Ольга Порфирьевна и реже Киселев самолично проверяли старинный тяжелый засов. Это, конечно, свидетельствовало о требовательности и любви к порядку, но в смысле охраны больших государственных ценностей было абсолютным безобразием. Чего там говорить — прошляпили картину! Теперь ищи-свищи, не поймашь. А портрет девушки в турецкой шали спокойно появится на каком-нибудь зарубежном аукционе как законная собственность русских эмигрантов Кубриных.

В скверном настроении Фомин прошел через вестибюль к парадным дверям особняка. Киселев, конечно, сидит у себя в швейцарской, но заглядывать на прощанье к бывшему однокласснику не хотелось. Володька еще в школе был, что называется, с приветом.

Вахтерша отомкнула парадные двери. Фомин вышел на высокое каменное крыльцо с перилами каслинского литья, с витыми чугунными столбиками, поддерживающими вычурный козырек. Прямо против крыльца, на проезжей части, Фомин увидел синий «Москвич» с московским номером. Не его ли владелец поднимается по ступенькам музея навстречу Фомину? Интеллигентная внешность, мерзкая рыжая кепчонка — приметы сходились! Фомин остановился, и тотчас же встречный застыл, словно перед ним внезапно возникло препятствие.

— Санитарный день! — Владелец синего «Москвича» озадаченно сдвинул кепчонку на затылок, обнажив лысое темя. — Что за дурацкие шутки! — Он поглядел на Фомина, призывая повозмущаться за компанию. — Вы не знаете, что у них там стряслось?

— Стряслось? — простодушно переспросил Фомин. — А почему что-то должно обязательно стрястись? Санитарный день, вот и все.

— Санитарный день бывает по графику в конце месяца! — безапелляционно возразил человек в рыжей кепчонке. — Вам-то они объяснили, что у них стряслось?

— Мне? — Надо было что-то придумать, ведь этот тип видел, как Фомин вышел из дверей музея. — Мне они

ничего не сказали, да я и не интересовался. Я даже табличку «Санитарный день» не заметил. Я сюда к приятелю забегал.— Фомину стало жарко от собственной длинной речи. И чего оправдывался? Буркнул бы невнятно, и все.

Выдумка насчет приятеля чуть не обернулась Фомину боком.

— У меня к вам просьба,— прицепился этот тип.— Ваш приятель не мог бы в виде исключения пропустить меня сегодня в музей?

Фомин сделал каменное лицо.

— Не выйдет. Тут у них строго. Я и просить не стану. Парень хороший, но все равно откажет.

— Обидно! — Тип натянул кепчонку на глаза.— Хотелось еще разок повидаться.

— Уезжаете от нас? — Фомин продолжал изображать простодушного путятинца.— Что за народ нынче пошел! Все куда-то спешат. А то пожилы бы у нас. Или не нравится наш город?

— Нравится! Славный городок! — Тип отвечал в тон Фомину.— Но я уж тут не первый день. Пора и честь знать, как говорится у радушных хозяев.

Тип повернулся и пошел к своей машине. Открыл ключом дверцу, нажал внутри какую-то секретную кнопку и обернулся к Фомину:

— Товарищ, вам в какую сторону? Если в сторону базара, я могу подвезти.

— Вот спасибо! — Фомин мигом был у машины.— Мне на Пушкинскую, за квартал не доезжая базара.

— Вот и прекрасно. Садитесь. Впереди, рядом со мной. Говорят, это в машине самое опасное место, но ведь мы едем недалеко, авось обойдемся без происшествий.

Пристегивая ремни, Фомин незаметно оглядел салон. Не видать никаких псевдомедвежьих шкур, кошек с горящими глазами, растопыренной пятерни на заднем стекле, не болтается куколка-талисман. Просто и строго. На таком фоне рыжая замшевая кепчонка выглядела как что-то неподходящее, чужое, от другой машины.

— Вас удивляет мой головной убор? — насмешливо осведомился владелец синего «Москвича». Он явно наблюдал за Фоминым.— Не удивляйтесь, это мой талисман. Когда я в этой кепке, ничего не случается.

Судя по тому, как этот тип вел машину, ему был необ-

ходим талисман самой внушительной силы. Однако и везучая кепчонка водителю не помогла. На углу Пушкинской синий «Москвич» был встречен истощенным милицейским свистком. Тип тут же сел на тормоза. Фомину представилась возможность услышать тот жуткий скрежет, который вынудил Ольгу Порфирьевну распахнуть двери на балкон.

— Кто же так тормозит! — заорал Фомин.

— Еще ничего, обошлось, — бодро ответил тип. — А могло и занести. У меня правый тормоз сильнее левого.

Не спеша подошел инспектор ГАИ, откозырнул, представился.

— Ваши права.

Владелец «Москвича», выбравшись из машины, удрученно охлопывал карманы.

— Сейчас, сейчас... Куда они подевались? Наверное, на заправке выронил... Нет, вот они, пожалуйста. Разве я допустил нарушение?

Инспектор развернул водительские права.

— Вы, Спартак Тимофеевич, поехали на знак, запрещающий движение всех транспортных средств, кроме... Помните правила?

— Исключение составляет общественный транспорт, движущийся по своему маршруту.

— Знаете, а нарушаете, — отечески укорил инспектор. — Вы и у себя в Москве с правилами не считаетесь? Или там нельзя, а в Путятине можно?

— Капитан! — заюлил тип, подхалимски завышая чин инспектора. — Но ведь тут нет никакого знака. Вот и товарищ со мной ехал, он местный, а тоже никакого знака не видел.

— Не видели? — Инспектор призадумался. — Тогда прогуляйтесь назад полквартала и посмотрите.

— Охотно прогуляюсь! — вскричал тип и обернулся к Фомину: — Вы, товарищ, не вылезайте, я сейчас!

Инспектор покосился — кто же сидит в машине? — узнал Фомина и дружески заулыбался:

— Николай Павлович! Как же это я вас проглядел! Богатым будете, верная примета! — И окликнул водителя, покорно направившегося на поиски прозванного знака: — Спартак Тимофеевич, вернитесь! Можете ехать. Только уж больше не нарушайте!

— Преогромное вам спасибо! — Спартак Тимофеевич влез в машину, нежно прижимая к груди возвращенные права.— И вам, товарищ, спасибо. Выручили! Вы, оказывается, тут человек известный!

Фомин смущенно посмеялся:

— У нас тут все известные. Городок-то маленький. А этот инспектор — мой хороший приятель.

— Смотри-ка! — Спартак Тимофеевич прищурился.— Везет вам на приятелей. И в музей приятель, и в ГАИ...

У нового кафе Фомин вылез из машины, сердечно поблагодарил водителя и, как бы в порыве приятных чувств, не пошел сразу по своим делам, а постоял, поулыбался вслед синему «Москвичу». Перед тем как повернуть во двор гостиницы, Спартак Тимофеевич оглянулся и приятельски приподнял-пришлепнул рыжую кепчонку.

Художников Фомин на месте не застал. Сквозь заляпанные известкой стекла видны были на первом плане деревянные козлы. В глубине стоял обшарпанный кухонный стол и по сторонам его четыре ящика. На столе Фомин разглядел водочную пустую бутылку, три стакана и четыре клочка газеты с остатками жареной рыбы.

«И это называется — они не пьют! — возмутился Фомин.— Вот и верь после этого женщинам. Но куда же девался четвертый стакан? Ведь за столом явно сидело четверо! Кто был четвертым?»

Придя в горотдел милиции, он первым делом позвонил в ГАИ. Для начала Фомин дружески посоветовал дежурному принять меры к путятинской сирени: она до того *распустилась*, что не видно дорожных знаков. Отдав дань служебному юмору, который ему всегда давался с трудом, Фомин поинтересовался, нет ли у автоинспекции каких-либо данных насчет находящегося сейчас в городе синего «Москвича» номер такой-то.

Данные о синем «Москвиче» нашлись. Четыре дня назад при въезде в Путятин, синий «Москвич» налетел на каменную тумбу. Правая передняя дверца оказалась немного помятой, но владелец на акте не настаивал, очевидно, машина у него не застрахована.

— А тебе он зачем нужен, если не секрет? — спросил дежурный ГАИ.

— Мне бы только фамилию уточнить. Отчество я знаю: Спартак Тимофеевич.

— Футболист! — Дежурный, несомненный болельщик команды «Динамо», посмеялся с кем-то у себя в комнате над последним поражением «Спартака», кого-то вызвал по радио и с оттенком в голосе — знай наших! — сказал: — Запиши фамилию — Коваленок. Не Ковалев и не Коваленко, а именно Коваленок. Хватит с тебя? Или еще что нужно?

— Спроси у своих, по какой причине он наехал на тумбу.

— По дурости. Делал разворот с заездом во двор, ну, и не учел, что у нас в городе по старинке на тротуарах у ворот тумбы.

— А тормоза тут не могли подвести? — не без умысла спросил Фомин.

Дежурный его умысел сразу заметил:

— Ты это к чему?

— К тому, что у синего «Москвича» правый тормоз сильнее левого.

— А ты откуда знаешь?

— От самого владельца. Вы бы ему посоветовали не пускаться в дальний путь с неисправными тормозами.

— По-нят-но... — протянул дежурный. — Толкаешь нас на такое дело? Не выйдет, товарищ Фомин. Но автолюбителям мы охотно поможем. Есть у нас в Путятине один умелец. Ни в одной столице мира не смогут так нежно выправить вмятины на автомобиле, как это делает наш дядя Вася. Заодно он и тормоза проверит. Золотые руки у мужика.

— Значит, поможете?

— Не исключено. Где живет твой клиент?

— В гостинице, — не очень-то уверенно сказал Фомин.

Впрочем, теперь уже известны имя, отчество и фамилия, можно справиться в гостинице, есть ли у них такой постоялец, Коваленок. Когда Фомин работал в Братске, там гремела бригада бетонщиков Михаила Коваленка. Михаил был родом из Белоруссии, с белыми как лен волосами и бровями. А этот Футболист скорее на татарина смахивает. Брови густые, черные и глаза немного раскосые.

Фомину даже в мыслях трудно было складывать Спартака с Тимофеевичем да еще прибавлять Коваленка. Поэтому он условно, для себя, стал называть владельца

синего «Москвича» Футболистом, хотя во внешности пятидесятилетнего лысого человека не было ничего спортивного, кроме пресловутой рыжей кепчонки.

«Кепчонка слишком приметна,— думал Фомин, сидя за своим столом,— а любой вор прежде всего старается не обращать на себя внимания. Тогда уж тем более — человек, который собирается украсть в музее ценную картину, не должен при въезде в город так глупо наезжать на тумбу и попадать на заметку в ГАИ».

Фомин пришел к выводу, что с Футболистом он, может быть, напрасно теряет время. Надо немедленно отыскать, куда подевались художники.

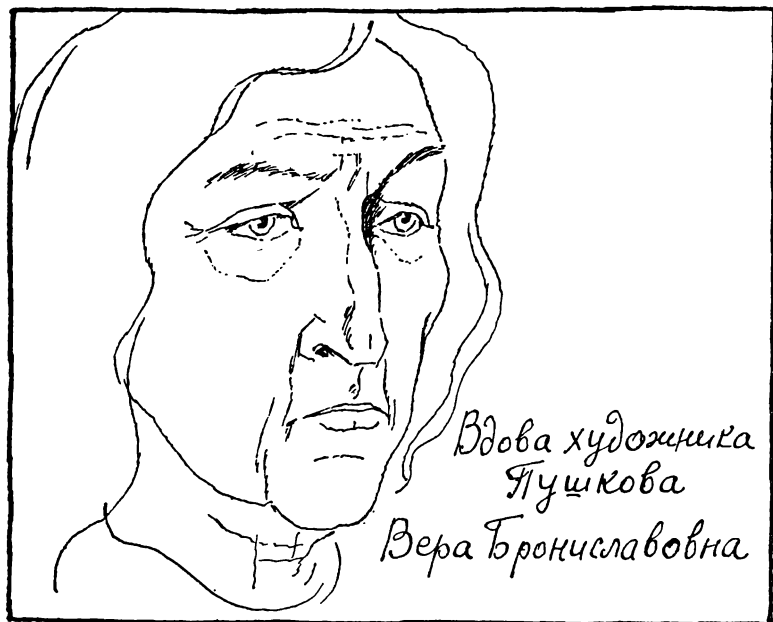
V

Хотя Путятин и небольшой город, у председателя горсовета работы по горло. Колосков сам себе удивлялся. Какого лешего он бросил все дела и едет теперь неизвестно зачем в Нелюшку! Еще больше удивлялся он тому, что обе спутницы наперебой благодарили его за любезное приглашение. Они уверяли Колоскова, будто идея поездки принадлежит лично ему. Он в этом сильно сомневался, но их восторги мешали ему припомнить, с чего все началось.

Два отмененных совещания не шутка. Колосков мысленно прикидывал, как и когда он сможет отработать свой легкомысленный прогул. Выходило, что этот день ломает ему всю неделю.

Но мало-помалу настроение Колоскова улучшалось. Колосков разговорился со своими спутницами и почувствовал себя в ударе. Что ни скажет — все и умно, и метко, и тонко, и оригинально.

Он и не догадывался, насколько его успех как собеседника зависел от особой манеры Веры Брониславовны поддерживать разговор с интересующим ее человеком. Эта манера была проверена Верой Брониславовной много раз и на людях более опытных, чем путятинский председатель. Суть заключалась в том, чтобы слушать и слушать, не сводить восхищенных глаз, время от времени тонко хвалить и тут же обрывать себя, как бы в нетерпении узнать мнение собеседника, куда более ценное, чем ее собственное. В любом избранном обществе, среди умных

мужчин и эффектных женщин, Вера Брониславовна никогда не пребывала в старушечьем одиночестве. С этой старой дамой можно было прекрасно поговорить о самом себе, а это нравится даже умным людям. Если к ней не подходили, то она, неразлучная с мужской тяжелой тростью, заметно прихрамывающая, направлялась к кому-нибудь малоизвестному и выражала ему свое восхищение. Для начинающих это много значит. Впоследствии не все обласканные Верой Брониславовной забывали о ее внимании, о ее особом чутье на истинный талант. Она и в самом деле помогала молодым талантам обрести уверенность. Среди молодых она была свой человек и добрый гений. Как-то незаметно она приобрела авторитет. Чем внимательнее она слушала своих собеседников, тем охотнее они следовали деликатным, ненавязчивым советам милейшей старой дамы.

Пока Колосков все больше убеждался в своем уме и обаянии, Ольга Порфирьевна, почти не принимавшая участия в оживленной беседе, углубилась в тоскливые мысли

о случившемся в музее. Для нее это были еще и мысли о неминувшем уходе на пенсию. Во всем ее вина, во всем...

Дорога в Нелюшку шла лесом. Как все старые русские дороги, она с давних пор принимала на себя ношу куда тяжелее, чем могла. Брани в нее было вбито несоизмеримо больше, чем булыжника и щебенки — только этим и держалась с давних пор. Теперь же, когда дорогу закатали асфальтом, она строптиво норовила сбросить с себя тесную одежду. То разламывала асфальт трещинами, то вспучивала, то утягивала в провал. Нынешней весной промоина отхватила полшоссе не доезжая моста, перекинутого через глубокий овраг.

Шофер притормозил, огибая промоину:

— Каждый год чинят, а она опять! Тут место какое-то заколдованное. Название подходящее — Медвежий овраг.

— Медвежий овраг? — Вера Брониславовна очень взволновалась. — Пожалуйста, остановите машину!

Шофер остановил машину на мосту. Все вышли.

— Так вот он какой! — Вера Брониславовна остановилась у невысокого парапета. — Покойный муж мне столько рассказывал о Медвеьем овраге! Он ведь тут в юности хаживал пешком из Нелюшки в Путятин и обратно. Босой! Сапоги он нес в руках. Здесь, у оврага, он садился отдохнуть. Где-то внизу есть ключ с замечательно вкусной водой. Муж часто вспоминал этот ключ, особенно перед смертью. Все говорил: «Попить бы воды из ключа, она целебная...»

На мосту, опустившем бетонные слоновьи ноги на дно оврага, чувствовались холод и сырость земной глубины. Слышны были какие-то вековые шепоты деревьев и кустов в густой овражной чаще. И вроде бы просачивалось сквозь мерный шум деревьев слабенькое «буль-буль».

— Спустимся вниз? — предложил Колосков.

Вера Брониславовна указала на свою палку:

— Такие прогулки не для меня. И мне жаль ваш костюм, который так прекрасно на вас сидит. Вы можете его запачкать или порвать. — Она вздохнула. — Мы уж с вами постоим на мосту. И подождем нашего водителя. Он у нас самый молодой и одет по-спортивному. Ему, конечно, ужасно хочется напиться ключевой воды, я же вижу. — Она повернулась к шоферу: — Идите, идите. Мы вас подождем.

Шофер вовсе не горел желанием напиться из ключа. Он очень любил пиво, особенно чешское, и мог выдуть бутылок пять зараз, когда чешское пиво появлялось в буфете горсовета. Конечно, пил шофер не в рабочее время, а после. Он был вообще парень дисциплинированный. Услышав настойчивое «идите», он оглянулся на свое начальство, получил одобрение и одним прыжком махнул через парапет.

— А кружечки у вас никакой нет? — спросила вдовонку Вера Брониславовна.

— Кружечки? — Он остановился. — Да я с ладошки! — И тут же сообразил, о чем его просят: — Кружечка у меня найдется!

Шофер вернулся к машине, достал из багажника эмалированную кружку.

— Парень у вас прелесть! — В ее похвале шоферу Колосков различил и похвалу себе, приятно заулыбался в ответ.

Парень ломился вниз. Некоторое время был слышен треск и хруст, потом все поглотили шорохи Медвежьего оврага. Минут пять прошло, пока вновь не послышался снизу хруст. Шофер вынырнул из чащи с полной до краев кружкой.

— Болотцем пахнет, но пить можно! — Он подал кружку Вере Брониславовне.

— Дай вам бог... — Она поднесла кружку к губам и вдруг расплакалась. — Не могу, не могу... Вячеслав перед смертью так хотел... Вы меня простите, слабую женщину. Я на людях всегда держусь, а сейчас вспомнилось так больно...

Ольга Порфирьевна преданно кинулась утешать, но Колосков видел, что никакие слова не помогут горю этой женщины, можно только надеяться на ее собственные душевные силы.

С тайной гордостью Колосков подумал, что несравнимо лучше понимает вдову художника, чем ее давняя приятельница Ольга Порфирьевна.

Выплакавшись и напившись воды из ключа, любимого покойным мужем, Вера Брониславовна успокоилась. Поехали дальше. Из темного ельника машина выбежала на солнечную опушку, и селцо, рассыпанное по пригорку, словно бы кинулось навстречу.

— Прелесть какая! — воскликнула Вера Брониславовна.

На самой высокой точке в окружении вековых лип стояла заброшенная церковь. По правую руку от нее, очевидно, когда-то располагалась усадьба — скопище бурьянов поднялось на месте барского дома. По левую руку виднелось из-за молодых посадок школьное здание, построенное из красного кирпича по типовому проекту для народных школ, существовавшему во времена оные.

В школе уже приготовились к встрече. Несколько учительниц выравняли шеренгу ребятишек, впереди поставили девочку в русском народном костюме, с хлебом-солью на блюде, застеленном шитым полотенцем. Колосков узнал в девочке бойкую солистку школьного хора, победителя недавнего смотра детской художественной самодеятельности.

Конечно, учителя Нелюшкинской школы по-деревенски перестарались. Можно бы и обойтись без хлеба-соли. И уж вовсе незачем было держать гостью на ногах перед хором, исполняющим чуть ли не весь свой репертуар.

Встреча получилась казенной. Колоскова нелепый церемониал злил, даже унижал как путятинского деятеля. Однако Вера Брониславовна перед хором не сникла. Грузно опираясь на палку, она подошла к девочке-солистке, расцеловала в обе щеки, протянула ей куклу-сувенир и двинулась вдоль первого ряда знакомиться с детишками. Шеренга сломалась, все сделалось вмиг уместно, достойно и очень сердечно. Ольга Порфирьевна даже тихонько всплакнула.

Гостей повели осматривать места, связанные с памятью Вячеслава Павловича Пушкива.

Он родился в Нелюшке, в семье народного учителя. Отец будущего художника жил при школе, в большой комнате, разделенной дощатой перегородкой. Теперь в этой комнате, затененной деревьями, устроили музей. Школьники понатащили старой крестьянской утвари, букварей и книжек с ятем, фитой и ижицей, пожелтелых тетрадей по чистописанию, где от палочек до прописей — все говорило о прилежании, которое нынешним ребятам уже не по силам, у них слабее нервная система.

Зато как смело и вольно нынешние ребята из Нелюшки управлялись с цветными карандашами и акварельными

красками! Одну из стен музея сплошь занимали детские рисунки, кричавшие во все цвета о богатой творческой фантазии авторов. За свою фантазию ребята из Нелюшки год назад получили призы в одной далекой южной стране, где устраиваются всемирные конкурсы юных художников.

Конечно, такого и быть не могло в годы детства Вячи Пушкова. Но почему-то он все-таки сделался художником.

Вяча рос тихим, послушным мальчиком. Он читал и пел на клиросе в здешней церкви святого Павла, и это открыло ему дорогу в духовное училище, откуда он после был принят в семинарию. Другого пути из Нелюшки в большой мир у Вячи Пушкова не имелось. Дети народных учителей были самые несчастные дети. Им не полагалось ни клочка земли, и они не могли надеяться, что прокормят себя крестьянским трудом. А средств, чтобы послать своих детей в гимназию или реальное училище, у народного учителя не было.

Все эти объяснения Ольги Порфирьевны нелюшкинская ребятня слушала невнимательно.

Из школы гостей повели вокруг заброшенной церкви с пустой колокольной на старое кладбище, заросшее травой. Тут рядом с забытыми могилами и поваленными крестами виднелись холмики свежей земли и дорогие мраморные плиты, как на городских кладбищах. В отличие от церкви нелюшкинский погост продолжал жить. За особой оградой из зеленого штакетника находились могилы родителей Вячи и двух его братишек, умерших в младенчестве.

Ольга Порфирьевна приготовилась поддержать Веру Брониславовну, но той помощь не понадобилась. С чувством почти радостным глядела вдова художника на могилы, убранные детскими руками.

— Какие молодцы! — повторяла она. — Ваши дети меня просто восхищают. Особенно эти кусты сирени в изголовье. Вячеслав Павлович очень любил сирень и часто ее писал...

Внимание Ольги Порфирьевны привлекли две белые гвоздички — по одной у каждого креста. Вернее, не сами гвоздички, уже немного увядшие, а странный интерес, проявленный к ним мальчишками, облепившими штакетник. До Ольги Порфирьевны донесся жаркий спор:

— Ты видал? Не ври!

— Ты, что ли, видал?

Учительница строго глянула на спорщиков. Они смолкли.

Когда возвращались с кладбища, Ольга Порфирьевна отстала от взрослого общества и подозвала одного из спорщиков. Он ей запомнился по исцарапанным, вымазанным зеленкой щекам. Не иначе, как с кошкой не поладил.

— Скажи, это ты принес две белые гвоздики?

Тотчас к ней подскочил другой, весь в золоте веснушек:

— Тетенька, он не приносил.

— Так это ты принес такие красивые гвоздики?

— Не я! — клятвенно отрекся золотой.

— Тогда кто же?

— А никто не принес! — на помощь приятелям подошел третий, с крупными, как у зайца, передними зубами.

Вся троица была явно не из лучших учеников. При торжественной встрече этих мальчишек не поставили в первый ряд, несмотря на малый рост, задвинули за спины долговязых девочек.

Ольга Порфирьевна до музея много лет проработала в школе и еще не забыла, как надо говорить с детьми.

— Значит, никто не приносил цветы, а они лежат? Так не бывает.

— Бывает! — убежденно возразил усыпанный веснушками. — Я точно знаю, никто из наших ребят эти цветы не приносил.

— А ты видел? — задрался исцарапанный, с зелеными щеками.

— Ты, что ли, видел? Ты машину видел, а хвастаешься, что знаешь про цветы.

— Машину и я видел! Ну и что?

Ольга Порфирьевна насторожилась:

— Дети, о какой машине вы говорите?

Из мальчишечьих пререканий Ольга Порфирьевна извлекла наконец причину спора. Причиной оказался какой-то синий «Москвич». Ольгу Порфирьевну кольнуло ужасное подозрение. Опять тот аферист в рыжей кепчонке.

«Москвич» приезжал в Нелюшку три дня назад. Машина некоторое время стояла возле церкви. Кто на ней приехал, что делал, мальчишки не углядели. Но гвоздики могли быть привезены только на синем «Москвиче»: в Нелюшке таких цветов нет ни в одном палисаднике.

Ольга Порфирьевна поняла, что ей удалось добыть

ценные сведения для следователя. Что-то этот тип в Нелюшке искал, что-то высматривал.

Придя в школу, Ольга Порфирьевна поспешила в учительскую к телефону, чтобы обо всем рассказать Фомину, но оставленный ей следователем номер не отвечал.

Пока она ходила в учительскую, произошла неприятность. Колосков был красен от гнева, учительницы бестолково оправдывались. Хор для встречи вывели, о хлебе-соли подумали, но никто не позаботился заказать обед.

Спасла положение сама Вера Брониславовна. Она спросила, чем сегодня кормили детей в школьной столовой. Пшенной кашей! Вера Брониславовна пришла в восторг:

— Какая прелесть! Моя любимая каша! У вас осталось хоть немножко?

Пшенной каши осталось на кухне чуть ли не полкотла, ребята ее терпеть не могли. Кашу подогрели, сдобрили маслом. Вера Брониславовна ела и нахваливала. Всем стало казаться, что каша и в самом деле какая-то сегодня особенная. Ел с аппетитом Колосков, уписывали за обе щёки учительницы, умял полную тарелку шофер. После трапезы пригласили с кухни повариху. Вера Брониславовна записала с ее слов рецепт приготовления и обещала, что научит всех своих московских знакомых варить кашу по-нелюшкински.

Словом, вместо недоразумения вышел для всех еще один праздник. Вера Брониславовна подарила поварихе французский носовой платочек с Эйфелевой башней, всем учительницам — по значку. Во дворе провожающие школьники преподнесли ей альбом с фотографиями памятных исторических мест Путятинского района. Вера Брониславовна опять раскрыла свою большую кожаную сумку и стала наделять ребят сувенирами, не пропустив ни одного, кто хоть как-то себя проявил. Она говорила, что ей очень хочется пройти по всему селу, повидать всех, кто помнит Вячеслава Павловича, но, увы, здоровье не позволяет. Она все тяжелее опиралась на палку, до машины доковыляла уже с трудом, и на лице ее непритворно выразились усталость и мука.

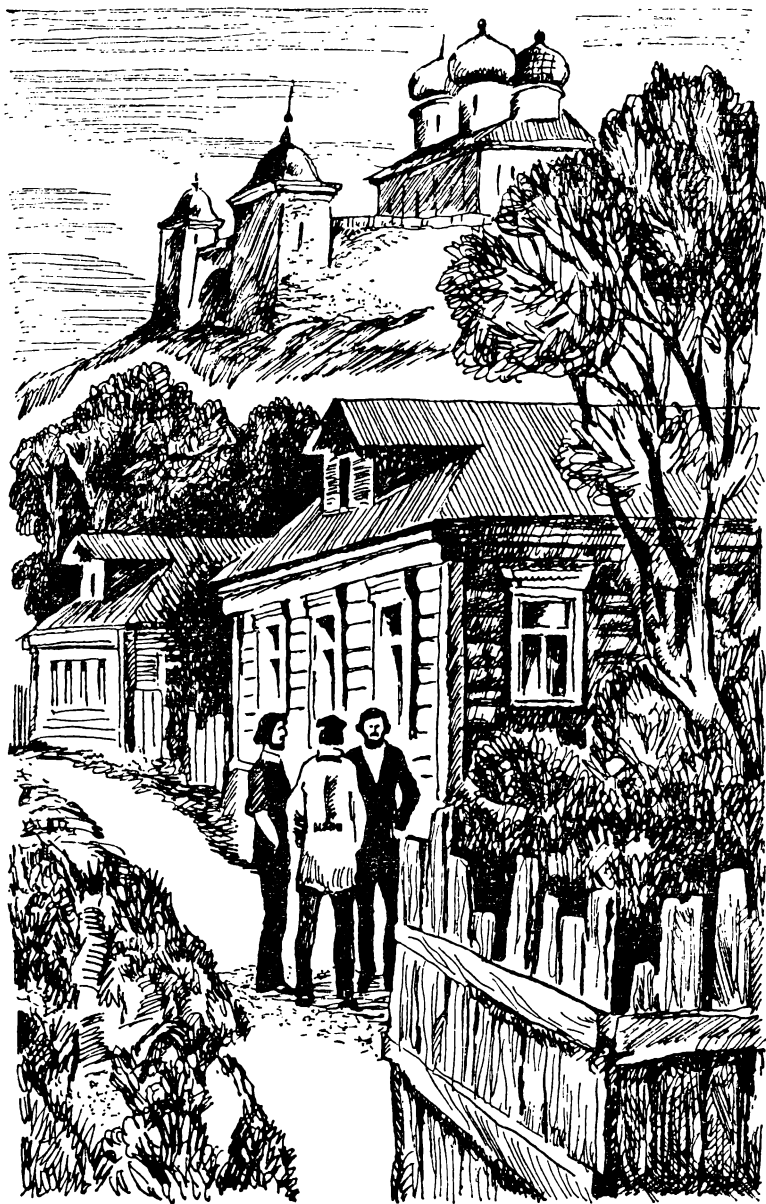
С того момента, как Володя Киселев узнал о пропаже картины, он находился в состоянии крайнего возбуждения. Володя говорил себе, что тонкая игра, которую он воображаемо вел с Ольгой Порфирьевной и некоторыми другими людьми, приобретает наконец-то реальный смысл.

Когда Володя узнал, что следствие поручено Фомину, он понял, какие обязанности ложатся теперь на него. Фома не по силам обнаружить и изобличить похитителя «Девушки в турецкой шали». Фома всегда был туповат, это факт общеизвестный. В школьные годы учителя и одноклассники постоянно критиковали Фому за крайнее легкомыслие: «У Киселева есть уважительная причина — у него мать болеет, ему на самом деле некогда делать уроки. А ты, Фомин, о чем думаешь?» Толстокожий, лишенный самолюбия Фомин совершенно ни о чем не думал. Он водил голубей, рыбачил, играл в футбол. Ему незачем было соваться в институт со своим троечным аттестатом. Наверное, только там, в Сибири, он немного взялся за ум и решил получить хоть какое-нибудь образование. Все равно, где учиться, лишь бы диплом. Ведь в школе никто и никогда не замечал за ним интереса к юриспруденции. И вот на тебе — наш Фома следователь! Шерлок Холмс, Мегрэ! Порфирий Порфирьевич!

«Чего можно ожидать от такого следователя? — размышлял Володя, стараясь быть объективным. — Стоило сказать Фоме про доллары, как он сразу пошел по шаблонному пути. Он решил, что картина похищена кем-то из приезжих. Глупейшая ошибка. Вор непременно очень близкий к музею человек!»

Володя шел к себе домой, на окраину, которая называлась Посадом — по монастырю, окончившему свое существование в двадцатые годы и отданному под жилье ткачам Путятинской мануфактуры. Там, в монастыре, жила когда-то семья Кольки Фомина, пока его дед не получил квартиру в новом доме как бывший юный участник знаменитой Путятинской стачки.

Улочкой, лепившейся вдоль берега реки, Володя добрался до своего дома. Берег здесь зарос репейником, матерой крапивой, а за киселевской оградой буйствовала сирень, посаженная покойным отцом после возвращения

с войны. Отец Володи был селекционер-самоучка, и киселевская сирень славились на весь город. Поэтому, когда приезжала вдова Пушкива, а она всегда приезжала в мае, Володе вменялось в обязанность приносить каждый день свежий букет для голубой гостиной. Обязанность как будто не обременительная, но Володю она очень раздражала и унижала в собственных глазах.

Вера Брониславовна покровительствовала Володе, присылала ему книги по искусству и все публикации о Пушкиве. Без ее помощи Володя, сидя в Путятине, конечно, не смог бы уследить за всеми газетами и журналами, а тем более за иностранной прессой. Он был кругом обязан старой даме. Только она могла добиться, чтобы солидное московское издательство заказало брошюру о Пушкиве неизвестному провинциальному автору В. Киселеву. Но чем больше делала для него Вера Брониславовна, тем мучительнее было для Володи общение с ней. Ее манерный голос, душистый запах ее духов, голубая седина, пудра и румяна, дорогие перстни на пальцах с распухшими суставами, малиновый маникюр — все это угнетало Володю. Будь она неказистой старушенцией, он бы относился к ней иначе, уважал ее ради памяти Пушкива, перед которым Володя преклонялся. Вячеслав Павлович Пушкив был начисто лишен суетности и славолубия. С юных лет он привык отказывать себе во всем, лишь бы хватало денег на холст и краски. Случалось, что Пушкивы жили только на скромнейшую зарплату Веры Брониславовны, бывшей балерины, которая стала машинисткой-надомницей. Зато теперь вдова могла забыть о прежней нужде. Она как-то предложила Володе в долг значительную сумму. Он, конечно, отказался и сделал это в достаточно резкой форме, так что больше ему не делали унижительных предложений.

Подойдя к калитке своего дома, Володя запустил правую руку в щель между досками, откинул крючок и толкнул калитку ногой.

В палисаднике за сиренью слышались возбужденные голоса.

«У Таньки сидят ребята из ее класса. Кажется, завтра у них экзамен по литературе».

Володя сначала зашел в дом, чтобы переодеться. Свой единственный костюм он очень берег.

Дом состоял из двух комнат. Володя взял себе первую

комнату, она же служила столовой и кухней, а Таньке уступил бывшую спальню родителей. Шифоньер стоял у Таньки, и Володя сразу же прошел за перегородку, снял костюм, аккуратно повесил в шифоньер, закрепив брюки в специальный зажим, чтобы они отвиселись. От частого глаженья, по наблюдениям Володи, одежда быстрее изнашивалась.

В трусах и майке он вышел на крыльцо, почистил щеткой ботинки и вернулся в дом. Вставив в ботинки деревянные колодки на пружинах, Володя задвинул их под диван, на котором спал. В изголовье дивана лежал шестирублевый тренировочный костюм. Володя надел костюм, вытащил из-под дивана домашние тапочки. Теперь он покажется ребятам из Танькиного класса, перекусит и засядет за работу. Но вот ведь рассеянность! Он забыл вынуть ручку из кармана пиджака.

Володя прошел за перегородку, открыл дверцу шифоньера. В мутном зеркале промелькнула вся комната, и вдруг вдалеке возникло прекрасное, любимое лицо. Таисия Кубрина! Здесь, в его доме!

Володя обернулся и увидел над Танькиной постелью пропавший из музея шедевр Пушкина.

VII

На обратном пути Вера Брониславовна много рассказывала о покойном муже, о его трудной жизни, удивительной непрактичности. Он настолько был привязан к своим картинам, что сначала с великой неохотой соглашался их продавать даже в хорошие собрания, а потом вовсе перестал выставляться. Старая дама рассказывала о муже с истинной любовью и сделалась проще, милее. Ольга Порфирьевна от души радовалась за нее и жалела, что рядом нет Володи Киселева — как много ценных деталей он мог бы получить для своей книги о Пушкине!

Все настроились умиротворяюще — и дернула же не легкая любознательного Колоскова спросить про Таисию Кубрину, послужившую моделью для самой знаменитой картины.

Ольга Порфирьевна посерела — она до сих пор не могла набраться смелости и доложить начальству о

пропаже. Трусила, откладывала — и дооткладывалась!

Оглянувшись на Веру Брониславовну, она увидела, что та с трудом приходит в себя.

Так случалось всегда, если в музее кто-то из слушателей Веры Брониславовны с обывательской дотошностью начинал выпрашивать несчастную вдову об отношениях между ее мужем и гибельной красавицей, изображенной на портрете. А спрашивать об этом стали чаще и чаще. Вместе с ростом известности «Девушки в турецкой шали» все крепче прирастала к портрету легенда о роковой роли Таисии Кубриной в жизни художника. Так к известному полотну Репина в Третьяковке приросла история сумасшедшего, порезавшего картину ножом. В статьях о Пушкине стали непременно упоминать того критика, который сказал о сходстве девушки в турецкой шали с Настасьей Филипповной. Критик, некогда пользовавшийся известностью, а потом забытый, в связи с этим стал выплывать из небытия. То в одном, то в другом полулитературном издании перепечатывались его статьи, абсолютно слинявшие за прошедшие полвека. Мода на критика обещала вскоре выдохнуться, но слухи о Таисии все ширились. Работников музея стали упрекать в том, что они проявляют непростительное равнодушие к столь замечательной личности. Где она сейчас? Как сложилась ее судьба? Ну и что, если она с отцом эмигрировала в годы революции! Мало ли бывших эмигрантов впоследствии вернулись на родину, а некоторые, живя на чужбине, вели себя достойно, участвовали в Соппротивлении.

На такие доводы посетителей Ольга Порфирьевна строго отвечала, что если бы жизнь Таисии Кубриной сложилась на чужбине достойно и неординарно, то на родине об этом уж как-нибудь стало бы известно. Вера Брониславовна ни в какие объяснения не вступала, тут же переводила разговор на другую тему. Но Колоскову она ответила с глубочайшей печалью:

— Эта женщина причинила Вячеславу Павловичу много горя. Мне трудно о ней говорить, но вам я расскажу. Вы добрый, внимательный, сердечный человек... — Колосков не знал, куда деваться от смущения. Она прерывисто вздохнула. — Фу ты, как волнуешь! С чего же начать? С самого Кубрина? Муж о нем часто вспоминал, их связывали сложные отношения. Владелец Путятинской ману-

фактуры был сделан из того же теста, что и Савва Морозов, Савва Мамонтов или Щукин. Эти трое были большими оригиналами. И Никанор Кубрин тоже, на свой образец.

Пушков не раз говорил мне, что русское купечество за короткий срок, отпущенный ему историей с конца восемнадцатого века по начало нашего, двадцатого века, словно бы торопилось выработать яркий тип чисто русского самодума, самовластителя, самодура. Русский купец подходил на русского барина своими сумасбродными причудами, и, хотя отличался от барина деловитостью, в нем не было западной буржуазности, самоуверенного практицизма. Вячеслав Павлович любил сравнивать фантазии американских миллионеров с теми причудами, на которые швырял деньги русский купец. Выходило, что у американца непременно есть свой эгоизм, а у Тит Титычей — чистая бескорыстная блажь.

Никанору Пантелеймоновичу Кубрину русские невесты не подходили. Он укатил жениться в Италию и действительно воротился очень скоро с супругой-итальянкой. Чтобы она не тосковала по южной теплой родине, Кубрин выстроил в Путятине дом — точную копию какого-то знаменитого палаццо во Флоренции. Строили дом мастера-итальянцы, мрамор возили из Италии.

Красавица итальянка умерла родами. Говорила, что у себя в Италии она была служанкой в трактирном заведении, где ее и увидел Кубрин.

Когда молодой художник Пушков впервые попал в этот дом, итальянки давно уже не было в живых. Как-то Вячеслав Павлович спросил хозяина, зачем он, сооружая флорентийское палаццо, заставил строителей выкопать такие глубокие подвалы, в хозяйстве вовсе не нужные.

«А как же без погреба? — усмехнулся Никанор Пантелеймонович. — Уж не думаешь ли ты, что итальянцы живут без припаса, на фу-фу? У них подвалы поболее наших. Они жаднее нас, старой жилетки не выбросят. Поехал бы да поглядел, какие они запасливые...»

Кубрин слов на ветер не бросал. Он дал Вячеславу Павловичу деньги на поездку в Италию с единственным условием: произвести обмер подвалов во всех примечательных зданиях. Капризное купеческое условие художник выполнил со всем педантизмом, на какой только был способен. Кубрин не глядя сунул его отчет в шкаф и забыл

про все подвалы на свете. К Вячеславу Павловичу этот самодур был по-своему привязан, помогал ему и дальше — до того дня, как художник отказался продать портрет Таисии...

Вера Брониславовна достала из сумочки крохотную, с ноготь, баночку настоящего вьетнамского бальзама «Золотая звезда», протерла бальзамом виски и ноздри.

— Это меня укрепляет.— Она предложила бальзам Ольге Порфирьевне и Колоскову.

Они поблагодарили и отказались: баночка была уж очень мала.

— Муж писал «Девушку в турецкой шали» в доме Кубрина,— продолжала Вера Брониславовна.— В том зале, где сейчас размещена экспозиция по истории Пуятинской мануфактуры. Потом он увез портрет в Петербург и не собирался его выставлять. Но следом явилась Таисия и настояла, чтобы «Девушка в турецкой шали» была выставлена. Дочь Кубрина привыкла, чтобы все ее желания исполнялись и все сумасбродные поступки сходили с рук. Она стала появляться на выставке, накинув на плечи турецкую шаль, стоившую, кстати, баснословных денег. Дурацкие слова насчет ее сходства с Настасьей Филипповой толкнули Таисию на всяческие скандальные выходы. Вячеслав Павлович очень страдал. Он был человеком самых строгих правил и любил Таисию, но Кубрин на его официальное сватовство ответил самым грубым отказом. Вот, собственно, и весь роман художника с девушкой в турецкой шали. Однако Таисия распускала о себе и Пушкине самые невероятные слухи. Вячеслав Павлович никогда не рассказывал о причине разрыва с Таисией, но разрыв был ужасный. Целый год он не мог взять в руки кисть, не мог даже войти в мастерскую. Потом спрятал портрет Таисии и никому никогда не показывал.

Вера Брониславовна закрыла лицо руками.

— Дайте мне собраться с силами. Доскажу все, как на духу.

— Может быть, не надо? — участливо спросила Ольга Порфирьевна.

— Доскажу! — Голос Веры Брониславовны был непреклонен.— Из жизнерадостного, общительного человека мой муж превратился в неистового отшельника. Не было на свете человека добрее его, но он мог иной раз обидеть

более жестоко, чем самый бессердечный эгоист. Ему всегда было безразлично, что он ест, имеется ли вообще в доме корка хлеба. Но иногда он мог раскричаться из-за жесткого мяса, подгоревшей картошки... И все эта женщина...

— Да уж,— посочувствовал Колосков,— досталось бедняге.

Ольга Порфирьевна поймала руку Веры Брониславовны, крепко сжала. Прежде вдова художника никогда не жаловалась, что ей жилось с ним не сладко. Вера Брониславовна вышла замуж за Пушкиова в середине двадцатых годов, ее портретов он не писал. Он увлекся старой уходящей Москвой, спешил запечатлеть улочки, дворы, церкви, Москву-реку и московские типы.

Машина подъезжала к городу.

— Обратите внимание! — похвастал Колосков. — Слева, в сосновом бору, — новые корпуса городской больницы. Построили, не срубив ни единого дерева.

— Как мне нравится в вас это... — Вера Брониславовна словно бы искала слово подороже, — это чувство любви к своему городу, к дивной северной природе. Вячеслав Павлович был бы счастлив увидеть, с каким вкусом обновляется Путятин. Вы уж, пожалуйста, проследите за точнейшим исполнением вашего сегодняшнего решения...

— Все будет в порядке! — заверил Колосков. — Творчество Пушкиова опошлить не позволим!

Ольга Порфирьевна восхитилась. Даже в расстроенных чувствах Вера Брониславовна не забыла о главном деле своей жизни — беречь память мужа.

Колосков попрощался с дамами возле горсовета, где уже никого не было, кроме дежурного милиционера. Шофер повернул на Пушкинскую, к гостинице.

— Я совершенно разбита, — сказала Вера Брониславовна потихоньку от шофера. — Путятинское гостеприимство мне не по силам. Завтра я наверняка не поднимусь с постели.

— Полежите! Непременно полежите! — возбужденно зашептала Ольга Порфирьевна. Она получила отсрочку еще на один день.

Шофер собирался и ее довести до музея или до квартиры, но Ольга Порфирьевна категорически отказалась:

— Я не такое большое начальство, чтобы кататься по

городу да еще после работы на персональной машине председателя горсовета!

Ольга Порфирьевна проводила Веру Брониславовну до дверей гостиничного номера, а выйдя на улицу, осталась в раздумье: куда ей прежде направиться — в музей или в милицию.

VIII

Не шедевр Пушкина — бездарная копия, грубая мазня примитивиста! Как она могла очутиться у Таньки в комнате?

За окошком мелькнула Танька. Она мчалась из летней кухни в палисадник, держа наперевес дымящуюся сковороду. В окно залетел дразнящий запах жареной колбасы. Откуда взялась в доме колбаса за день до зарплаты?

Володя поддернул сползающие тренировочные штаны и направился в палисадник. Там у Киселевых была летняя столовая — некрашенный стол пятигранной формы, обнесенный вокруг жиденькой лавкой. Нырнув в густую сирень, Володя увидел в просвете меж плотной листвы не юные лица Танькиных одноклассников, — над некрашеным столом торчали три бороды: рыжая, черная и цвета пеньки.

— А... Вот и хозяин! — без особой радости объявил обладатель пеньковой бороды, только что закончивший делить ножом яичницу с колбасой на четыре равные доли. — Хозяюшка, тащи-ка пятую вилку и четвертый стакан!

Танька метнулась из-за стола. Гость затер порезы на яичнице и приступил к новому чертежу, ориентируясь на пять углов стола.

— Пятого тут как раз и не хватало, — приговаривал он. — Для полной симметрии.

Володя молча дожидался возвращения сестры.

— Откуда у нас колбаса? — строго спросил он Таньку, принимая от нее вилку.

— Ребята принесли!

Для нее, семнадцатилетней девчонки, бородатые примитивисты были, оказывается, ребята-ми! Володя внутренне возмутился, но виду не показал.

— А как у нас с литературой? — осведомился он озабоченно.

— У нас с литературой все в порядке! — отчеканила сестрица.

— Очень рад! — сообщил Володя ледяным голосом.

Танька плаксиво оттопырила губы. Володя малодушно отвернулся и угодил взглядом в пеньковую бороду, замусоренную желтыми крошками.

— Вам не нравится моя борода? — вызывающе спросил примитивист.

— У вас в бороде яичница! Утритеесь! — холодно посоветовал Володя.

Примитивист пятерней прочесал бороду и продолжал наворачивать яичницу. Володя не спеша поддел вилкой кусок колбасы со своего сектора сковороды, отправил в рот и не удержался от гримасы: жуткий пересол!

«Нет, Танька совершенно не готова к самостоятельной жизни,— размышлял он, очищая свой сектор сковороды.— Любой мальчишка умеет хотя бы яичницу себе поджарить, а она? Она ничего не умеет. А я ведь маме давал слово, что выращу, выучу, воспитаю... Нечего сказать, хорош старший брат! Я же знал, что она познакомилась с этими халтурщиками, но не принял суровых мер».

Пережевывая горелую колбасу, он приглядывался к сотрапезникам. Бородачам было примерно лет по тридцать. Их где-то, когда-то и чему-то учили по всей художественной программе, а выучили на подражателей Пиромани или еще кого-нибудь в том же роде. Но у Пиромани есть его биография трактирного живописца, а у этих что?

Володя решительно отложил вилку:

— Татьяна, ты бы нас все-таки познакомила.

— Юра,— она показала на пеньковую бороду.— Толя и Саша. (Черная и рыжая дружески покивали.) А это мой брат Володя. (Он привстал и поклонился.)

— Со свиданьем! — Юра наклонился, вытащил из сиреневых зарослей бутылку и набулькал в стаканы с поразительной точностью всем поровну.

Володя читал, что при сильном возбуждении человек не хмелеет. Он чокнулся со всеми и лихо осушил стакан.

— Вот это по-нашему! — одобрил Юра, явно принимавший Володю за простака-провинциала. Это было для Володи как нельзя более кстати: пусть принимает...

Танька убрала сковороду, вытерла стол и принесла из летней кухни фыркающий во все дырочки самовар. Примитивисты за краткий срок знакомства больше приохотили ее к хозяйству, чем старший брат за все годы неусыпного воспитания.

— Красавец, а?! — Художники взялись оценивать стати самовара. — Петух! А выправка, выправка! Тамбур-мажор!.. Куда там, тяни выше — генерал!

Домашний бог Киселевых и вправду был представителем — весь в заслуженных медалях, как и положено тульскому породистому самовару. Когда-то он украшал чайный стол у самого Кубрина. В Путятине чуть ли не в каждом доме имелаась хоть какая-нибудь вещица бывшего владельца мануфактуры. После реквизиции особняка все драгоценности были переданы государству, картины и антиквариат остались музею, начало которому положил еще сам хозяин мануфактуры, а домашнее имущество было распродано рабочим по самой дешевой, чисто условной цене. Многие за годы поломалось, побилось, сносилось, а кое-что, как этот самовар, пережило несколько поколений и по-прежнему здравствовало.

За чаем бородачи распарились, размякли и выложили Володе все свои неприятности, из-за которых они, не будучи, в общем-то, охотниками до выпивки, нарушили сегодня строгий устав своей малярной артели.

Кафе они расписывают по законному договору — все честь по чести. А сегодня утром заявляются из горсовета сразу два деятеля — один по линии культуры, второй по линии торговли. В чем дело? Оказывается, есть приказ прекратить работу впредь до особого распоряжения. Чей приказ — оба темнят. Но слово за слово выясняется, что явилась в Путятин вдова Пушкина и, видите ли, категорически возражает против использования картины Пушкина для оформления кафе. Будто бы это принижает творчество художника. Только в такой дыре, как Путятин, могли принять всерьез старушечий бред.

— А что, разве не принижает? — бросил Володя.

Его реплика произвела впечатление. Три бороды повернулись к Володе. «Бить беспощадно!» — приказал он мысленно себе.

— Такие деятели, как вы, способны опошлить все прекрасное! Таких, как вы, нельзя подпускать к искусству

на тысячу километров! Ваш промысел отвратителен. Если хотите, он безнравственен!

— Володя! — Танька вскочила. — Ребята, не обращай-те на него внимания!

Все женщины в мире делятся на две группы. В одной — те сестры и жены, которые неколебимо убеждены, что мужчина из их семьи самый умный человек на свете. В другой группе женщины стоят на том, что ни муж, ни брат не должны раскрывать рта при гостях, иначе они непременно ляпнут глупость. Для женщин второй группы любой посторонний мужчина умнее своего. Но мог ли Володя ожидать, что туда переметнется воспитанная им Танька! И опять она зовет их «ребятами». Черт знает что!

Однако он не отступил.

— Или культура для масс, или массовая культура — вот дилемма, перед которой мы стоим!

— Красиво говорит! — Черный Толя тупо захохотал, но не получил поддержки.

Юра глядел на Володю стеклянными глазами. Рыжий Саша недовольно поморщился и сказал Толе:

— Не перебивай, пусть говорит.

— Меня невозможно сбить! — надменно бросил Володя. — Потому что я мыслю!

Теперь он видел, что эти трое все-таки разные. Юра у них, несомненно, лидер, он современный босс. Лицо у Юры прочной выделки, неуязвимое, как резиновая маска. Черного Толю босс держит на роли послушного исполнителя, рабочей лошадки. Толя — губошлеп, тупица, дуболом. В общем, эти двое абсолютно ясны. Но Саша... Он тонкая бестия, вещь в себе, познать которую — вот задача для пытливого ума. И решение этой задачи — раскусить рыжего Сашу — не терпит отлагательств, потому что именно на него глупая Танька глядит счастливыми, жалкими глазами. Ее ни капельки не отталкивают ни заношенная ковбойка, ни гнусная бороденка, растущая рыжими кустиками в разные стороны, ни то, что Саша уже не молод — ему все тридцать!

Какой-то подозрительный шумок начинался в голове у Володи, но он стойчески продолжал развивать свои мысли о массовой культуре и культуре для масс.

— Лучше быть учителем рисования в глухой сельской школе, чем малевать бездарные копии с великих творе-

ний! — Володя повысил голос, чтобы перекричать посторонний шум в голове. — Поймите, наконец, как ужасен ваш промысел! Ведь вас когда-то учили любить прекрасное. Вам дали художественное образование. Вы обязаны понимать, что кисть художника не для того перенесла на полотно прелестные черты девушки в турецкой шали, чтобы портрет — немое признание в любви! — забавлял посетителей кафе в перерыве между порцией сосисок и стаканом бурды, именуемой кофе!

— Красиво говорит! — Толя всерьез удивлялся, без дураков, это Володе польстило.

Рыжий Саша опять поморщился, но промолчал.

Юра бухнул кулаком по столу:

— Мне надоела его дилетантская болтовня! — Резиновое лицо босса отвердело. — Меня раздражает его провинциальная манера разглагольствовать о предметах, о которых он знает только понаслышке, в которых он ничего не смыслит. Меня возмущает до глубины души его попытка выносить суждения о незнакомых ему людях, не имея никаких веских оснований!

При последних словах босса Володя насторожился. Суждения без достаточных оснований? Знакомая песня! Кто-то сегодня уже пытался сбить Володю именно таким демагогическим приемом. Посторонний шум в голове мешал ему вспомнить, от кого он слышал эти же слова. Но Володя теперь ясно понимал, что тот человек — сообщник босса. Их тут целая шайка!

Совершенно неожиданно для Володи рыжий Саша принял его сторону:

— Юра, не дави! Он по-своему прав.

«Хитрая бестия», — подумал Володя.

— Нет, он неправ, этот теоретик из Путятин! — рявкнул босс. — И я ему сейчас докажу!

— Очень интересно! — Володя сделал тонкую улыбку. — Я жду с нетерпением.

Босс и дальше продолжал говорить о Володе в третьем лице:

— Он утверждает, что его земляк Пушкин не для того писал картину, чтобы ею могли любоваться простые советские люди, жрущие сосиски под вывеской кафе «Космос»! Он, видите ли, возмущен нашим замыслом росписи новой пищевой точки. Он полагает, что мы несем дурновкусицу

в не развращенный массовой культурой добрый старый Путятин! Но так ли это? Проанализируем с привлечением местных фактов. Какой шедевр висит с давних времен в зале ожидания Путятинского вокзала? Там висят «Богатыри» несравненного Васнецова. Неужели маг и волшебник Виктор Михалыч Васнецов создавал своих «Богатырей» для нужд ведомства путей сообщения? И далее...— Юра указал волосатой рукой на Таньку: — Сейчас будущая художница сдаст нам экзамен по специальности... Какая картина украшает главную сберкассу?

— Крамской, «Портрет незнакомки», — по-школьному ответила Танька.

— Почту?

— Айвазовский, «Девятый вал».

— Фойе поликлиники? — Юра победно загнул еще один палец на широкой, хватистой руке.

— Репин, «Бурлаки на Волге»...— Танька отвечала уже с запинкой. До нее дошло, что это за экзамен.

Босс торжествовал:

— Кто сказал, что мы явились сюда развращать невинные массы? Мы продолжаем славные традиции города Путятина, который испокон веков тянулся к большому искусству.

— Юрий, оставь, хватит...— попросил рыжий Саша.

— Нет, зачем же бросать на полдороге! — усмехнулся босс. — Мы пойдем дальше, по всему городу. Что у нас на углу Пушкинской и Фабричной? Библиотека! Что висит в читальном зале?

— Больше я отвечать не буду! — отрезала Танька.

— И не надо! Будем считать, что вопрос уже всем ясен.

— Пошляки! — в отчаянии выкрикнул Володя, безгранично презирая самого себя за жалкую брань.

Над ним посмеялись нагло и искусно. Вместо умного спора, предложенного Володей, босс устроил нечестное избиение. Надо ответить на все удары одним безукоризненным выпадом! Одной фразой, острой, как шпага! Один выпад — и противник повержен.

Володя все понимал с абсолютной ясностью, но победная фраза никак не приходила на ум.

— Пошляки! — уныло повторил он. — Бездарные мазилы! Я видел там, — он махнул рукой в сторону дома, — вашу мазню. Своей бездарной кистью кто-то из вас со-

вершил убийство. Вы убили прекрасную женщину!

Танька всхлипнула:

— Ребята, ну что же это!

— Юра, кончай! — Танькины слезы перепугали рыжего.

— Кончаю! — Босс кивнул. — Один момент... Толечка, не в службу, а в дружбу... (Рабочая лошадка тут же запряглась.) Толечка, принеси-ка сюда упомянутое бездарное творение. — Босс повернулся к Володе и продолжал серьезно, без подковык: — Деятели из горсовета имели намерение забрать копию впредь до особых распоряжений, но мы не уступили. Копия наша законная собственность. Холст и труд еще не оплачены заказчиком, нам выдали только жалкий аванс. Так что не волнуйся, хозяин, мы не собирались укрывать у тебя в доме краденую вещь. Мы ее повесили у тебя в доме просто так, для сохранности. При этом мы, конечно, не предполагали, что у нас с тобой возникнут принципиальные разногласия.

Сквозь сирень продрался Толя с портретом под мышкой.

— Толечка, дальше ни шагу! Поверни картину к нам. А ты, хозяин, давай сюда свет.

Володя встал, зажег лампочку в жестяном колпаке. Босс запустил пятерню в пеньковые дебри бороды.

— Ребятки, ваше мнение?

— Какое тут может быть мнение... — Саша пожал плечами.

Толя заглядывал на картину сверху, держа ее на груди:

— По-моему, сойдет.

— Да вы взгляните ей в глаза! — потребовал Володя.

— А что глаза? — Босс не спеша раздирал ногтями пеньку. — Ах да, припоминаю. Экскурсоводы в картинных галереях обычно открывают публике главную тайну портретного искусства. Куда ни отойди — глаза портрета всюду следуют за тобой. Ты это имел в виду? Но ведь у данной особы и в оригинале глаза косят.

— Жена Пушкина тоже косила, это известный исторический факт. Пушкин просил Карла Брюллова написать портрет Натальи Николаевны, а Брюллов отказался: «Твоя жена косая». Мало ли что. Все ее считали красавицей. И Александр Брюллов ее написал.

— Но Карл Брюллов ее так и не написал.

— Зато Пушкин написал Таисию Кубрину и доказал!

— Ты не горячись,— посоветовал Володе рыжий, на которого явно действовал умоляющий Танькин взгляд.

Володя понял, что надо кончать дискуссию. Вот вам бог, вот порог, и точка!

Но босс вдруг откатнулся назад и вытащил из-под стола большую картонную папку.

— Не надо! — Саша вскочил, но поздно.

Босс извлек из картонной папки еще один портрет Таисии Кубриной. Настоящий! От неожиданности Володя выдал себя — глупо, смешно, постыдно открылся. И перед кем! Перед прожженными халтурщиками!

Володя рванулся из-за стола, но зацепился ногой за лавочку.

— Спокойно, Киселев! — раздался у него за спиной знакомый голос.

«Фома?! Как он сюда попал?» Володя резко обернулся, и все поплыло перед ним. Почему-то у Фомы в руке вместо чего-то огнестрельного оказалась бутылка шампанского.

Это было последнее, что увидел Володя, окончательно теряя равновесие.

IX

Не найдя художников в кафе, Фомин направился в гостиницу. Дежурная сказала, что их нет и что они вообще так рано не возвращаются. В гостинице уже знали, что комиссия горсовета выставила художников из нового кафе и запечатала помещение. Приход Фомина навел панику: может, бородачи тайком удрали, не расплатившись за номер? Дежурная послала уборщицу проверить, на месте ли имущество постояльцев. Воспользовавшись случаем, Фомин заглянул в номер.

Он полагал, что увидит неряшливое мужское общежитие, разбросанную по кроватям одежду, пару грязных носков на столе. Однако в номере оказалось прибрано по-солдатски. словно здесь ожидали в любой час строящую поверку. Это Фомину очень не понравилось.

Мимоходом он поинтересовался, в каком номере проживает Спартак Тимофеевич Коваленок. Футболист оста-

новился на самой верхотуре, откуда, как знал Фомин, есть прямой выход на чердак и к пожарной лестнице.

— Он сам выбрал этот номер или ему такой достался? Дежурная побледнела.

— Ты уж не скрывай, — злорадно посоветовала уборщица. — Ты уж признавайся. С милицией шутки плохи.

— А что признаваться? — лепетала перепуганная дежурная. — Тебе вот Вера Брониславовна колготки для внучки привезла, а мне лекарство. Что тут плохого? Знак внимания.

— Так то Вера Брониславовна. Она нам как родная. А то чужой человек. Вера Брониславовна и на Восьмое марта всегда поздравляет, а этот с чего?

Фомин быстро разобрался, в чем уборщица обвиняла дежурную.

Гостиницу в Путятине построил тоже Кубрин. Но в ее архитектуре не было ничего итальянского — все по-российски, по-купечески. Длинное двухэтажное здание со стенами метровой толщины занимало в длину целый квартал. К нему примыкал обширнейший двор с конюшнями и сараями для экипажей. Окнами на улицу шли номера побогаче, окнами во двор — победнее. И хотя в номерах уже давно стояла нынешняя стандартная мебель, а не прежние диваны, кресла, карточные столы, разница между номерами оставалась — окнами на улицу селили командированных рангом повыше. Зато изменилось в корне значение номеров получердачных. Прежде тут помещали бедняков приличного облика — неприличных грубо отсылали на постоялый двор. Но теперь тесные чердачные каморки приобрели немалую ценность. Дело в том, что многие бывшие богатые номера стали четырехместными, а в чердачную каморку никакими ухищрениями нельзя было втиснуть больше одной кровати. При этом чердачные номера никогда не бронировались горсоветом или управлением текстильной фабрики. Они составляли золотой фонд гостиничной администрации. Вот почему Футболист, преподнесший дежурной коробку шоколада московской фабрики имени Бабаева с веткой сирени на крышке, получил в свое распоряжение тот самый номер, откуда он мог отлучиться в любое время и незаметно для гостиничного персонала.

Видимая сторона его жизни в Путятине была такова.

Футболист вставал в семь часов утра, завтракал в гостиничном буфете и укатывал на своей машине до вечера. Ужинал в буфете и рано ложился спать. Никакие посетители к нему не приходили, к телефону его не вызывали, писем он не получал. С художниками Футболист не общался и не проявлял никаких попыток с ними познакомиться, с Верой Брониславовной тоже. Сегодня с утра он предупредил, что собирается уезжать после обеда, однако никуда не уехал. Дежурная гостиницы и уборщица видели своими глазами, как во дворе появился известный всему Путятину дядя Вася, тунеядец, племянник известной активистки здешней секты староверов. Судя по всему, он был не пьян. Примерно через полчаса к нему вышел постоялец из чердачного номера. Они о чем-то поговорили, сели оба в машину и уехали. Спустя некоторое время постоялец вернулся пешком, немного посидел у себя в номере и ушел.

Фомин поблагодарил дежурную и уборщицу за ценные сведения и оставил свой телефон на случай, если они что-нибудь еще заметят. Что же касается дяди Васи, то это был, конечно, знаменитый умелец, направленный ГАИ по верному адресу.

Через четверть часа Фомин беседовал с умельцем в его домашней мастерской. Дядя Вася сообщил, что машина у клиента новая, содержится бережливо. Клиент, как водится у автолюбителей, сначала сыпал техническими словами, а затем целиком доверился дяде Васе. Особых, не относящихся к автоделу разговоров не заводил, но о милиции выразился неодобрительно.

— То есть? — спросил Фомин равнодушно.

— То есть сначала никакого разговора не было про милицию. Он издавлек начал. Что вот, мол, бывают у людей одни и те же увлечения или одни и те же болезни, и тогда люди сближаются, стараются помочь друг другу. Например, у одного больная печень и у другого пошаливает. Сидят рядом на совещании, обмениваются, у кого как болит, а там, смотришь, записали телефоны, звонят друг другу, устраивают взаимно на прием к знаменитым врачам. Или, например, человек гуляет со своей собакой. Понемногу у него появляются знакомые среди собачников. Они дают друг другу советы, как воспитывать псов, как лечить. А если надо, собачники объединяются против пенсионеров и против работников милиции.

На этом месте дядя Вася запнулся, но потом твердо повторил, что так и было сказано: «Против милиции».

— Дальше что? — допытывался Фомин, остановив клятвы дяди Васи в полном уважении к милиции.

— Дальше хвастался, что автолюбители тоже друг за друга стоят горой. Запчастями делятся, мастеров друг другу рекомендуют или там электроников, которые ставят противоугонные устройства. У него в машине клавиши поставлены — секретный код, по блату делали в закрытом НИИ. При ударе о тумбу — все к черту. Он насчет дверцы не очень переживал, все охал, что электроника полетела. Пришлось налаживать.

— Электронику? — усомнился Фомин. — Вы?

— А чего тут хитрого? Подпаял маленечко — и заработала лучше прежнего, — скромненько пояснил умелец.

— А потом что делали, о чем беседовали? Вы не тяните, сами обо всем рассказывайте.

Дядя Вася задумался.

— Потом-то нечего рассказывать, потом он ушел. Но вот до... Тут была одна заковыка. Тетка моя терпеть не может чужих, а тут ее как подменили.

— Точнее! — потребовал Фомин. — По порядку, со всеми подробностями.

Подробности оказались весьма любопытными.

Когда дядя Вася и Футболист подъехали к дому, умелец вылез и стал отворять ворота. Дом принадлежит не ему, а тете Дене, которая служит в музее. Она староверка и пуще всего боится обмирщиться. Лучших друзей дяди Васи за ограду не пускает, но заказчиков кое-как терпит.

Стал, значит, дядя Вася отворять ворота, они скрипели довольно громко, потому что все недосуг смазать петли. Машина въехала во двор и остановилась. В этот самый момент на крыльцо вышла рассерженная тетя Дена. Заказчик вылез из машины и поздоровался с ней. Обычно она глянет, как водой окатит, и обратно в дом. А этому заулыбалась, словно родному.

К сожалению, дядя Вася не расслышал, какими словами обменялись его тетка и Футболист — уж очень сильно скрипели ворота.

— Вам не показалось, что ваша родственница и этот человек знакомы друг с другом? То есть где-то встречались раньше? — спросил Фомин. Ему вспомнилось, как на

ступенях музея Футболист проговорился, что пришел с кем-то повидаться.

— Вот именно показалось! — обрадованно вскричал дядя Вася.

— А не создалось ли у вас впечатление, что ваша родственница не просто знакома с этим человеком, но и находится от него в какой-то зависимости?

Дядя Вася слегка оторопел:

— Этого не знаю, не скажу. Хоть сажайте!

— Никто вас не собирается сажать! — обиделся Фомин.— Вы поймите, я должен разобраться в кое-каких тонкостях.

— Понятно.— Дядя Вася сделал таинственное лицо.— Дело о шпионаже? — Он замахал руками: — Нет, нет, я не любопытствую! Можете не отвечать!

— Какой шпионаж! Вы же видели мое служебное удостоверение!

— Видел! — быстро согласился умелец.— Признаю свою ошибку.

У Фомина осталось подозрение, что дядя Вася на самом опасном месте их беседы заюлил и стал отводить в сторону.

С Футболиста умелец, по собственному стыдливому признанию, взял за ремонт двадцать пять рублей.

— Не много ли?

Дядя Вася молитвенно прижал к груди пропитанные смазкой руки:

— Так ведь не каждый день у меня клиенты! И опять же сделаю к утру, а на автосервисе проманежили бы дня три. Тоже надо учитывать. Я с вами без утайки, меня на этот счет в ГАИ предупредили.

— Без утайки так без утайки,— строго заметил Фомин.— Что сделала потом ваша родственница?

— Поулыбалась ему и пошла в дом.

— А он что?

— Он ничего. Мы с ним занялись машиной. Он только спросил меня, как ее зовут и где работает.

— То есть как спросил? — Фомину показалось, что умелец путается в объяснениях и сам себе противоречит. То он говорит, что Футболист и тетя Дена знакомы. То у него оказывается, что Футболист даже не знал, как ее зовут.

— Мной он тоже интересовался,— продолжал дядя

Вася, — один я живу или есть жена, дети. Я ему сказал, что жена и дети отбыли в другой город, а я, значит, бобылем поселился у тетки.

— Та-ак... — протянул Фомин. — А про жену вашу он спрашивал? Как ее зовут, где работает?

— Нет. Ему-то зачем?

— Тогда подумайте, зачем он вам задавал вопросы про тетю Дену. Тем более, если он — вы мне сами об этом сказали — был с нею раньше знаком!

Дядя Вася развел черными руками:

— Задача!.. Без пол-литра не разберешься.

— Бросьте эти намеки! — посоветовал Фомин. — Не путайте меня со своими клиентами!

— Я не в смысле выпить! — запротестовал умелец. — Так уж говорится. Народный афоризм.

— Вы без афоризмов. Только факты.

Дядя Вася шумно вздохнул:

— Фактов у меня не густо. Но есть кое-какие собственные идеи. — На его небритом лице проступило особое, глубокомысленное выражение, какое бывало у него в те моменты, когда дяде Васе удавалось обнаружить, отчего барахлит мотор.

— Вы уж поверьте моему печальному опыту. Корень зла в секте. Сколько я от тети Дены натерпелся из-за ее веры! Лучшие мои друзья и в ограду не смей, а к постороннему она сразу с лаской и приветом. Это что означает? Да то, что у членов секты есть свой тайный знак. Они им обмениваются навроде пароля и таким путем узнают своих единоверцев... — Дядя Вася просветленно взглянул на следователя. — Мы с вами ошибались! Моя тетка и мой клиент прежде не знали друг друга. Интересующий вас человек прибыл сюда от секты с тайным заданием!

Фомин понял, что больше он ничего дельного от дяди Васи не добьется.

Забегав домой поужинать, он получил от деда полную информацию о путятинских староверах. При Кубрине их тут было много. Хозяин мануфактуры держался старой веры и жену-католичку заставил креститься в купели, некоторые хозяйские подхалимы, само собой, заделались старообрядцами. А теперь по старым книгам молится неполный десяток стариков и старух. Тетя Дена у них за батюшку. Биография у тети Дены чистая, трудовая. До

революции она девчонкой служила в доме у Кубрина, а после поступила на фабрику, вышла замуж за ткача. Он умер от чахотки, а единственный сын тети Дены не вернулся с войны. Одинокая старуха из жалости приютила в доме дядю Васю, он ей вовсе не родной племянник, а седьмая вода на киселе. Вместо благодарности этот тунеядец явно пытался бросить тень подозрения на приютившую его тетю Дену. Возможно, только из-за того, что старуха гонит прочь его собутыльников. Но возможно, тут кроется и причина посерьезней...

Из дома Фомин направился в гостиницу. Там ему сказали, что троица художников все еще не возвращалась. Выйдя из гостиницы, Фомин остановился в нерешительности. Десятый час вечера. Никого не вызовешь на беседу в милицию, ни к кому не полезешь с расспросами домой. Остается только Кисель — к нему Фомин может явиться в любое время. Что-то Кисель знает, но не хочет говорить. А что, если встретиться с ним в домашней обстановке, вспомнить школу, потрепаться о пустяках?.. Кисель подбредет, захочет помочь. Он всегда был отзывчивым парнем. Но, конечно, неудобно заявиться к нему с пустыми руками. Это будет выглядеть, словно явился с обыском.

Все магазины были давно закрыты. Фомину пришлось заглянуть в ресторан «Колос». Кстати он удостоверился, что бородачей тут сегодня вечером не видели, да и вообще они тут были только раз. В буфете ресторана Фомин купил шампанское.

Весь Посад уже спал, в окнах ни огонька. Нездешнему человеку лучше не пускаться в путь по кривым улочкам — или в яму сверзиться, или где бродит и скучает пес, спущенный с цепи. Но Фомину тут была с детства знакома каждая яма и каждый пес. Он без происшествий добрался до улочки, лепившейся вдоль обрывистого берега, и издали увидел в киселевской сирени яркий свет. Не спят, занимаются. Или Володька, или Танька, или оба, вдвоем...

Фомин запустил ладонь в щель калитки, откинул крючок. В сирени мужские голоса вели какой-то явно неприятный разговор. Фомин прислушался. Ночной шорох листьев заглушал слова. Осторожно раздвигая ветки, Фомин стал подкрадываться ближе.

За знакомым ему киселевским пятигранным столом сидело пятеро. Перед ними, залитая ярким светом, стояла

та самая картина, которую украли из музея. Фомин замер, надеясь подслушать, какие планы строят похитители, но нервный Кисель с чего-то сорвался, заблажил.

— Спокойно, Киселев! — приказал Фомин и вышел на свет.

Киселев покачнулся и стал падать. Фомин успел его подхватить.

— Не шевелиться! — Теперь он прекрасно видел, кто сообщники.

Вся троица была здесь, за столом. Бородачи обалдело уставились на Фомина. Наконец, один из них — с бородой цвета пеньки — поборол испуг и попытался изобразить, будто ничего особенного не случилось:

— Не умеет пить современная молодежь.

Чернобородый тем временем сделал попытку спрятать картину в картонную папку.

— Не шевелиться! — напомнил Фомин. — Не вставать с места. Татьяна, помоги-ка мне.

С помощью Татьяны он усадил бесчувственного Киселя на лавочку. И предложил:

— Поговорим?

— Чаю хотите? Самовар еще горячий. — Чернобородый услужливо принялся ополаскивать чашку.

Фомин усмехнулся:

— Бросьте валять дурака! Я из милиции, и вы это прекрасно знаете.

— Ну дела!.. — озадаченно протянул рыжебородый.

— Как у вас оказалась картина?

Черный и рыжий разом повернулись к третьему, с пеньковой бородой, — ясно, что он был у них за главаря.

— Что ж, ребята, будем признаваться! — распорядился главарь. — Кто из нас начнет первым? Ты, что ли, Саша? — Он подмигнул рыжему.

Тот озадаченно подергал бородачку.

— Я так я... Начну с самого начала. — Он ласково поглядел на Фомина: — Да вы поставьте бутылку на стол. Она вам мешает.

Фомин отшвырнул шампанское за спину, в кусты. Глаза в ржавых ресницах погрузнели, заволоклись дымкой.

— В том, что я оказался у вас в Путятине, виноват

вот этот человек.— Саша показал на Юру.— Этот деловой человек или, попросту говоря, делец. Где искусство, там всегда дельцы. Юра — мой Никанор Кубрин. Да, да...

Х

С утра по городу пополз слух, что из музея пропали какие-то ценные вещи. О картинах речи не было. Общее мнение сходилось на том, что вор польстился на фарфоровые и серебряные безделушки, которые Кубрин, затеяв собственный Эрмитаж, понакупил у окрестных разорившихся помещиков.

В гостинице весь персонал тоже судил и рядил о краже из музея. Не знала ничего одна Вера Брониславовна — от нее догадались скрыть дурные слухи.

Вера Брониславовна всегда занимала номер люкс на втором этаже, выходивший окнами на старые торговые ряды с полукружьями арок.

Номер был однокоечный, для важных командированных, но вида самого казенного: славянский шкаф, обеденный круглый стол на толстых ножках, письменный стол с мраморным чернильным прибором, кровать, тумбочка, пара стульев, обитых коричневым дерматином. От всего пахло тряпками и дезинфекцией.

С приездом старой дамы унылая гостиничная обстановка совершенно преобразилась. Вера Брониславовна привозила с собой множество ярких аксессуаров домашнего уюта. Круглый стол с позорными кругами от стаканов был теперь застелен тонкой клеенкой итальянского производства — на зеленом фоне золотые венецианские бокалы. Дерматиновые стулья скрылись под пестрыми платками из Японии. На тумбочке, тоже задекорированной чем-то ярким, стояла крохотная хрустальная вазочка с веточкой белой сирени. Письменный стол сплошь устилали брошюры и типографские афиши, сообщающие о выступлениях В. Б. Пушкиной.

Больная полулежала на кровати, застланной не гостиничным плюшевым покрывалом, а привезенным из дома шотландским пледом. На Вере Брониславовне был нейлоновый стеганый халат, черный с золотом. Ноги она укрывала легчайшим мохеровым одеялом, которое, по ее

уверениям, занимало в чемодане самую чуточку места.

С утра пораньше заботливая Ольга Порфирьевна принесла больной кофе в термосе и куриные котлетки.

— Я так счастлива, что побывала в Нелюшке! — говорила Вера Брониславовна, слабо покашливая. — Какой милый человек ваш председатель! Сама бы я ни за что не выбралась, да теперь и не выберусь уже до конца моих дней.

Ольга Порфирьевна протестующе замахала руками:

— Не спорьте, не спорьте, мне уже недолго осталось! — Больная опять покашляла. — Покойный Вячеслав Павлович последние годы очень тосковал по родным местам, да все как-то не получалось с поездкой — то денег не было, то еще что-нибудь. Только и успел незадолго до кончины.

Безуспешно пыталась Ольга Порфирьевна избавить больную от мрачных мыслей. И тут, на счастье, кто-то постучался в номер. Стук еле слышный, почти царапанье. Кто-то очень деликатный стоял за дверью.

— Войдите! — слабо крикнула Вера Брониславовна, но ее голос не был услышан за толстыми дубовыми филёнками.

— Ну кто там? — Больная занервничала. — Олечка, откройте, пожалуйста.

Ольга Порфирьевна открыла дверь и отпрянула, увидев владельца синего «Москвича».

— Разрешите? — Он приветственно сдернул свою мерзкую кепчонку.

— Да, да, пожалуйста! — отозвалась Вера Брониславовна.

Он вошел, держа в одной руке рыжую кепчонку, а в другой — кожаный баульчик с красным крестом.

— Я ваш сосед по гостинице. Узнал, что вы хвораете, и дай, думаю, зайду к болящей. Сейчас ГАИ обязывает иметь в машине аптечку. — Он положил кепчонку на стул и расстегнул «молнию» на баульчике. — Тут у меня что хотите! И салол, и валидол, и аспирин, и борная кислота.

— Очень мило с вашей стороны! — Вера Брониславовна благодарно улыбнулась.

Она возила с собой кучу редкостных лекарств на все случаи жизни. По сравнению с ее запасами аптечка автомобилиста выглядела смехотворно. Однако Вера Брони-

славовна заинтересованно покопалась в баульчике и с радостными восклицаниями извлекла анальгин.

— Я вас не ограблю?

Ольга Порфирьевна только удивлялась.

— Простое человеческое участие иной раз целебней лекарств! — Вера Брониславовна убрала анальгин в тумбочку. Она в самом деле заметно приободрилась с приходом внимательного соседа, перестала покашливать. — Присаживайтесь, если никуда не торопитесь. Ваше имя, отчество?

— Спартак Тимофеевич.

Он присел на краешек задрапированного стула.

— Вот имя, по которому можно узнать и возраст, — заметила Вера Брониславовна, назвав гостя себя и Ольгу Порфирьевну. — В начале двадцатых годов были в моде для мальчиков имена Спартак или Радий, а для девочек — Марсельеза, Идея...

Гость смущенно посмеялся:

— Мама долго не соглашалась, но отец настоял. Его крещеное имя Тимофей. Отцу оно ужасно не нравилось. Тимофей расшифровывается как «честь богу», а мой батя был красный кавалерист. У отца в отряде воевал один бывший семинарист. Вот он и просветил насчет имени. От него же отец узнал про Спартака, вождя восставших рабов... Отец у меня был кадровый военный, погиб в первые дни войны.

Он рассказывал о себе доверительно и простодушно. Вера Брониславовна слушала в обычной своей манере. Ольга Порфирьевна усиленно старалась не верить ни единому слову. Спартак Тимофеевич казался ей не тем, за кого себя выдает.

Меж тем Вера Брониславовна, приняв участие подозрительного типа за чистую монету, разговорилась о своих недугах.

— Чужало мое сердце, что в этом году у меня будет несчастливая поездка. И вот видите, слегла. Не знаю, как теперь доберусь до Москвы. Я стала очень тяжело переносить дорогу. От стука вагонных колес у меня начинается невыносимая головная боль. А эта вечная грязь в уборных!

— Так в чем же дело! — Спартак Тимофеевич от радости покраснел, даже лысина запылала. — Я могу вас довезти на машине.

Вера Брониславовна выказала большую заинтересованность.

— Наверное, очень приятно путешествовать на своем автомобиле. В дни моей молодости машин было мало, а еще меньше денег у нас с мужем.— Она вздохнула.— Скажите, за сколько часов можно отсюда доехать на машине до Москвы?

— Часов за восемь.

Она покачала головой:

— Такая поездка не для меня. Я не выдержу. Восемь часов!..

— Восемь получается с остановками,— принялся уговаривать Спартак Тимофеевич.— У меня правило — отдыхать от руля каждые два часа. И непременно поесть горячего. По пути сюда я разведал неплохие ресторанчики. Мы с вами заедем в Торжок к самому Пожарскому. О нем еще Пушкин писал: «Пообедай у Пожарского в Торжке».

С подозрительной настойчивостью он расписывал Вере Брониславовне все прелести поездки на машине из Путятина в Москву. Ольга Порфирьевна никак не могла разгадать, что за расчет у этого афериста. Но расчет непременно должен быть. Этот тип хочет как можно скорее увезти Веру Брониславовну из Путятина. А она, бедняжка, ничего не подозревает. Оживилась, глаза разгорелись... Вера Брониславовна уже почти дала свое согласие отправиться в путь, как только Спартак Тимофеевич заберет свой автомобиль из починки.

Ольга Порфирьевна ужасно боялась оставлять большую с человеком, не внушающим доверия, но пришлось. Она прытко посеменила к себе в музей и оттуда позвонила в милицию Фомину.

Следователь выслушал ее и неопределенно хмыкнул.

XI

Володя проснулся с тягостным чувством, что провел ночь не у себя дома, а в чужом и скверном месте. Стоит ему открыть глаза — сразу же посыплются жестокие вопросы.

Он лежал не шевелясь, не подавая виду, что уже проснулся, и старался припомнить до мельчайших подроб-

ностей все, что произошло накануне. Так он мысленно добрался до того мгновения, когда глупо и постыдно выдал себя перед этими примитивистами.

Но что случилось потом?

Дальше в памяти был провал. Володя снова и снова вспоминал сцену с двумя копиями «Девушки в турецкой шали», и наконец перед ним возникло самое последнее — голос Фомы за спиной: «Спокойно, Киселев!» Володя оборачивается и видит Фому, у которого в руке вместо огнестрельного оружия бутылка. Вряд ли он мог видеть такое наяву. Это уже начался бред, забытье.

Ну, а если все-таки Фома наяву вышел из-за сирени? Володя в досаде застонал. Если наяву, то, значит, Фома ему не доверял. Фома за ним следил, а тем временем настоящий преступник мог уйти.

— Проснулся наконец? — спросил незнакомый голос.

Володя обреченно открыл глаза и вдруг увидел потолок, знакомый с детства, весь в абстрактных рисунках, образованных трещинами.

— Вставай! Уже восемь часов! — сказал незнакомый голос.

Володя с трудом повернул налитую свинцом голову и увидел за обеденным столом рыжего Сашу.

— Что вы здесь делаете?

— Татьяна ушла на экзамен, я ей подал на завтрак гренки. Кроме хлеба, в доме ничего не было. Потом я сходил за молоком, в продмаге дают сосиски, но я стоять не стал...

Бородач обстоятельно отчитывался в своей хозяйственной деятельности. Послушать со стороны — он у Киселевых свой человек.

— Ваши приятели тоже здесь?

— Нет, они в гостинице.

— А вы зачем остались?

— Вчера мы были на «ты», — напомнил Саша, ставя на стол две тарелки. — Я бы не хотел переходить на официальный тон.

Володя сел в постели и обнаружил, что спал на простыне, раздетый, а тренировочный костюм аккуратно повешен на спинку стула. Володя спустил голые ноги и поймал пальцами шлепанцы. Молча оделся, взял полотенце и вышел на крыльцо к рукомойнику. В сирени беззаботно

чирикали воробьи, из бачка садового душа шлепались на дощатый настил звучные капли. Примитивист до того поусердствовал, что даже натаскал воды в душ.

«Какой дурак в мае купается под садовым душем?» — раздраженно подумал Володя и, откинув кусок матрачного тика, заменявший дверь, вошел в кабину, разделся и наперекор трусливым содроганиям тощего тела встал под ледяную струю.

В дом он примчался весь синий, в гусиной коже, громко клацая зубами. Зато головной боли как не было.

— Вот и отлично! — Примитивист развернул газетный кочан и достал из него кастрюлю, открыл крышку и положил себе картошки. — Сливочного масла у нас нет, но знатоки уверяют, что с подсолнечным — это уж чисто по-крестьянски, как в ранешние времена...

Саша пододвинул хозяину фирменную бутылочку с подсолнухом на этикетке, видимо тоже купленную сегодня утром. Володя ожесточенно навалил себе в тарелку картошки, размял, полил маслом и принялся за еду.

— Нравится мне, как ты живешь! — болтал Саша с набитым ртом. — Твой ветхий кров и буйная сирень. Ты очень правильно, ты мудро живешь. Природа одарила тебя колоссальной чувствительностью. Это хорошо, это замечательно. Как ты вчера вспыхнул весь и задрожал! Ты ведь не был пьян, с тобой приключился нервный обморок. Значит, ты в нее влюблен! Не только Пушкин, но и ты. Боже мой, как это прекрасно! — Саша блаженно помотал бородой. — Но ты когда-нибудь думал о ней как о живой? Не о девушке на портрете, а о реальной Таисии Кубриной? Сколько ей сейчас лет? Должно быть, около восьмидесяти. Дряхлая старуха!

Володя отшвырнул вилку:

— Замолчи! Сейчас же замолчи!

Саша в упоении схватился за голову:

— Слушай, я непременно напишу твой портрет. Какие у тебя сейчас бешеные глаза!

— Ты напишешь? — Володя засмеялся довольно естественно. Ему было не до смеха. — Ты бездарный мазила! Пошляк! Халтурщик! Вор!

Саша побледнел, лицо его перекосилось.

— Ты меня совсем не знаешь, — тихо сказал он. — По-

чему ты себе позволяешь судить о человеке, не зная о нем буквально ничего?

Володя смущенно зашарил по столу, отыскивая вилку. Третий раз ему бросили упрек в том, что он судит о людях без достаточных оснований. Первым был Фома, вторым — босс Юра. И вот теперь Саша. Как сговорились! Но раз уж его загнали в угол, он не будет с ними валандаться.

Володя привстал и нагнулся к примитивисту:

— Где картина? Вернули Фомину?

Сашино лицо прояснилось.

— Ах, вот оно что... Ты так и не понял. А я-то думал, что ты разбираешься. Это же был не оригинал, а тоже копия. Я написал две копии. Плохую повесим в кафе, а ту, что получше... — Саша неопределенно пожал плечами.

— Куда же ту, что получше? Собирались тайком поменять ею оригинал?

— Опять ты торопишься! — огорчился Саша. — У тебя непомерно развито воображение, но житейская сообразительность стоит на нуле. Ты неглуп, талантлив, но наверх ты не пробьешься. Так и застрянешь в глубинке.

— Ну и пускай застряну! — отрезал Володя. — Тебе же самому так нравится моя жизнь! — Он передразнил со злостью: — Моя сирень и мой ветхий кров! Но ты-то сам чем выбился из своей глубинки? И для чего выбился? Чтобы халтурить и подделывать картины?

Саша помотал головой:

— Если бы это была подделка, на ней оказались бы подделанными и подпись художника, и следы времени. А я писал обыкновенную копию, которая будет висеть в кафе. Но, понимаешь, Юра ее забраковал.

— Да ее забракует любой, даже ничего не смыслящий в живописи! — уничтожающе бросил Володя.

— И опять торопишься. — Саша глядел с жалостью. — Юра забраковал ту, которая лучше. Он сказал, что я перестарался, что я нарушаю современный стиль кафе. Ну, я и написал, как ему надо.

Володя понял, что Саша не врет. В конце концов, босс мог не посвятить Сашу в свои преступные замыслы. Сообщник босса — черный Толя, рабочая лошадка.

Володя встал из-за стола:

— Не беспокойся, посуду помою я сам. А ты иди, тебя ждут твои коллеги.

Но от Саши не так-то легко было отделаться. Он проявлял к Володе родственную нежность.

Из дома они вышли вместе. По дороге в музей Саша рассказывал про свою неустроенную жизнь.

— Я слабый, я не умею толкаться, а в наше время нет купцов-меценатов, которые лезут в карман и вынимают пачку денег на поездку в Италию. В наше время надо жить трудом. Но никто тебе не доверит сразу расписывать дворец. Один мой однокурсник подрядился расписывать церковь под Москвой, хотя он не верит в бога, он вообще ни во что не верит, кроме денег. А я за что только не хватался. Одно время заголовочки рисовал в «Пионерской правде». Теперь вот работаю у Юры. Трактирная живопись, какой бы скверной она ни была, несет наименьший вред людям. Знаешь, сколько таких вот, как я, малюют по разным градам и весям, расписывают кафе под названиями «Романтики» и «Гвоздики» в стиле духанов Пиромани...

— Что ж, ты так и собираешься всю жизнь заниматься трактирной живописью? — сочувственно спросил Володя.

— Денег, которые я заработаю у вас в Путятине, мне хватит на год. — Саша понизил голос: — Знаешь, я кое-что задумал. Я, конечно, не гений. Если бы я был гением, я бы не пошел на халтуру, я бы предпочел честно и благородно умереть в нужде.

Рассказ Саши вызвал у Володи искреннее сочувствие. И сразу же явились тревожные мысли о Таньке. Оказывается, художника диплом не кормит. Как мог Володя об этом раньше не подумать! Вот и попробуй писать шедевры! Конечно, гению ничто не страшно. Только ведь Танька не гений. Уж пусть бы скромненько поступала в педагогический.

Володя прекрасно понимал, насколько он сам виноват в том, что Танька возмечтала стать художницей. Он и его бесконечные разговоры о Пушкине. Гением Пушкин, допустим, не был. Про таких художников принято говорить: незаурядный талант. Как будто бывают и заурядные таланты. Или говорят: большое, яркое дарование. На халтуру Пушкин никогда не разменивался. Однако в конторских книгах Кубрина Володя нашел записи, свидетельствующие, что художник перебрал у фабриканта немалые

суммы — займы. Положение должника его, конечно, мучило. И вот, не видя иного выхода, он соглашается несколько раз выполнить узор для знаменитых кубринских ситцев.

В те годы, как вычитал Володя в старых номерах «Биржевых ведомостей», хранящихся в музее, ситцы фабрики Кубрина вышли на первое место в российской торговле со Средней Азией, откуда приходили в Путятин тугие кипы хлопка. Кубрин вытеснил бы всех конкурентов с рынков русского Востока, но помешала революция.

Перелистывая в музейной кладовой альбомы с образцами кубринских ситцев, Володя не раз пытался угадать те шесть узоров Вячеслава Павловича Пушкина, за которые с художником расплатились в конторе. Володя пробовал заинтересовать альбомами Веру Брониславовну, но она даже не пожелала взглянуть — так ненавидела все связанное с Кубриным и его дочерью.

Впрочем, чем она могла бы помочь? Жены художников далеко не всегда разбираются в искусстве. Но вот Саша... Саша бы мог!

Володя въявь услышал взмах крыльев — на свет родилась блестящая идея. Саша не гений, но он несомненно талантлив. Даже халтурной бригаде требуется один талантливый художник. Босс Юра делает дело, Толя — черную работу, а Саше платят за талант. У дельца должен быть нюх на все незаурядное, как был этот нюх у Никанора Кубрина.

Парадный подъезд музея оказался закрытым. На бронзовой ручке болтался, как и вчера, плакатик: «Санитарный день». Володя и Саша вошли во двор, поднялись в кабинет директора. Там собрался весь небольшой коллектив. Ольга Порфирьевна консультировалась с отделом культуры, открывать сегодня музей или нет.

— Открывать и только открывать! — с порога выпалил Володя. — Ольга Порфирьевна, я нашел человека, который может определить узоры Пушкина.

— Что определить? Зачем? — Она не понимала, о чем он говорит.

— Чутьем! Понимаете? Чутьем!

Сидящая у самой двери тетя Дена проворчала:

— Лучше бы ты собаку привел с хорошим чутьем.

Она бы нашла. Собаку полагается приводить, а никто не догадался.

— Ольга Порфирьевна! — взмолился Володя. — Ради бога, послушайте! Я изобрел сложнейшую и вместе с тем простейшую систему поиска узоров Пушкина на кубринских ситцах. Мы будем показывать кубринские альбомы каждому приезжающему в Путятин одаренному художнику. Чем больше будет экспериментов, тем точнее результат. Все данные будут, разумеется, заложены в ЭВМ. Вопрос об авторстве Пушкина разрешится на современном научном уровне: интуиция талантливой личности плюс логика электронного мозга.

Уступив Володиному напору, Ольга Порфирьевна вручила ему ключи от бывших каретных сараев.

Володя доставал один за другим толстые альбомы. Саша на вытащенном во двор столе рассматривал листы и затевал посторонние разговоры:

— Ты когда-нибудь, Володя, задумывался над тем, по-

чему Пушкин писал ее в турецкой шали? Старинные турецкие шали ни на ком так не смотрятся, как на русских красавицах. Вообще шаль живописна.— Саша мелкими шажками прошелся вдоль стола, изобразил, как женщина накидывает на плечи дорогую шаль.— Я зимой был на выставке русских шалей. На улице Станиславского. Там есть старинные хоромы и в них — выставочный зал. Знаешь, о чем я подумал? Современные женщины носят мексиканские пончо, но шаль — это совсем другое, они не сумеют... И походка не та, и статности нет. Шаль на плечах... Это совсем другое, ныне исчезнувший тип женщины. Человеческие типы так же исчезают, как исчезали археоптериксы...

Саша рассеянно поднимал с земли щепку, закладывая страницу и перелистывал дальше.

— Кстати, тебе не кажется, что походка полной женщины, матери семейства, в общем-то, более естественна, более женственна, чем выделанный шаг тощей манекенщицы?

Саша откусывал травинку, клал меж страниц и наборматовывал какую-нибудь песенку.

— Тебе не кажется, Володя, что есть мелодии, которые застревают у нас не в ушах, а в зубах? Как жилистое мясо.

Он методично перебрал все страницы, раздумчиво покопался в рыжей бороде и сообщил Володе свои соображения:

— Где заложены щепки, там узор, которого Пушкин никогда бы себе не позволил. Художник, совершивший такую пакость, погибает навеки. А вот где травинки, там, возможно, он. Я не утверждаю. Может быть, он, а может быть, и не он. Показывать фокусы я не собираюсь.

Володя насчитал в альбомах около пятидесяти щепок.

Травинок оказалось только четыре. Номера образцов, заложенных щепками и травинками, Володя переписал в блокнот и вытащил все закладки.

Во дворе появилась Танька.

— Четыре балла! — сообщила она небрежно.

— Какой вопрос завалила? — строго осведомился брат.

— Дополнительный по Щедрину.

— Самый трудный писатель в русской литературе! — поспешил на выручку Саша.

Володя смотрел, как они уходят вдвоем. Пигалица Танька в стареньком школьном платье выше колен — слава богу, что пришла мода на мини! — и бородатый Саша в заношенной ковбойке и вытертых штанах.

«Он ее не прокормит, — мрачно размышлял Володя. — Они оба себя не сумеют прокормить. А мне их двоих не вытянуть на мою музейную зарплату. Хоть иди с кистенем на большую дорогу!»

В вестибюле музея ему повстречался Фомин. Они молча кивнули друг другу. В распахнутые парадные двери валила крикливая детская экскурсия. Все ребята были в одинаковых красных пилотках.

— Пройдем к тебе, — предложил Фомин.

У себя в кабинете Володя по-хозяйски сел за стол. Следовательно пришлось занять место в кресле.

— Вопросы есть? — Володя решил держаться вызывающе.

— Да нет, — благодушно отвечивал Фомин. — Хочу тебя успокоить. Сегодня вдова у вас не появится. И завтра тоже.

— Надеешься?

— Располагаю точными данными.

— Ты не очень-то верь в ее хвори. Я эту даму знаю лучше, чем ты. У Веры Брониславовны богатырское здорье.

— И тем не менее...

Фомин держался с поразительной самонадеянностью. Володя решил, что кто-то посолидней едет на подмогу путятинскому Мегрэ.

— Меня ты все еще подозреваешь?

— Тебя, Кисель, ни в чем нельзя заподозрить! — заявил Фомин с апломбом. — Видишь ли, у тебя нет никаких тайных пороков. Разумеется, кроме твоей тайной гордыни. Ведь любовь не порок? — Фомин засмеялся.

Володя невольно схватился за верхний ящик стола.

— Ты не имел права шарить в моих бумагах!

— Я и не шарил! — весело заверил Фомин. — Я заглянул случайно, краешком глаза. А вчера вечером...

— Что вчера? — перебил Володя. Его злила самоуверенность Фомы. — Ты у них отобрал вторую копию?

— Не имею права.

— А тебе не приходило в голову, что ты вчера держал в руках вовсе не копию, а оригинал?

Он рассчитывал, что Фома клюнет на такого «червяка». Но Фома зевнул лениво:

— Мне-то? Нет, не приходило. Я абсолютно уверен, что видел и держал вчера в руках не оригинал, а копию. Да, я не могу отличить Гогена от Ван Гога, как ты вот тут вчера изощрялся, но я сын ткача, внук ткача и правнук ткача. Старинную холстину от новенькой я уж как-нибудь могу отличить, не сомневайся.

ХII

Фомин вышел из музея. Навстречу по ступеням вприбежку поднимался Футболист.

— Давненько не видались! — Футболист приподнял рыжую кепчонку. — Опять заглядывали к приятелю? В наше время редко встретишь такую трогательную мужскую дружбу.

Это было уж слишком. Если Футболист не преступник, кто же он?

— Маленький город, узкий круг приятелей. — Фомин оправдывался очень неловко. — Но, кажется, и у вас завелось знакомство в здешнем музее. Вы вчера обронили, что хотите с кем-то повидаться. Сегодня никаких препятствий нет, музей открыт.

— Спасибо за радостные вести! Повидаюсь на прощанье — и в путь! — Футболист скрылся за дверьми.

Фомин в раздумье остался стоять на крыльце. Он уже доложил своему начальству, что надо бы не мешкая вызывать специалистов по расследованию музейных краж. Фомину теперь даже неудобно проявлять хоть какую-нибудь инициативу. Но все-таки... С кем там прощается Футболист перед отъездом?

Фомин быстро перебрал в памяти все, что знал об этом человеке. При въезде в Путятин Футболист налетел на каменную тумбу. Поселился в получердачном номере гостиницы, из которого можно выбираться по ночам не-

заметно для гостиничной дежурной. Побывал в Нелюшке и положил гвоздички на могилы родителей Пушкина (???). Проявляет особый интерес к музею. Откуда-то знаком с тетей Деной. И, наконец, сегодня утром он навестил больную Веру Брониславовну и уговорил ее отправиться вместе с ним на машине в Москву. При его-то умении попадать в дорожные происшествия (!!!).

Фомин взглянул на часы. Две минуты прошло, как Футболист исчез за дверьми музея. Фомин взялся за бронзовую ручку, потянул на себя тяжелую резную створку и заглянул в вестибюль. Никого! Фомин вошел и, крадучись, стал подниматься по беломраморной лестнице.

Ребята в красных пилотках только что закончили осмотр зала, посвященного флоре и фауне Путятинского района. Сводчатый коридор вел отсюда в следующий, исторический зал.

На переходе мальчишки устроили девчонкам засаду, и поднялся визг.

Фомин выждал, пока вожатая навела порядок, и пробрался в коридорчик. Отсюда хорошо просматривался исторический зал музея. Экскурсию вела сама Ольга Порфирьевна. Экспозиция начиналась с зарождения в Путятине мануфактурного дела. У первого владельца фабрика прогорела, несмотря на все усилия управляющего, приглашенного из Англии. И тут в царствование Екатерины II вышел на сцену купец из староверов Олимпий Кубрин. Никто не знает, откуда он взял деньги, чтобы купить фабрику и чтобы пустить ее в ход...

Ольга Порфирьевна рассказывала с жаром. Ребята слушали вполуха. Никто из них не загорелся любопытством, где же все-таки разжился капиталом первый Кубрин. Хотя он мог, например, держать постоянный двор и мог прирезать какого-нибудь проезжего и завладеть его кубышкой. Но вопросы в таком роде обычно задавали в музее люди постарше. У школьников факты истории не пробуждали воображения.

Оставаясь в коридорчике, Фомин прикидывал, куда же направился Футболист. Одна дверь вела из исторического зала в анфиладу комнат, где была представлена современная история Путятина и продукция местных предприятий. Другая дверь, наполовину приоткрытая, ве-

ла в голубую гостиную. Пожалуй, Футболист находится где-то там.

Фомин чуть было не вышел из своего удобного укрытия, но вовремя заметил того, кого искал. Футболист прятался за одной из боковых витрин, у окна, завешенного белой присборенной шторой. Что ему здесь нужно?

Ольга Порфирьевна перешла к рассказу о том, как жили до революции путятинские ткачи.

— Ткачихи! — поправил уверенный детский голос.

Ольга Порфирьевна победно вскинула седую голову. Наконец-то начинает устанавливаться связь со слушателями. Она добилась, что они ее поправили на этом слове.

Фомин вспомнил, что, когда он с классом в первый раз попал в музей, кто-то из его одноклассников вот так же поправил тогдашнего экскурсовода.

— Нет, мальчик! Я правильно сказала — ткачей!

Ольга Порфирьевна объяснила, что были, оказывается, времена, когда работу ткачих выполняли мужчины, которые потому и назывались не ткачихами, а ткачами.

Нынешнее поколение встретило эту новость куда сдержаннее, чем школьники из поколения Фомина. Нынешние, как замечал Фомин, вообще редко чему удивлялись.

Зато Футболист старался не пропустить ни одного слова из объяснений Ольги Порфирьевны. Фомин не сводил с него глаз. Куда переходила Ольга Порфирьевна, туда незаметно, прячась за витринами, перемещался и Футболист. Но вот он не рассчитал и вышел прямо на нее. Ольга Порфирьевна вздрогнула и онемела. Однако она достаточно быстро справилась с испугом и стала рассказывать пионерам, как выглядела фабричная казарма.

При этом полагалось задать слушателям вопрос, кто из них бывал в красном кирпичном здании бывшей казармы. Обычно выяснялось, что никто там не бывал. Экскурсовод подводил группу к бывшему камину, щелкал выключателем, и лампочка освещала искусно сработанный макет мрачного жилища ткача.

Но сейчас совершенно непредвиденно экскурсанты вытолкнули вперед одну из девочек.

— Вот она живет в казарме!

Возникло замешательство. Девочка сделалась красней пилотки, даже сквозь белобрысы, туго зачесанные волосы светила краска стыда. Ребята или не замечали ее состояния, или действовали с обдуманной жестокостью.

— Ты живешь в казарме? — Ольга Порфирьевна отступила к камину и щелкнула выключателем.

— К осени мы получим квартиру, — оправдывалась девочка. — Мама сказала — у нас первая очередь.

Фомин из своего укрытия смотрел на смеющиеся, подмигивающие ребячьи лица. Что делают, а? Ничего не понимают, хоть кол на голове теши! В казарме сейчас доживают одинокие старухи. Девочка и ее мать могли там поселиться только по несчастью. Что-то у них стряслось.

Он перевел взгляд на Футболиста и увидел, что тот стоит как окаменелый.

Ольга Порфирьевна призвала ребят внимательней поглядеть на макет.

— Перед вами комната бывшей рабочей казармы. Сейчас такую комнату занимает один человек или одна небольшая семья. А при Кубрине в каждой комнате жили три семьи. Видите, стоят две кровати. На каждой помещалось по семье. Итак, внизу две. Но где же место для третьей? Третья семья, ребята, помещалась на деревянных антресолях, куда лазили по приставной лестнице. Слово «антресоли» вам, конечно, знакомо. Они есть и в новых домах, там ваши мамы держат разные ненужные вещи... А теперь прошу всех перейти к следующей витрине. Здесь показано, как эксплуатировался детский труд. С восьми лет ребенок попадал в кабалу к Кубрину...

Лишь немногие из ребят последовали за Ольгой Порфирьевной. Среди остальных начался разлад. Мальчишки отошли в сторону, пошептались и стали разглядывать развешенные в простенке казачью шашку, нагайку и винтовку — орудия подавления Путятинской стачки.

А что Футболист? Он остался возле Ольги Порфирьевны.

Из исторического зала Ольга Порфирьевна повела

экскурсию знакомиться с современным Путятином. Но теперь Футболист не последовал за ней. Он еще немного постоял в зале, как-то странно его оглядел и направился к полуотворенной двери в голубую гостиную. Когда он скрылся, Фомин неслышно пересек зал и заглянул в гостиную.

Футболист в раздумье остановился, изучая паркет. Затем быстрыми шагами подошел к балконной двери, открыл ее и вышел на балкон. Постоял там, посмотрел во все стороны, вернулся в гостиную, методически запер балконную дверь. Как бы бесцельно прошелся по гостиной и присел к майоликовому столу на крученых ножках. На дорогостоящую датскую вазу не обратил никакого внимания. Встал и медленно, в неуверенности двинулся к двери в зал Пушкина, открыл...

Не теряя ни минуты, Фомин вбежал в зал Пушкина следом за Футболистом. Тот испуганно оглянулся, но мигом оправился и спросил Фомина, как старого доброго знакомого:

— Послушайте, куда они девали «Девушку в турецкой шали»?

— Спокойно! — сказал Фомин. — И давайте разберемся.

— В чем?

— Прежде всего в том, почему вы проявили интерес именно к этой картине Пушкина.

— К ней проявляют интерес все посетители музея.

— Не темните! — строго посоветовал Фомин. — И не прячьтесь за многих. Вы проявили особый интерес, уважаемый Спартак Тимофеевич!

— Простите, а ваше имя и отчество? — учтиво любопытствовал Футболист.

— Николай Павлович. Вот мое удостоверение.

Футболист внимательно изучил удостоверение и вернул Фомина.

— Так в чем же дело?

«Недурно держится», — подумал Фомин.

— Зачем вы пришли сегодня в музей?

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, пока вы мне не объясните, чем вызвано ваше... м-м-м... служебное любопытство. И учтите, я спешу. Меня ждет дама.

Фомин предложил Футболисту продолжить разговор в другом месте и привел его в кабинет заместителя директора.

Володя, увидев Футболиста, вскочил, чем-то крайне изумленный.

— Киселев,— быстро спросил Фомин,— вы знаете, кто этот человек?

— Да,— сказал Володя.— Это Кубрин! Я его сразу узнал.

Фомин разозлился:

— Глупая шутка!

— Ваш приятель не ошибся,— заявил Футболист.— Я действительно родной внук бывшего владельца этого дома.

— Но ведь Кубрины эмигрировали из России!

— Ничего подобного! — возразил Футболист.— Мой дед действительно успел перевести деньги в швейцарский банк, но сам не спешил покинуть Россию. У него были давние связи с Ташкентом, с тамошними торговыми кругами. Мой дед даже не менял фамилию, он остался Кубриным и работал бухгалтером в хлопковом тресте.

— А Таисия Никаноровна? — волнуясь, спросил Володя.— Она уехала в Париж?

— Мама? — Футболист очень удивился.— Мама закончила в Ташкенте университет по естественному факультету и всю жизнь занималась изучением Голодной степи.

Володя с ужасом разглядывал лысого человечка с чуть косящими черными глазками. И это сын загадочной прекрасной Таисии! Ему вспомнились слова Саши: «Ты когда-нибудь думал о ней как о живой?» Володя нехотя взял протянутую ему фотографию. Седая женщина с темным, как у степнячки, лицом стояла возле каких-то приборов на фоне голой, выжженной солнцем степи.

Ее сын продолжал рассказывать о ней и о своем отце, красном кавалеристе Тимофее Коваленке. Старый Кубрин умер незадолго до войны. В первый военный год Таисии Никаноровне удалось получить из Швейцарии отцовские деньги, она их отдала в фонд обороны.

Фомин понимал, что ему выкладывают чистую правду.

— Почему же вы никому не назвались? Так бы и уехали?

— Так бы и уехал,— печально признался Спартак Тимофеевич.— Не вижу никакой необходимости докладывать людям — и особенно здесь, в Путятине,— что я внук того, знаменитого Кубрина. Правда, сейчас среди определенной публики стали пользоваться успехом те, кто когда-то скрывал свое дворянское происхождение или дедушкину фабрику. Есть, знаете ли, у нынешних мещан мода на именитых предков, но человек интеллигентный не может быть ей подвержен. Вы согласны?

Фомин неопределенно пожал плечами. Володя утвердительно наклонил голову.

— На меня произвел тяжелейшее впечатление исторический зал вашего музея...— Спартак Тимофеевич обращался к Володе.— Теперь я могу понять, почему маму никогда не тянуло повидать родные места. А вот о Пушкине я от нее в детстве много слышал. Мама считала его очень талантливым и жалела, что судьба Пушкина сложилась неудачно. Она долгие годы считала, что его уже нет в живых или нет в России. Мама и он были когда-то большими друзьями.

— А о портрете она вам рассказывала? — спросил Володя.

— О портрете? — Спартак Тимофеевич виновато развел руками.— Нет, о нем мне мама не говорила. Но шаль я узнал сразу. Мама ее очень любила, берегла. В войну пришлось продать. Она мне писала на фронт, что за шаль ей дали мешок рису. По тем временам — огромная цена. В Ташкенте были знатоки...

Володя, казалось, не слушал Спартак Тимофеевича, витал мыслями где-то далеко.

— Я был просто поражен, когда увидел здесь, в музее, мамин портрет,— пояснил Спартак Тимофеевич Фомину.— Очевидно, тогда-то я и привлек к себе особое внимание. А затем с портретом что-то случилось? Да?

Фомин молчал. Ему на помощь пришел Володя, молниеносно спустившийся с небес на землю.

— Произошло небольшое недоразумение,— для убедительности Володя мелко хихикнул.— Портрет, оказывается, никуда не пропал! — Володя выразительно глянул на Фомина: — Извините, уважаемый Николай Павлович, мы вас напрасно побеспокоили. «Девушка в турецкой шали» отправлена в Москву на реставрацию.

— Черт знает что! — Возмущение Фомина прозвучало вполне искренне. — У вас в музее правая рука не знает, что творит левая!..

— Жаль! — огорченно проговорил Спартак Тимофеевич.

— У меня есть цветные фотографии. Пойдемте, я вам дам. — Володя повел Спартак Тимофеевича к себе в кабинет.

Фомин поплелся следом за ними.

Получив снимок, Спартак Тимофеевич благодарно поморгал черными, чуть косящими, материнскими глазами:

— Я понимаю, исследователей творчества Пушкина интересуют факты личной жизни, относящиеся к созданию портрета, но я ничем не могу помочь...

Володя и Фомин проводили его до машины.

— Врет он, что ничего не знает, — мрачно заявил Фомин, провожая взглядом синий «Москвич», взявший с места в карьер.

— Знаешь, Фома, — раздумчиво произнес Володя, — я, кажется, понял, кто украл «Девушку в турецкой ша-ли»...

— Опять дедукция? И слышать не хочу! — отмахнулся Фомин и пошагал к себе в горотдел.

«Хоть бы скорее приехали из Москвы специалисты по музейным кражам! — думал он. — Однако каков Кисель! Все-то он знает и понимает! Подозрительно...»

Вернувшись в бывшую швейцарскую, Володя достал из ящика письменного стола свою рукопись и цветную фотографию с портрета Таисии Кубриной. Рядом мысленно поместил выцветший любительский снимок: женщина возле своих приборов посреди иссохшей, потрескавшейся Голодной степи.

— Значит, вылитая Настасья Филипповна? Вот оно что! Как же я сразу не раскусил?!

XIII

У подъезда гостиницы стоял синий «Москвич», распахнув все дверцы, капот и багажник. Дядя Вася в чистой рубашке и трезвый как стеклышко возился с зажи-

ганием. Тетя Дена приказала ему обслужить этого заказчика по совести.

И вот теперь совесть дяди Васи разрывалась на части: говорить или не говорить следователю о теткинм подзрительном приказе?

Возле распаханного багажника суетились женщины из гостиницы, укладывали вещи Веры Брониславовны: чемодан примечательной формы, большой и плоский, затем с десятков всяческих сумочек. Без такой дробной упаковки не обходится ни одна путешествующая женщина. Чего бы проще — взять в дорогу еще один чемодан или вместительную сумку. Нет, навяжет узелков и узелочков.

У себя в номере одетая в дорогу Вера Брониславовна раздаривала на прощанье сотрудницам гостиницы разные мелочи: салфеточки, платочки. Ее отъезд, как и приезд, всегда вызывал общее приятное волнение.

— Если буду жива, через год опять увидимся,— говорила она.— А вы пишите, не забывайте. Если что нужно, не стесняйтесь, напишите.

— Непременно приезжайте на будущий год! — просили ее все от души. Кое-кто из женщин прослезилился.

Постучавшись в дверь как бы лишь для проформы, вошел, не снимая кепчонки, с видом своего человека оживленный Спартак Тимофеевич:

— Лошади поданы! Я на минутку за своими вещичками — и в путь!

Поддерживаемая с обеих сторон, Вера Брониславовна вышла из номера. Позади дежурная несла шотландский плед и трость. Процессия направилась к лестнице.

Навстречу, шагая через две ступеньки, поднимались торжествующие Юра и Толя. Они только что одержали победу над Колосковым: доказали свое право продолжать работу согласно договору. Мимо старой дамы победители прошли с издевательскими ухмылками на молодых тугих физиономиях.

Никто из ее спутниц не догадался, в чем дело, но Вера Брониславовна все сразу поняла:

— На минутку! Мальчики, вернитесь!

В несколько прыжков они спустились к ней, нисколько

не боясь неминуемой слезливой старушечьей жалобы. Однако старая дама одарила их лучшей из улыбок.

— Я на вас не в обиде. Молодость всегда права. Не так ли? — и, не дожидаясь ответа, двинулась вниз, увлекая за собой всю процессию.

Юра и Толя остались стоять на лестнице.

— Один — ноль в ее пользу! — изрек Толя.

Володя наблюдал всю эту сцену снизу, с диванчика в вестибюле, и оценил по достоинству: «Ай да Вера Брониславовна!»

Он рванулся ей навстречу и поздоровался по-школьному, он это заранее прорепетировал:

— Здравсьте, Вера Брониславовна! — и даже головой мотнул.

Она ему обрадовалась непритворно.

— Как хорошо, что вы пришли меня проводить! Именно вы! Я ведь знаю ваше ко мне суровое отношение. Вы не прощаете мне даже самые простительные женские слабости. И вот за это я вас особенно люблю. Вы, Володя, чем-то напоминаете мне Вячеслава Павловича. — Она протянула унизанную перстнями руку и заботливо поправила ему галстук. — Вы... только, пожалуйста, не обижайтесь... вы, Володя, замечательно провинциальны! Поверьте, это очень высокая похвала. Русская провинция дает человеку прочные корни. Так говорил Вячеслав Павлович...

Володе пришлось взять ее под руку и вести к машине.

— Я вас очень прошу, — продолжала сердечно Вера Брониславовна, — не отменяйте вечера в голубой гостиной. Вы скажете слово о Вячеславе Павловиче. Я в вас верю. И не забывайте каждый вечер приносить в гостиную букет белой сирени.

Володя видел у себя на руке старушечьи пальцы с распухшими суставами, острые алые коготки, дорогие перстни. Его обдавал мерзкий запах французских духов — одна склянка за его почти месячную зарплату! — и он думал только о том, как от всего этого ненавистного поскорее избавиться.

Но, избавившись, тут же сам напросился проводить Веру Брониславовну и сел впереди, рядом со Спартаким Тимофеевичем.

Прощание Веры Брониславовны с подросшей Ольгой Порфирьевной заняло еще пять минут. Тем временем на заднем сиденье «Москвича» был расстелен плед — чтобы путешественница не замерзла дорогой.

С самолетным ревом «Москвич» рванул с места и покати, оставляя позади струю синего дыма. Дядя Вася с полквартала бежал за машиной с криком: «Дроссель! Дроссель!» — непонятным для пешеходов. Вернувшись к гостинице, дядя Вася на все охи и ахи провожавших женщин ответил флегматично:

— Ничего опасного. Ну перекачает бензина, только и всего. Как-нибудь доедет. Такие крупных аварий не делают. Максимум в кювет завалится. А чтобы всю машину в лепешку? Да никогда!

Утешив женщин, дядя Вася постоял, подумал и — делать нечего! — пошел искать Фомина, чтобы сообщить ему, какую заботу об отъезжающем проявила тетя Дена. Вот они как дружно действуют, сектанты!

О Фомине думала, глядя вслед синему «Москвичу», и Ольга Порфирьевна. Ее опять охватило тревожное, гнетущее предчувствие. Нет, эта поездка добром не кончится! Что-то должно непременно случиться. Из гостиницы звонить в милицию не хотелось. Ольга Порфирьевна поспешила к себе в музей.

...Володя еще загодя наметил, что попросит остановить машину на пятом километре, где шоссе взлетает на холм. Там он посоветует Вере Брониславовне кинуть прощальный взгляд на Путятин.

Рядом с ним Спартак Тимофеевич философствовал на вечные темы:

— В Путятине все улицы разбиты, годами не ремонтируются, а выедешь за город — асфальт целый, глядите — лоснится! В городе мосты через речку старые, деревянные, а за городом через железную дорогу построен великолепный виадук... И так, знаете ли, всюду... Въезжаешь в город — прощайся с гладким асфальтом...

Вера Брониславовна вовремя подавала восхищенные реплики, и Спартак Тимофеевич исполнялся уверенности, что сегодня он на редкость красноречив, умен и обаятелен. А машину ведет — залюбуешься. Правда, вскоре Спартак Тимофеевич заметил, что забыл задвинуть на место одну из рукояток на панели, но и это не испортило

сму настроения! Он затолкал ладонью подсос, мотор перестал реветь, перешел на тонкое жужжание. Машина покатила веселей, разговор делался интересней.

Володю после километрового столба с цифрой «4» одолела нервная дрожь. Машина шла на подъем.

Наверху автодорожки оборудовали смотровую площадку с ротондой на кургузых толстеньких колоннах.

— Остановитесь, пожалуйста,— попросил Володя,— Вера Брониславовна хочет полюбоваться. Отсюда открывается прекрасный вид.

Спартак Тимофеевич лихо притормозил у самых ступенек, ведущих к ротонде.

— Володя, вы чудо! — восхитилась Вера Брониславовна.— Но удобно ли задерживаться здесь из-за меня? Я ведь дала себе слово не обременять Спартак Тимофеевича лишними просьбами.

— Что вы! Что вы! — возразил тот.— Конечно, полюбуйте.

Володя подал руку старой даме и повел ее вверх по шершавым бетонным ступеням, обрамленным с обеих сторон бетонными шарами, выкрашенными голубой масляной краской. Обернувшись, он увидел, что Спартак Тимофеевич остается пока внизу, открыл капот и что-то там ощупывает с озабоченным видом.

— Я все знаю! — Володя крепче взял ее под руку.— Портрет у вас. Я видел ваши вещи, когда их укладывали в багажник. Портрет в большом чемодане.

Она тяжело дышала от нелегкого для нее подъема, а он все говорил, говорил...

— Вы ее ненавидите, я знаю! Вы придумали, будто бы она искала скандальной славы. Это неправда. Я уверен, что ее возмутили выдумки газетных репортеров и дешевый вымысел бездарного критика, охотно подхваченный публикой. Она решила, что скандальные слухи муссирует Пушкин. Вот причина их ссоры. Ну, и, наверное, она его не любила. Но что теперь докажешь! Ничего...— Володя чувствовал, что старая дама все тяжелее опирается о его руку.— Верните «Девушку в турецкой шали»,— потребовал он, понижая голос.— Я знаю, как вы ее вынесли из музея. То есть, конечно, не вынесли, а сбросили, да? Вы остались одна в зале, никого поблизости не было —

вы прошли в голубую гостиную, открыли балконную дверь... Так? Под балконом растет сирень, картина упала в кусты. Вы ведь любите гулять перед сном? Вы пришли и унесли картину к себе в номер. Так? — Он отпустил локоть Веры Брониславовны.

Они остановились лицом к лицу в ротонде. Внизу раскинулся город, над ним возвышался на холме обнесенный крепостными стенами монастырь. Речка, обогнув монастырь, поворачивала к мрачным красно-черным корпусам Путятинской мануфактуры.

— Верните картину! — властно сказал Володя. — Верните, и я никому не выдам. Даю честное слово.

Вера Брониславовна, прищурясь, глядела на лежащий внизу Путятин, будто что-то искала среди крыш и макушек деревьев. Володя ожидал, что сейчас она станет изворачиваться и, быть может, заплачет, но она спросила жестко и деловито:

— Как вы собираетесь объяснить там? — Она показала в сторону города.

— Даю вам честное слово, — со всей силой повторил Володя, — никто не узнает, что это вы!

— Хорошо, — сухо и бесцветно проговорила она. — Можете ее взять. Я вам верю. Идите.

— Спасибо! — радостно выпалил он. Других слов не нашлось. Да и нужны ли они сейчас?

Вера Брониславовна осталась в ротонде. Володя побежал к машине, открыл багажник и достал большой плоский чемодан. Ключик болтался на золотом шнурке, привязанном к ручке чемодана. Володя отпер чемодан и поднял крышку. Картина, завернутая во что-то легкое, пестрое, лежала наверху. Володя на ощупь узнал раму и решил было не разворачивать, но все же не удержался и с одного угла откинул пестрый шелк.

Она... Таисия Кубрина, своенравная купеческая дочка, жена красного кавалериста, замечательный исследователь Голодной степи.

Володя запер чемодан, положил на место и захлопнул багажник.

Вера Брониславовна недвижно стояла в ротонде, опершись на тяжелую мужскую трость.

— Любуетесь? Не наглядитесь? — К ней подошел сидящий Спартак Тимофеевич. — И правда вид недурен!

Но его портят вон те мрачные строения. Поберегите восторги, я вам еще покажу Торжок. Вот где красота! И древний Кремль и дворянские особнячки. И к тому же знаменитые пожарские котлеты!

На эту неуместную болтовню ничего не подозревающего человека Вера Брониславовна ответила милейшей улыбкой.

Володя восхищался ее выдержкой. Прежде ему казалось, что уж он-то в совершенстве изучил ее характер. Но нет, он Веру Брониславовну совсем не знал. Ему удалось прийти путем сложных размышлений, что портрет Таисии Кубриной похитила именно она и сделала это из противоречивых чувств, вызванных дурацкой шумихой вокруг «Девушки в турецкой шали». Но почему Вера Брониславовна так вот, сразу отдала похищенную картину? Испугалась, что Володя сообщит в милицию? Но кто бы там прислушался к его «дедуктивным выводам»? Посмеялись бы, и только.

Володя больше не испытывал ненависти к старой даме, к ее кольцам и парижским духам, ко всем ее дамским и светским претензиям, вплоть до белой сирени, создающей творческую атмосферу. Володя вдруг очень искренне пожалел Веру Брониславовну. И, кажется, он начал ее уважать. Как ни говори, а Вера Брониславовна оказалась человеком с сильными чувствами. Вообще она человек, которому ничто человеческое не чуждо.

Когда она спустилась к машине с помощью Спартака Тимофеевича, Володя подошел к ней. Вере Брониславовне показалось, что Володя намеревается отдать ей то шелковое, во что была завернута картина.

— Оставьте у себя,— распорядилась она.

— До будущей весны.— Володя поклонился.

Спартак Тимофеевич усадил старую даму в машину, и они покатали. Володя подумал, что где-то в пути она все же узнает, кто ее везет — сын Таисии. Но у Веры Брониславовны хватит силы воли и на это.

Володя сел на бетонную ступеньку и стал дожидаться попутной машины в город. Он еще не придумал, как объяснит Ольге Порфирьевне, а главное Фомину, внезапное возвращение «Девушки в турецкой шали». Ладно, еще есть время изобрести нешаблонный сюжет.

Но лучше всего — если удастся! — незаметно пронести картину в музей и повесить на стену.

Порожний самосвал промчался мимо Володи и, громыхнув, резко притормозил.

— Кисель! Садись, подвезу! — Из кабины высунулся знакомый парень. Когда-то Володя учился с ним в одном классе, но этот парень ушел после восьмого.

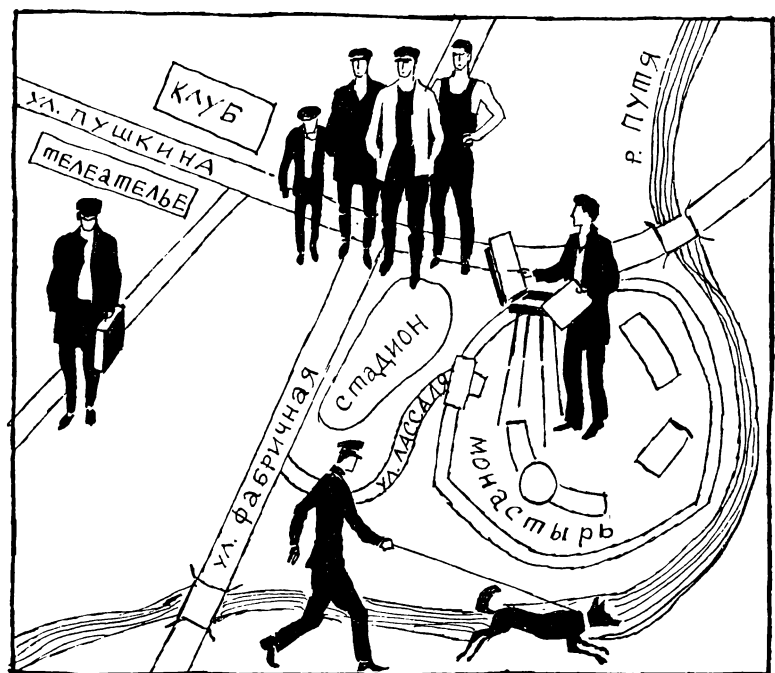
Бережно прижимая к себе портрет, Володя забрался в кабину самосвала. Ему повезло, что встретился знакомый шофер. Володя только сейчас вспомнил, что у него ни копейки в кармане.

У въезда в Путятин по правую сторону был издалека виден стеклянный скворечник ГАИ. Шофер привычно сбросил скорость.

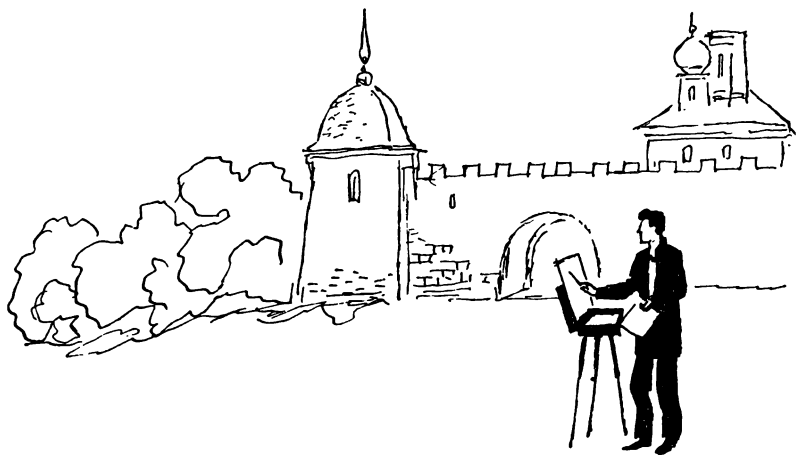
— Ты гляди, а! — Он толкнул Володю локтем. — Кто стоит, а!

Рядом с инспектором, затянутым в кожу и белые ремни, стоял и с усмешкой глядел на приближающийся самосвал самоуверенный, как всегда, Фомин.

*

ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

I

Володя мог беспрепятственно ходить по городу, стоять в очередях наравне с домохозяйками, прогуливаться по пятаку, посиживать на скамейке в городском саду. Его не преследовала восторженная толпа поклонников, ему не досаждали расспросами: «Как вам удалось раскрыть преступление века?» Город ничего не знал. Ни-че-го... Володя свято исполнил обещание, данное вдове художника.

Любой детектив имеет право в финале закурить трубку и поведать потрясенным слушателям, как ему удалось распутать хитросплетения преступника. А Володя? Он блестяще — да, блестяще, к чему скромничать! — провел первое в жизни расследование, и что же? В финале на шоссе у въезда в Путятин ему пришлось уговаривать Н. П. Фомина: «Картина нашлась, и ладно. Что тебе еще нужно?» Фома внял мольбам и сказал, что не будет возбуждать дела. В конце концов, следовательно тут ничего не терял. Это Володе досталось гордо нести свою безвестность. Рыжий Саша по-родственному не задавал лишних вопросов. Он взял у Володи картину, принес в музей и стал просить у Ольги Порфирьевны прощения за то, что снял картину со стены без спросу. «Но ведь всего лишь на денек! — заикался красный от стыда, совершен-

но не умеющий врать Саша. — Я не думал, что в музее перепугаются». Ольга Порфирьевна удовлетворялась на радостях такой грубейшей версией.

Проводив Таньку и Сашу в Москву, Володя засел за монографию о Пушкине. Вот в чем его призвание. «Я исследователь, литератор, а не какой-то детектив...» Но работа шла из рук вон скверно. Когда Танька была рядом, она то и дело приставала с глупейшими вопросами. Володя возмущался, вскакивал из-за стола, принимался воспитывать сестрицу, а тем временем мысль — важнейшая, может быть, даже гениальная! — напрочь вылетала из головы. Однако при Таньке, несмотря на все помехи, его посещало творческое вдохновение. А теперь... «Увы, излишне благоприятные бытовые условия не на пользу творчеству, — уныло говорил себе Володя. — Человеку необходимы тернии и преграды. Преодолевая их, обретаешь необыкновенный прилив энергии».

Танька в Строгановку не поступила. Она даже не осмелилась отнести туда свои работы. По совету рыжего Саши Танька подала на художественный факультет текстильного института. Володе принесли телеграмму: «Принята на ура воск». Володя вздохнул с облегчением. Даже если не «на ура», Таньке теперь не угрожает судьба вольной художницы. После института получит назначение на какую-нибудь фабрику, а то и вернется в Путятин...

В одно прекрасное утро Володя изорвал в клочки неудачную страницу. Надо на время прервать работу над монографией, заняться чем-нибудь другим. Он поднялся в кабинет Ольги Порфирьевны и с порога заявил, что намерен составить научно обоснованный маршрут экскурсии по монастырю.

— Там семнадцатый век! Там вся история возвышения и падения патриарха Никона! — Володя энергично рубил воздух правой рукой. — Мне стыдно, что я не занялся монастырем еще год... нет, два года назад! Ведь все материалы по истории Путятинской обители... — Володя подошел к одному из книжных шкафов, распахнул дверцу, — вот они, на этих полках! Кубрина весьма интересовал патриарх Никон...

В понедельник, нерабочий для музея день, Володя решил с утра пораньше приступить к осмотру монастыря. У самого Володиного дома начиналась тропинка, петляю-

щая вверх по холму к пролому в монастырской стене. Мальчишкой Володя взлетал по тропинке в один дух. Посадские ребята облюбовали монастырское подворье для игры в двенадцать палочек. Колька Фомин жил тогда в бывшей монастырской гостинице. А в одной из келий жила Володина и Колькина одноклассница Валька Семенова, ничем не примечательное существо. И еще обитал там Алька Петухов, гроза всех посадских.

Поразмыслив, Володя пришел к выводу, что сегодня ему противопоказан кратчайший и простейший путь на монастырское подворье. Только через главные ворота, историческим путем богомольцев, словно бы смешавшись с ними, в жалком рубище и с посохом в руке!

Узкими проулками меж глухих садовых заборов Володя выбрался на улицу Лассалья, главную магистраль Посада. Недавно ее укатали асфальтом. Булыжник XVII века остался лишь на крутом подъеме к воротам монастыря, над которыми висела облупленная табличка: «Улица Лассалья, дом № 122». Чуть выше смущающей душу таблички торчали из кирпичной кладки концы железных балок, вделанных в стену для большей прочности, потому что над входом в монастырь возвышалась надвратная церковь Архангела Михаила.

Пройдя сводами, Володя очутился во дворе, выложенном плитами песчаника, с каменным корытом посередке — тут в старину был не святой источник, а обыкновенный монастырский водопровод. Володя уселся на край корыта, вырубленного из цельного камня, и огляделся вокруг.

На веревках реяло белье, у дверей монастырской гостиницы стояли детские коляски, красная и синяя, возле паперти собора — оранжевый мотоцикл. По плитам песчаника расхаживали меченные лиловыми чернилами куры, в монастырском саду Володя узрел привязанную к колышку козу.

Вся эта современность мешала ему сосредоточиться. Володя закрыл глаза. Когда он их вновь открыл, он уже не видел ни белья, ни колясок, ни кур, ни козы. Только постройки XVII века. Мощнейшие стены. Башни, крытые медным листом. Но боже, как его разочаровала эта все-российски чтимая путятинская мужская обитель! Какая казенная, стандартная архитектура! За спиной строителя, несомненно, стоял сам патриарх Никон. Благодаря

его ценным указаниям в Путятине не сложился единый ансамбль.

— Разноголосица, эклектика,— бормотал Володя.— Памятник вмешательству начальства в творческий процесс.

В общем, к огорчению Володи, Путятинскому монастырю не повезло с самого основания и не везло потом. Он славился богатством, купцы жертвовали оклады на иконы из золота и серебра, но сами иконы с художественной точки зрения считались у знатоков явной посредственностью. Вся утварь тоже малохудожественная, ее можно было ценить только по весу. Впрочем, ничто из монастырских драгоценностей не сохранилось. Они были конфискованы после революции. Однако в Путятине ходили слухи, будто монахи до прихода комиссии по конфискации успели многое припрятать или растащить.

«На чем же строить экскурсию?.. А что, если на истории раскола, связанной с именем Никона?»

Володя представил себе, как он ведет экскурсию к воротам монастыря по булыжной мостовой XVII века и рассказывает про патриарха Никона и протопопа Аввакума.

А дальше — на монастырском дворе — он расскажет, какую страшную силу отрицания противопоставил русский раскол царю-реформатору Петру Великому. И совсем наоборот, при Екатерине II раскольники, получив гражданские права, способствуют развитию отечественной промышленности. Купцы из раскольников основали фабрики и по Москве, и в Ярославской, Владимирской губерниях. Взять ту же Путятинскую мануфактуру — чертовски интересный материал!.. Но согласится ли Ольга Порфирьевна утвердить такую тему для экскурсий?..

— Руки вверх! — рявкнул вдруг кто-то за спиной.

Володя вскочил. Что за дурацкие шутки? Перед ним был не кто иной, как лейтенант милиции Н. П. Фомин.

— Здорово напугал? — спросил Фомин, улыбаясь.

Он был одет более чем странно. Штаны с заплатами на коленях, линялая ковбойка, капроновая шляпа с изломанными полями. В руках — зачехленные удочки и ржавая банка с червями.

— У тебя вид переодетого сыщика,— сдержанно сообщил Володя.

После истории с «Девушкой в турецкой шали» бывшие одноклассники при встречах кивали друг другу, но не заговаривали.

Однако сегодня Фомин держался как ни в чем не бывало.

— Неужели похож? — спросил Фомин нарочито невинным голосом. — Это батины штаны и дедова шляпа. По семейным поверьям, приносят рыбацкую удачу. У меня сегодня отгул. Иду на заветное дедово местечко. А ты какими судьбами? Строишь планы реставрации монастыря?

— Размышляю. — Володя еще не решил, как держаться с Фомой.

— Над чем, если не секрет?

— Над судьбой русского раскола! — Володя смягчился.

Ему сейчас был очень кстати такой слушатель, как Фома. Типичный средний экскурсант, имеющий неглубокие, но более или менее систематизированные знания по истории.

— Понимаешь ли, — продолжал Володя, воодушевляясь, — раскол чрезвычайно разнороден...

— Извини! — бесцеремонно перебил Фомин. — Что-то я сегодня не настроен слушать лекцию. Да и клёв боюсь пропустить. Расскажешь как-нибудь в другой раз... — И добавил озабоченно: — Мне еще надо забежать к одному старику, передать привет от моего деда...

Фомин повернулся к Володе спиной и пошагал. Как всегда, самоуверенный, непробиваемый Фома. Что ему весь многосложный русский раскол? Как говорит Лабрюйер, невежество — состояние привольное и не требующее от человека никакого труда, поэтому невежды исчисляются тысячами.

Но куда это направляется Фома? К зданию келий?

— Постой! — вскричал Володя, молниеносно забыв свою обиду.

Фомин оглянулся:

— После, после!.. В другой раз!

Но все-таки остановился, подождал Володю.

— Фома! Удобно будет, если я пойду с тобой?

— Зачем тебе? — Фомин устремил на Володю профессиональный пронизательный взгляд.

— Мне очень нужно побывать в кельях, посмотреть, как жили монахи.

— Да там от прежних времен ничего не осталось. Ты что, забыл? Обыкновенные коммунальные квартиры. Мы же с тобой когда-то тут все излазили.

— Но были тогда ленивы и нелюбопытны! — парировал Володя. — А в одном старинном описании монастыря упомянуто какое-то загадочное воздушное отопление.

— Врут! — уверенно заявил Фомин. — Были обыкновенные печи, жрали уйму дров.

— У вас-то, я помню, была печь. Но вы жили в бывшей гостинице. А в кельях будто бы топки были только на первом этаже и оттуда каким-то образом теплый воздух подавался наверх.

— По трубам, что ли?

— В описании не сказано.

— Ты не очень-то доверяй поповским книжкам, — веско посоветовал Фомин. — Сейчас мы их данные проверим и разоблачим.

Длинное здание келий делилось на два крыла церковной с очень тонкой, очень высокой колокольной. Фомин повел Володю в правое крыло здания. Над крыльцом угрожающе навис ветхий козырек с остатками железных кружев. За распахнутой настежь дверью открывалась узкая лестница на второй этаж. Фомин оставил на крыльце банку с червями, а удочками рисковать не стал, прихватил с собой.

— На первом этаже Петуховы живут и Семеновы. — Фомин показал на обитые мешковиной двери по обеим сторонам небольшой каменной площадки. — Помнишь Вальку Семенову? Она теперь в школе физику преподает. Получила квартиру в новом доме, а мать отказалась переезжать. У нее тут живность, коза, а в новом доме негде держать. — Фомин вел Володю вверх по узкой, крутой, плохо освещенной лестнице. — У стариков свои привычки. Мой дед, когда переехали, и то ворчал: хороша квартира, да выноса нет. То есть ни подвала, ни сарайчика. Тут, в монастыре, насчет выноса — будь здоров! Хватило бы на целый микрорайон. Если интересуешься, можем потом пройтись по здешним подземельям.

На площадку второго этажа тоже выходили две две-ри, обитые уже не мешковиной, а дерматином. Возле

дверей — электрические звонки. Под потолком в круглом окне бесшумно крутится вентилятор, к нему ведет проход из квартиры номер 11.

— Анкудинов. Ты увидишь, он с фокусами, — сказал Фомин, нажимая звонок в 11-ю квартиру. За дверью грянула африканская барабанная дробь. — Изобретатель, одним словом. — Фомин поколебался и выжал еще порцию бешеных тамтамов.

Дверь отворилась, выглянул мальчишка в очках, испуганно отпрянул.

— Вам кого?

— Анисим Григорьевич дома? — спросил Фомин.

— А вам он зачем?

Володя мог бы поклясться, что очкарика не обманул рыбацкий маскарад. Мальчишка узнал Фомина, работника милиции. Узнал и потому так напугался. Мальчишки-очкарики всегда имеют вид круглых отличников, разрядников-шахматистов, но на самом деле это может быть обманчивым впечатлением.

— Так дома он или нет? — спросил Фомин постороже.

— Женя! — послышался из глубины квартиры стариковский голос. — Кто пришел?

— К тебе! — взвизгнул очкарик. — Иди скорей! — Мальчишке явно было страшно стоять тут одному.

— Пускай войдут! Я сейчас!

Фомин и Володя вошли в квадратную сводчатую комнату.

— В кельях всюду одинаково, — принялся разъяснять Фомин. — Стандартная планировка. Это помещение служит прихожей. Из каждой прихожей три двери ведут в три кельи. Дед рассказывал, что полы были прежде каменные. На семью давали по келье. В прихожих устроили общие кухни. Наша семья сначала жила в келье. Потом деду дали две комнаты в гостинице.

Старик все не показывался. Мальчишка, наострив уши, слушал объяснения Фомина.

— Теперь здесь и газ появился. — Фомин указал на плиту в углу. — Баллоны ставят снаружи. Насчет прочих удобств ты, конечно, помнишь, здесь не очень...

Володя вертел головой, разглядывая прихожую. Капителью строились монахи, не то что сейчас. В панельных

домах каждый чих слышен сквозь стены и потолки, а здесь даже внутренние стены толщиной в метр — видать по дверным проемам. А двери-то, двери... Цельный дуб!

Одна из дверей цельного дуба отворилась, вышел сухонький старичок в железных очках.

— Извините, дело стариковское, вздремнул.

— Вы нас извините, дядя Анисим! — возразил Фомин.

Услышав его голос, старик склонил голову набок:

— Коляня?

— Я! — подтвердил Фомин.

— Теперь и в очках плохо вижу, — пожаловался старик, — только по голосу признал. Фоминский голос у тебя — как не признать. — И забеспокоился: — Тебя Ваня послал? Случилось что?

— Все живы-здоровы! — успокоил Анкудинова Фомин. — Я рыбачить шел. Помните дедово место под ивой? Туда шел. Да вот встретился товарищ из музея, интересуется, как тут монахи жили...

— В каком смысле интересуется?

— В смысле быта. Уютно ли жилось монаху в келье. Товарищу неловко врываться к незнакомым людям, вот я и привел его к вам.

Старик слушал и одобрительно кивал головой:

— Чего ж не показать! С моей кельи и начнем.

Фомин и Володя вошли в квадратную сводчатую комнатушку. Кирпичные, неровно оштукатуренные стены чисто выбелены. Оконце похоже на бойницу в толстенной крепостной стене. Под ним — письменный стол, справа у стены — железная кровать, слева — черный от старости книжный шкаф.

— Откуда здесь столько света? — изумился Володя. — Да еще при такой тяжести сводов над головой!

— Своды, говорите, давят? — Анкудинова чрезвычайно обрадовали Володины рассуждения. — А вы приглянитесь! Не в них ли секрет хорошего освещения? Обратите внимание — оконце расширяется внутрь. Свет вливается с улицы и плавно расходится вширь по полукружьям сводов. В комнате с прямыми стенами и плоским потолком при любом размере окна остаются темные углы, а тут углов нет.

Только в самой келье могли родиться столь своеобраз-

Анкудиновы,
Анисим Тригорьевич
и его внук
Женя

ные разъяснения. Володя возмечтал запереться под сводами на месяц и потрудиться с пером в руках, не разгибая спины. Мыслить надо на просторе, а писать — вот в такой тесной келье, уплотняя каждую фразу.

Оглянувшись, он увидел, что Женя Анкудинов стоит в дверях, доставая макушкой притолоку. Очкарик уже не выглядел напуганным. Какая-то опасность, значит, миновала.

Женя Анкудинов постоял еще немного и ушел. Старик водил Фомина и Володю из кельи в келью и с жаром разъяснял, как было устроено монастырское отопление, служившее и вентиляцией. При кладке стен строители оставляли внутри пустоту. Топки были в кельях первого этажа, где жили монахи попроще. На второй этаж, где жили ученые монахи, тепло поднималось по ходам, оставленным в стенах. Ходы служили не только для обогрева и очищения воздуха. Благодаря им все кельи прослушивались насквозь. Даже шепот можно было разобрать, даже слабый шелест бумаги. Монастырская жизнь была насквозь пронизана шпионством.

— Штучки Никона! — сказал Володя. — Патриарх, несомненно, боялся измены.

Анкудинов утвердительно закивал.

— Монахи терпели. Им куда деваться, кому жаловаться? А нам ихний телефон ни к чему. Ткачи, как перебрались сюда, сразу стали затыкать слуховые отверстия. Да и с топливом тогда было трудновато, поставили в кельях «буржуйки», вывели в окна железные трубы. Потом настоящие печи появились. Старую систему теперь вряд ли восстановишь, да и незачем. То же и с водопроводом, — продолжал старик, наслаждаясь вниманием слушателей. — При монахах воду из реки качали по подземным трубам в колодец посреди двора. В случае вражеской осады монастырь бы без воды не остался. Когда монастырь упразднили, монахи вредительски разрушили всю систему. Нам пришлось возить воду с реки в бочках, пока горкомхоз не раскошелился на новый водопровод. А старинные трубы в земле лежали-полеживали. Чистый свинец. В войну их выкопали — и на переплавку, на пули... — Старик остановился перед последней дверью и постучал.

— Нельзя! — отозвался изнутри внук. — Я заряжаю!

— Там у нас с Женей фотолаборатория и мастерская, — похвастался старик. — Верстачок, токарный станочек... Все сами, своими руками...

— И пчел по-прежнему держите? — полюбопытствовал Фомин.

— И пчелки есть, пять ульев. Без меда не сидим. У нас чистый, натуральный...

Получилось, что они сами напросились на угощение. За чаем с медом семи сортов дед Анкудинов и Фомин перебрали всех, кто еще жил в монастыре. В их оживленном разговоре Володя участия не принимал. Его удивляло, что Фомин забыл о рыбалке, сидит и слушает кухонные сплетни про своих бывших соседей. И Анкудинов тоже хорош! Ну ладно рассказывал он Фоме про Петуховых, про то, что Алька вернулся из заключения, а Колька с Юркой еще сидят... Но как не стыдно старику болтать про дочку соседей Каразеевых! Почему она школу бросила, кто ее провожает по вечерам, — все старик выложил Фоме. Потом принялся стучать внуку в фотолабораторию, требовать фотографию Каразеевой. «Превосходный снимок. Ты, Коляня, сам убедишься». Очкарик

долго упрямился, но старик продолжал стучать, и наконец из-под дубовой двери скользнула цветная глянцевая фотография.

Фомин глянул мельком и протянул снимок Володе. Смуглая черноволосая девушка в простеньком домашнем платье стояла на паперти Успенского собора. Очевидно, она не хотела фотографироваться: сердито махнула рукой как раз в тот момент, когда щелкнул затвор фотоаппарата.

Чем больше всматривался Володя в довольно удачный для любительского снимок, тем яснее становилось ему, какой он осел и простофиля. Но не он один. На удочку Фомы попался и Анкудинов. Старик вовсе не сплетник, а доверчивый добряк. Во всем виноват Фома: он бессовестно выуживает у старика нужные сведения. Кто-то из живущих в монастыре интересуется Фому, но для маскировки он расспрашивает про всех. А ведь прикидывался перед Володей таким милым простаком! Я, мол, давно не был на рыбалке. Володю возмутил бессовестный обман. И неприятно чувствовать себя дураком, которого обвели вокруг пальца, использовали как прикрытие.

Анкудинов, ничего не подозревая, на прощанье вручил Фомину баночку липового меда.

— Не стыдно? — весь кипит от злости, спросил Володя, когда они вышли на крыльцо. — Не стыдно тебе, черная душа, брать мед из рук доверчивого старика?

Фомин несколько смутился:

— Стыдно. Даже очень. Но пришлось. Не к кому обратиться, кроме него. Если хочешь знать, я своему деду честно сказал, куда иду и зачем. Имею его разрешение.

Некоторое время шли молча. Потом Фомин спросил:

— В подземелья хочешь заглянуть?

— Я тебе нужен опять для прикрытия?

Фомин засмеялся:

— Нет, только для компании. Там темно и жутковато.

В подземелья вел пологий каменный спуск, туда когда-то заезжали на телегах. С детства Володя помнил ближнюю небольшую часть монастырских хранилищ. Теперь они с Фоминым прошли через все каменные коридоры и отсеки. Здесь действительно можно было держать запас продовольствия на год вражеской осады. Путятинский мужской монастырь, как и все русские монастыри,

имел оборонное значение. Но ему посчастливилось не испытать ни одного нападения.

«Впрочем,— подумал Володя,— с исторической точки зрения это приходится считать недостатком Путятинского монастыря: подвергнись он хоть раз вражеской осаде, было бы больше оснований хлопотать о реставрации, о создании в монастыре филиала городского музея».

Ничего интересного ни Володя, ни Фомин, за которым он незаметно наблюдал, в подземельях не обнаружили. Сырость, паутина, выброшенный за ненадобностью скарб.

— Ну и как? Доволен осмотром? — не без иронии спросил Володя, когда они выбрались наружу, на солнышко.

— Вполне,— благодушно отозвался Фомин.

— На самом деле пойдешь ловить рыбу?

— А почему же нет? Кстати, у меня две удочки. Приглашаю составить компанию.

— Вопросы задавать будешь?

— Ни в коем случае! Пойдем, а? Посидим в лодке, помолчим. Милое дело рыбалка — покой, тишина...

Фомин уговаривал слишком настойчиво. Володя заподозрил обратное. «Фома хочет меня спровадить. Использовал в своих целях и теперь намерен отделаться. Назло ему пойду!»

Фомин повел Володю через задичалый монастырский сад. Отсюда можно было спуститься к реке в нескольких местах. Через небольшие воротца, некогда запиравшиеся на бронированный щит, через угловую башню и через лаз, который мало-помалу образовался на месте небольшого отверстия, устроенного древними строителями, очевидно, для стока талой и дождевой воды. Фома направился к лазу и пропустил вперед Володю. Пришлось становиться на карачки и нырять в лаз. Следом за Володей этот путь проделал Фомин.

Отсюда город был совершенно не виден. Внизу река делала крутую петлю, надежно охватывая подножие холма. Сама природа назначила стоять тут, за естественной преградой, белокаменным крепостным стенам. Берег реки со стороны монастыря лет триста назад был обсажен тонкими прутиками. Теперь там склонились над водой могучие старые ивы. Под самой старой могучей и, быть может, самой мудрой ивой покачивалась щегольская лодочка.

— Твоя?

— У Витьки еле выпросил.

Витька был старший брат Фомина, работавший начальником ткацкого цеха, заядлый рыболов-любитель.

«Возможно, и удочки Витькины,— подумал Володя, соединяя легкие трубки из какого-то коричневого синтетического материала.— Отличные удочки и наверняка дорогие». Володя устроился на носу лодки. Фомин оттолкнулся от мягкого травянистого берега и отгреб метров на десять. Якорем служил камень. Фомин осторожно, без плеска спустил камень на дно.

— Сейчас и у самого берега могут брать, и на глубине.— Фомин насадил червя, поплевал и забросил поплавок к берегу, в светлое местечко среди зарослей камыша.

Володя нарочно передвинул поплавок подальше от крючка и закинул удочку с противоположной стороны, на глубину. Теперь он и Фомин сидели спиной друг к другу.

— Есть! — Фомин подсек и вытащил окунишку, уместившегося поперек ладони. Бережно, чтобы не порвать губу, снял окунишку с крючка и бросил в камыши.— Иди, пришли своего старшего брата! — Сыскал в банке червя подлинней, насадил и старательно поплевал.— Слушай, Киселев, ты вообще-то не трепач. Тебе можно сказать.— Он привстал, напружил удилище и послал червя точнехонько на прежнее место меж камышинок.— К тому же и нет никакого секрета...

Фомин сделал паузу, но Володя безучастно помалкивал. Фомин достал пачку сигарет, перебрал Володе.

— Ах да, ты не куришь! — спохватился он.— Давай сигареты обратно. Так вот, могу поделиться, почему расспрашивал Анкудинова. Веду сейчас абсолютно пустяковое, скучнейшее дело. Это тебе не похищение из музея. Никаких тайн, никакой психологии, никаких экскурсов в историю. Просто-напросто из нашего клуба украдены четыре фотоаппарата. Новенькие, только что купленные. Рассказать?

— Валяй,— равнодушно согласился Володя, не сводя глаз с задрожавшего поплавка.

Какая-то мелкая кража в клубе его совершенно не интересовала. Володя горел одним лишь желанием — наловить больше, чем Фома!

Клуб Путятинской фабрики был построен в конце двадцатых годов по проекту архитектора-модерниста. Согласно смелому замыслу, здание имело форму веретена, поставленного торчком. Веретено пронизывали насквозь витки стальной винтовой лестницы. Первого этажа не было — голое пространство и посредине виток лестницы. Поднявшись по ней, посетитель попадал на второй этаж, разделенный пополам. В одной половине предположительно могли устраиваться массовые праздники, а в другой помещался зрительный зал, куда можно было попасть по двум закругляющимся коридорам, охватывающим зал с обеих сторон. Подъем на третий и на четвертый этажи был тоже по винтовой центральной лестнице.

Сначала все восторгались оригинальностью и смелостью замысла, особенно тем, как революционно использована форма веретена. «А что вы скажете про стальные витки лестницы?» — «Гениально!»

Однако вскоре выяснилось, что клуб несколько неудобен. Люди жаловались, что от кругов и витков у них темнеет в глазах. Поэтому вскоре к веретену пристроили нормальный первый этаж и нормальные лестницы через все этажи. Зал для массовок нарезали на клетушки. Фасад украсили шестью колоннами, на фронте поставили фигуру работницы с веретеном в руке.

Таким клуб был, когда Володя занимался в изокружке, таким остается по нынешнее время. Люди постарше ходят сюда только на Май, на Восьмое марта, на Октябрьскую и на годовщину знаменитой Путятинской стачки. Все прочие дни в клубе собирается молодежь. Не только с фабрики, но и со всего Путятина, а также из ближних деревень. Тут работают разные кружки; особенно славится хореографический. Ансамбль песни и пляски путятинского клуба занимает призовые места на областных смотрах. Иногда он выступает и в клубном зале. Но обычно тут по вечерам — из коммерческих соображений — показывают кино. Директор клуба Анфиса Петровна каким-то образом умудряется получать новые фильмы на неделю раньше, чем городской кинотеатр «Салют».

Тротуар перед клубом, а также эта сторона улицы —

на двести метров в сторону вокзала и на сто пятьдесят в сторону фабрики — составляют городской пятачок. Вечерами тут народу — не протолкнешься. Такие пятачки — неперемнная принадлежность российских небольших городов.

В тот вечер на пятачке у клуба было особеннолюдно — шла кинокомедия с участием Евгения Леонова. Подъехала грузовая машина, из кабины выбрался с тяжелым чемоданом руководитель фотокружка Валерий Яковлевич Шарохин.

Кто-то из стоявших у двери громко спросил:

«Валерий Яковлевич! Привезли?»

Как удалось установить Фомину, вопрос Шарохину задал активист фотокружка, работник горкомхоза, без пяти минут пенсионер.

«Привез, привез. Завтра увидишь!» — ответил Шарохин и понес чемодан в клуб.

В этом чемодане и лежали четыре фотоаппарата. На другой день утром Шарохин обнаружил, что их украли.

Выслушав Фомина, Володя небрежно заметил:

— Да уж действительно дело не из крупных. Фотоаппараты сейчас стоят недорого. Каких-нибудь там двадцать рублей.

— Ошибаешься! — возразил Фомин. — Бывают даже дешевле, за пятнадцать, но учти на будущее — бывают и за семьсот.

— Ну, а какие были у Шарохина?

— «Зенит» ТТЛ с объективом «Гелиос». Цена двести сорок рублей. За штуку...

— Шарохин, конечно, шутит? — Володя не раз был свидетелем скандалов руководителя фотокружка с Ольгой Порфирьевной. Шарохин приносил заказанные музеем снимки, Ольга Порфирьевна придирчиво проверяла представленный им счет, уличала в обмане, и начинался бой за каждую копейку.

— Нет, Шарохин скис! — Фомин усмехнулся. — Шумит Анфиса Петровна. На Шарохина. И на меня раскричалась. Вынь да положь четыре коробки с фотоаппаратами. Собаку требовала для розыска. А что там делать собаке, если спозаранку уборщицы надраили полы мастикой!

— Мاستикой? — Володя насторожился. — Занятное

совпадение. Учти, Фома, натирка полов обычно производится по графику. Шарохин о ней заранее знал.

Этот дельный совет Фомин, к сожалению, пропустил мимо ушей. Ему сейчас было не до фотоаппаратов. Среди рыбной мелочи на светлом мелководье началась паника. Там появился кто-то крупный. Так и есть. Матерый окунище распугал окунят и с налета хапнул червя. Даже подсекать не надо — заглотал до желудка. Фомин выволок окуня в лодку, подлил на дно водички и пустил красноперого плавать. Тот заплескался со страшной силой, но Володя из самолюбия даже не оглянулся на удачливого рыболова. Фомин закинул удочку и не спеша продолжал рассказывать подробности доставшегося ему скучнейшего дела.

Шарохин взял для поездки в Москву огромный чемодан — из тех, в которые клубный ансамбль укладывает костюмы, отправляясь на гастроли по району или на смотр. В чемодан Шарохин натолкал запас химикалий, пленки и фотобумаги, а сверху бережно поместил четыре коробки с фотоаппаратами. Замков на чемодане нет, он закрывается на две самодельные петли, устроенные довольно хитроумно, не сразу сообразишь, как их отпереть.

Московский поезд приходит в Путятин вечером. На платформе Шарохину встретился знакомый шофер — заехал на вокзал купить пива в вагоне-ресторане. Шофер довез Шарохина до клуба. С громоздким чемоданом в автобус не влезешь.

Сойдя с машины и ответив на вопрос фотолюбителя, Шарохин понес чемодан в клуб. Как раз в эту минуту раздался звонок, зрителей стали пускать в зал.

Из-за нехватки помещений фотокружок загнали в бывший туалет, находящийся в конце правого полукруглого коридора, на втором этаже. В начале коридора расположен кабинет директора клуба. Анфиса Петровна, по ее собственному выражению, всечасно держит руку на пульсе клубной жизни. Если директор у себя в кабинете, дверь непременно распахнута настежь. Так было и на этот раз. Директор сидела за письменным столом и разговаривала по телефону. Увидев проходящего Шарохина, она прикрыла ладонью трубку и крикнула:

— Отнеси чемодан и заходи! Ты мне нужен! — и продолжила разговор по телефону.

Шарохин отнес чемодан в фотолабораторию, снял плащ и сразу же пошел к директору. Препирания с Анфисой Петровной из-за предстоящей фотовыставки заняли минут десять. Все это время фотолаборатория оставалась незапертой. Затем Шарохин вернулся туда, взял свой плащ, запер дверь и отправился домой. Он хорошо помнит, что чемодан стоял там же, где он его оставил. На другой день Шарохин увидел чемодан на прежнем месте. Поднял его на стол, отстегнул петли, откинул крышку и обмер: коробок с фотоаппаратами не было. Шарохин оставил все, как есть, и побежал звонить в милицию.

Фомин, приехав в клуб, обнаружил, что замок на двери фотолаборатории липовый, отпирается любым ключом. Вор мог открыть дверь и украсть фотоаппараты когда угодно. Конечно, не исключена возможность, что дорогую покупку выкрали, пока Шарохин находился у директора, а дверь бывшего туалета оставалась незапертой. Анфиса Петровна уверяла Фомина, что именно так все и было и что Шарохин проявил возмутительную халатность. Однако не исключаются другие варианты, в том числе кража в поезде, поскольку чемодан не запирается, а Шарохин, по его показаниям, отлучался из купе.

Выслушав предположения Фомина, Володя иронически улыбнулся:

— Надеюсь, что и его самого ты оставляешь на подозрении. Шарохин мог загнать фотоаппараты в Москве, а по приезде инсценировал кражу. Тебе не кажется странным, что никто в Путятине не видел коробок с фотоаппаратами? У тебя, Фома, кажется, есть опыт по расследованию подобных дел...— Володя намекал на недавнюю заметку «Будни милиции» в городской газете. В ней сообщалось о потрясающей проницательности лейтенанта Н. П. Фомина.

В Нелюшке глухой ночью сгорел дотла магазин сельпо. Н. П. Фомин, осмотрев пепелище, уличил продавщицу в поджоге. Она тут же призналась, что совершила растату, потому и подожгла.

— Шарохин вообще-то темная личность.— Фомин сменил червя и закинул поплавков на прежнее место.— Превратил фотолабораторию в частную лавочку. К примеру, для вашего музея печатал репродукции, получал

по договору... А где брал фотобумагу, химикалии? Покупал на свои деньги? Дудки! Сам признался, что брал из кружковских. Но на кражу он вряд ли способен. Да и зачем ему лишать себя оборудования, необходимого для халтуры и левых заказов? — Фомин похмыкал, довольный собственной неотразимой логикой. — Кроме того, существует еще одно довольно странное обстоятельство. Судя по этому обстоятельству... Нет, не Шарохин, не он, не он, не он...

Фомин зачастил, как старая патефонная пластинка, когда игла безвыходно бежит по кругу. Володя оглянулся — что случилось?

— Не он, не он, — приговаривал Фомин, спешно перехватывая левой рукой выше по удилищу. — Она! — Удилище изогнулось, блеснула серебром рыба, повисла в воздухе, заизвивалась, пытаясь сорваться с крючка.

— Хватай! — дико заорал Володя. — Уйдет!

Фомин поймал рыбу растопыренной пятерней.

— Она, брат, она! Плотвичка! А я-то смотрю, кто там хитрит, водит...

Низменная зависть кольнула Володю: «А у меня, хоть лопни, не клюет!»

Вообще-то, если честно, у него никогда не клевало. Поэтому Володя не любил рыбалку. И зачем только ему понадобилось сегодня увязаться за Фомой!

— Такие вот пироги! — Удачливый Фомин забросил удочку и уселся поплотнее. — Ничего нет хуже мелких дел. Эти четыре коробки могут как в воду кануть. Выплывут, конечно, со временем. Протреплется кто-нибудь. На продаже попадетсЯ. Но...

— Ты упомянул какие-то особые обстоятельства, — напомнил Володя. — Конечно, если служебная тайна, можешь не говорить...

— Никакой тайны! Весь пятачок уже знает. Опять объявился «Синий дьявол».

— Кто-о-о? — Володя чуть не выронил удочку. — Какой дьявол?

— Синий. Ты что, никогда не слыхал про «Синего дьявола»? Ах да, ты же радио не увлекаешься.

— При чем тут радио?

— При том! «Синий дьявол» вчера опять вышел в эфир. «Всем, всем, всем... Я знаю, кто обокрал фотокружок». Три раза повторил. И, возможно, он не врет, а

на самом деле знает, видел вора своими глазами. Весьма возможно...— Фомин положил удочку, достал сигареты, чиркнул зажигалкой. Володя самолюбиво безмолвствовал.— Ты что, все еще не понимаешь? — удивился Фомин.— А я-то считал, ты с полуслова схватываешь. Преклонялся перед твоей проницательностью. Ей-богу, даже завидовал. Мне бы такие дедуктивные способности!

Поиздевавшись над Володей, Фомин рассказал ему о том, как год назад в Путятине боролись со злым радиохулиганством.

Это было очередное повальное увлечение. Подростки и парни постарше мастерили простейшие радиопередатчики и выходили в эфир на средних волнах, мешая служебным переговорам авиации, «скорой помощи», пожарных. «Ковбой» и «Пираты», а также «Сатурны» и «Юпитеры», «Тарантулы» и «Крокодилы» в основном занимались глупой болтовней или передавали музыку по заявкам слушателей. Случалось, что «Ковбой» диктовал «Сатурну» решение задачи по алгебре, заданной на дом. Какие-то умельцы часами переговаривались по техническим вопросам и консультировали новичков, как сделать то-то или то-то. Среди умельцев главенствовал «Тарантул». А королем эфира заделался некий «Черный пират» — как впоследствии установили, шестиклассник Васька Петухов, ни уха ни рыла не смысливший в радиотехнике. «Черный пират» повадился петь под гитару блатные песни, а затем стал начинать передачи с ругани: «Тра-та-та, говорит «Черный пират». И вот тогда-то в эфир вышел «Синий дьявол». Он пригрозил «Черному пирату»: «Кончай хулиганить или — клянусь небом! — я передам для общего сведения твое имя, фамилию и адрес». Эту угрозу «Синий дьявол» повторил на другой вечер. Васька Петухов струсил и прекратил свои передачи. «Синий дьявол» больше в эфир не выходил.

Комсомольцы из дружины по охране порядка несколько раз передавали на тех же средних волнах, что за радиохулиганство будут привлекать к уголовной ответственности, что суд может конфисковать всю радиоаппаратуру. Предупреждение не подействовало. Дружинники начали пеленговать радиохулиганов. Сидит какой-нибудь «Ковбой» у себя дома, развлекает музыкой приятеля на другом краю города, и вдруг стук в дверь. А потом

суд. Всей улице делается известным, что «Ковбоя» по молодости пожалели, ограничились штрафом, но вместе с самодельным передатчиком конфискован и дорогой радиоприемник. Сразу же во всех домах уничтожают все подозрительные самodelки.

Радиохулиганство пошло на убыль так же стремительно, как и началось. Но дружинники практически уже знали поименно всех «Ковбоев» и «Юпитеров». Кроме «Синего дьявола». Ходил слух, что это какая-то девчонка, но искать и проверять никто не стал.

— Вот тебе пример, как важно в нашем деле не оставлять даже самую мелочь невыясненной! — назидательно закончил Фомин. — Если бы мы своевременно установили, кто такой «Синий дьявол», сейчас у нас в руках была бы верная ниточка.

Володя пренебрежительно фыркнул:

— Сомневаюсь! Мало ли кто сейчас мог назваться «Синим дьяволом»... Например, для того, чтобы поводить милицию за нос.

— Ну ты даешь!.. — Фомин усмехнулся. — Полчаса назад ты вообще ничегошеньки не знал о радиохулиганах, а теперь рассуждаешь с апломбом.

— Погоди, не перебивай! Значит, вот для чего ты зашел к Анкудиновым. Ты подозреваешь, что Женя и есть «Синий дьявол»? И что кражу совершил Васька Петухов? Погоди, погоди... Тут есть над чем поломать голову. Ты заметил, как Женя тебя испугался? И потом он явно не хотел пускать нас в фотолабораторию. Кстати, он наверняка ходит в кружок к Шарохину. А что, если...

— Сменил бы червя, — благодушно пробурчал Фомин. — Рыбы его давно обсосали, пока ты философствуешь.

— Проверим! — Володя эффектно взмахнул удочкой. На крючке бодро извивался целехонький червяк. — Вот видишь, Фома, тут все в порядке! — Володя развернулся слишком лихо. Крючок залетел в камыш и зацепился намертво. — В каждом расследовании возникают свои тонкости, — невозмутимо продолжал Володя, пытаясь высвободить крючок. — Могу ли я считать, что ты обратился ко мне за советом? Или даже за помощью?

— Я? К тебе? — Фомин вскочил, лодка угрожающе качнулась. — За советом?! Ты с ума спятил!.. Да ты что дергаешь! — заорал он. — Дергаешь зачем?

— Спокойно! — Володя с величайшим удовольствием применил любимое слово лейтенанта Н. П. Фомина. — Не волнуйся! — Володя положил удочку поперек лодки и обеими руками потянул за леску.

— Витькина удочка! Японская леска! Английский крючок! Витька мне голову оторвет! — Фомин торопливо тащил из воды камень, служивший якорем, и одновременно подгребал рукой.

Лодка медленно перемещалась к берегу. По бортам прошуршали стебли камыша, днище взбуровило ил. Володя перегнулся и высвободил крючок.

— Все в порядке. Прощай! — Он спрыгнул на берег. Фомин сел на весла и яростно погреб к другому берегу.

III

Поднявшись наверх, Володя сел передохнуть у лаза. На обозримом участке реки он уже не обнаружил лодки.

«Хорошо, что Фома убрался, — сказал себе Володя. — Он мешал бы перенестись мысленно в семнадцатый век».

Из-за деревьев, склонившихся над рекой, выплыла стая гусей. Володя пересчитал — семь белогрудых. С высоты казалось, будто возвращаются из дальнего плавания величавые старинные ладьи.

Володя перевел взгляд за реку, в засиненную даль. Темной стеной стоял заповедный монастырский лес. К нему подступало клином ржаное жнивие, уставленное снопами. Ближе к реке расстилались монастырские заливные луга с изумрудной сочной травой...

И вот вышли из реки семь коров тучных. И после них вышли из реки семь коров других, худых видом и тощих плотью. И съели коровы худые видом и тощие плотью семь коров хороших видом и тучных... И проснулся фараон!..

Володя ожесточенно затряс головой.

Исчезли луга, исчезли коровы фараона.

На противоположном низком берегу стояло бесчисленное войско. Над зелено-сизыми шеломами распростерлось радужное сияние. Володя протер кулаками глаза. На противоположном берегу искусственный дождик поливал совхозную капусту. Володя вспомнил, что Путятинский совхоз славится высокими урожаями овощных куль-

тур. Современное высокотехнологизированное предприятие! Ольга Порфирьевна, несомненно, обрадуется, что есть возможность завершить экскурсию по монастырю чем-то современным. Но удастся ли в обмен на современную капусту получить разрешение Ольги Порфирьевны на пересказ библейского сна фараона?

Володино воображение тут же нарисовало его разговор с директором музея.

Он. Ведь мы же преподаем в школе античную мифологию. Вам не кажется, что с точки зрения нравственности похождения Зевса более чем сомнительны? А учителя заставляют детей изучать, сколько жен было у Зевса и сколько незаконных детей...

Ольга Порфирьевна. Но мифы — часть великой исчезнувшей культуры.

Он. Ну и что? Зачем они нам сегодня?

Ольга Порфирьевна (*начиная выходить из себя*). Вы сами прекрасно знаете, зачем! Без знания мифов не разберешься в сюжетах классической живописи! Пушкина не поймешь!

Володя (*обрадованный*). Прекрасно! Однако в классической живописи есть и Христос, и божья мать, и тайная вечеря... Современному культурному человеку необходимо знание легенд христианской религии. Взять хотя бы тех же семь коров тучных и семь коров худых. Речь идет о пророчестве, что страну ждут семь урожайных лет и семь неурожайных.

Ольга Порфирьевна. Когда вы наконец избавитесь от привычки умничать и щеголять эрудицией? Идите, Киселев, и подумайте над тем, что я вам сказала из самых добрых чувств.

Он (*уходя*). Всего трудней доказать очевидное.

На этом придуманный Володей разговор закончился. «Но самое смешное, — сказал себе Володя, — состоит в том, что я действительно заведу с ней такой дурацкий спор».

Вернувшись из мечтаний на грешную землю, он обнаружил, что сидит на краю мусорной кучи. Сюда, в лаз, выбрасывали всяческий хлам. Володю всегда возмущали стихийные урбанистические свалки по берегам рек, по склонам оврагов, у полевых дорог и на лесных просеках. Возмущали и удивляли. Что за фантастический подбор предметов! И кому занудобилось везти куда-то вдаль от

жилья кузов битого кирпича, десяток искореженных унитазов, проржавелую ванну?

В свалке у монастырской стены его внимание привлек обломок железобетонной плиты. Какой богатырь и по какому обету принес такую тяжесть сюда?

Остальные предметы оказались попроще. Неплохо сохранившаяся железная с завитушками кровать, возможно, XIX век, интерьер фабричной казармы. Затем ржавый остов велосипеда «Орленок», мечты Володиного детства. Громоздкий полированный ящик выпотрошенного телевизора. Пара мужских резиновых сапог... А это что? Целая груда банок из-под растворимого кофе! Банки совершенно новенькие. Володя мог поклясться, что таким кофе никогда не торговали в магазинах Путятина. Он встал, поднял одну из банок. Фирма «Нестле», поставившая свой товар в Россию еще до революции.

С отвращением Володя запустил банкой в сторону реки, туда, где прятался Фомин. Мало того что этот горе-следователь использовал сегодня Володю как прикрытие при сборе компрометирующих сведений о жильцах бывшего монастыря, из-за Фомы интеллигентный человек ни с того ни с сего начинает копаться в отбросах!

«Вот уж действительно,— сказал себе Володя,— с кем поведешься, от того и наберешься! А банки... Что банки? Их накопили где-то в кафе, в столовой, только и всего... Загадка четырех пропавших фотоаппаратов окажется такой же примитивной,— рассуждал Володя.— Их украли оболтусы, прогуливающиеся по вечерам на пяточке в широких брюках, украшенных понизу золочеными цепочками. Для Фомы прекрасный случай отличиться и еще раз попасть в заметку «Будни милиции». Он подозревает в краже вернувшегося из колонии Петухова или его младшего брата Ваську, который год назад безобразничал на средних волнах под кличкой «Черный пират». Фома мыслит предельно просто, по шаблону,— продолжал рассуждать Володя.— Год назад некий «Синий дьявол» припугнул разоблачением «Черного пирата», то есть Ваську Петухова. Васька перестал выходить в эфир с нецензурными словесами. Теперь тот же «Синий дьявол» бросает в эфир, что ему известен вор, похитивший в клубе фотоаппараты. Фома делает отсюда вывод, что в краже замешан Васька Петухов. Он намерен через Ваську выйти

на старшего брата. Фома явно проговорился о своих планах, отпуская окуня-малька: «Пришли старшего брата!» Но тогда при чем тут хитрая плотвичка?»

— Но постойте! — вслух произнес Володя. — Постойте, следовательно Фомин! Ваш «Синий дьявол» — Женя Анкудинов или кто-то другой — враг он Петухову или друг? Вот тут-то и возникает зацепочка для ума, привыкшего открывать нешаблонные пути. Если враг, то зачем «Синему дьяволу» остерегать «Черного пирата»? Если друг, то зачем ему наводить милицию на Васюку Петухова?! При этом не исключено, — напомнил себе Володя, — что кто-то другой мог воспользоваться кличкой, которую — а это многим известно! — милиция в свое время не раскрыла. Но на глупую шутку новое появление «Синего дьявола» не похоже. Нет, это ни в коем случае не шутка! Это очень серьезно!

Володя мысленно перебирал все, что узнал от Фомина и что говорилось в келье Анкудинова. Почему Женя не хотел показывать снимок? Действительно ли Фомина интересовали поклонники Каразеевой? Кто они? Какой-то поммастера из прядильного Евдокимов, танцор из клубного ансамбля Жора Суслин (работает в телеателье), шофер автобуса «Вокзал — Посад» рыжий Митя (фамилию Анкудинов не знает, этот Митя по утрам нарочно копается в моторе, дожидаясь смуглую красавицу)...

Скорее всего, Фомин расспрашивал о поклонниках Каразеевой для виду. Интересовал его лишь Петухов.

Володе вспомнилась глянцевая цветная фотография — девушка в домашнем платье, сердито отмахнувшаяся от фотографа. А Каразеева действительно красавица. Совершенно необычный тип русского лица и в то же время истинно русская красота. Снимал, несомненно, мастер. Женя Анкудинов? Сам старик? Или еще кто-то? Почему Каразеева не хотела фотографироваться? Что-то тут кроется...

Даже самый беглый обзор фактов, имеющих отношение к краже в клубе, наводил Володю на мысль, что преступление может оказаться далеко не шаблонным. В таком случае Фома пропал. Искренне жаль Фому, однако нешаблонные дела не для него.

Володя отряхнул запылившиеся брюки, обтер о траву забрызганные илом ботинки, нырнул в лаз и увидел в десяти шагах от стены, в тени дерева, девушку в старин-

пом наряде, сидящую на коврике с книгой на коленях.

Он узнал ее не сразу, хотя проучился вместе десять лет. На траве под древней яблоней сидела с книгой Валька Семенова. Володя хотел незамеченным проскочить мимо, но она услышала шаги и подняла голову:

— А-а-а... Киселев... — У бывшей круглой троечницы успел выработаться строгий учительский взгляд и требовательный голос. — Ты что тут делаешь? — Она спрашивала так, словно Володя был ее ученик, причем нерадивый.

— Дышу свежим воздухом, — иронически ответствовал он и тут же поймал себя на том, что иронизирует на уровне десятиклассника.

— Ты все такой же, — снисходительно заметила Валентина Петровна. — Совершенно не меняешься. Тебе на вид не дашь и девятнадцати лет. Скажи, неужели тебе еще не надоело корпеть в музее?

— Нет, не надоело, — сухо ответил Володя, не выносивший, когда ему напоминали о его невзрослой наружности.

— Извини, я забыла поздравить! — спохватилась она.

— Интересно, с чем же?

— Как с чем? Твоя Татьяна поступила в институт! Она молодец! Я ей всегда говорила: «Ты, Киселева, очень способная, только ленишься учить».

Володя заскучал. Какое банальное суждение! Можно представить себе, как серо, шаблонно ведет Семенова уроки физики. Наверняка ей опостытели школа, товарищи по работе, ученики, не проявляющие никакого интереса к законам термодинамики. Да, ей опостылела школа, поэтому она уверена, что Володе надоело корпеть в музее.

Он покосился на отброшенную в траву раскрытую книгу. У читательниц такого рода можно увидеть в руках что попало. «Аэропорт», «Вселенная полна неожиданностей», «Преступление и наказание», «Застава в горах», «Сестра Керри», «Королева Марго»... Все без разбора. Классический роман, детектив, научно-популярное сочинение... Но только не томик стихов любимого поэта!

Валентина Петровна поймала его любопытствующий взгляд на книгу, засмеялась, покачала головой:

— Нет, нет! Не проси и не надейся! Самой дали в библиотеке на два дня.

Володя отвернулся. «Этого еще не хватало! Ей кажет-

ся, что я такой же, как она, любитель массового чтения». И тут же ему вспомнился — со всеми обидными подробностями — проигранный спор с боссом Юрой насчет массовой культуры и культуры для масс.

Володе не о чем было говорить с Семеновой, но почему-то расхотелось уходить из сада. В ушах отчаянно зазвенело, заколочило. Нет, это не в ушах. Звенит душный воздух задичалого сада, рассекаемый крылами летучих существ. Вдалеке меж стволами виднелись из высокой травы несколько ульев — пасека старого Анкудинова. К угловой башне слетелись и вились у своих гнезд ласточки. У крепостной выкрошившейся стены белые куры в фиолетовых чернильных воротничках купались в тончайшей пыли веков. Где-то жалобно заблеяла коза. В ответ залилась лаем собака.

Володя расчувствовался: «Простые, реалистические штрихи жизни. Как гармонирует со всем окружающим старинный наряд, строгая длинная юбка, белая сборчатая кофта с пышными рукавами...»

Он аккуратно поддернул брюки и сел рядом с Валентиной Петровной.

— Нравится? — Она пощипала сборки широкого рукава. — Только что вытащила из бабушкиного сундука. Узнаешь? Выходной наряд ткачихи. Конец девятнадцатого — начало двадцатого века. Не хватает козловых сапожек со скрипом. Ну как? Нравится?

— Ничего, — пробурчал Володя, краснея.

В школе Валька Семенова считалась совершенно пустым местом. В пятом, что ли, классе несколько дур придумали выставить всем отметки «по красоте». Семеновой они еле-еле натянули троечку с минусом — и Семенова не пикнула. Володя тоже получил тройку и, по правде говоря, здорово обиделся. Он считал, что у него красивые глаза. Умные, выразительные. Это все-таки что-нибудь да значит! А они — тройку. Дуры! Фоме с его пороссячим носом они вывели четверку. Явно побоялись, что иначе он их отлупит. Пятерок вообще не оказалось. Себе-то специалисты по красоте отметок не ставили.

Для Володи по зрелом размышлении вся история с отметками «по красоте» обернулась элементарным примером из области психологии. В нормальной ситуации

эти дуры с куриными мозгами не пользовались в классе никаким влиянием. Но когда они зачитывали отметки — Володя заметил! — класс оказался в их власти. Как торжествовали те немногие, кому достались четверки! Володе пришлось собрать всю свою волю. Он презрительно расхохотался. Конечно, ему, мужчине, проще. А девчонку тройка по красоте может навсегда лишить веры в себя, унижить и обезобразить. Девочке надо с малых лет внушать: «Ты прекрасна, мила, пригожа...» Тогда она вырастет красавицей. При любой внешности. Некрасивой красавицей, как Полина Виардо.

Открыв еще в пятом классе такой важный фактор психогигиены, Володя внушал Таньке с малых лет, что она красавица. Навнушался на свою голову! Но Валька... Володя совершенно не помнил, как она выглядела в школьные годы. Что-то бледное, невыразительное.

«Она ли сейчас сидит рядом? — изумлялся он. — Разумеется, внешность можно изменить. Существует косметика, парикмахерские и тому подобное. Не говоря уж о пластических операциях носа, губ... Но глаза! Они не меняются! Во внешности человека Володя огромное значение придавал глазам. Неужели у Семеновой всегда были эти прекрасные серые глаза с коричневыми искорками?»

— Ты что так странно на меня глядишь? — Валентина Петровна отвернулась. — Извини, Володя, я пошутила. Неужели ты поверил, что на мне наряд ткачихи из бабушкиного сундука? Я сама сшила! Ты без Татьяны совсем отстал от моды. Теперь носят длинное, макси.

— Ну, все... — вырвалось у Володи. — Это крах!

Какой подлый удар со стороны моды. В последние Танькины школьные годы семейный бюджет выстоял только благодаря мини. А что будет теперь? Как Танька в Москве выкручивается?

— Знаешь, я рада, что с мини все кончено, — продолжала Валентина Петровна. — Наденешь юбку покороче, другие учительницы косятся, завуч делает выговор. Наденешь подлиннее, чувствуешь себя старой девой. — Она засмеялась. — Представляю себе, в каких платьях до пят заявятся все старшеклассницы первого сентября. И наш завуч начнет воевать против длинных юбок с тем же рвением, с каким мы столько времени боролись против

мини. Кстати, у твоей Татьяны была самая короткая юбка в школе.— Она помолчала и спросила с неловкостью: — Володя, правда, что твоя сестра вышла замуж?

— Правда.

— За того художника?

Володя кивнул. Он только сейчас сообразил, что Валентине Петровне все двадцать пять и она не замужем. А из Танькиного класса уже несколько девчонок выскочили замуж. Просто нахальство с их стороны.

— Счастливая! — Валентина Петровна вздохнула.— Живет в Москве. А мы с тобой застрянем в Путятине на всю жизнь. Кому как повезет.

— Нет! — со всей страстью убеждения возразил Володя.— Я с тобой не согласен. Я и сам иной раз, несмотря на силу воли, попадал в полосы уныния, разочарования, переставал верить в себя. Поэтому я тебя очень хорошо понимаю. Счастье и несчастье людей зависят не только от внешних обстоятельств, но и от душевного состояния каждого из нас. Эта мысль принадлежит Ларошфуко. И еще кто-то из мудрецов сказал, что глупец ищет счастья вдали, а мудрец выращивает его рядом с собой... Можешь рассчитывать на мою помощь и поддержку.

Опять заблеяла коза, затыкала собачонка, со двора донеслись мерные удары палки по ковру. И весь задичалый сад отозвался чудесным звоном множества крыльев. Книжные премудрости вылетели из Володиной головы. Он вдруг ощутил себя простым путятинским парнем.

— Валь, а Валь,— предложил он,— давай сходим сегодня в кино.

Чудесные серые глаза взглянули удивленно:

— А что сегодня идет?

— В клубе «Как украсть миллион».

— Детектив? — Она безнадежно покачала головой.— Не достанем билетов.

— Будем считать, что ты согласна пойти со мной в кино! — решительно резюмировал Володя.— Насчет билетов не беспокойся.

Он сразу прикинул, что билеты сможет достать через Шарохина. Валерий Яковлевич все сделает, чтобы удружить постоянному заказчику. Мысль о том, что Шарохину сейчас не до билетов, даже не приходила Володе в голову.

Они еще поболтали о том и сем. Валентина Петровна взглянула на часы:

— Мне пора.— Свернула полосатый коврик, подняла из травы раскрытую книгу, захлопнула и сунула в прозрачную сумку.

Володя узнал обложку популярной серии зарубежных детективов. Теперь ясно, почему книгу дали в библиотеке только на два дня! Последний выпуск — французские детективные романы. Володя провел бессонную ночь, расследуя фантазмагорическое путешествие дамы на чужом роскошном автомобиле с трупом в багажнике.

«Она увлекается детективами,— пронеслось в голове.— Если бы она знала, кто рядом с ней!..» Впервые Володя пожалел о своей гордой безвестности. Представится ли ему еще когда-нибудь счастливый случай блеснуть своей проницательностью, своей интуицией, безупречной логикой?

«Кража четырех фотоаппаратов в клубе? Нет, кража

в клубе из бывшего туалета, ныне фотолаборатории, пускай остается «буднями милиции», серыми буднями Фомы... Хотя, впрочем... Кража в клубе вряд ли уж такое скучное и заурядное дело... Это для Фомы заурядное, но для меня...»

— Ты идешь или остаешься? — нетерпеливо окликнула Валентина Петровна.

— Иду.— Володя взял у нее сумку, и они пошли садом.— Валь, ты не удивляйся... У меня есть просьба...— Володя запнулся. «Нет, всю правду ей говорить не стоит. Всю правду я расскажу потом, в финале...»— Понимаешь, музею нужен... ну, не совсем специалист, а так, любитель.... Кое-что нужно переоборудовать. Несложную радиоустановку. Я подумал, кто-нибудь из твоих старшеклассников, заядлых радиолюбителей...— Володю смущал ее пристальный, подозрительный взгляд.— Мы платим гроши,— пробормотал он,— взрослый не пойдет...

— Среди нынешних у меня что-то не видно радиолюбителей. Повальное увлечение мотороллерами и мопедами. А из прежних?..— Она задумалась.— Петя Евдокимов! Ну конечно, Петя... Вася Кондаков служит в армии, Витя Жуков учится в Ленинграде, а Петя здесь, никуда не уехал. Он работает на фабрике, я его недавно встретила. Ужасно хвастался, что установил коротковолновую связь с каким-то австралийцем...

— У него свой передатчик? Дома? — насторожился Володя.

— Нет, в клубе. Петя там просиживает все ночи.

«Вот как! В клубе! Все ночи! — возликовал про себя Володя.— Не этот ли Евдокимов бывает в монастыре у Каразеевой?»

— Я недавно мельком слышал,— он приотстал от нее, благо дорожка через сад была узкая,— будто какие-то подростки хулиганили в эфире на средних волнах. Твои, наверное, тоже. Мальчишкам интересно... «Ковбой», «Черный пират», «Синий дьявол»... Жутко и таинственно. Обожаю все таинственное... Приключения, фантастику...

Валентина Петровна оглянулась через плечо:

— Ладно, не хитри... Если ты мне обещаешь вернуть книгу завтра, ну, скажем, часам к пяти...

Володя молниеносно вспомнил запись из дневника Льва Толстого. Женщины употребляют слова не для вы-

ражения своих мыслей, а для достижения своих целей. Поэтому они и других людей понимают навыворот. Валя считает, что он заговорил о «Черном пирате», чтобы выпросить детектив. Ну и логика! Володя невольно расхохотался.

— Ах, да! — Валентина Петровна обиделась. — Как я могла забыть! Киселева интересуют только умные книги.

— Нет, почему же, — возразил Володя, — можно совмещать серьезное чтение и пустяки. Дмитрий Иванович Менделеев после сорока лет вообще не читал серьезных книг. Только Рокамболя, Поль де Кока, вообще бульварную литературу. Я тоже...

Теперь пришел черед смеяться Валентине Петровне:

— Ты тоже!.. Закон Киселева и Менделеева!

Во дворе монастыря она хотела распрощаться с Володей.

— Мне еще нужно заглянуть к матери.

— Я подожду, — решительно заявил Володя.

Ждать пришлось довольно долго.

— Опять с мамой поссорилась! — пожаловалась Валентина Петровна. — Мама ни за что не хочет переезжать отсюда. Не прихожу — обижается. Приду — непременно под конец рассоримся. Она... — Валентина Петровна запнулась. — Мама есть мама. Учит меня, как жить. Увидела в окошко тебя и давай расспрашивать: кто, да почему, давно ли знакомы. Я ей говорю: «Мы вместе учились». Она не верит, что ты — это ты, Володя Киселев. «Чего, говорит, не зашел, не поздоровался?»

— Я бы охотно зашел.

— Ты бы зашел... А у нее не убрано. Мне бы еще больше попало — зачем привела гостя без предупреждения. И мама усадила бы тебя пить чай. Ты узнал бы, что она думает о современных браках. — Валентина Петровна печально улыбалась. — Мама сейчас смотрит на нас в окно. Не вздумай обернуться, она у меня проницательная. И держись солидней, она непременно будет смотреть нам вслед...

С залитого солнцем двора они попали в темноту длинного тоннеля монастырских ворот.

Впереди, в светлом проеме, возникла странная фигура. Плечи непомерно широки, голова непропорционально

мала, руки до колен. Человек вразвалку двигался навстречу.

— Валуха! Сколько лет, сколько зим! — Хриплый голос был подхвачен и усилен каменным эхом.

Глаза Володи успели привыкнуть к темноте. Он разглядел молодого парня с неприятным одутловатым лицом. Острижен под машинку — вот отчего казалась маленькой голова. Костюм широк, делает парня ниже ростом, почти квадратным. Володя мог поклясться — костюм только что куплен парнем в путятинском универмаге. Конечно, всучили неглаженный! Володя прекрасно знал обычаи продащиц из отдела мужской одежды.

— Алик! Здравствуй! — воскликнула Валентина Петровна. — Очень рада тебя видеть.

Квадратный остановился, давая им подойти к нему, словно бы к старшему, более уважаемому. Смерил взглядом Володю и просипел:

— Здравоваться надо! Плохо видишь? Очки носи!

Володя весь напрягся:

— Простите, но мы с вами незнакомы.

— Валька! А он туго соображает! Разъясни! — Квадратный хрипло хохотнул и пошел дальше.

Там, где темнота тоннеля кончалась и сверкали залитые солнцем плиты двора, квадратный обернулся. Он знал, что ему будут глядеть вслед.

— До скорого! — неизвестно кому послал он свою угрозу — Валентине Петровне или ее спутнику.

— Пойдем! — Она взяла Володю под руку. — Ты что, на самом деле не узнал? Это же Алька Петухов. Он с нами учился до второго класса, а во втором остался. Два года во втором, два в третьем, два в четвертом. Думаешь, он неспособный? — Они вышли из ворот и остановились у начала спускающейся в Посад мощеной дороги. — Вполне мог бы учиться. Но не хотел. Все Петуховы такие. Алька, Коля, Юра... И теперь вот младший, Вася...

Валентина Петровна быстро шла вниз по дороге, держась мягкой обочины. Володя еле поспевал за нею по вздыбленным булыжникам.

— Ты, может быть, помнишь... — Она говорила, глядя себе под ноги, — в шестом классе... Меня вызовут — стою столбом у доски, а потом иду на место с двойкой в дневнике и с этакой наглой блатняцкой улыбочкой. Не по-

мнишь? Ну, да тебе в шестом не до того было, у тебя мама болела. А я, знаешь, сейчас увижу у какой-нибудь из девчонок наглую жалкую улыбочку, и сердце обрывается. Я-то понимаю, что на душе, когда вот так улыбаются...— Валентина Петровна остановилась.— Посидим, что ли... О таких вещах не говорят на ходу.

У поворота дороги с давних времен стояла грубая, тесанная топором скамья. Они сели.

— Я, Володя, тогда попала в Алькину компанию. Мы собирались, если летом — где-нибудь в башне, зимой — в подземелье. Алька нас всех держал в руках. Зато и в обиду не давал. В школе я никто, а в Алькиной компании — королева, подруга атамана. Мальчишки добывали папиросы, вино. Если не достанут, Алька выдаст из припрятанного. Он любил устраивать тайники. Говорил, будто знает, где подземный ход из монастыря. Врал, наверное. Укреплял власть. У Петуховых тогда умер отец, ты его должен помнить, он нигде не работал, жили они неизвестно на что...

— Помню,— сказал Володя.

— Я знаю, Алька носил краденое домой, Алькина мать не спрашивала, откуда взял. Иногда страшно делалось — посадят нас всех. Ночью не спишь и думаешь. Но еще хуже,— она зябко поежилась,— Алька и ребята отнимали у маленьких деньги. У кино, у магазина... Отнимут у маленького десять, двадцать копеек, он идет, плачет. Ему на мороженое дали или на кино. Самое подлое дело — маленьких обирать. Говорю Альке — не понимает. «Подумаешь, десять копеек. Ему еще дадут». Дурак несчастный! Самому-то, когда маленький был, много давали на кино, на конфеты? Ничего не давали. Говорю — не понимает. Уйти — боюсь. «Вход — рубль, выход — два». Так нам Алька говорил. Запугивал... И вдруг мне повезло. Врачи нашли ревмокардит, положили в больницу, а оттуда послали в санаторий. Помнишь? Меня с вами не было в седьмом классе, а потом я приехала...

— Разумеется, помню! — Володя соврал. Никто и не заметил тогда отсутствия Семеновой.

— Я вернулась и нарочно прикидываюсь больной, еле-еле хожу. Они от меня отстали. Потом Альку забрали в колонию, вся компания развалилась. Вот так... Люди школы кончают, техникумы, институты, а Петуховы все

одной дорогой. Алька третий раз сидел. Теперь вернулся. Только надолго ли...

— Он давно вернулся?

— Мама говорит, вторая неделя. Она не хочет, чтобы я сюда ходила. Говорит, мало ли что можно ждать от Петухова.

— Но ведь ты его больше не боишься!

— Нет, мне его жаль.— Она подняла на Володю грустные серые глаза.— А мама надеется, что Альку скоро заберут и опять можно жить спокойно.

— Мама есть мама,— повторил Володя ее же слова.

— Слушай, Кисель, я плохая учительница? — требовательно спросила Валентина Петровна.— Танька и другие ребята из ее класса тебе что про меня говорили?

— Я и не знал, что ты преподавала в Танькином классе.

— Вот-вот... Ну ладно, не плохая, про плохих хотя бы говорят. Я — средняя.

— Ерунда! — убежденно возразил Володя.— Ерунда все эти разговоры о выдающихся и средних учителях. Есть светила педагогической науки, но — заметь! — из их учеников, как правило, не выходят крупные ученые, писатели, вообще не выходят значительные таланты. И в то же время у всех выдающихся людей были в детстве обыкновенные средние учителя. Кто учил Толстого? Чехова? Кто учил Павлова? Какие-то неизвестные люди.

— Ты помнишь Анну Серафимовну? — спросила Валентина Петровна.

— Прекрасно помню! — подхватил Володя.— Типичная средняя учительница! Три типа басен дедушки Крылова. Пять вопросов по образу Евгения Онегина.

— Вот-вот...— Валентина Петровна сокрушенно кивнула.— Вот ты и выразил свое отношение. Да, у другой учительницы мы бы смелее судили и рядили о литературных героях. Зато Анна Серафимовна была очень добрая. Тебе она разрешала опаздывать, потому что ты отводил Таньку в садик. Двоечников она оставляла после уроков, писать диктанты. Никто никогда не хвалил Фомина, только Анна Серафимовна говорила, что он любит и понимает живую природу, что у него прекрасные голуби и на голубятне всегда чисто. Меня она как-то погладила по голове и сказала: «Деточка, ты Анну Серафимовну не обманешь, тебе на самом деле совсем не

весело»... Вот так! Никто и никогда не приезжал к Анне Серафимовне за опытом. Доброте не ездят учиться. Или доброта есть, или ее нет. Мне иногда кажется, что мы в школе больше заботимся о методах, о кабинетах, а о простой доброте забываем. Ничего не хочу, только хочу быть для ребят, как Анна Серафимовна. И чтобы Петухов мог учиться, как все люди! — Она обернулась и погрозила взглядом мрачным монастырским стенам, как давно уже им никто не грозил. — Ваську я не отдам!

Володя смолчал, понуро опустив голову. Он-то знал, кого подозревает в краже Фома. И еще его грызло раскаяние. Час назад он позволил себе судить свысока о бывшей своей однокласснице: и читает она не то, и учит школьников без радости.

«Да какое я имел право! И ведь говорили мне, говорили не раз, что я выношу суждения наспех, не имея веских оснований».

Когда крепко отругаешь самого себя, является спасительное чувство, что ты не так уж безнадежен.

IV

Рыбалку Фомин уважал. Сидишь себе посиживаешь с удочкой, вроде бы ни о чем не думаешь, но именно за этим тихим и мирным бездельем в голову незаметно приходят самые толковые мысли.

Отмахав веслами с полкилометра вверх по реке, Фомин добрался до моста и привязал лодку к бетонной опоре. Удача его не покинула. Вскоре Фомин вытащил приличного подлещика. И пошло...

Первое время мысли лейтенанта вращались вокруг старшего Петухова. Приходит человек из заключения, и вскоре в городе случается кража. Есть между двумя событиями связь или нет?

У каждого преступника имеется свой профессиональный почерк. Каков же почерк Альфреда Петухова? Родители придумали первенцу необыкновенное имя. Может быть, связывали с его рождением какие-то высокие мечты. Дальше пошло без мечтаний — Колька, Юрка, Васька...

Фомин отлично помнил, каким был Альфред Петухов в отроческие годы. Ребятами из своей шайки он вертел

как хотел. У Альки имелись задатки жожака — власть, жестокость. Строил из себя Аль-Капоне. Он и Фомина хотел прибрать к рукам, но не вышло. У Фомина склотилась своя крепкая компания голубятников. Хитрый Алька то объявлял Фоме войну, то вступал в дипломатические переговоры. Потом Фомины переехали, и вся Колькина компания перебазировалась в район новых домов. Дед выхлопотал в горсовете разрешение построить коллективную голубятню по последнему слову науки.

Алька остался единственным властителем Посада. В городе он появлялся в сопровождении свиты. Впрочем, довольно трусливой. Дрались они только всемером против одного. Малышню обирали — и то всей компанией. Подловатый народец подобрался у Альки. Они его мигом продали, как только милиция стала доискиваться, кто украл ящик сигарет из вокзального ларька. Посадского Аль-Капоне отправили в колонию.

Изучив дела, по которым Петухов попадался после возвращения из колонии, Фомин установил, что Алька с возрастом напрочь утратил качества жожака. Никаких крупных, умно организованных преступлений он не совершал. Крал в одиночку и довольно примитивно. Его профессиональным почерком была, пожалуй, лень, нежелание загодя все обдумать и лишний раз шевельнуть рукой. Альфред Петухов крал, что называется, халтурно. Там, где прилежный вор постарается обделать все аккуратно, чистенько, Петухов непременно напортачит, наследит. Есть люди, которые в местах заключения подучиваются воровскому делу, а этот наоборот...

— Какой там профессиональный почерк! — бормотал себе под нос Фомин, насаживая свежего червя. — Тут скорее проявляется почерк семейный...

Фомин помнил отца Петуховых, умершего от пьянства. Их мамашу можно каждый день встретить на базаре — неопрятная, крикливая бабища, известная всему городу спекулянтка. Детьми она сроду не занималась. Петуховы росли, как растет по задворкам крапива: неприхотливые, выносливые, стрекущие. Никакие болезни к ним не приставали. По всему двору корь, а Петуховы бегают как ни в чем не бывало. Для них слечь — все равно что пропасть. К себе они никого не водили. Но по Альке и по другим видно было, что семейного уюта они не знают.

Жильцы монастыря побаивались Петуховых. Вопреки правилам, по которым вору будто бы не трогают своих соседей, Петуховы тащили все, что плохо лежит. Не дай бог оставить на ночь белье на веревке или даже днем вынести в холодильник кастрюлю с компотом. Белье исчезало бесследно, пустую кастрюлю потом находили в бурьянах. Если бы Фомин сегодня оставил удочки у крыльца, то, выйдя от Анкудиновых, он бы удочек не нашел. Но Фомин, бывалый монастырский жилец, конечно, прихватил снасть с собой, тем более что она Витькина. Витька бы здорово разозлился: «Ты что? Забыл Петуховых?»

Общая дружная молва приписывала всем Петуховым какую-то особенную воровскую неслышную походку, цепкий и зоркий взгляд, необычайное проворство. Школа ничего не могла поделаться с Петуховыми. Традиции семьи вели всех ребят одним путем. Николай и Юрий следом за старшим братом побывали в воспитательно-трудовых колониях, а сейчас оба отсиживают свои сроки в исправительно-трудовых.

«Спасибо, дочек ей бог не дал!» — сказала о Петуховой тетка Семенова, до сих пор живущая в монастыре. И она сказала так деду Фомину неспроста. Семенова очень боялась за свою Вальку. Еще бы! Валька ходила задравнос — подруга атамана, вся шпана перед ней на задних лапках. Тетка Семенова прибежала к Фоминым, переехавшим в новый дом, просила у деда совета и помощи. Дед придумал отправить Вальку на год в санаторий, уговорил врачей, выхлопотал на фабрике путевку. Валька ни о чем не догадывалась, никто не догадывался. Фомин и сам только вчера вечером услышал от деда про путевку. И то лишь потому, что раскрытия тайны потребовали интересы дела — так заявил принципиальный дед. Он еще заставит внука сходить извиниться перед стариком Анкудиновым. Непременно заставит!

А старик Анкудинов, между прочим, сообщил нечто важное: Алька Петухов приударяет за Верой Каразеевой.

Каразеевых в монастыре числили почему-то цыганами, хотя фамилия говорила скорее о татарских предках. Смуглые, чернявые, горбоносые. Отец у них пришел с войны без ноги, служил на фабрике вахтером. Мать работала в прядильном цехе, стала от вечного шума туговата на ухо и говорила громко. Каразеевы все выросли очень

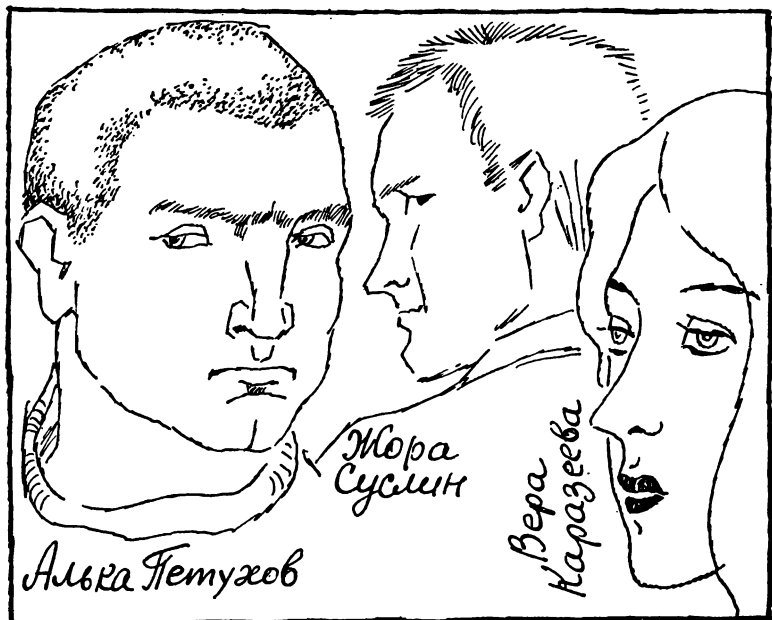
голосистыми. Жили они дружно, не любили лишних хлопот и осложнений, все у них получалось прямо и просто. Заканчивали школу, шли работать. Сыновья уезжали на военную службу, дочери — на учебу или куда-нибудь с мужьями. Теперь с матерью оставалась одна младшая, Вера. Сам Каразеев умер два года назад от рака.

В отличие от старших Вера, по мнению старика Анкудинова, выросла избалованной. Уж она-то могла закончить десять классов — без всякой там вечерней учебы. Но нет. Еле-еле досидев в школе восьмой, Вера пошла работать на фабрику. При этом она вовсе не собиралась доучиваться в вечерней школе или в техникуме, а уж тем более перетруждаться в цехе. У нее талант, она солистка ансамбля песни и пляски, ей идут на работе всякие поблажки — то у Каразеевой репетиция, то гастроли, то смотр. Попробовал бы мастер ее не отпустить! Директор клуба Анфиса Петровна сжила бы мастера со света.

Насчет ненормальной обстановки в ансамбле Фомин был достаточно осведомлен. Недавно на бюро горкома комсомола обсуждали случаи «звездной болезни» среди участников клубной самодеятельности. Говорили, что Анфиса Петровна умудряется выколачивать для своих любимцев все, даже квартиры вне очереди. Главный инженер Гнедин возмущался тем, что нарушителям трудовой дисциплины дают в драмкружке роли передовиков производства. Командир городской комсомольской дружины привел пример, как одного парня из ансамбля, Жорку Суслина, работающего мастером в телеателье, задержали за спекуляцию и сообщили по месту работы. В клуб тоже сообщили. И что? Через день Жорка выступал на ответственном праздничном концерте.

Разгневанная Анфиса Петровна не дала командиру договорить. Дружинники уж лучше бы помалкивали в тряпочку. Они не только задержали Жорку за сущий пустяк, — они его остригли наголо, под машинку. Солисту ансамбля пришлось плясать в парике, взятом у драмкружковцев. «Стыд и позор!» — закончила Анфиса Петровна и поглядела на Фомина.

Фомин был готов сквозь землю провалиться. Конечно, возмутительное самоуправство. Парня, додумавшегося остричь Жорку, из дружины выставили. О Жорке Фомин был самого невысокого мнения. Суслин плясал в паре с

Каразеевой. Она — вихрь, огонь, а Жорка — пустое место. На бюро Фомин узнал, что в самостоятельности мужчин не хватает — не только у нас, в Путятине, но и во всем мире. Приходится принимать в ансамбль любого, кто пожелает. На эту тему Анфиса Петровна произнесла грозную речь. Все присутствующие на заседании бюро мужчины оказались перед ней кругом виноватыми. Можно было не сомневаться, что и после строгого решения бюро порядки в клубе не переменятся. Веру Каразееву будут по-прежнему портить славой и поблажками. Но что общего может быть у клубной знаменитости и вернувшегося из заключения Петухова?

От этой психологической загадки мысли Фомина сделали скачок к младшему Петухову, к Ваське. Не его ли опять предупреждает «Синий дьявол»?

Васька похож лицом на старшего брата. Но старший невысокого роста, квадратный, а Васька вымахал в каланчу, типичный акселерат. Отрастил волосы до плеч, обзавелся брюками чудовищной ширины, украсил их

понизу цепочкой. Что еще человеку надо? Такому, как Васька,— ничего! Кроме денег на мелкие расходы. Однако где их взять? Другие ребята Васькиного возраста давно сообразили где. Подростков не берут на городские предприятия, но рядом совхоз, не хватает рабочих рук на прополке, на сенокосе, на сборе ягод. Иди нанимайся. Но Ваську Петухова в совхоз не заманишь.

В тот вечер, когда Шарохин вернулся из Москвы, Васька, по своему обыкновению, околичивался возле клуба. Он мог слышать, как фотолюбитель спросил Шарохина, удалось ли купить фотоаппараты. Нетрудно было догадаться по ответу, что покупка сделана.

Тем временем публику начали пускать в зал. Пока все войдут, рассядутся, проходит несколько минут. Для вора вполне достаточно. Он из зала прошмыгивает в коридор, видит, что Шарохин оставил дверь бывшего туалета незапертой, что в кабинете Анфисы Петровны идет увлеченный разговор. Вор крадет фотоаппараты, но выйти с коробками из клуба он не может. Вор прячет коробки в укромном месте, возвращается в зал, усаживается на свое место и смотрит фильм. За фотоаппаратами он является потом, допустим, ночью. Никем не замеченный, он выносит их из клуба.

Версия возможная, но, поразмыслив, Фомин ее отверг. Зачем вору красть в два приема? Зачем рисковать быть застигнутым на месте преступления, если все равно надо явиться за краденым ночью? Не проще ли отложить дело целиком на более позднее время? Вор пробирается в клуб, легко открывает бывший туалет, берет фотоаппараты и тем же путем удаляется. Если он знал, что уборщицы придут спозаранку натирать полы мастикой, то он именно так и поступил.

То, что дверь бывшего туалета оставалась в течение десяти минут незапертой, могло не иметь никакого отношения к делу. Но Анфиса Петровна, имеющая обыкновение баловать звезд самодеятельности и держать в ежовых рукавицах штатных сотрудников клуба, сразу же обвинила руководителя фотокружка в преступной халатности. Вздурораженный и напуганный Шарохин жаловался на Анфису Петровну каждому встречному и поперечному. Незапертая дверь сделалась какой-то уж слишком значительной деталью преступления, привлекла к себе слиш-

ком много внимания. Словно кто-то нарочно отвлекает этой дверью от других обстоятельств кражи, более ценных для следствия, мельком отметил Фомин, вытаскивая еще одного подлещика. Но если своровал Петухов, то почему он не схалтурил, не напортачил, а сработал вполне чисто?

За спиной Фомина в тень моста неслышно вошла старая просмоленная лодка. Сидящий в ней рыбак тихонько касался воды куцыми, словно бы обгрызенными веслами. На нем красовалась кавказская войлочная шляпа с полями, загнутыми на ковбойский манер, с черным ремешком под подбородком.

— Николай Палычу! — шепотом поприветствовал путятинский ковбой, причалил к соседней опоре, сдвинул шляпу на нос, показав Фомину белобрысый затылок и красную шею, пошебаршил удочками, затих и — минуты не прошло! — вытащил крупного леща.

Фомин крикнул от зависти. Вот что значит приловиться к месту! И старый Евдокимов всегда тут стоит. Их законное семейное место.

О молодом Петре Евдокимове Фомин имел самые исчерпывающие сведения. Петр после окончания школы ездил поступать в летное училище, не прошел медкомиссию, вернулся, год болтался без дела, был пойман дружинниками на месте преступления как радиохулиган по кличке «Ковбой». В настоящее время, кажется, взялся за ум, работает в прядильном помощником мастера. Эту неделю — во второй смене, утром свободен. Что еще? Посещает радиокружок при клубе, недавно в городской газете появилась заметка о том, что П. Евдокимов переговаривается по УКВ с Австралией... Бывший «Ковбой» действительно просиживает все свободное время у коротковолнового передатчика в комнатухе на втором этаже, рядом с кабинетом Анфисы Петровны. Находился он там и в тот вечер, когда была совершена кража.

«Глухая тетеря! — сказала о нем Анфиса Петровна. — Ему хоть стены обвалились, от радио не отойдет». А дед Анкудинов видел, что поммастера Евдокимов провожал до ворот монастыря Веру Каразееву...

Фомин прекрасно знал золотое правило не болтать на рыбалке, но не удержался и шепотом спросил:

— Слушай, Петь, ты вчера «Синего дьявола» слышал? Евдокимов молча кивнул.

— Прежний? Или кто другой?

Евдокимов сначала отрицательно покачал головой: «Нет, не прежний». Потом утвердительно кивнул: «Да, другой».

— А ты не знаешь, кто тогда назывался «Синим дьяволом»?

Евдокимов недовольно дернул плечами. Мол, отстаньте, дорогой Николай Палыч! Всю рыбу распугаете! Петр был такой же фанатик рыбалки, как и его отец, из которого даже на суше не вытянешь ни слова, до того настроился на молчанку.

Фомин помолчал и снова завел:

— Петь, ты извини, еще только один вопрос... Относительно Васьки Петухова...

Евдокимов глянул на Фомина злыми глазами и прошипел:

— Ну видел я его, видел! Со спины! Васька на лестницу поворачивал. Больше я ничего не видел. Никаких фотоаппаратов. У Васьки в руках ничего не было. Все, Николай Палыч! За остальным вызывайте на допрос! — Евдокимов демонстративно зажал рот ладонью.

Фомин поспешил оставить Евдокимова в одиночестве. «Значит, Васька там все-таки был... Один или с братом? Васька уходил с пустыми руками. Возможно, он только караулил в коридоре...»

Вниз по течению лодка шла легко.

У Фомина сложился полностью план расследования кражи в клубе.

Володя забежал на почту и отправил Татьяне двадцать рублей. Все, чем он может ее поддержать при переходе с мини на макси, черт бы побрал капризы моды! В кармане осталась трешка и мелочью рубль с чем-то. На сегодняшний вечер должно хватить. К счастью, в Путятине все еще нет вечернего кафе. До зарплаты остается неделя. Ничего, не привыкать. Продержимся, начнем помаленьку рыть молодую картошку.

Возле клуба толпились подростки в широченных штанах, украшенных понизу всевозможной металлической фурнитурой. Над уличной кассой висела табличка: «Билеты на все сеансы проданы». В вестибюле Володе прегра-

дила путь суровая старуха с красной повязкой на рукаве теплой кофты.

— Валерий Яковлевич здесь? — спросил Володя.

— Тебе зачем? — После кражи тут изображали строгость и бдительность.

— По делу. Я из музея.

Старуха окинула его запоминающим взглядом. Володя невольно поежился. Ну прямо как в «Пиквикском клубе». Когда мистера Пиквика посадили в тюрьму, какие-то мрачные типы принялись изучать его лицо. В те времена это заменяло фотографирование преступника — анфас и в профиль.

— Иди! — мрачно изрекла старуха. — И не отклоняйся! Прямо к Шарохину!

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Володя предался размышлениям о том, что когда-то фотография произвела переворот в сыском деле. Сегодня уже не встретишь детективный роман, где не фигурировала бы фотография разыскиваемого преступника или жертвы преступления. Любительский снимок, на котором кто-то выглядывает из-за кустов, уже в XIX веке давал сыщику важную нить...

Володе вспомнилась встреча в воротах монастыря. Что произвело тогда наиболее сильное впечатление? Диспропорция фигуры Петухова-старшего? Угроза в сиплом голосе? Нет! Самое сильное впечатление на Володю произвела внезапная потеря цветового восприятия мира. Лицо Петухова показалось ему черно-белым. И причина тут не в плохом освещении.

«Странно, странно, — размышлял Володя. — Собака видит мир черно-белым, человек — цветным. Однако сны у людей, как правило, не цветные, а черно-белые. Цветной сон может присниться человеку с расстроенной психикой, а также натуре, одаренной художественным воображением. Я уже не раз ловил себя поутру на том, что мне виделся цветной сон. У меня действительно есть дар художника: я рисую, писал стихи, теперь пишу документальную прозу о художнике Пушкине... И вот именно мне, натуре впечатлительной, человеку, видящему периодически цветные сны, кто-то показался черно-белым... Я увидел не лицо — живое, в движении, в красках, — а словно бы некий моментальный снимок базарного фотографа.

Однако,— продолжал философствовать Володя,— эти ментальные снимки (если принять за аксиому, что оптика бесстрастна) достойны самого пристального изучения. Достоевский писал, что человек не всегда на себя похож, а потому художник отыскивает тот момент, когда человек наиболее похож на себя, то есть «главную идею его физиономии». Очевидно, выдающиеся фотографы, иначе говоря, фотохудожники, умеют отыскивать нужный момент и передавать «главную идею физиономии». Халтурщики шелкают, не задумываясь. В результате бесстрастная оптика запечатлевает человека в тот момент, когда он на себя не похож. Приходишь и видишь на шести одинаковых снимках какую-то жуткую рожу, но это ты в тот момент, когда ты не похож на себя. Оптика не ошиблась, как не ошибается и вахтер в проходной. Мельком взглядывает на жуткую рожу, вклеенную в пропуск, и безошибочно узнает, ты это или не ты. Возможно, причина мгновенного узнавания в том, что вахтер лишь на краткий миг остановил свой взгляд на снимке. Миг, равный выдержке, которую делает фотограф. Глаз вахтера срабатывает, как оптика фотоаппарата...

...Перед Володиными глазами завертелись радужные — цветные! — колеса.

«Кажется, я перенапряг воображение».

Он остановился, потряс головой и увидел, что стоит в полутемном коридоре перед дверью с черно-белой табличкой: «Фотолаборатория». В дверь врезаны новые петли, на полу белеют свежие стружки и опилки. Однако висячий замок размером с калач болтается на ручке двери. Значит, внутри кто-то есть. Володя прислушался. Да, там разговаривают, плещет из крана вода.

Володя осторожно подергал за ручку двери. Заперта на внутренний замок. Он хотел постучать, но рука самопроизвольно остановилась, затем нырнула карман брюк, извлекла связку ключей. Володя с сомнением покачал головой, но пальцы сами нащупали плоский ключ от кабинета в музее. Оставалось вставить ключ в замок и осторожно повернуть.

«Да, Фома абсолютно прав — сюда подходит любой ключ, пилка для ногтей, перочинный нож и, возможно, любая мелкая монета».

Отпертая дверь со скрипом растворилась.

— Эй, ты! — приказал мальчишеский голос. — Быстрее! Засветишь!

Володя прошмыгнул в темноту и захлопнул за собой дверь. Никто не спросил, что ему тут надо. Люди были заняты делом. Тесно, голова к голове, они сгрудились у стола, где чуть теплился красный свет. Володя сделал шаг и оказался у кого-то за плечом. Теперь ему стало видно, что на столе в пластмассовой фотографической ванночке плавает большой белый лист и кто-то подергивает лист пинцетом.

На фотобумаге начали проступать тени. Мало-помалу обрисовались фигуры танцоров и чуть в сторонке — на табуретке баянист. По неясным еще фигурам и в особенности по баянисту можно было догадаться, что пляшут русскую. Парень вприсядку, а девушка кружится, размахивая руки.

Володя примечал, как проступили пуговицы баяна, вытаращенные глаза плясуна, лаковый козырек фуражки, но женская фигура все еще оставалась нечеткой, как в тумане.

— Стоп! — скомандовал голос Шарохина. — А то передержишь!

Пинцет ущемил фотографию за уголок, и перебросил в другую ванночку. Мальчишечьи головы переместились следом за фотографией. Володя уже сообразил, что попал на занятия детской группы. На него по-прежнему никто не обращал внимания. Этих лопухов можно было обворовать во время занятий.

— Выставочный снимок! — мечтательно произнес Шарохин. — Обратите внимание, как передано движение. Партнер схвачен, запечатлен, а она неуловима. Молодец, Анкудинов, ты делаешь успехи!

Услышав, кто делает успехи, Володя насторожился.

— Баяниста я бы отрезал, — заметил мальчишечий голос.

— Что ты! — Шарохин ужаснулся. — В позе баяниста такое старание! Такая истинная любовь к искусству!

— На выставку не пропустят, — сказал кто-то из мальчишек веско. — Верка требует, чтобы ее показывали во всей красе. Она любит позировать. А тут ее вообще не видать. Что вы, Верку не знаете? Как она скажет, так и будет, — вот увидите, на выставку не пройдет.

— И Жорка тут похож на идиота,— добавил тот, который предлагал отрезать баяниста.

— Ну и что? — обиженно отозвался Женя Анкудинов.— Какой есть, такой и получился.

— Жорка тебе помнит! — предупредил веский.

— Не вижу идиота! — задумчиво произнес Шарохин.— Вы взгляните. Он пляшет. Он забыл обо всем на свете. Думает только о ней!

Мальчишки фыркнули:

— Так он же за Веркой бегаёт! Он ей жениться предлагал. Нам, говорит, квартиру дадут без очереди. А она вчера...

— Чтоб я не слышал у нас в студии грязных сплетен! — вспылil Шарохин.— Давайте все поздравим от души Женю Анкудинова с большим творческим успехом. На этом занятие объявляю законченным. Встретимся послезавтра, в три. До свидания, идите тихо. Чтоб мне на вас никто не жаловался! А ты, Женя, останься, доведи свою работу до конца.

В темноте мальчишки один за другим прошмыгнули мимо отступившего в сторону Володи. Без сомнения, теперь они заметили постороннего человека, но не проявили никакого интереса. Кажется, юные фотолюбители привыкли к визитам частных клиентов своего руководителя.

Однако Володя очутился в неловком положении. Оставшиеся за столом Шарохин и Женя не догадывались о его присутствии. Как теперь объявиться? Не придумав ничего лучшего, Володя кашлянул. Откуда он мог знать, что Женя такой пугливый! В ответ на тихое «кхе-кхе» раздался пронзительный визг. Потом Женя нажаловался Шарохину:

— Валерий Яковлевич! Чего они дразнятся!

— Ребята, кончай баловаться! — бросил Шарохин, не оборачиваясь. Как видно, Женю тут пугали не впервой.

— Это не ребята.— Володя сделал шаг.— Это я, Валерий Яковлевич. Из музея, Киселев.

— Владимир Александрович? Мы и не слыхали, как вы вошли.

— Да я только что,— проямлил Володя.

Шарохин встал и, привычно ориентируясь в темноте, подошел к Володе.

— Мы уже кончаем, через минуту зажжем свет.— Шарохин подвел Володю к столу: — Поглядите. Каков снимок?

Володя похвалил замечательную работу Жени Анкудинова.

— Талант,— сдержанно сообщил Шарохин.— Вот только темноты боится.

Наконец вспыхнул свет. Володя увидел знакомую лисью мордочку фотографа, блеклые усики, свисающие по углам рта. Плотный и рослый Женя Анкудинов выглядел в своих огромных очках гораздо солидней Шарохина. Трудно было поверить, что этот самый Женя только что визжал, как девчонка.

— Покажи Владимиру Александровичу, чем ты занимаешься,— приказал Жене руководитель.

Мальчишка протянул Володе фотоаппарат какой-то иностранной марки. С аппаратом в руках Володя сразу же ощутил себя невеждой. Он не мог оценить все достоинства великолепной игрушки.

— Последняя модель.— Шарохин вздохнул.— У Жени дядя на дипломатической работе. Поехал за границу, зашел там в магазин, купил без всяких накладных. Просто, как заурядную «Смену». У нас только через спекулянтов достанешь.— Шарохин почмокал губами.— Какие фотоаппараты я видел в Москве у комиссионки, но цена-а-а! — Его глазки грустно увлажнились.

«Что надо было Шарохину у комиссионки?» — подумал Володя.

Аккуратный Женя накатал снимок, снял клеенчатый фартук, взял свой фотоаппарат и ушел. Шарохин, бережно переливая растворы из ванночек в стеклянные бутылки, принялся жаловаться Володе на гонения, которым подвергается фотокружок:

— Вы сами видите, в какой тесноте я вынужден работать! Конечно, фотолюбители — не ансамбль песни и пляски. Массовость в нашем деле не нужна, фотография — увлечение индивидуальное. Хорошо, я согласен, пускай не дают приличной комнаты для фотостудии, но зачем же принижать нас духовно? Руководство клуба считает, что плясуны, певцы, художники, драмкружок — это народное творчество. Выпиливание по дереву, радиолюбители, автокружок — это техническое творчество. А фотогра-

фия — это всего лишь подсобное предприятие, клубная служба быта! Наше дело — фиксировать творческие успехи других, и только!

Каждое слово Шарохина казалось Володе фальшивым. Фальшь буквально резала ухо. Особенно когда Шарохин заговорил о краже, умудрившись поставить исчезновение фотоаппаратов в один ряд со всеми прочими фактами притеснения фотостудии и ее руководителя. Вор чуть ли не вступил в заговор с Анфисой Петровной, которую Шарохин называл Ан-Фис.

— С новыми фотоаппаратами мы бы себя показали! — фальшиво негодовал Шарохин. — Но кому это нужно? Ан-Фис? Конечно, нет!

Володя с интересом наблюдал за игрой Шарохина. Непонятно, как мог Фома счесть двоедушного фотографа непричастным к краже.

Наконец Шарохин спохватился, что явно переигрывает, и проявил любопытство: что привело заместителя директора музея в лабораторию?

— Вы к нам, надеюсь, не с претензиями? — заискивающе спросил он. — Есть новый заказ?

Володя признался, что ему нужны два билета на первый вечерний сеанс.

— Трудно! — Фотограф напыжился. — Однако осуществимо! — Он полез в ящик стола, достал пакет из черной бумаги. — Следуйте за мной!

В вестибюле Шарохин направился в темный закуток, куда выходила дверь кассы. На его стук дверь приоткрылась. Фотограф проворно сунул в щель черный пакет. Дверь открылась пошире. Володя увидел пожилую кассиршу. Она, улыбаясь, вынимала из пакета фотографии.

— Прелесть что за девочка! Чудо-ребенок! — умильно нахваливал Шарохин, наполовину протиснувшись в дверь. Затем обернулся к Володе: — Давайте рубль! — И опять сунулся в дверь: — Снимок, который вам больше всего понравится, мы увеличим. — Рука Шарохина пронесла Володин рубль в дверь и вручила растроганной кассирше: — Два билетика на шесть часов.

Кассирша протянула Шарохину два билета. Не отрывала, не размечала места своим толстым синим карандашом. Володя понял, что билеты были заранее для кого-то отложены!

— Четырнадцатый! Середина! — Шарохин восторженно причмокнул. — Вот что значит затронуть чувства любящей бабушки! На таких местах у нас сидят только звезды самодеятельности.

Шарохин для чего-то посмотрел билеты на свет и Володе велел посмотреть. На голубой шершавой бумаге Володя обнаружил еле заметное, синим карандашом: «П. Е.».

— Петька Евдокимов, — злорадно сообщил Шарохин. — Мой личный враг. На прошлой неделе починил кассирше телевизор, который давно пора в утиль. Про Евдокимова я бы мог вам много... — Шарохин вдруг страшно побледнел. Володе показалось, что фотограф кого-то увидел и перепугался. — Опять я забыл запереть студию! — вырвалось у Шарохина. — Если Ан-Фис застукает, я погиб! — Он без оглядки помчался к себе на второй этаж.

— Шебутной! — пустила ему вслед суровая старуха с красной повязкой.

«Опять забыл запереть студию? Странно, странно, — думал Володя. — Но что же он мне хотел сказать о Евдокимове?»

Внимание Володи привлекла толстая колонна посреди вестибюля, увешанная фотографиями. Володя подошел ближе и догадался, что это за колонна. После сооружения первого этажа и нормальных лестниц стальную винтовую лестницу, пронизывающую здание-веретено, забрали в деревянный, обшитый фанерой футляр. Оказалось очень удобно наклеивать и прикалывать на фанеру всевозможные объявления, афиши, фотомонтажи. Шарохин развернул тут постоянную выставку работ своего кружка. На фотографиях Володя увидел многолюдные пляски, сцены из спектаклей, кубки, модели, вышивки, президиумы торжественных заседаний. Пожалуй, Шарохин не преувеличивал, когда говорил, что фотокружок используют для обслуживания других кружков. Ага, вот и фотография П. Евдокимова, склонившегося над передатчиком... С виду простачок...

Володя не спеша двигался вокруг колонны. В вестибюле стояла тишина, он слышал, как за деревянной обшивкой неутомимо трудится мышь. Володя представил себе заключенный внутри виток стальной лестницы. Что

там нашла мышь? Или, может, она затащила внутрь корку? Нет, мышь явно прогрызалась куда-то, проедала ход...

Грызенье внезапно прекратилось. Володя увидел на фотографии яркое, вызывающее лицо. Девушка в русском сарафане явно позировала фотографу. Да это же Вера Каразеева! Володя прочел подпись: «Снимок Е. Анкудинова». Вот еще Верина фотография, еще, еще... В молдаванском костюме, в украинском, узбекском, грузинском. Под всеми фотографиями мелконько подписано: «Е. Анкудинов». С поразительным увлечением фотографирует своювольную Веру Каразееву мальчик в очках, боящийся темноты. На том снимке, который Женя подсунул под дверь своей домашней фотолаборатории, Вера в простом платье сердито грозила фотографу. «Любит позировать»,— говорили о ней мальчишки. А на последнем Женином снимке ее вообще не видно, фигура смазана. Зачем это понадобилось Жене Анкудинову?

Володя вызвал в памяти роковой портрет Таисии Кубриной. «Нет, яркой Вере Каразеевой далеко до девушки в турецкой шали. В Вере есть что-то...— Володя поискал определение поточнее и после некоторых колебаний признал, что Вера выглядит все-таки вульгарно.— Слово «пошлость» ей не подходит, но «вульгарность» да... Впрочем, что-то вульгарное, несомненно, было и в Настасье Филипповне,— размышлял он.— Вульгарность чаще оборачивается трагедией, чем тонкий вкус, хорошее воспитание. В девушке из ансамбля песни и пляски есть что-то... какая-то тревога в черных смеющихся глазах. Женя действительно мастер!.. Женя и Вера Каразеева живут рядом,— с беспокойством продолжал размышлять Володя.— Фома выпрашивал у старика Анкудинова, кто ходит к младшей дочке Каразеевых. Выяснилось, что Верой заинтересовался вернувшийся из заключения старший Петухов».

— Скверно,— пробормотал Володя,— очень скверно!

Сделав еще несколько шагов вокруг колонны, он натолкнулся на какого-то очень знакомого человека, рассматривавшего фотографии. Володя машинально поздоровался. Тот взглянул на него с удивлением: мол, я вас в первый раз вижу.

— Простите! — выдавил Володя. Перед ним стоял

Евдокимов.— Мы действительно не знакомы. Я вас узнал по снимку. Кстати, мне о вас говорила ваша учительница, Валентина Петровна Семенова. Я с ней советовался. Я работаю в музее, нам нужен на время специалист по радио...

— Я халтурой не занимаюсь! — отрезал Евдокимов.

— Может быть, вы мне порекомендуете, к кому обратиться?

— Да вот хотя бы к нему, — Евдокимов показал на вошедшего в вестибюль тоже знакомого Володе по фотографиям солиста ансамбля, партнера Веры Каразеевой, мастера телеателье Жору Суслина.

«Рост метр шестьдесят, не больше, — определил Володя. — На снимках Суслин не выглядел таким маленьким. Еще один фокус Жени Анкудинова. Кроме того, на снимках у солиста роскошные кудри, а сейчас — короткая стрижка».

— Суслин, на минутку! — окликнул Евдокимов.

Солист подошел. Володе показалось, что он чем-то очень взволнован. Но это не помешало Суслину проявить деловые качества.

— Договоримся завтра, — сказал Суслин Володе. — Приходите ко мне в телеателье. — Схватил Евдокимова за рукав, отвел в сторонку. — Слушай, Петя, очень важное дело... Петухов...

Больше Володе ничего не удалось расслышать, эти двое перешли на шепот.

«Впрочем, для начала у меня впечатлений более чем достаточно», — думал Володя, направляясь к выходу. В дверях он столкнулся с Фоминым.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Фомин.

— Купил билеты! — Володя вынул из кармана голубой клочок, помахал перед носом Фомина. — Между прочим, по знакомству, с черного хода. — Оглянувшись, он убедился, что Суслин и Евдокимов успели исчезнуть. Эти двое явно не хотели попасться на глаза Фомину.

«Так и запишем», — с удовлетворением сказал себе Володя.

— Ты маг и волшебник! — объявила Валентина Петровна, когда он подвел ее к креслам в самой середине зала.

Рядом два кресла оставались свободными. Свет люстры начал слабеть. В проходе показалась запоздавшая пара. Вера Каразеева и Петухов направлялись напрямик к свободным местам. На ней было длинное пестрое платье из ткани, более подходящей для домашнего халата, и вульгарные позолоченные босоножки. До того, как свет погас, Вера успела смерить высокомерным взглядом премьерши скромную учительку и ее спутника — его-то за что?! А Володя не успел разглядеть, отутюжил ли Петухов свой новый костюм. Лицо Петухова опять осталось в зрительной памяти черно-белым. И глазки-пуговицы — как на моментальном снимке базарного пуш-каря.

VI

Каждый раз, приходя в штаб комсомольской дружины, Фомин оказывался перед портретом мальчишки в ситцевой крапчатой рубашонке нараспояску, в тяжелом отцовском картузе, осевшем на оттопыренные уши. Портрет был спечатан и увеличен с группового снимка боевой дружины Путятинской мануфактуры. Фотографировались смело, открыто. Был 1905 год. Во время знаменитой стачки, когда вся полиция попряталась по углам, дружина охраняла порядок в городе. Затем дружинники, вооруженные револьверами, пытались не пустить в Путятин казачью сотню. В этом бою фабричный мальчонка Ваня Фомин снял с коня дюжего казака, рассадив ему лоб камнем.

Комсомольцы-дружинники считали себя прямыми преемниками рабочих-боевиков. Штаб дружины, как и семьдесят лет назад, помещался в краснокирпичном здании на Пушкинской улице. Тогда тут был Народный дом, ныне — городская библиотека имени Фурманова. Читатели ходили через парадный подъезд, а дружинники — со двора, как и в те исторические времена. Место было удобное в стратегическом отношении — на краю городского пятачка.

— Что новенького? — спросил Фомин дежурного по штабу Алешу Скобенникова, благодушного парня с льняными кудрями до плеч, работающего на фабрике электриком.

— Пока все в норме, Николай Палыч. Но ожидаем...

Алеша имел обыкновение высказываться кратко. Нынешней осенью он собирался идти на военную службу. Алеша мечтал попасть на подводную лодку. Где-то прочитал об акустиках и решил, что такая военная специальность по нем. В электрических приборах, в радио и в телевизорах Скобенников разбирался великолепно. Он и был тем «Тарантулом», который давал на средних волнах подробнейшие технические консультации. Когда дружинники вышли в эфир с требованием прекратить радиохулиганство, «Тарантул» передал призыв организовать встречу всех заинтересованных сторон за круглым столом. В назначенный «Тарантулом» час никто из «Ковбоев» и «Сатурнов» не явился на условленное место, опасаясь ловушки. Но сам «Тарантул» пришел, принес кипу чертежей и собственноручно составленный проект двустороннего соглашения между радиолюбителями и горсоветом. Так началась его дружба с ребятами из дружины.

Фомин сел за стол напротив Скобенникова.

— Так что же вы ожидаете?

— Сегодня в клубе детектив, а после детектива количество нарушений примерно в три раза выше, чем после кинокомедии...— серьезно сказал Скобенников.

Фомин вспомнил, что кража в клубе произошла после кинокомедии, но с Алешей в спор не вступил.

— Я сам подсчитал по итогам дружины и сведениям кинопроката за полугодие,— продолжал Скобенников,— комедия и детектив дают по мелкому хулиганству один к трем. Но характерно, что в истекшем полугодии шли и такие фильмы, после которых никаких происшествий не случалось. Я специально проверил — это мюзиклы и творческие поиски, как их называют в журнале «Экран».

— Скажи пожалуйста! — На Фомина произвела впечатление Алешина статистика.

Этот парень на самом деле произвел расчеты влияния фильмов на путятинский пятачок. Ай да технарь! Даром что кудри отстранил.

— Слушай, Алеша, а почему ты тогда назвался «Тарантулом»?

— Не по принципу личного сходства,— немного подумав, ответил Скобенников.— Искал звучное слово, поменьше глухих и шипящих. Та-ран-тул! Вы прислушай-

тесь. Звучит лучше, чем «пират» или «фантомас».

— А «Синий дьявол» как? Звучит?

— Лучше бы «Зеленый дьявол», а то «синий» с писком выходит. Я помню, «Синий дьявол» срывался на первом «и». Но «дьявол» звучит. Лучше «пирата», лучше «сатурна». Веское слово...— Скобенников несколько раз, меняя интонацию, произнес: — Дьявол, дьявол, дьявол...

— Как ты думаешь, Алеша, зачем понадобилось «Синему дьяволу» опять вылезть в эфир? Сейчас мало кто слушает на средних волнах...

Скобенников неопределенно пожал плечами:

— Мало, но слушают. Я сам его вчера не слышал, но от ребят знаю, что «Синий дьявол» выходил осторожно, как и тогда.— Скобенников помолчал.— Вряд ли он радиолюбитель. Случайно имеет доступ к радиопередатчику.

— Но ведь его с одного раза или с двух мог не услышать тот, к кому он обращался,— заметил Фомин.

Скобенников похмыкал:

— До кого надо, дойдет. Древним путятинским способом.

Фомин достал сигареты, предложил дежурному. Скобенников отказался: он бросил курить, чтобы быть готовым к строгостям службы на подводной лодке.

— Еще вопрос можно? — Фомин спрятал сигареты.

— Давайте.

— Кто тогда сделал Петухову передатчик?

— Ваське? — Скобенников задумался.— Мог и сам.

Примитивная штука.

— Для тебя примитивная,— возразил Фомин,— но не для него.

— Для любого, Николай Палыч. Элементарно.

Выйдя из штаба дружины, Фомин решил прогуляться по пятачку. Он не страдал предубеждением против тех, кто тут околачивался каждый вечер. Когда-то лейтенант и сам был завсегдатаем пятачка, откликаясь на прозвище «Фома». Ну и что? Вырос, стал человеком, как и многие другие завсегдатаи пятачка тех лет. Кто работает на фабрике, кто в городских учреждениях. Из завсегдатаев пятачка вышли и рабочие, и учителя, и врачи, и офицеры. «А что Петуховы попадают за решетку — в

этом виноват не пяточок», — размышлял Фомин, делая первые шаги по старинному тротуару, затейливо выложенному красным кирпичом.

Фома не спеша брел мимо собирающихся компаниями парней в подтяжках поверх маек с иностранными надписями и девчонок в длинных юбках, в кофтенках навывпуск с рукавами-буфами. Молодой Путятин словно получил указание сверху о смене формы одежды. На всем пяточке не видать ни кружевных мужских сорочек, ни женских брюк, ни юбочок-мини.

«Точно так же когда-то и я сам уже не решился бы показаться на пяточке в узких брюках — пришла мода на широкие, в остроносых мокасинах — пришла мода на тупоносую обувь. Да я бы лучше босым и голым сюда явился, чем старомодным!»

В ту славную пору труженик пяточка по прозвищу Фома с полуслова, с одного взгляда получал всю нужную информацию. Например, кому сегодня врежут, кто врежет и за что. Но сейчас пяточок обменивался непонятными словами, незнакомыми жестами и глядел мимо лейтенанта Н. П. Фомина. Лейтенант двигался по знакомому до последнего кирпичика тротуару, как заморский гость, ни бельмеса не смысля в происходящем. Между тем он был уверен, что тут сейчас происходят какие-то важные встречи, обмен взглядами и уже известно, кому и за что вскоре очень крепко врежут. Возможно, не пойманный вор тоже прохаживается сейчас по пяточку. Здесь же находятся его сообщники, если они были, а также те, кто что-то видел, слышал или предполагает, но не спешит поделиться всеми сведениями со следствием.

Неожиданно за спиной лейтенанта послышался открытый текст:

— ...а он ей говорит: «Я тебя как истинный друг предупреждаю: фотокружок он обчистил»...

— А она что?

— Она говорит: «Врешь, не верю».

— Ой, ду-у-ура!

— Я их только что видела, они в кино пошли.

— Ой, она всегда достает билеты! Ну всегда!

Разговаривали три девчонки не старше пятнадцати лет. Фомин их только что обогнал. Девчонки держались вызывающе, вихляли тощими бедрами, смолили сигаре-

ты, задевали встречных мальчишек. Однако чувствовалось, что они тут еще почти ничего не знают и не понимают, ни с кем толком не знакомы — делают первые робкие шаги.

Фомин прислушался в надежде узнать, кто же «он» и кто «она». Но разговор уже перешел на киноартистов — который из всех самый красивый. Девчонки перебрали множество фамилий, обсудили носы, глаза и дошли до губ, проявив такую осведомленность в вопросе, что Фомин бросило в краску, и он ускорил шаги.

Отойдя на достаточное расстояние, Фомин оглянулся на бойкую троицу и постарался всех запомнить.

«Предупреждаю как истинный друг: фотокружок он обчистил...» Фраза означала, что кто-то из парней знает вора и предупредил девушку, но она не поверила и пошла с вором в кино. Если вор и его девушка сидят сейчас в кино, то...

Фомин мысленно прикинул. В зале четыреста мест. Можно ли как-то ограничить круг подозреваемых? Билеты достала «она» по знакомству. Можно ли установить, кто «ну всегда» получает в кассе билеты? Можно, однако трудно. Знакомые есть не только у пожилой кассирши. Анфиса Петровна снабжает билетами в кино массу нужных ей людей. Этим же занимаются все без исключения сотрудники, вплоть до ночной сторожихи. Таким образом, если не подозревать в связях с вором городское начальство, которое благодаря заботам Анфисы Петровны сейчас тоже смотрит детектив, то в круг подозреваемых входят родственники сотрудников клуба, вся клубная самодеятельность плюс нужные люди: продавщицы, парикмахеры, закройщицы из ателье... Прибавим сюда же аптеку, получающую дефицитные лекарства, поликлинику, баню... Список будет бесконечен! Если детектив идет первый день, то все места в зале заняты только теми, кто «ну всегда» может достать билеты, как достает их «ну всегда» неизвестная «она», которая пошла с «ним» в кино, несмотря на предупреждение некоего «друга».

Фомин вытер платком вспотевший лоб. Хорошо, что в зале только четыреста мест. Круг подозреваемых вернулся в исходное положение, поколебался немного и слегка уменьшился. Четыреста минус городское началь-

ство и минус сотрудники милиции, которые тоже любят смотреть детективные фильмы.

Фомин взглянул на часы. Без четверти восемь. Сейчас закончится первый сеанс, и публика будет выпущена из зала через единственные двери. Не помешает очутиться поблизости и проверить некоторые предположения.

Он не успел дойти до клуба. Внезапно все переменялось на пятак. Смолкли гитары, лица вопросительно повернулись в одну сторону. Фомина обдало знакомым холодком. Старый опыт кое-что значит. Фомин понял, что кому-то сейчас уже врезали. Залился свисток, раздался топот бегущих ног. Фомин услышал близко тяжелое дыхание, и наконец кто-то истошно взвыл.

Когда Фомин подбежал, дружинники заламывали руки Ваське Петухову. Васька вырывался и выл от злости. Кровь из носа капала на рубашку. Васька, швыряя носом, силился пнуть ботинком кого-то лежащего на земле. Один из дружинников наклонился над лежащим и помогал подняться. В пострадавшем Фомин узнал Суслина. «За что ему врезали?» — пронеслось в голове. Впрочем, Суслин не так уж сильно пострадал. Фомин углядел у него под глазом среднего размера припухлость, обещавшую превратиться в обыкновенный синяк.

Солист ансамбля достал носовой платок, вытер грязь с лица и принялся оттирать платком джинсы и замшевую куртку.

— Давай, давай проходи! — Дружинники спраживали любопытных, но народу все прибывало.

Фомин понял, что киносеанс закончился. Сейчас набегут все четыреста зрителей — посмотрят продолжение детектива.

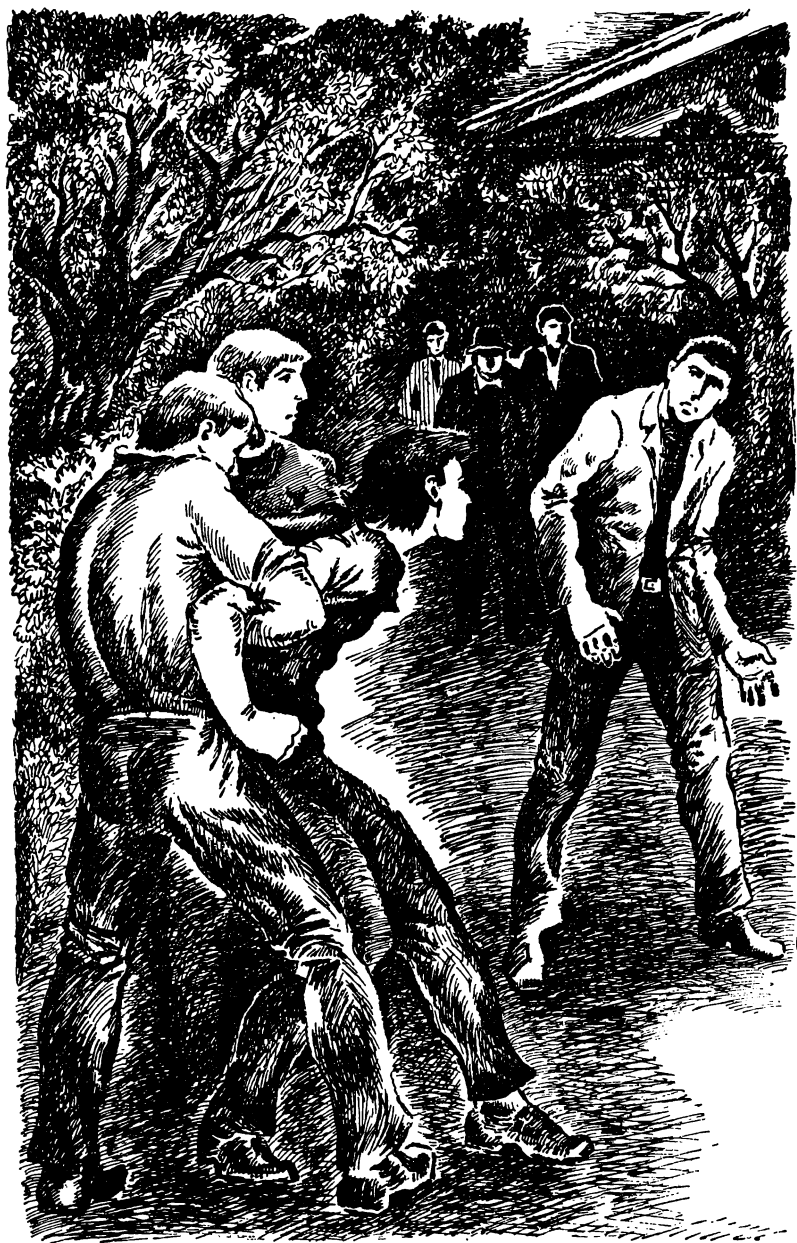
— Уведите его скорее! — сказал Фомин дружинникам.

Несколько ребят поволокли упирающегося Ваську. Один дружинник, с виду увалень, остался с пострадавшим.

— За что он тебя? — участливо спросил дружинник Суслина.

— Черт его знает, дурака! — огрызнулся солист. — Распустили хулиганье!

Публика поддержала солиста. Суслин возвысил голос и принялся честить ротозеев дружинников и мягкосердечную милицию.

— Ладно тебе! Раскудахтался!..— Увальня допекла Жоркина демагогия.— Взрослый человек, а испугался сопляка. Ты его мог одной рукой...

— Рукой? — взвизгнул Жорка.— А он меня ножом?!

— Не было у него ножа! — уверил Жорку дружинник.

Но его никто не хотел слушать. «Был нож!», «Вот такой!» Кто-то даже видел, как хулиган выбросил в кусты маузер.

Сквозь толпу протиснулся солидный товарищ:

— Вы бы, молодой человек, взяли на заметку, что народ говорит. Бандит успел выбросить оружие. Бандитское оружие — холодное или горячее — необходимо найти!

— Да не было ножа! — твердил дружинник.

— Я, в конце концов, требую проверить! — прикрикнул солидный.

— Спокойно! — посоветовал ему Фомин. Он узнал солидного: ревизор из горфо.

— А-а-а! — Финансист обрадовался, он тоже узнал Фомина.— Вот и милиция пожаловала с опозданием. Давно пора, товарищ Фомин, взяться за хулиганов по-настоящему. Вы передоверили свои прямые обязанности дружинникам. Хулиганы терроризируют нашу лучшую молодежь.

— Пошли,— сказал Фомин дружиннику.

— А этот с нами? — Дружинник кивнул на Жору.

— Не «этот», а потерпевший,— поправил Фомин и повернулся к Жорке: — Товарищ Суслин, если не ошибаюсь? Будьте добры, пройдите с дружинником в штаб.

— А если я не желаю?— возопил Суслин, обращаясь не к Фомину, а к публике.

— Дело ваше. Но все-таки лучше, если бы вы пошли. А то на словах все против хулиганов, но случись что...

Фомин не договорил. Жорка ужасно вытаращил глаза, взялся левой рукой за сердце, правой за голову и простонал:

— Мне ничего не надо... Мне бы добраться до дому, лечь...

Догнав дружинников, которые вели в штаб упиравшегося Ваську, Фомин увидел своих бывших одноклассников Киселева и Семенову. Они выглядели взволнованными. Семенова бежит впереди, Киселев за ней и вроде бы пытается ее остановить.

— Товарищи! В чем дело? — возмущалась Семенова. — Отпустите его, это мой ученик! Петухов, кто тебя ударил? Скажи мне, не бойся!

Васька ей ничего не отвечал, продолжал вырываться. Киселев шел за Семеновой и повторял:

— Валя, ты так все испортишь, мы не сможем никого убедить.

«Не надо было рассказывать Киселю про кражу в клубе», — подумал с досадой Фомин.

— Посторонних не впускать! — распорядился он, проходя в штаб.

Двое парней встали на крыльце, загородив путь возмущенной Валентине Петровне и Володе.

— Не имеете права! — протестовала она. — Я учительница!

На крыльцо вышел привлеченный шумом Скобенников.

— Учительница? — Чуткие уши будущего акустика слегка шевельнулись.

— Учительница! Я не классный руководитель Васи Петухова, но я его знаю. И я настаиваю, я обязана присутствовать...

Скобенников подергал себя за ухо и сказал дружинникам:

— Вы что, сдурели? Она учительница. Пропустите.

— Лейтенант не велел, — возразили они. — Ты сначала его спроси.

— Самим надо думать, — добродушно посоветовал Скобенников. И обратился к Володе: — Вы тоже учитель?

— Я историк. — Володя, в общем-то, не соврал. — А Валентина Петровна преподает физику.

— Физику? — Скобенников хмыкнул и покрутил ушастой головой. — Тогда все ясно. Проходите, Валентина Петровна!

Следом за разгневанной и решительной Валентиной Петровной Володя вошел в штаб. Все складывалось на редкость удачно. Сейчас дружинники будут разговаривать с Васькой. Не о краже, а о драке. Но все равно за этим разговором многое откроется для проницательного наблюдателя, каким себя считал Володя.

Ваську усадили посреди комнаты на табурет. Алеша сел за стол. Фомин расположился на старом, продавленном диване, и Васька оказался спиной к нему. Валентина Петровна и Володя пристроились на скамейке возле двери. Дружинник-увалень уселся рядом с ними, остальные ушли.

Васька весь обмяк. Мосластые кисти рук свешивались до пола. Поза выражала бессилие, но маленькие глазки настороженно шныряли по комнате.

«Он боится не наказания за драку, — догадался Володя, — он еще чего-то боится».

Мальчишка ни разу не оглянулся на Фомина, сидевшего близко позади него. Однако Володе казалось, что Васька не забывает о присутствии в комнате лейтенанта милиции. Наблюдая за Васькой, Володя вспомнил, какое странное, черно-белое, фотографическое воздействие произвело на него — дважды! — лицо старшего Петухова. Васька похож на брата. Широкие плечи, короткая шея, низкий лоб, сильные надбровные дуги. Ну, а каков будет младший Петухов на воображаемом мгновенном снимке? Тоже черно-белым, со зрачками, похожими на булавочные проколы?

В отличие от старшего брата Васька проявлялся в Володином — разумеется, условном! — фотографическом восприятии цветным. Возможно, причиной цветного впечатления была кровь из носа, размазанная по скулам и запятнавшая грязную голубую рубашку. Но, кроме алого и голубого цвета, Володя увидел на воображаемом снимке золотисто-карие глаза, рыжеватые брови, а кожа лица оказалась с зеленым оттенком — верный признак, что Васька рано пристрастился к курению.

— У тебя платок есть? — благодушно спросил Ваську Алеша Скобенников.

Васька не ответил. Он словно впал в забытие — ничего не видит и не слышит.

«Артист!» — подумал Володя.

Алеша Скобенников пошарил в ящиках стола, вытащил лоскут миткаля размером с носовой платок.

— Н-а, утрись! — Скобенников протянул лоскут Ваське.

Васька не шевельнулся. Володя почувствовал, как напряглась Валентина Петровна. Сейчас вскочит, подбежит к столу, возьмет лоскут...

Валентину Петровну опередил увалень, сидевший рядом с нею. Взял лоскут, смочил водой из графина, придержал Ваську левой рукой за подбородок, а правой утер мокрым лоскутом окровавленное лицо. Все было сделано просто и умело. Володя догадался, что парень где-то научился обращаться с беспомощными младенцами. В отцы он по возрасту не годился. У него, наверное, есть младший братишка или сестренка.

— Нâ! — дружинник сунул Ваське в руку порозовевший миткаль. — Приложи, а то опять потечет.

Васька взял розовый лоскут и будто бы приложил к носу, а на самом деле заслонил всю нижнюю часть лица.

«Хитер и умеет действовать исподтишка», — мысленно определил Володя.

Скобенников положил перед собой лист бумаги.

— Ну что, Петухов, — скучным голосом начал он, — как говорится, давно не видались. Опять будешь изворачиваться, врать? Опять мы услышим, что ты ни в чем не виноват, что ты никого не трогал? Ты тихонечко прогуливался, ни о чем плохом не думал, а тебя, не разобравшись, схватили и повели... Так было дело, Петухов?

— Так, — сказал Васька и поглядел на потолок. — Я больше не буду.

— Чего ты не будешь делать? — Скобенников притворился, будто очень удивлен.

— Драться! — провозгласил покаянно Васька.

— Значит, ты дрался?

— Дрался! — Васька всхлипнул.

Оба знали свои роли назубок. Но, на Володин взгляд, Скобенников играл свою роль с отвращением, вяло, а Васька — с большим удовольствием и на редкость естественно. По Ваське было видно, что кадры артистов, способных исполнять роли дураков, для кино практически неисчерпаемы.

— Надоело с тобой возиться! — подбросил реплику Скобенников.

— Отпустите меня! — подхватил Васька и зарыдал в розовый лоскут. Теперь тряпица закрыла целиком всю Васькину физиономию.

— А если не отпустим? — серьезно спросил Скобенников.

Васька, продолжая свою привычную игру, допустил тактический промах — он загородился тряпичей и утратил контакт со Скобенниковым.

— Я больше не буду! — прорыдал он невпопад.

Скобенников промолчал. Васька убрал лоскут с лица и вопросительно взглянул: «Где твоя реплика? Забыл, что ли?»

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно заметил Скобенников. — Скажи, Петухов, почему ты сегодня вечером напал на человека, который намного старше тебя и не имеет никакого отношения к твоей компании?

Скобенников вышел из-за стола, приблизился к Ваське.

— В чем дело, Петухов? — серьезно продолжал Алеша. — Может быть, тебя кто-то попросил затеять драку с Суслиным? А? Кто-то приказал? Ребята говорят, что видели там Евдокимова.

Васька помотал головой и снова уткнулся в тряпицу.

— Или, может быть, Суслин тебя чем-то обидел? — продолжал Скобенников.

Казалось, последнего вопроса Васька не услышал. Он окаменел в плачевной позе и словно потерял всякий интерес к происходящему и к своей собственной несчастной судьбе.

— Что ты перед нами дурака валяешь?

Спросил не Скобенников, а Фомин. Спросил негромко, спокойно. Однако эффект оказался потрясающим. Васька вскочил, выронил тряпицу. На лице его выразился страшный испуг. Он постоял, как в столбняке, и рухнул на пол, забился в припадке, иступленно выкрикивая:

— Не имеете права сажать! У меня алиби! Я смотрел кино! У меня алиби! Я их не брал! Я их не видел!

Валентина Петровна кинулась к нему:

— Вася, успокойся! Ребята, ну помогите же! Он болен! Володя, вызови «неотложку»!

Скобенников и увалень, оказавшийся очень проворным, отстранили Валентину Петровну, подняли Ваську, усадили на табурет. Володя видел, что звонить в «неотложку» не надо. Эти ребята давно знакомы с Васькиными фокусами.

«Васька все время помнил, что Фома сидит у него за спиной,— отметил Володя.— Помнил и был готов отразить любое его вмешательство. Но почему он упрямо связывал свое «алиби» с тем, что был в тот вечер на сеансе и что приятели это могут подтвердить. А может быть, насчет алиби мальчишка кричал без притворства, с ним случилась настоящая истерика? Чего-то он сильно боится. Чего-то или кого-то... Или за кого-то...»

Валентина Петровна продолжала хлопотать вокруг сидящего на табурете Васьки. Она гладила его по длинным лохмам, а Васька увертывался от ее рук. Она подошла к столу, налила воды в стакан, поднесла к Васькиным губам. Васька словно бы в забытьи, однако очень точно боднул головой. Стакан полетел в сторону. Дружинник, умевший ходить за младенцами, ловко поймал стакан на лету и поставил на стол.

Валентина Петровна, как наседка, защищающая своего цыпленка, налетела на Фомина:

— Я не допущу, чтобы моего ученика запугивали!

— Кто его запугивает? — запальчиво спросил Фомин.

— Вы! Вы до смерти перепугали мальчика своим неожиданным и грубым вмешательством!

— А вы отдаете себе отчет в своих словах? Вы учительница! Вас слушает ваш ученик!

Володя остался в стороне, наблюдал. Они, в общем-то, выглядели потешно — Фома и Валька, проучившиеся вместе десять лет и теперь швыряющие друг другу официальное «вы».

— Ваш ученик систематически запугивает других подростков! — чеканил Фомин.— Ваш ученик сегодня избил взрослого человека! Не кажется ли вам, что школа тоже несет ответственность за его поведение? Вам должно быть известно, что в семье он получает исключительно плохой пример!

— Я не считаю возможным обсуждать в присутствии моего ученика положение в его семье! — негодовала Валентина Петровна.

Васька сидел, заслонившись лоскутом миткаля, и внимательно водил глазами — от Фомина к Валентине Петровне, от нее к нему. При этом у многоцветного Васьки, когда он поглядывал на лейтенанта, в глазах вспы-

живала желтая злость, а при взгляде на Валентину Петровну — зеленый смехок.

Володя догадался, над чем посмеивается про себя Васька. Над тем, что дружинники приняли дочку тетки Семеновой за его, Васькину, учительницу. А она работает в другой школе. Васька торжествовал, что и Фомин из милиции попался на дурачка, поверил, что дочка тетки Семеновой и ее фраер из музея приперлись в штаб дружины как учителя, ответственные за хрупкий организм своего ученика... Но вот Володя увидел в Васькиных глазах что-то новое. Искру чистого любопытства. Кажется, мальчишка призадумался над тем, ради чего все-таки прибежали в штаб учительница из другой школы и заместитель директора музея. «Думай, Васька, думай!» — радовался Володя. Меж тем Алеша Скобенников встал между Фоминым и Валентиной Петровной.

— Извините, пожалуйста,— обратился он кротко к Валентине Петровне.— Вы в каких классах работаете? В пятых — восьмых?

Неожиданный простейший вопрос остудил ее гнев.

— Не все ли равно, в каких? — сказала растерянно Валентина Петровна.— Но если вам так хочется знать, я веду девятые и десятые.

Скобенников повернулся к Ваське:

— Если ты, Петухов, когда-нибудь все-таки доплзешь до девятого класса, в чем я сомневаюсь, ты хоть физику-то учи по совести.

Сбитая с боевой позиции, Валентина Петровна вернулась на скамейку у двери.

— Ты зря погорячилась! — упрекнул Володя.— Началось что-то очень интересное. Теперь твоего Петухова уведут, а мы многого еще не узнали.

— Куда уведут? — забеспокоилась она.

— Хорошо, если бы его посадили. Только на одни сутки.

— Ты что? — Она возмутилась.— Ты в уме?

— Я сейчас умен как никогда! — с гордостью признался Володя.— Ты даже не представляешь себе, насколько я сейчас гениален.

— Нашел время для шуток!

— Очень скоро я напому тебе про эти слова! — уверенно обещал Володя.

По его убеждению, в интересах расследования кражи четырех фотоаппаратов было бы необходимо продержать Ваську до завтрашнего вечера или здесь, в штабе дружины, или еще где-нибудь. Но напрямую подать Фоме совет Володя не решился: «Пуская Фома как можно дольше не догадывается, что параллельно его расследованию ведется другое, «частное» расследование»

К великому Володиному сожалению, Ваську Петухова не посадили. Скобенников составил протокол, напомнил Ваське, что это уже седьмой протокол за лето, так дело продолжаться не может, будут приняты самые решительные меры, и велел мальчишке топать домой напрямик, никуда по пути не сворачивая, а также избегая встреч и с врагами и с друзьями.

Обрадованный Васька вскочил и исчез за дверью. Володе хотелось кинуться следом за Васькой, догнать его и дать всего один совет, но он удержался. Володе надо было оставаться в штабе дружины, чтобы осуществить два замысла. Первый — ликвидировать конфликт между Валею и Фоминым. Второй — раздобыть еще кое-какие сведения. Фактически он уже целиком выстроил свою концепцию, не хватало самых пустяков, да и то лишь ради формальности. Володя живо представлял себе, как удивится Фомин, когда узнает от него завтра, кто вор...

Валентина Петровна охотно пошла на мировую. Она понимала, что судьба Васьки Петухова во многом будет зависеть от отношения к нему Фомина. Ей хотелось привлечь на свою сторону и дружинников, убедить их, что Васька не такой уж пропащий, он исправится.

Скобенников не выказал удивления, когда учительница и лейтенант заговорили на «ты».

— Ты пойми, Валя, мне самому жаль таких ребят, как Петухов,— уверял Фомин.— И Альку я тоже помню. Но я гораздо чаще, чем ты, встречаюсь с людьми, нарушившими закон. Я знаю, что о многих можно сказать: не он виноват, а обстоятельства жизни — плохая семья, чье-то влияние. Бывает так, что человек совершил преступление, но при этом сердце у него доброе.— Фомин покосился на Володю и произнес с нажимом: — Добрее, чем у некоторых честных и порядочных граждан! Всякое,

Валя, бывает. Однако независимо ни от чего за преступление надо отвечать. Преступник должен понести заслуженное наказание. И для этого его надо найти. Надо. Понимаешь? Я люблю свою работу, я ее выбрал не на школьной скамье, я походил в дружинниках, как эти ребята. Кто-то должен охранять покой других людей. Для этого надевают милицескую форму. — Фомин помолчал и сказал жестко: — Вот Киселева, который занимается розысками для развлечения, я понять не могу!

Володя не верил своим ушам: «Фома знает?»

— Для развлечения и для удовлетворения своей непомерной амбиции! — добавил Фомин.

— Давай, давай! Развивай свою мысль! — проворчал уязвленный Володя.

— Вот что я тебе скажу! — Фомин шагнул к Володе. — Ты эти игрушки кончай! У нас не было, нет и не будет частных детективов!

— Ты о чем? — удивленно спросила Валентина Петровна.

— Да так... — успокоил ее Володя. — Фомин вспомнил один наш старый теоретический спор. Но сейчас не время и не место к нему возвращаться. — Володя с удовольствием отметил, что Фомин поражен его нахальством. — Мы еще к этому вернемся, милый Коля. На досуге... Ну что ты, Коля, так зло на меня глядишь? — Володя снисходительно потрепал Фомина по плечу. — Поговори-ка лучше с Валец, успокой ее, скажи, что Васька не крал фотоаппараты.

— Еще рано говорить, крал или не крал! — Фомин сбросил с плеча Володину руку.

Валентина Петровна приняла его слова за утверждение Васькиной вины.

— Если ты его посадишь, он пропадет, как все его братья. А Валец еще можно помочь.

— И в колонии люди воспитываются! — утешил Фомин. — Впрочем, насчет Васьки еще ничего не известно. Никто его не собирается сажать. С чего ты взяла, что я специально за ним охочусь? Я ищу вора. Кто он, следствием пока не установлено. Пойми, Валя, я разыскиваю неизвестную мне личность, хотя скорее всего окажется, что вора я очень хорошо знаю. Может быть, даже с детства... Что дружил с ним когда-то или дрался. Я же

здесь родился и вырос. Поверь, Валя, следовательно работать в своем родном городе не легче, а труднее.

Володя удивленно поглядел на Фомина. «Как верно сказано! Вор пока не известен, но он наверняка лицо знакомое. Даже обидно, что это сказал Фома, а не я...»

— Так должен ли я оставить вне подозрения Петуховых? — продолжал Фомин. — Ответь сама. И тот и другой могли украсть или нет?

— Нет! Я не верю! — В голосе Валентины Петровны звучала не твердость, а отчаяние.

«Валя понимает, что Петуховы — и старший и младший — могли украсть, — размышлял Володя. — Когда-то она считалась подругой атамана, вторым человеком в шайке, но потом поняла, какая судьба ждет Альку, и испугалась за себя, отошла. Однако что же другое могла сделать девчонка? Спасти своего атамана? Чепуха, ей это было не по силам. Но теперь, когда она видит, во что превратился Алька, ее мучает совесть. Вряд ли у Вали сохранились к старшему Петухову хоть какие-нибудь чувства, кроме чувства вины. Она увидела его сегодня с Верой Каразеевой и очень обрадовалась за него, очень...»

Володя припомнил, какими добрыми глазами глядела Валя на идущую по проходу между рядами яркую, вульгарную Веру в золотых босоножках. Доброта Вали и высокомерие Веры Каразеевой, несомненно, имели какое-то значение в той запутанной истории, распутыванием которой Володя занялся вовсе не для развлечения и не для удовлетворения своей амбиции, как полагает Фомин. «Не встретить я Валю, разве захотел бы я доискиваться до правды и тем самым помочь Ваське Петухову? Обратного пути нет! Я уже не посторонний в деле Петухова, а в некотором роде участник событий, действующее лицо. Фома обмолвился, что вести расследование в родном городе не легче, а иной раз труднее. Он интуитивно набрел на нечто замечательное, однако затем, по своему обыкновению, свернул на шаблонный путь. Но ведь тому родного Путятина можно развить дальше. Во всей расследуемой истории присутствуют дух и образ жизни небольшого города, в котором так много сирени — от снежно-белой до густо-лиловой, до почти багряной. Когда в Путятине девушке подносят ветку сирени, нетерпеливая девичья

рука начинает искать соцветия из пяти лепестков. Танька, бывало, стоит под цветущим кустом, выщипывает из свисающих гроздьев счастливые пятинки и жует, жует. Дикость несусветная — жевать счастье! Но разве я сам не выщипывал из сиреневой грозди горьковатые на вкус счастливые пять лепестков? Как утверждает Лес-синг, суеверия, в которых мы выросли, не теряют своей власти над нами даже и тогда, когда мы познали их..»

Размышления Володи прервал приближающийся топот ног, визгливая перебранка. Дверь в штаб распахнулась, но никто не показывался.

— Безобразие! — кричали за дверью и всхлипывали. — Какое вам дело! Мы гуляем, никого не трогаем!

Володя заметил, как Скобенников не спеша полез в стол, достал куски миткаля. По-видимому, там хранился изрядный запас обтирочного материала. Подумав, Скобенников выдвинул верхний ящик, выставил на стол круглое зеркало. А Фомин вытянул шею и словно бы уже знает, кто там расшумелся.

Наконец дружинники ввели в штаб трех девчонок в цыганских сборчатых юбках до полу, с печатью ужаса на юных лицах. Присмотревшись, Володя обнаружил, что на юных лицах не столько ужас, сколько черные потеки от бровей и ресниц.

— За что задержали? — строго спросил Скобенников своих ребят.

— За нападение. Шел Петя Евдокимов со своей знакомой, а они пристали.

— Напали или пристали? — уточнил Скобенников.

— Сначала пристали, а потом напали, то есть ударили. Несколько раз.

— Евдокимова?

— Да нет, девчонку. Ему немного только попало, когда он разнимал.

«Это была не Вера, — подумал Володя. — Веру бы назвали. Это просто какая-то девчонка».

— Мы ни к кому не приставали! — возмущалась бойкая троица. — Мы его вовсе не знаем! Мы ее с ним первый раз видим!

Дождавшись, пока девчонки выкричатся, проворный увалень разъяснил Скобенникову:

— Они со мной в одном доме живут. Им еще по пятнадцати нет, а вы поглядите...

— Разрешите мне...— Валентина Петровна намеревалась и тут вмешаться, но Володя ее удержал.

Алеша Скобенников деловито придвинул к себе лист бумаги:

— Из какой школы?

— Мы больше не будем! — заныли девчонки.

— Что вы больше не будете делать? — осведомился Скобенников.

— Кра-а-аситься! — заревели девчонки.— Дра-а-тсья! А чего она! — и пошли перечислять какие-то непонятные горькие обиды на ту девчонку.— Мы разве хуже? Мы не хуже!

Новый поток слез еще живописней разукрасил их лица. К черным разводам прибавились малиновые. Смывался маникюр, наведенный фломастером. Дружинники прыснули со смеху.

— Вам тут что, цирк? — осадил своих Скобенников.

— Они дуры,— простосердечно сообщил Алеше увальень.— Вот эти,— паренек ткнул пальцем в одну, в другую,— вот эти еле-еле перешли в девятый с круглыми тройками. А эта,— он с презрением указал на третью,— эта дурища с переэкзаменовкой по математике.

— Без грубостей! — одернул Скобенников и посмотрел на девчонок.— Низкие отметки, а тем более экзамен на осень усугубляют ваше положение. Плакать полезно в первом полугодии. Крайний срок — третья четверть. Запомните на будущее.

Он поманил девчонок к столу. Они послушно подошли, взяли по лоскуту миткаля. Куда только девалась вся их бойкость!

— Они сейчас приведут себя в божеский вид,— сказал Скобенников пареньку,— и ты их проводишь домой, сдашь родителям с рук на руки. Родителей мы обязаны ставить в известность.

Троица умоляюще поглядела на паренька.

— Алеша...— он помялся,— может, родителям не сообщать?

— При одном условии: ты проконтролируешь занятия по математике.

— Есть! — уныло ответил дружинник.

Вырывая друг у друга зеркальце и шепотом переругиваясь, девчонки стирали краску с лиц лоскутами миткаля.

— Так нельзя. Это же девочки! — шепнула Володе Валентина Петровна.

Володе представилось, как девчонки весной искали счастье в сирени и жевали горькие лепестки! И сегодня они готовились к выходу на пятачок, как Наташа Ростова к первому балу. С самыми светлыми упованиями, ожидая встречи с чем-то необыкновенным, прекрасным, взрослым! Почему же все завершилось стычкой с такой же девчонкой? Где же нынешние Пьеры Безуховы? Нынешние Болконские? А Евдокимов, значит, только разнимал! Всюду этот простачок Евдокимов, который, увидев в клубе Фомина, почему-то поспешил незаметно скрыться.

Девчонки вытерлись начисто, положили на стол чернокрасные лоскуты.

— Теперь и я вижу, что вы еще только-только перешли в восьмой, — дружелюбно сказал Скобенников. — Идите, никого не бойтесь, у вас есть провожатый. И чтобы ту ни-ни, даже пальцем... Понятно?

— Понятно! — Девчонки обрадованно кинулись к дверям.

— Минутку! — Фомин свирепо оглянулся на Володю и спросил девчонок напрямик: — Про какую девушку вы сплетничали сегодня? Будто кто-то из ее знакомых вор?

— Мы? Сплетничали? — Все три изобразили крайнее удивление. — Мы своими ушами слышали. Жорка Суслин подошел к Верке Каразеевой...

— Стоп, стоп! — перебил Фомин. — Никаких Жорок и Верок. Тем более, когда говорите о тех, кто старше вас.

— Подумаешь, Каразеева! Воображает о себе! А Суслин с Евдокимовым... — Сосед по дому не дал девчонкам высказаться, поспешил увести из штаба.

«Значит, вот кого предупреждали... Веру Каразееву! Так я и предполагал...» Фомин был доволен, что поговорил с бойкой троицей сегодня. К завтрашнему дню они бы все начисто позабыли. А сыщик-любитель Киселев, хотя и прислушивался с многозначительным видом, вряд ли что-то понял. Пока Кисель строит свои оригинальные дедуктивные варианты, вор, унесший фотоаппараты, будет

найден. Фомину даже стало жаль бывшего одноклассника. Вечный неудачник этот Кисель!

— Не пора ли по домам? — обратился Фомин к Володе. — Давай проводим вместе Валу.

«Очень ты мне нужен! — подумал Володя. — И без тебя бы обошлись!»

— Пошли, ребята! — Валентина Петровна обрадовалась. — Я вас чаем напою. С вареньем! Земляничным!

— Самое мое любимое! — заявил Фомин. — Я принимаю приглашение. А ты, Киселев?

— И он принимает, — ответила за Володю Валентина Петровна.

Скобенников, прощаясь с Фоминым, что-то шепнул ему на ухо. Что-то очень важное, как понял Володя по вытянувшемуся лицу Фомина.

VIII

На другой день Володя поднялся пораньше, торопливо поел, взял приготовленный с вечера этюдник и отправился осуществлять свой тщательно продуманный план. Посад просыпался, хлопали калитки. За монастырем вставало солнце. Володя полюбовался на порозовевшие башни и купола, на небо цвета спелой антоновки. Еще бы немного облаков! Они быгодились Володе для антуража. Почему-то зеваки убеждены, что художника вдохновляют эффектные облака. «Обратите внимание, — советует зевака, — во-о-он то облако похоже на бегемота». Будто художник может написать на небе бегемота! Облако пишут как облако. Из всех неэстетичных сравнений Володе казалось допустимым только одно. Танька в детстве прозрачно намекала брату, что облака очень похожи на мороженое. У нее рано проявилась склонность к прикладному искусству. Выучится на художницу — нарисует рекламу: все небо в пломбире. Володя-то ей покупал обычно молочное, за одиннадцать копеек.

Для начала Володя забежал в музей и попросил сторожиху тетю Дену передать Ольге Порфирьевне, что ее заместитель появится на работе только во второй половине дня. Володя был уверен, что узел развяжется раньше полудня, но на всякий случай оставил запас времени.

Из музея он направился в клуб. Тут все двери и окна были настежь, по этажам слышалась переключка пришедших спозаранку уборщиц. Ночная сторожиха уже ушла, дневная дежурная с красной повязкой еще не появлялась. По утрам, до прихода Анфисы Петровны, тут не изображали сверхбдительность.

Володя вошел в вестибюль, постоял, послушал. Из переключки уборщиц складывалось вполне определенное представление о том, что делается в клубе, и не только в клубе, но и во всем Путятине. Володя получил кое-какие сведения, имеющие непосредственное отношение к делу о краже четырех фотоаппаратов. Затем он прошелся по вестибюлю, внимательно перечитал объявления, нашел расписание дежурств у радиопередатчика, полюбовался фотовыставкой, обратив при этом внимание, что мышь больше не грызется. Из вестибюля Володя, никем не остановленный, поднялся на второй этаж, прошел закругляющимся коридором до бывшего туалета, вернулся в фойе второго этажа, потрогал для чего-то сбитые из досок щиты, прикрывающие винтовую лестницу.

Остановка автобуса № 1 «Вокзал — Посад» находилась в квартале от клуба. Сев в автобус, Володя увидел за рулем рыжего парня. На конечной остановке возле монастыря рыжий вылез из кабины с гаечным ключом, откинул какую-то заслонку и сделал вид, что занимается самым срочным и необходимым ремонтом. Это был, конечно, упомянутый Анкудиновым Митя, поклонник Веры Каразеевой.

Бодро помахивая этюдником, Володя пошагал вверх по булыжной мостовой XVII века. Еще вчера вечером он набросал план подворья и определил, из какой точки он сможет контролировать и главный вход, и спуск в подземелье, и монастырскую гостиницу, и крыльцо справа от Никольской церкви, и часть сада с лазом. Все линии наблюдения сошлись на паперти Успенского собора. Расположившись там и удостоверившись в превосходном обзоре, Володя раскрыл этюдник и приступил к работе.

Ни одно знание не бывает лишним. Володе сейчас очень пригодилось знакомство с примитивистами, расписывавшими новое кафе. Избрав их трактирную манеру, он в полчаса намалевал колокольню Никольской церкви, кусок стены и надвратную церковь Архангела Михаила.

У художников в ходу критическое замечание, что «краски кричат». На Володином этюде они не кричали. Они вопияли, стонали, хрипели. Но Володя уже не глядел на свое творение, он не спускал глаз с монастырского подворья.

Немногие из монастырских жильцов торопились на работу — тут теперь в основном обитали пенсионеры. Последней скрылась в воротах Вера Каразеева. На Володин взгляд, она оделась слишком экстравагантно для будничного утра. Красная юбка до пят, синяя, тесно облегающая трикотажная кофта с большим вырезом. Из-под юбки выглядывали все те же золотые босоножки. «Возможно, они у нее единственные. Но возможно, для Веры вся жизнь — сцена, и она собирается прошагать по ней не в простых, а в золотых босоножках».

Оставшиеся жильцы сновали по хозяйству — выпускали кур, развешивали на веревках белье, несомненно не досохшее вчера, но не оставленное на ночь из опасения перед Петуховыми.

Братья Петуховы не показывались. Их мать вышла из дома в четверть девятого и отправилась с большой кошелкой по своим делишкам, явно не смущаясь своего засаленного платья. Братья, возможно, еще спят. Или не ночевали дома.

На крылечке справа от Никольской церкви показался свеженький, выпавшийся, умытый Женя Анкудинов. Осмотрелся по сторонам, протер очки и еще раз осмотрелся. Обнаружив — не сразу — на паперти художника, погруженного в работу, Женя принялся кружить по двору. С каждым кругом он оказывался все ближе к каменным ступеням и наконец осмелился подняться.

— Извините, можно посмотреть, как вы пишете?

Володя в ответ буркнул невнятно. Женя принял это за разрешение и стал у Володи за спиной.

«Вежливый мальчик,— подумал Володя.— Извинился. Но почему-то не поздоровался, хотя он меня знает, мы уже дважды встречались. Ладно. Сейчас он начнет приставать с вопросами, и можно будет шугнуть: «Мальчик, ты мне мешаешь, ступай отсюда...»

Но Женя не задавал вопросов и даже не сопел. Он тихо стоял за спиной, понуждая Володю продолжать мазню. Разговор пришлось затеять самому:

— Ты что же не поздоровался?

Женя ужасно смутился:

— Простите, я вас не узнал. Только сейчас, по голосу. У меня зрение плохое.

Вот оно что! Нечаянно Володя задел больное место мальчишки. Женя плохо видит, а в темноте, когда люди с нормальным зрением различают только очертания предметов, мальчишка, наверное, вообще, как слепой.— Володе хотелось загладить свою бестактность.

— Мне очень понравились твои работы на фото-выставке в клубе.

— Спасибо, я рад, что вам понравились,— скромно ответил Женя.

— Лучше всего тебе удаются портреты. Чувствуется, что ты стремишься передать характер человека. Я обратил внимание на несколько снимков девушки из самодеятельности. Как ее... Забыл фамилию...

— Вера Каразеева. Она здесь живет, в монастыре.

— Каразеева? Вот скажи хотя бы про Каразееву. Какой ты хотел ее изобразить?

Женя задумался.

— Она добрая...— медленно начал он.— Верит людям. Ей скажи — она верит. Я ей однажды сказал, что у меня фотоаппарат с цветными линзами, она поверила. Приходит и говорит Валерию Яковлевичу: «Пускай другие меня не снимают. Пускай только Анкудинов, у него цветные стекла».

«Верит людям? — Это сообщение Володю очень заинтересовало.— Но не поверила, что старший Петухов — вор...»

Как только дошло до любимого дела, Женя оказался разговорчивым.

— Я всех соседей снимаю, когда попросят, а когда и сам, скрытой камерой. Бабушку Семенову с козой я хотел на конкурс послать, но дед отсоветовал. Говорит: «Уж больно они вышли друг на дружку похожи — Семенова и коза».

— А ребят, приятелей своих, ты тоже снимаешь?

— Здесь нет ребят, которых интересно снимать. В нашем подъезде живет Петухов, но я с ним не дружу.

— Петухов? — переспросил Володя.— Где-то я слышал эту фамилию. Да, говорили мне... Известный всему городу хулиган.

Женя отрицательно мотнул головой:

— Он не хулиган, просто дурила. Я не вижу в темноте, а он нарочно заведет в подземелье и убежит. Я его просил вчера подсветить при съемке, это не трудно, только подержать лист бумаги, чтобы от листа отражался свет. Он не захотел. Ему когда надо, я пожалуйста...— Женя осекся, чуть не сболтнув лишнее.

Володя сделал вид, что ничего не заметил. Решительно ткнул кистью в кармин и вlepил красный блик на зеленый купол церкви Архангела Михаила. На мальчишку Володина смелость, кажется, произвела потрясающее впечатление.

— Можно, я вас сфотографирую?

Не дожидаясь ответа, Женя умчался в дом и тотчас выскочил со своей замечательной фотокамерой.

— Вы работайте, не обращайтесь на меня внимания,— приговаривал юный фотограф, кружась вокруг Володи и целясь объективом то снизу, то сверху.— Не обращайтесь внимания, будто меня тут нет,— просил Женя, щелкая затвором.— Не надо делать вид, что вы размешиваете краску. Вы на самом деле размешивайте! Вот так! Естественней!

Володя понял, что его крепко взяли в оборот. Мальчишка словно нарочно мешает вести наблюдение за подворьем, загораживает собой то ворота, то спуск в подземелья. Кроме того, Володя отвратительно чувствовал себя под дулом замечательной фотокамеры. У мальчишки несомненный дар запечатлеть снимком больше, чем можно увидеть самыми зоркими глазами. Обладая слабым зрением, Женя Анкудинов научился колдовать с помощью линз. Черт его знает, какую «главную идею физиономии» он обнаружит в Володе. Потом увидишь себя как голенького на выставке! И другие увидят!

Наконец он перестал вертеться вокруг Володи.

— Я быстро! — крикнул Женя, убегая.— Проявлю и отпечатаю!

Володя лихо вlepил зеленый мазок на розовую стену и с облегчением положил кисть. На подворье установилась тишь и благодать. Петуховы все еще не выглядывали, никто к ним не приходил.

Милицейский синий «газик» въехал в ворота монастыря ровно в девять, развернулся по двору и встал пере-

дом к воротам. Открылась правая дверца кабины, на каменные плиты соскочил Фомин. Сегодня он был в форме. Из кузова с зарешеченными оконцами вылез пожилой усатый милиционер, выпрыгнула черно-серая овчарка.

«Начинается!» Володя захлопнул этюдник.

По монастырскому подворью пронесся тревожный шорох. С треском распахивались окна бывшей гостиницы. На каменных крылечках келий возникли пенсионеры в полной боевой готовности. Только Петуховы упорно не показывались. И Женя с дедом. Но с ними все ясно: Анкудиновы затворились в домашней лаборатории.

Фомин и милиционер с собакой направились напрямик к спуску в подземелье. Володя не стал скрываться, двинулся им наперерез.

— И ты здесь? — холодно бросил Фомин и прошел мимо.

Володя занял позицию у мощеного спуска в подземелье. Две фигуры в милицейской форме и собака пропали в темноте. Пенсионеры оставались на своих крылечках. Петуховы как вымерли. Володя напряженно прислушивался к звукам, доносившимся из подземелья. Наконец раздался радостный лай. «Нашла!» Володя со всех ног помчался туда.

Четыре коробки, перевязанные шпагатом, собака обнаружила под старым матрасом с торчащими пружинами и прогнившей мочалой, бог весть когда выброшенным в подземелье.

— Не успели перепрятать,— говорил проводник Фомину.

— А мне думается, наоборот — успели! — уверенно возразил подошедший Володя.

— Киселев! — строго прикрикнул Фомин. — Не лезь не в свое дело!

Собака ощерилась и рывкнула.

Презирая опасность, Володя наклонился и внимательно осмотрел коробки.

— Я так и думал! — Он выпрямился, ожидая расспросов, но Фомин не проявил никакого любопытства. — Я так и думал! — еще загадочней повторил Володя. — Мышь все-таки успела отгрызть уголок. Представь себе, Фома, я слышал, как она трудилась. Хочешь знать, где я это слышал?

Фомин игнорировал все попытки Володи привлечь к себе внимание.

— Вы бы отошли, молодой человек,— попросил уса-
тый проводник.— Мешаете собаке работать.

Овчарка потянула из подземелья наружу. Проводник и Фомин поспевали за ней вприбежку. Володе тоже пришлось поторопиться.

Во дворе что-то переменялось. Пенсионеры на кры-
лечках вытянули шеи и смотрели в одну сторону. Но не
на милиционеров с овчаркой. Через двор полусонной по-
ходкой брел Васька Петухов. Нашел время наконец
проснуться и выбраться на свежий воздух.

«Просто дурила!» — вспомнились Володе рассуди-
тельные слова Жени Анкудинова.

Васька, ничего не подозревая, двигался навстречу
овчарке, охваченной азартом поиска. Все ближе они схо-
дились, ближе... Пронесся общий вздох —сейчас овчарка
хватанет вора за штаны! Но собака, почти налетев на
Ваську, даже не оторвала сопящего черного носа от зем-
ли. Натягивая поводок, овчарка потащила проводника
дальше, через монастырский сад, к лазу в крепост-
ной стене. Громкий выдох разочарования раздался во
дворе.

— Дворняга! — полетело вслед розыскной собаке.—
Бобик!

Володя прошел садом, нырнул в лаз. Овчарка мета-
лась внизу, у воды. Значит, тот, кто спрятал фотоаппа-
раты, приплыл на лодке, поднялся по тропе, побывал в
подземелье и тем же путем вернулся обратно.

Сверху Володя видел, как тщательно обыскивают
берег Фомин и проводник с собакой. Надеются, что вор
оставил хоть какую-нибудь улику — отпечаток ботинка,
клок от штанов. Поиски не дали результатов. Фомин и
проводник стали подниматься вверх к лазу. Володя быст-
ро пошел обратно через сад.

Пенсионеры занимали свои прежние позиции. Васька
сидел посреди двора на каменном корыте, оставшемся от
бывшего монастырского колодца.

Из сада вышли проводник с овчаркой и Фомин. У всех
троих был крайне деловой, решительный вид.

— Можно тебя на минутку? — окликнул Володя Фо-
мина.

— Что вам нужно? — Фомин остановился, упер в Володю профессиональный проницательный взгляд.

— Мне? — спросил Володя с высоты своего скромного величия. — Мне ничего не нужно!

— Тогда до свиданья!

— погоди! — взмолился Володя. — Я дам тебе хороший совет! По дороге отсюда, на Пушкинской, остановись, пожалуйста, напротив телеателье, и пусть Жора Суслин увидит, что с тобой служебная собака. И что собака сидит, положив свою благородную, умную морду на коробки с фотоаппаратами. Я думаю, что этого будет достаточно. Собака может не входить в телеателье. Иди один. Жора сам во всем признается. Можешь быть спокоен.

— Я и так спокоен! — в сердцах ответил Фомин. — Но ты мне надоел хуже горькой редьки! — Он залез в кабину и высунулся в окошко: — Глаза бы мои тебя не видели!

Проводник с собакой забрались в кузов, и «газик» укатил.

Володя оглядел подворье. Пенсионеры исчезли, Васька по-прежнему сидел на каменном корыте. Володя направился к нему, уселся рядом:

— Брат еще спит?

— Спит, — хрипло ответил Васька. — А я вот встал, курить охота. У вас не найдется?

— Я не курю.

Васька сразу же потерял всякий интерес к Володе.

— Слушай, — Володя решил взять быка за рога, — ты ведь знал, что фотоаппараты украл Суслин.

— Ну! — Васька лениво сплюнул. — Знал. А что?

— Да то, что ты даже видел своими глазами, как он их вынес из фотолаборатории.

— Видел, не видел... — Васька с хрустом потянулся. — Вам-то зачем?

— Суслин их спрятал на винтовой лестнице. Правильно?

— Ну, правильно! — В Васькином ответе прозвучала некоторая заинтересованность.

— А ты откуда видел?

— Сверху, — сообщил Васька.

— Ты заранее забрался на третий этаж, чтобы попасть без билета в зал. Так?

Васька только хмыкнул.

— Почему ты не сообщил, кто вор?

— А кому?

— Кому полагается,

— Еще чего! — На Васькиной физиономии появилась презрительная ухмылка. — Еще чего захотели!

Через двор бежал Женя Анкудинов, размахивая только что отпечатанным снимком.

— Передатчик «Черному пирату» он делал? — быстро спросил Володя.

— Он! — Васька хохотнул. — А вы и поверили? Я делал. Сам! — И пошел вразвалочку к воротам.

Подбежавший Женя Анкудинов положил влажную фотографию на край каменного корыта:

— Все-таки успел! Посмотрите!

— Прекрасный четкий снимок! — лицемерно похвалил Володя.

Фотография ему совершенно не понравилась. По правде сказать, она была отвратительна!

На красочном глянцевом снимке перед раскрытым этюдником, напыжась, позировал самодовольный, самовлюбленный, самонадеянный примитивист!

«Неужели это и есть главная идея моей физиономии?» — ужаснулся Володя.

IX

Наконец-то наступил финал детектива, и Володя мог поведать сгорающим от любопытства слушателям, как ему удалось изобличить преступника...

Володя снял с летней плиты кастрюлю с молодой картошкой, потыкал вилкой — готова! — наклонил кастрюлю и стал сливать воду, отворачиваясь от щекочущего пара. Затем Володя поставил кастрюлю ненадолго на огонь, чтобы картошка обсохла. Сполоснул из кружки пучок укропа — тоже со своего огорода, — нарезал, посыпал укропом картошку и потащил кастрюлю в палисадник.

В кустах сирени за пятигранным столом сидели гости — Валентина Петровна и Фомин, догадавшиеся купить по дороге банку сметаны. Молодую картошку в Путятине предпочитают есть со сметаной. Недурно и с

простоквашей, особенно если она густая и шлепается в тарелку пластинами. Володя это прекрасно знал, однако последние деньги он истратил на торт, шедевр путятинской городской пекарни, изукрашенный пузатыми розами из крема непонятного цвета. С этим дизайном Володин тонкий вкус смирился после долгой, жестокой борьбы. Но без торта сегодня нельзя. Такой день!

— Наваливайтесь! — Володя водрузил кастрюлю на стол.

Валя заглянула под крышку и ужаснулась:

— Куда нам столько!

— Съедем! — Фомин с наслаждением потянул ртом картофельный пар. — На свежем воздухе, в приятной компании, за дружеской беседой... Съедем!

— Давай накормим Кольку, чтобы от сытости он заплакал, как крокодил! — предложил Володя Валентине Петровне, изображая ее перед Фоминым своей соучастницей.

— Крокодилы плачут от сытости? — невинно спросил Фомин. — Вот не знал! А что еще умеют крокодилы?

— Об аллигаторах, кайманах, гангских гавиалах, достигающих в длину более шести метров, побеседуем как-нибудь потом! — заявил Володя, накладывая Вале полную тарелку картошки. — Сегодня у нас другая тема.

— Менее интересная. — Фомин с аппетитом принялся за картошку.

Когда кастрюля наполовину опустела, Валентина Петровна категорически потребовала, чтобы ей рассказали — все по порядку, — как удалось изобличить вора.

— Пускай он рассказывает! — Фомин уничтожающе поглядел на Володю. — Это его последнее «частное» расследование. Если он еще раз полезет не в свое дело, он будет привлечен к уголовной ответственности. Статья сто девяносто четвертая: самовольное присвоение власти.

— При чем тут присвоение власти! — запротестовал Володя. — Я читал уголовный кодекс. Никакого присвоения власти не вижу. Если бы я допрашивал, нажимал, угрожал или, скажем, появился в милицейской форме... Ничего подобного. Я просто мыслил! Это никому не прещается! Но не каждый умеет!

— Ну, ты от скромности не умрешь, — сказала Володе его неверная союзница.

— Ребята! — взмолился Володя. — Ну дайте мне хоть немного покрасоваться! Ты, Фома, сегодня герой в глазах твоего начальства. Будь великодушен, дай мне побыть героем в узком кругу. Что тебе, жалко?

— Ладно уж! — отступил Фомин. — Геройствуй!

— Володенька, давай, не тяни... — подольстилась Валентина Петровна.

И Володя с важностью начал:

— Итак, Шерлок Холмс раскурил свою трубку и задумчиво сказал... Он сказал, ребята, что после одного необыкновенного случая, с которым его свела жизнь, ему приходилось частенько размышлять над тем, что же такое провинциальность. Фома знает случай, о котором я говорю, — пояснил Володя Валентине Петровне.

— Ты уж очень издалека заехал, — проворчал Фомин.

— Так надо! — Володя тонко улыбнулся. — Кража четырех фотоаппаратов — не совсем обыкновенная кража. Суслину нравится Вера Каразеева, и он решил напакостить старшему Петухову. С этой целью он крадет фотоаппараты и подбрасывает сопернику.

— Не совсем так, — заметил Фомин.

— Коля, не мешай, — попросила Валя.

— И подбрасывает сопернику! — уверенно повторил рассказчик. — В большом городе такой случай маловероятен. Нужен маленький город, единственный клуб и такая девушка, как Вера Каразеева. Провинциальный сюжет! Не представляю себе, чтобы кто-нибудь мог пустить себе пулю в лоб от любви к кинозвезде Элле Гребешковой, но из-за таких девушек, как Вера Каразеева, провинциальные молодые люди способны на преступления...

Фомина смешили рассуждения Володи, но он сдержался. Ладно, пускай пофантазирует.

Володя продолжал с увлечением:

— Итак, во-первых, надо было принять за основу провинциальность, знаменитую путятинскую сирень и так далее... А во-вторых, я — сначала интуитивно, а потом вполне осмысленно — стремился при расследовании кражи фотоаппаратов применять метод фотографического воображения. Например, старшего Петухова я воспринимал как черно-белую моментальную фотографию. Зато Васька у меня получился цветным, и это мне помогло разобраться в его поведении... Помните, в штабе Васька

кричал, что у него алиби? Я понял, что он знает, кто украл, знает, когда украли — перед началом сеанса,— и даже видел, как это происходило.— Володя с удовольствием оглядел изумленных слушателей.— Но больше всего мне дали фотографии Жени Анкудинова. На них я увидел тревогу в глазах Веры Каразеевой и, главное, увидел характер Суслина.

— Володя, ты меня совсем запутал своими рассуждениями,— перебила Валентина Петровна.— Ты попроще не можешь?

— Не может! — вставил Фомин.

— Простоту я уступаю тебе! — парировал Володя.— Ты очень просто заподозрил в краже Петуховых. Нет, я бы не вмешивался в твоё расследование, если бы не Валя. Она встревожилась за Ваську. Ты мог его погубить! Вот почему я обязан был вмешаться в это дело. Ради Вали!

— Дать бы тебе по шее! — мечтательно произнес Фомин.

— По правде говоря, сначала я блуждал в потемках тайны...— признался Володя.— Каждый человек казался мне подозрительным. Например, Женя Анкудинов. Почему он испугался, перетрусил, увидев Фому? Потом Шарохин. Его поведение было насквозь фальшивым, я не поверил ни единому слову. Но потом, увидев, как естественно врет Васька, я понял, что Шарохин ни в чём не виноват. Искренние переживания очень часто кажутся нам ненатуральными, утверждал Лев Толстой. Шарохин был очень расстроен случившимся, для него ужасна потеря фотоаппаратов, он обожает всю эту фототехнику, но говорит мне не о своих истинных чувствах, а о каком-то заговоре против фотокружка.— Володя повернулся к Фомину: — Ты был абсолютно прав, сняв сразу же всякое подозрение с Шарохина.

— Спасибо и на этом,— пробурчал Фомин.

— Некоторое время,— продолжал Володя,— я подозревал в краже радиолюбителя Евдокимова. Во-первых, как я установил по расписанию, он в тот вечер дежурил у передатчика. Во-вторых, увидев тебя, Фома, он почему-то поспешил скрыться.

— Потому что я с ним кое о чём перед этим побеседовал,— проворчал Фомин.

— Жаль, что ты мне ничего не сказал о разговоре с Евдокимовым! — упрекнул его Володя.

— Этого еще не хватало! — возмутился Фомин.

— Ребята, не ссорьтесь! — вмешалась Валентина Петровна. — Вы оба молодцы. Кто бы мог подумать, что вор — Жора Суслин! Он ведь из нашей школы. Когда мы кончали, он учился в шестом, и неплохо. Я его хорошо помню, я была в его классе вожатой. Суслин увлекался радио, но как-то по-барышнически, спекулировал дефицитными деталями.

— В телеателье мне сообщили, что он постоянно занимался махинациями. — Фомин с усмешкой повернулся к Володе: — Помнишь, я тебе рассказывал про радиохулиганов? Суслина тогда тоже засекли. — Фомин помолчал, потомил Володю и добавил: — Кличка у него была не «Синий дьявол». Суслин назывался «Юпитером». А Евдокимов «Ковбоем».

— Ни на минуту не считал ни того, ни другого «Синим дьяволом»! — вскричал Володя. — Я сразу же, когда впервые от тебя услышал, что «Синий дьявол» опять вышел в эфир и заявил, будто знает вора... Знаешь, Валя, наш Фома очень серьезно отнесся к сигналу «Синего дьявола» и по этому сигналу заподозрил в краже Петухова. Но когда Фома рассказывал — а я еще ничего не знал! — у меня мгновенно сработал логический расчет, и я понял, что все далеко не так, а «Дьявол» типичный недоумок...

При этих словах Володи Фомин ехиднейше ухмыльнулся.

— Типичный недоумок! — горячо продолжал Володя, не замечая ухмылки Фомина. — Тогда я еще не мог предположить, что «Синий дьявол» — это сам Васька Петухов.

— Васька? — вырвалось у Валентины Петровны. — Не может быть! Я...

Ее перебил Фомин:

— Киселев имеет в виду не старые дела, а недавний выход «Синего дьявола».

— А-а-а... — Валентина Петровна понимающе кивнула.

— Этот «Синий дьявол» всех сбил с толку. Разумеется, должно было возникнуть предположение, что «Синий дьявол» опять обращается к Ваське Петухову. Даже я не сразу сообразил! Я! — При этом скромном Володином признании Фомин и Валентина Петровна переглянулись. — Мне в последний момент помог все тот же та-

лантливый фотограф Женя Анкудинов, умеющий понять «главную идею физиономии». Он сказал, что Васька не хулиган, а дурила. При этом у Жени вырвались слова, ничего не значащие для непосвященного, но я-то понял. Женя по просьбе Васьки делал ему передатчик. А Васька действительно не мыслитель. Он хотел припугнуть Суслина. Но как? Васька вспоминает, что сам когда-то очень испугался угрозы «Синего дьявола». Он выходит под этим именем в эфир и заявляет, что ему известен вор. Как говорится, глупее не придумаешь. Но именно ход глупца может иногда сбить с толку: он непредсказуем, тогда как ходы опытного, умного преступника могут быть логически вычислены. С умным мне лично было бы легче...

Фомин демонстративно встал и заглянул в кастрюлю:

— Ты уж очень долго тянешь, я успел проголодаться! — Он положил себе на тарелку несколько картофелин. — Чуть тепленькие, — сообщил Фомин Валентине Петровне. — Тебе положить?

— Парочку! — попросила она.

— А тебе? — обратился Фомин к Володе.

— Я сам себе положу! — проворчал Володя. — Моя система расследования вас, кажется, совершенно не интересуется?

Фомин не ответил, он был занят справедливым делением остатков сметаны. Затем Фомин откинулся на скамейке, пошарил рукой под кустами сирени и вытащил бутылку шампанского.

— Узнаешь? — спросил он Володю. — С прошлого раза осталась, когда ты тут художников принимал.

Володя вспомнил спор с примитивистами, появление второй копии «Девушки в турецкой шали»... И вдруг откуда-то взялся Фома, произнес: «Спокойно!» — а у самого в руке вместо огнестрельного оружия бутылка.

На этот раз Володя сохранил выдержку.

— Если Валя не возражает, я принесу бокалы.

Валентина Петровна не возражала. Володя сбегал в дом за бокалами. Гости дружно объявили, что первый тост должен быть за хозяина дома.

— За проникательного детектива, — торжественно произнес Фомин.

— За великолепного рассказчика! — подхватила Валентина Петровна. — А теперь, — попросила она, — объяс-

нил бы ты мне все еще раз и понятней. Значит, Шарохин привез в чемодане четыре фотоаппарата... А дальше что?

— Дальше? — Володя выдержал паузу. — Дальше он их оставил в незапертой комнате и пошел к директору. Это видел Суслин. Он направлялся к директору, чтобы выпросить себе квартиру вне очереди. Суслин собирался жениться на Вере Каразеевой и надеялся, что уж для нее-то Анфиса Петровна расстарается. Услышав в кабинете директора бурный разговор и увидев, что комната фотокружка не заперта, Суслин понял, что у него есть возможность пойти и взять дорогие новехонькие фотоаппараты. Он утверждает, что мысль о фотоаппаратах явилась неожиданно и что вообще он собирался только подшутить. Это его версия, на ней он будет стоять до конца. Риск у Суслина был самый малый. Даже если бы Шарохин застал его в лаборатории, Суслин легко бы объяснил, что заглянул туда по-приятельски. Быстро управившись с мудренными, но ему-то хорошо знакомыми застежками чемодана, Суслин вытащил фотоаппараты, незаметно прошмыгнул мимо кабинета директора и спрятал коробки за обшивку винтовой лестницы. Затем он убедился, что Шарохин не обнаружил пропажу. А утром уборщицы натерли полы, Суслин решил, что все шитокрыто, никто его не видел. Но на самом деле его видел Васька Петухов. А Ваську, оказывается, видел Евдокимов, дежуривший в тот вечер у передатчика. Что Васька там был, Евдокимов говорил двоим... Суслину и тебе, — Володя многозначительно взглянул на Фомина. — Я своими ушами слышал, как Евдокимов рассказывал Суслину про Ваську и, очевидно, про беседу с тобой. В тот же вечер Суслин сообщает Каразеевой, что фотоаппараты украли Петуховы, но она ему не верит. Она добрая — так утверждает Женя Анкудинов — и доверчивая. Но не поверила в виновность Петухова...

— Мама говорит, что они скоро поженятся и уедут на стройку в Сибирь, — перебила Валентина Петровна. — Мама говорит, что она зря плохо думала про Альку, он переменялся...

— А Суслин... — Володя опять сделал паузу, — может быть, он сразу прикинул, что коробки с фотоаппаратами удобнее всего припрятать в подземельях монастыря, а по-

том, выбрав удобный момент, отвезти куда-нибудь и продать. Связи со спекулянтами, как мы знаем, у него есть. Или, может быть, после разговора с Евдокимовым, который ему рассказал о беседе с тобой, Фома, и о том, что видел Ваську в коридоре второго этажа, Суслин решил подкинуть краденое Петуховым. Или, как я уже говорил, он с самого начала действовал с целью напакостить сопернику. — Володя улыбнулся Валентине Петровне: — Помнишь, я тебе сказал тогда, в штабе, что Ваське полезно провести ночь не дома. Я знал, что утром в подземельях найдут фотоаппараты, и хотел, чтобы Васька не подвергался никаким случайностям!

— Ты просто молодец! — похвалила Валентина Петровна, словно он был ученик, решивший трудную задачу.

Володю ее похвала немножко кольнула. Он ожидал от Вали иного... Ну, пусть просто молчаливой благодарности!

А Фомин молчал. Но если бы смущенно!.. Фомин молчал на редкость самоуверенно.

— Итак, все встало на свои места! — с пафосом объявил Володя, не сдаваясь. — Одно только остается невыясненным: кто был «Синим дьяволом» год назад.

— Почему невыясненным? — Фомин искренне удивился.

— Тебе что-то известно? — быстро спросил Володя.

— Не только мне. И Валя знает. — Фомин ухмыльнулся. — Это она была год назад «Синим дьяволом». Так ведь, Валя?

Валентина Петровна молча кивнула: так.

Володя окаменел. Только что он назвал «Синего дьявола» недоумком.

— Для учительницы... «Синий дьявол»... Придуманно не очень удачно, — наконец выдавил Володя.

— По-твоему, ей надо было выйти в эфир без клички? — Фомин запищал женским голосом: — «Внимание, говорит Валентина Петровна! Петухов, прекрати ругаться! Иванов, выключи музыку, садись за уроки! Сидоров, я прекрасно слышу, кому ты передаешь решение задачи!»

Валентина Петровна расхохоталась:

— Коля, ты-то как догадался?

— Мне сказал «Тарантул». Помнишь дежурного в штабе? Он готовится в акустики, у парня отличный слух,

он тебя узнал по голосу. Ты у кого брала передатчик? У Жени Анкудинова?

— Не брала, а заходила к ним. И не к Жене, а к деду. Когда Жени не было дома.

Володя испытующе взглянул на Фомина:

— Этот «Тарантул»... он тебе сказал про Валю вчера вечером? Значит, ты еще вчера все знал?

— Естественно! — ответил Фомин.

Володя вылез из-за стола, пошел на кухню, принес свой знаменитый, весь в медалях, самовар. Методично, не спеша заварил чай, укутал чайник холщовым полотенцем, чтоб настаивался, принес и нарезал торт с розами.

— Ладно уж, наваливайтесь!

Из кустов сирени за его спиной послышался треск. Володя обернулся:

— Васька! Вылезай!

— Зачем? — спросили кусты.

— «Зачем, зачем»! — передразнил Володя. — Чай пить! С тортом! — Он с ловкостью опытной хозяйки наполнил четыре чашки, разложил торт по четырем тарелкам.

— Володечка! — восхитилась Валентина Петровна. — Ты с самого начала знал, что Вася прячется в кустах?

Володя неопределенно пожал плечами и, не ответив Вале, сердито бросил в гущу сирени:

— Я тебя долго буду дожидаться?!

Проломившись сквозь сирень, Васька плюхнулся за стол.

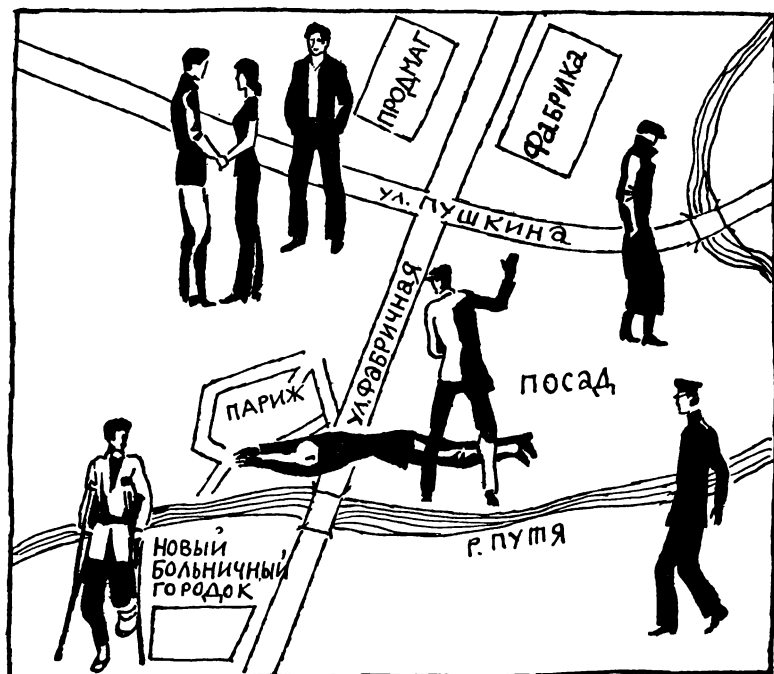
— Ты все слышал? — строго спросила Валентина Петровна.

Васька оторвался от чашки, помотал головой:

— Слышал... Не все. — Желто-зеленые глаза сошुरились и превратились в щелочки.

— Я тебе обязательно расскажу! — обещал Володя. — Это, брат, увлекательнейшая детективная история...

Фомин крикнул и промолчал.

ОПЯТЬ КИСЕЛЕВ

I

— Первая, вторая... пятая... — Куприянов вел счет кошкам, перебегающим дорогу, — седьмая... Фу-ты ну-ты, трехцветная!.. Девятая — черная в белых чулках... — Кошки не пугались света фар, независимо трюхали по своим делишкам. Куприянов сбросил скорость. — Одиннадцатая — серая, полосатая... Тринадцатая — рыжая, как лиса... Четыр...

— А-а-а! — Крик человека потонул в жутком вое тормозов.

«Кто кричал? Я? Он?» — Куприянов силился, но никак не мог сообразить — отшибло со страху память. Что же случилось за миг перед тем, как он судорожно выжал педаль тормоза? Кажется, там стоял кто-то. Да нет, никто там не стоял! Никого на дороге не было, а потом «он» словно с неба свалился под колеса.

Перегнувшись вперед, Куприянов осмотрел дорогу ближе перед машиной. Никого не видно. Значит, «он» под колесами. Куприянов открыл дверцу, опасливо спрыгнул и прежде всего поглядел назад — за машиной чернел короткий — хороший! — тормозной след. А что впереди? Куприянов нагнулся, заглянул под переднее крыло. В мет-

ре от колеса белела на асфальте рука, сжатая в кулак. Не переехал! Сразу память очнулась от страха, вернула последние мгновения в абсолютной ясности.

«Я его не сбил. Толчка не было. Он лежал на асфальте. Пьяный, что ли? Нашел где развлечься! Надо его оттащить в кювет, на травку. Не каждый тут едет медленно и считает кошек...»

Куприянов подошел к пьянчуге, тронул за плечо и только сейчас разглядел на асфальте небольшую лужицу. Возле самой головы. И в ужасе отпрянул. Не пьяный — убитый! В чистом костюме, в белой рубашке. Из-под белого манжета поблескивает браслет.

«Даже часов не сняли! Сбили — и дёру! Но что же мне-то теперь делать? — Шофер осторожно огляделся по сторонам: — Видел меня кто или нет?»

Улица была пуста. Аккуратные однотипные палисадники, непроницаемая сирень перед окошками. Если в домах кто и проснулся от визга тормозов, все равно не высунет носа. Ихняя хата всегда с краю. Кричи «Режут!» — не дозовешься. Этого бедолагу, может, и не машина сбила. Укокошили в темноте и вытащили на дорогу — пускай милиция шофера ищет... Бежать отсюда!..

Куприянов молниеносно очутился в кабине, вырубил свет...

«Нет, только не это, не трусливое бегство... Я же его не сбивал. А если уехать, после никому ничего не докажешь... Машина должна стоять, как стоит... — Он включил фары, вытянул до отказа ручной тормоз, вылез из кабины, достал пару железных колодок, подоткнул с обеих сторон под левое заднее колесо... — За что мне такое невезенье! Другие левачат — и ничего, а я только раз поехал и влип. Черт меня дернул связаться с тем куркулем! Кирпич был наверняка ворованный. Все сразу — левый рейс, соучастие в краже... Ладно, пускай за это отберут права, но его я не сбивал!»

Он перепрыгнул через заросший бурьяном кювет, подошел к ближней калитке, нашарил внутренний запор, открыл, затопал нарочно громко по выложенной кирпичом дорожке, по ступеням застекленной террасы и в оба кулака грохнул по дверям.

...Когда дежуривший в ту ночь Фомин приехал на Фабричную, там уже стояли поперек дороги желто-голубая

«Волга» ГАИ и белый «рафик» с красным крестом. Медики склонились над распростертым на асфальте телом.

— Живой, — сказал подошедшему Фомину врач, — но без сознания. Судя по всему, ударился виском при падении. Состояние тяжелое, не знаю, довезем ли... Да, учтите, документов при нем не оказалось, из соседних домов подходили — не признали.

Фомин помог вдвинуть носилки в кузов «рафика». Лицо пострадавшего нельзя было разглядеть из-за бинтов. «Рафик» умчался. Фомин направился к работникам ГАИ, измерявшим тормозной путь. Возле них топтались двое — один явно шофер грузовика, другой — кто-то из местного населения, в плаще, надетом впопыхах на нижнее белье.

Условились, что автоинспекторы займутся автомобилем, а Фомин составит схему автодорожного происшествия. Он пригласил из кучки полуодетых людей, собравшихся на узком тротуаре, двоих в понятия.

Следов тут хватало на дюжину преступлений. Неопровержимых улик — богатейший выбор. Почти новая дамская туфля, почему-то лишь одна, левая. Проржавелая вилка с фирменной дыркой фабричной столовой. Обрывок цепи с крупными звеньями. Обломок розового женского гребня. Почему-то этот обломок вызвал волнение в кучке людей, толпившихся за кюветом.

Составив протокол и дав понятым расписаться, Фомин направился к желто-голубой «Волге». Инспектора ГАИ, облокотившись на капот машины, писали техническую характеристику осмотренного ими грузовика. Шофер оглянулся на Фомина и взговорил плачущим голосом:

— Товарищ лейтенант! Левый рейс признаю, виноват... но не сбивал!..

Куприянов безнадежно махнул рукой и смолк. О Фомине он был достаточно наслышан. Жорка Суслин развонил по всему городу, что Фомин ни черта не смыслит в своем деле. Жорке дали за кражу в клубе год условно — Анфиса Петровна подняла всю общественность на защиту солиста. Конечно, Куприянов понимал, что Суслин врет на следователя со зла, но все-таки сейчас пожалел, что беда приключилась в дежурство молодого, неопытного Фомина..

— Товарищ водитель, не отвлекайтесь! — сказал стар-

шина ГАИ.— Значит, вы утверждаете, что ехали, не превышая скорость... Почему?

— Господи ты боже мой! — взмолился Куприянов.— Быстро едешь — отвечай! Медленно — тоже отвечай!

— Ближе к делу! — посоветовал лейтенант ГАИ.

— Могу и ближе.— Куприянов покривился.— Сбавил скорость потому, что проезжую часть систематически пересекали кошки. Всего я насчитал четырнадцать.

— Вот это уже аргумент! — одобрительно заметил старшина ГАИ. И добавил — для Фомина: — В левом рейсе водитель уже признался, путевой лист у него поддельный, возил кирпич кому-то в Нелюшку, самолично высказал предположение, что кирпич был краденый.

— Как же это вы? — строго поинтересовался Фомин.

— Да не сбавал я! — простонал шофер.— Чем хотите поклянусь... Детьми... Вот и гражданин подтвердит!

— И не подумаю! — возмутился гражданин в плаще и кальсонах.— Ты ко мне постучался, я пошел звонить...

— Так ты же не спал, ты мне сразу открыл.

— Я пошел звонить в ГАИ и больше ничего не знаю, не видел и не слышал! — отперся единственный свидетель.

— Если вы ничего не знаете,— разозлился старшина ГАИ,— то зачем вы тут крутитесь? Идите вон туда! Где все! — и показал за обочину.

Фомин отозвал в сторону лейтенанта ГАИ. Окончательного мнения тот еще себе не составил, но скорее всего было именно так, как рассказывает шофер. Пострадавший сбит не им, а кем-то раньше. Не исключается попытка инсценировать дорожное происшествие. Но тут уж слово за медицинской экспертизой.

«А теперь послушаем, что знает и что предполагает местное население»,— сказал себе Фомин.

Местное население не стало дожидаться его вопросов. На Фомина обрушился дружный протест от имени всей Фабричной улицы. Доколе тут будет бесчинствовать хулиганье на мотоциклах! Что ни вечер — слетаются на Фабричную со всего города. Чтобы форсировать двигатель, все поснимали глушители. Каждую ночь под окнами пулеметная пальба! После восьми не выпустишь ребенка по воду, да и взрослый ходит с опаской! Сражения на улице устраивают, танковую атаку, как в кино. У них, товарищ лейте-

нант, две банды не могут поделить нашу улицу. Одни в белых касках, другие в желтых. Участковому сколько ни говори — никаких мер. Боятся он их, товарищ лейтенант. Форменные бандиты! Вы же сами видите, до чего дошло!

— Не обязательно они. Мог и кто другой.— Единственный голос против общего мнения подал парень в спортивной куртке, из-под которой торчали длинные голые ноги в кедах без шнурков.— Они, товарищ лейтенант, конечно, шумят, но не хулиганят, окна не бьют, никого не трогают.

— А до которого часа это хорошее поведение продолжается? — спросил Фомин.

— До двенадцати, не позже.— Куртка на парне распахнулась, Фомин увидел татуировку на груди.

— После двенадцати кто-нибудь слышал на улице подозрительный шум? — Фомин спрашивал как бы всех, но ответа ждал от парня. Тот не должен теперь уклониться, если не дурак. Непременно ответит.

— Я сплю как убитый,— заговорил парень и осекся.— Извините, не к месту сорвалось насчет убитого...

— Спите крепко, но сегодня проснулись? Вас разбудил скрежет тормозов или еще что-то? — Фомин подбавил в голос самую малую дозу жесткости.

— Я? — Парень изобразил величайшее удивление.— Проснулся? Ну вы шутник, товарищ лейтенант! Меня бабушка еле добудилась,— он указал на крохотную старушку, укутанную до пят в ковровый платок с бахромой. Очень знакомый Фомину платок. В точности таким укрывается дед, когда простужен.— Баба Маня,— попросил парень старушку ласковым голосом, даже сюсюкая,— баба Маня, выручи любимого внука, подтверди.

— Будила, будила...— Старушка закивала головкой с седым пучком на макушке.— Еще как будила, последние сюда пришли... А я еще когда видела. Махонькая такая и вроде бы горбатенькая...

— Баба Маня,— перебил мужской голос,— а ты не ведьму видела?

— Эй, потише! — пригрозил внук.— Говори, баба Маня.

— А что говорить,— прошелестела старушка.— Маленькая, горбатенькая. Остановилась, вышел толстый такой. Потом обратно в машину и обратно поехал.

— Куда обратно? — поинтересовался Фомин, не выказывая никакого нетерпения.

— Как куда? — вскинулась старушка совершенно по-куриному. — Как куда? — повторила она. — В город. От оттеля ехал. Повернул — и давай обратно. Ровно бы за ним гнались.

— Вы ее не слушайте! — вмешался солидно тот, в плаще и кальсонах. — Шофер никуда не уезжал. Что правда, то правда. Сбил или не сбил, этого я не видел, но где хотите готов засвидетельствовать, что он оставался на месте преступления.

— Уехал, — кротко возразила старушка. — На горбатенькой который. А у меня сон пропал. Отчего, беспокоюсь, он обратно повернул? Или дома что забыл? Легла, а не сплю. И вдруг как завизжит кто-то! Я — к окошку. Вдругорядь машина стоит. Большая, эта, — старушка показала сухонькой рукой на грузовик. — Что, думаю, произошло опять на том же месте? Я скорей Игоречка будить. Может, людям техническая помощь требуется.

Наконец добудилась. Он в одних трусах хотел выйти, я велела одеться. Пока пиджак искали... Приходим, а ты, Ерохин, вон там стоял и с тобой чужой человек...

— Она шофера имеет в виду, — обеспокоенно пояснил Фомину тот, в плаще и кальсонах, Ерохин. — Я с шофером находился, мы дисциплинированно ждали ГАИ. Ты, баба Маня, зря сбиваешь следствие. Вы ее извините, товарищ лейтенант, она старая, давно за восемьдесят.

— Восемьдесят седьмой! — с гордостью заявила баба Маня. — А вижу без очков. И тебя узнала! — сказала она Фомину. — Ты Вани-дружинника внук. Не сомневайся, пиши. Машина махонькая, горбатенькая, цветом белая, но вроде бы припачканная.

— Ты у меня молодец! — похвалил бабу Маню внук. — А теперь пошли баиньки. Дальше без нас разберутся. — Он обхватил ее за плечи и бережно повел.

Фомин недоверчиво покосился им вслед. Махонькая? Горбатенькая? Ну-ну... Не внучек ли навывдумывал?

— Его фамилия Шемякин, — подсказал догадливый Ерохин. — Родители неизвестно где. Бабушкин воспитанник. В данный момент нигде на работе не числится.

— А вот это ты, Ерохин, зря! — заметил тот же мужской голос, что спросил про ведьму.

— А что я? — окрылся Ерохин.

— Сам знаешь, что! — бросила в сердцах одна из женщин, повернулась круто и пошла, словно бы от греха подальше.

Фомин понял, что этот, в плаще и кальсонах, Ерохин, — мягко говоря, не очень хороший человек. Но пусть простят милицию хорошие люди — есть дела, в которых Ерохины полезней, чем они. Потому что хорошие люди за соседями не подсматривают, а Ерохины... Ого! Еще как! Спецы, профессионалы! Когда-то каждый шаг Кольки Фомина был у них на бухгалтерском учете. Каждое выбитое — не обязательно им — стекло! Каждое яблочко у него за пазухой — а не краденое ли из чужого сада?

Не ко времени он вспомнил собственное детство. Мир чуть не перевернулся от этого кверху ногами. И в перевернутом мире подозрительный Игорь Шемякин приобрел облик отличного парня, своего в доску, умрет, а не выдаст. Зато некий в плаще и кальсонах, Ерохин, словно бы

сделался тайным преступником. Кого-то убил, зарыл у себя в подполе и живет — не тужит.

Фомин возмущенно тряхнул головой — мир вернулся в нормальное положение.

Из дальнейшей беседы с местным населением он больше ничего примечательного не почерпнул. Работники ГАИ тем временем закончили составлять техническую характеристику. Фомин передал им жалобы жителей Фабричной на мотоциклистов. Это прямое дело ГАИ, а не милиции. Немного поколебался — и сказал про маленькую, горбатенькую.

Оба из ГАИ понимающе переглянулись.

— Горбатенькая?.. «Запорожец» первого выпуска,— задумчиво произнес лейтенант.

— Разворачивался неумело, чуть не угодил в кювет,— добавил старшина.— Ай да бабуля! Именно «Запорожец».— Он повел Фомина к обочине, где явственно виднелся на краю кювета след колеса.— Значит, бабуле машина показалась белой? И за рулем толстяк?.. Знаю я одного владельца белого «Запорожца», но он не толстый. Так, фитюлька..

— Кто это?

— Галкин, зубной техник. Свой драндулет он никому не одолжит. Наверное, угнали, а? У Галкина угнать — это, брат, надо уметь. Не знаешь ты Галкина!

Первым уехал с Фабричной лейтенант на желто-голубой «Волге». Потом старшина за рулем грузовика, усадив рядом Куприянова. Оставшись один, Фомин при утреннем свете еще раз осмотрел асфальт вокруг очерченного мелом места, густую лужицу крови и поехал в горотдел.

Оттуда он первым делом позвонил в больницу. Дежурный врач — кто-то незнакомый Фомину, судя по голосу, молодой — сообщил, что необходимые меры приняты, но пострадавший все еще не пришел в сознание.

— Надежда есть или нет? — начальственно нажал Фомин.

— На такие вопросы не отвечаю! — заносчиво ответил дежурный врач, и в трубке запищал сигнал отбоя.

— Пижон! — сказал Фомин и поглядел на часы.

Уже семь. Главный врач Галина Ивановна приходит ни свет ни заря. Вскоре можно будет ей позвонить. Если пострадавшего спасут, дело будет абсолютно простым.

Он сам расскажет, что с ним приключилось. Мотоциклист его сбил, «Запорожец» или...

Фомин знал, что придумывание разных версий не его стихия. И фактов у него на руках маловато. К тому же еще неизвестно, ему ли достанется расследовать случай на Фабричной. Доложим начальству, что произошло за время дежурства, а там видно будет. Фомин достал из стола лист бумаги и грустно призадумался. Писанину он ненавидел. Но по работе ему доставалось писанины куда больше, чем увлекательных приключений. Пришлось даже обзавестись заново школьным словарем Ушакова. Фомин в него частенько заглядывал, боясь осрамиться перед судьями и адвокатами, читающими протоколы, допросов.

В половине восьмого позвонил лейтенант ГАИ.

— Приветствую, Николай Палыч!.. Да тише вы, дайте поговорить! — В трубке слышался шум многих голосов. — Так вот, сообщаю. Белый «Запорожец» первого выпуска... Погоди, тут меня поправляют... Первого выпуска, но в прекрасном состоянии... принадлежит зубному технику Галкину. Угнан сегодня ночью не раньше половины двенадцатого... Погоди, тут меня поправляют... Не раньше чем без двадцати минут двенадцать. Владелец выглянул в окно, убедился, что машина на месте, и лег спать, а в шесть часов утра он проснулся... Погоди, меня поправляют... Проснулся с ужасным предчувствием, подбежал к окну и увидел, что машина исчезла. Он сразу же опросил соседей по дому... Можешь записать адрес: Гоголя, пятнадцать, двухэтажный дом... Соседи якобы не слышали ночью никакого шума, хотя обычно всегда указывали Галкину на то, что его машина превышает допустимые децибелы. Галкин считает поведение соседей подозрительным: они могли видеть похитителей, но не стали препятствовать и даже ликовали, предвкушая, что Галкина утром ждет удар... Погоди, тут меня поправляют... У Галкина гипертония. По данным на семь часов утра, давление двести двадцать на сто пятьдесят... это опасно для жизни... — Посторонние возгласы зазвучали громче. Фомин понял, что информацию корректирует сам владелец «Запорожца». — У меня все, — закончил лейтенант приглушенным голосом. — Значит, угон. Будем искать.

— Желаю успеха! — Фомин решил было приписать к случаю на Фабричной сведения о белом «Запорожце», но

передумал. Не надо валить все в кучу. Угон — самостоятельное дело.

Опять зазвонил телефон.

— Милиция? Говорит Матвеева, главный врач больницы.

— Галина Ивановна! — обрадовался Фомин. — Здравствуйте. А я собирался вам звонить.

— Коля? Фомин? — У Галины Ивановны была удивительная память на пациентов. Она оперировала Фомина лет пятнадцать назад, можно сказать, вытащила с того света — его привезли из лагеря с гнойным аппендицитом.

— Галина Ивановна, я! Как там потерпевший? Пришел в сознание? Может говорить?

— Не может! — отрезала она.

— Умер? — вырвалось у Фомина.

— Типун тебе на язык! — прикрикнула Галина Ивановна. — Жив, но пока еще плох. Станет лучше — позвоню.

— Примерно когда?

— Тебе что было сказано? Позвоню!

Фомина заело любопытство: «С какой же целью она позвонила сейчас?» — но спросить Галину Ивановну он не решился, знал ее характер. Только предупредил:

— Я в девять сменяюсь. Если хотите позвонить мне... — Он назвал свой служебный телефон, словно бы случай на Фабричной уже числился за ним.

Она записала и стала расспрашивать про здоровье деда.

— Передай непременно, чтобы зашел ко мне показаться, а то я в горком нажалуюсь, что Фомин не следит за здоровьем. Понял? Так и передай. А теперь запиши... Бумага есть? Карандаш?

— Все есть. Я ж на дежурстве!

— Ну, пиши. Пострадавший — Александр Горелов. Работает слесарем в механическом цехе, живет на частной квартире, Пушкинская, тридцать шесть, на втором этаже, у пенсионеров Шменьковых... Записал?

— Спасибо, Галина Ивановна! Значит, он на какое-то время приходил в сознание? Он больше ничего не сообщил?

— Он вообще ничего не сообщил! — отчеканила Га-

лина Ивановна. — Ты, Коля, каким был, таким и остался. В одно ухо вошло, из другого вылетело. Тебе русским языком было сказано: без сознания.

— Откуда же вам... — Фомин не договорил. Он не должен был доверяться словам врача «скорой». Он обязан был сам обыскать потерпевшего. Оказывается, документы при нем все-таки имелись. Или, может, письмо, квитанция...

Галина Ивановна не торопилась с ответом. Она заспо-ри-ла с кем-то находившимся у нее в кабинете.

— Тут у меня один больной, — сообщила она наконец Фомину. — Умная, скажу тебе, голова! Приходит и говорит: «Если будут интересоваться из милиции...», и кладет листок, с которого я тебе диктовала...

«Это Киселев! — подумал с тоской Фомин. — Только он, больше никому. Опять Киселев!»

— Вот, даю ему трубку — не берет, — продолжала Галина Ивановна. — Кланяется тебе. Говорит, вы друзья детства. Киселев его фамилия...

II

Володя Киселев попал в больницу со сложным переломом голени. Дело было так. Утром он заглянул в исторический зал музея и увидел, что уборщица с помощью тети Дены устанавливает под главной люстрой хлипкую стремянку, створки которой соединяются лишь одним железным крючком. Старухи со свойственной их возрасту переоценкой собственных сил намеревались протереть запылившиеся хрустальные висюльки. Разумеется, наверх полез Володя. Уборщица и тетя Дена вцепились в стремянку, чтобы не разъехалась на скользком паркете. Она и не разъехалась. Подломилась верхняя перекладина, на которой балансировал Володя. Он сверзился, в общем-то, удачно. Высота потолка в зале — пять метров, а внизу — стекло витрин.

С Путятинской городской больницей у Володи было связано много грустных воспоминаний. Он привозил сюда мать в тяжелейшем состоянии, забирал домой с великой надеждой на выздоровление. И снова надо было укладывать мать в больницу, дежурить в палате, выспрашивать

докторов. После смерти матери Володя старался не ходить Фабричной улицей, в начале которой стояло мрачное большое здание дореволюционной постройки из красного кирпича. Год назад старое здание отдали стоматологической лечебнице, а городская больница разместилась в новых корпусах — за рекой, в сосновом бору.

Врачи, медсестры, санитарки помнили Володю мальчишкой, прибегавшим к больной матери. Его положили в палату на двоих, вторая койка пустовала. Вечерами его навещала Галина Ивановна, прилежная читательница толстых исторических романов. Однажды Володя рассказал ей, что любимая дочь Кромвеля умерла в возрасте двадцати девяти лет от рака. Галина Ивановна уговарила его подготовить для врачей лекцию о том, чем болели Наполеон, Веспасиан, египетские фараоны... Володя с жаром взялся за интереснейшую историческую тему.

Сотрудницы музея приносили ему домашнюю еду и книги. За его домом взялась приглядывать тетя Дена, не перестававшая всем повторять, что Володя страдает по ее вине. Она выкопала в огороде картошку, сняла яблоки. Сколько надо, засыпала в подпол, лишек снесла на базар. Однажды у Володи оказался в руках тетрадный листок с финансовым отчетом тети Дены и сто три рубля мятыми грязными бумажками. Он попросил перевести сто рублей Татьяне. Беспечная сестрица и не догадывалась, что он в больнице.

Каждый день после школы к Володе заходил Васька Петухов и показывал свой дневник. У Васьки имелось официальное разрешение, подписанное самой Галиной Ивановной, но, будучи истинным Петуховым, он не любил пользоваться парадным ходом. У Васьки с противоположной стороны в заколоченной наглухо двери была проделана и умело замаскирована тайная лазейка.

Уходя, он обязательно спрашивал с заговорщическим видом, не надо ли Володе курева или еще чего-нибудь из запрещенного медициной. Хладнокровно выслушивал Володин отказ, а в следующий визит опять осведомлялся, не надо ли чего, и делал выразительные жесты.

Несколько раз навестил Володю известный всему Путьину «Леха из ХХI века». Володя познакомился с ним минувшей зимой: Леха пришел в музей и попросил принять на вечное хранение ценную рукопись: «Мысли о

XXI веке». Зная, с кем имеет дело, Володя не отказал. Взял у Лехи общую тетрадь в клеенчатой обложке, спрятал в стол и на досуге перелистал. Рукопись свидетельствовала, что Леха проглотил уйму научной фантастики. Сам он насочинял много сумбурного, от больного ума. Но встречались и занятные соображения. Например, Леха доказывал, что в XXI веке будут окружены особым почетом люди, которые добровольно — из чувства высокого благородства и любви к человеку! — берут на себя тяжелый и грязный труд.

Эта Лехина святая мечта тронула Володю. Он знал, что странный парень, числящийся на учете у психиатров, работает на фабрике грузчиком.

В больницу Леха приходил к матери, которой недавно Галина Ивановна оперировала желудок. У Володи он обычно спрашивал совета, как воспитывать двух младших сестреноч, отбившихся от рук.

— Надо бы в школу наведаться, — озабоченно говорил он Володе, — но мать категорически против. А ты как думаешь?

— Знаешь, она совершенно права, — отвечал Володя очень серьезно. — Сестры у тебя уже не маленькие. Пора им самим отвечать за себя.

— Люблю побеседовать с умным человеком, — благодарственно говорил Леха, уходя.

Валентина Петровна навестила Володю только на третью неделю его пребывания в больнице. И он же оказался перед ней виноват!

— Что же ты мне раньше не сообщил! — упрекнула она, ставя в вазу на тумбочке букет лиловых астр. — Мог бы передать с Васей Петуховым. Он мне сам покался, что бывает у тебя каждый день. Почему же я должна узнавать о том, что ты в больнице, из городской газеты? «Работник музея В. Киселев прочел для врачей увлекательную лекцию по истории медицины, слушатели забросали лектора вопросами...» — Валентина Петровна вынула из холщовой модной сумки банку с вареньем. — Я тебе принесла черничное, мама говорит, что оно полезно от расстройства желудка... — Забота о его желудке ужасно смутила Володю. — А это тебе от деда Анкудинова. — Она достала из сумки банку, словно бы наполненную солнечным светом. — И к меду подробнейшая инструкция...

Разгрузив сумку, Валентина Петровна принялась наводить порядок в Володиной тумбочке, а он этого не терпел и никому не позволял, прекрасно управлялся сам, без посторонней помощи. Нет, совсем не таким представлялся его поэтическому воображению приход в больничную палату той, о которой он не переставал думать все эти дни. Валентина Петровна, совершенно не видя и не слыша его душевных страданий, вытаскивала из тумбочки грязные носки и майки, запихивала в сумку.

— Постираю и принесу в следующее воскресенье. И Колю с собой притащу. Ему уже попало от меня. Тоже называется друг. Не знал, что ты в больнице!

Скрытый за этими словами смысл мог бы расшифровать и не такой тонкий человек, каким себя считал Володя. «Притащит с собой Колю! Очень-то он мне нужен! Это ей хочется видеть его, бывать с ним... хотя бы у меня в больнице».

Валентина Петровна ушла. Володя уныло изучал лиловый букет астр. Все оттенки лилового, голубо-алого прекрасны у сирени, но не у астр. Астры хороши белые и пунцовые, особенно пунцовые, любимый Володин цвет — но только у астр... У георгинов он бывает примитивен, груб... Пунцовый цвет еще можно назвать темно-алым, темно-багряным или — еще лучше! — червленым... Червленная багряница, подбитая горностаем,— парадное одеяние русского царя...

Закрыв глаза, Володя воскрешал в памяти классические густые цвета русской истории, но, как видно, за время болезни воля его ослабла: вместо государя в червленной багрянице он явственно узрел самодовольно улыбающегося Фому. «Друг? Какой он мне друг? Мы совершенно разные люди! Ничего общего...»

Приподнявшись на локтях, Володя взял с тумбочки инструкцию деда Анкудинова. Старик настоятельно рекомендовал мед как надежнейшее снотворное. «Покой пьет воду, беспокой — мед»,— писал дед Анкудинов убористым почерком. На ночь Володя отпил из банки несколько глотков густой, тягучей, душистой сладости, и ему показалось, что «беспокой» вправду начинает исчезать.

...В ту ночь дежурил по больнице молодой хирург, невзлюбивший Володю с первого взгляда. «У нас в больнице завелись фавориты!» — возмущался во всеуслышание молодой хирург, и его слова Володе с возмущением передавали медсестры и санитарки, которые в свою очередь невзлюбили нового врача. Тихая распря не унималась. В результате, когда ночью привезли тяжелого пациента, дежурный распорядился поместить его на пустовавшую койку в двухместной Володиной палате.

Какой тут сон! Поминутно открывается дверь, приносят и уносят всевозможные аппараты, медицинский персонал драматическим шепотом обсуждает подробности загадочного происшествия на Фабричной. Часам к семи напряжение спадает. У постели неизвестного остается медсестра. Она дремлет с профессиональным мастерством, уютно свернувшись на шатком табурете.

Володя привык просыпаться рано и браться за научные занятия. Но сейчас ему не хотелось тревожить медсестру. Он неслышно приподнимается на постели и начинает разглядывать соседа по палате.

На плоской больничной подушке недвижно покоилась голова, сплошь забинтованная, как на иллюстрациях к «Человеку-невидимке». Но у невидимки из романа Герберта Уэллса, у несчастного Гриффина, сквозь бинты чернела пустота. А у неизвестного, подобранного в Путятине на Фабричной улице, из-под бинтов выглядывало розовое ухо — совершенно обыкновенное ухо, типичной для русского человека формы. По Володиным наблюдениям, у русских уши редко бывают крупными, с аномальным рисунком раковины, оттянутыми мочками и тэ пэ. Чаще небольшие, мякотькие, таким лопушком.

Володя глубокомысленно рассматривал розовый славный лопушок, пробившийся на белый свет сквозь плотные бинты. Ухо человека очень молодого и вполне заурядного. Что еще? Пожалуй, невидимка достаточно упрям и скрытен. Ухо, которое сейчас пролезло сквозь бинты, у него прежде не оттопыривалось, а, напротив — было плотно прижато к голове.

«Что могло случиться с этим человеком?» Володя скользнул взглядом по одеялу, и его внимание привлекли чуть высунувшиеся пальцы левой руки с плоскими, коротко стриженными ногтями. На указательном, среднем,

четвертом и мизинце вытатуированы какие-то буквы. Л, Е, Н, А... Лена. «Мы еще не знаем, как зовут этого парня, но его девушку зовут Лена... Или так звали ту, в которую он был влюблен когда-то?.. Однако если сейчас он влюблен в какую-нибудь Надю, Тоню или Валю... Да, именно в Валю, очень распространенное имя!.. Но не будем отвлекаться! Если у него сейчас другая девушка, он постарался бы вытравить имя Лена...»

Легкий скрип заставил Володю быстро перевести взгляд на дверь. В палату заглядывал какой-то подозрительный тип. Небритая физиономия, грязные кирзовые сапоги в красной пыли. Этот тип недавно имел дело с кирпичом. Ага, заметил, что за ним наблюдают! Что он предпримет? Подмигивает и манит корявым пальцем: мол, выйди в коридор.

Володя взял костыли и поковылял в коридор. Хочешь не хочешь, а кроме него, некому установить личность раннего посетителя.

Медсестра открыла глаза, увидела ковыляющего Володю и снова погрузилась в сон.

Небритый ожидал Володю в коридоре, устало привалясь к стене.

— Слышь, парень! — прошептал он. — Кореш мой тут лежит, с тобой в палате. Как он?

— Кореш? — спросил Володя с подчеркнутым недоверием.

— Я ему молочка принес! — Небритый полез во внутренний карман пиджака, вытащил бутылку с молоком. — Козье! Кости заживляет! Я и тебе, — небритый полез в другой карман, вытащил вторую бутылку. — Ты, я вижу, тоже... с травмой. Вечером еще принесу. Козье для полых костей лучше лекарства...

— Значит, кореш... — задумчиво сказал Володя, глядя на сапоги, припорошенные красной кирпичной пылью. — Что ж... Пошли, поговорим!

В холле Володя с трудом опустился в низкое кресло, обтянутое искусственной кожей, и указал подозрительному на такое же кресло по другую сторону низенького столика.

— Поставьте бутылки и валяйте без дураков! — Володя с умыслом взял наглый тон. С волками жить — по-волчьи выть. У него не было никакого желания вмеши-

ваться не в свое дело, но непростительно упустить случай. Имя пострадавшего неизвестно? Сейчас мы его установим!

Куприянов поставил на журнальный столик бутылки с козьим молоком — специально гонял за ним к матери! — и, деваться некуда, рассказал все как есть, по порядку начиная с кошек.

— Вся моя надежда — что он очнется и сам расскажет, — втолковывал Куприянов Володе. — Но надо успеть его спросить. Он, может, очнется всего на минуту и сразу помрет. — Куприянов замялся и продолжал, понизив голос: — Допустим, он очнулся, а никого рядом нет, кроме тебя. Ты его сразу спроси и запиши. Пока людей позовешь — будет поздно. Сам спроси и на память не надейся, запиши, а врач пускай заверит... — Куприянов подмигнул и похлопал себя по карману. — За мной не заржавеет, отблагодарю...

«Вот мне отплата за наглый тон!» Володя был буквально пригвожден к позорному столбу.

— Ну, зачем же вы так... — бормотал он. — Нельзя же... Вы меня не так поняли. Я верю, что вы не сбивали... На вас не лежит обязанность доказывать, что вы невиновны... Да будет вам известно, существует презумпция невиновности!.. — Володя с жаром выложил все, чему поднабрался, читая юридическую литературу. — Я должен вам сказать, что вы ведете себя неправильно. Зачем вы пришли в больницу? Допустим, что вы не преступник, которого всегда влечет к жертве преступления. Но вы явно не обеспокоены судьбой пострадавшего. Вас привело сюда стремление любой ценой добыть доказательство, что несчастный сбит не вами. Пусть он даст показания, обеляющие вас, и преспокойно отправляется на тот свет... Так, что ли? Это, дорогой мой, не криминал, но это безнравственно!

Куприянов удрученно кивал головой. Перед Володей был уже не какой-то подозрительный тип, а честный шофер, попавший в сложную переделку. Да, случай на Фабричной — крепкий орешек, нешаблонная задача для опытного следователя. Фоме, надо полагать, это дело не доверят — молод, неопытен...

Вернувшись в палату, Володя поставил обе бутылки с козьим молоком на окошко. В Путятине, по неписаной традиции, козоводством ведали старухи, живущие на

окраинных улицах. Классическая старушечья животиная. Но когда Танька была маленькой, Володя, презрев общественное мнение, завел козу Дуню, выделявшуюся вздорным характером среди всех посадских коз. Дуня стоила ему нервов, но у Таньки всегда было молоко. И Володя к нему привык, к густому, пахнущему козлятиной молоку.

«С удовольствием попью!» — говорил он себе, укладываясь в постель и стараясь не шуметь, чтобы не потревожить медсестру.

«Итак, я знаю уже немало, — размышлял Володя, уставясь в белый потолок. — Случай произошел на Фабричной, напротив дома некоего Ерохина. Вечерами там безобразничают мотоциклисты. Кроме того, откуда-то вдруг появился белый «Запорожец» старого выпуска. А Фомин, прибывший на место происшествия, поднял, как показалось шоферу, с земли обломок женского гребня. При чем тут гребень?.. Все эти детали совершенно несопоставимы...»

Откуда-то издалека донесся звук торопливых легких, крадущихся шагов. Они приближались. «Куприяновым не кончилось! — подумал Володя. — Еще кто-то идет сюда». Он не ошибся. Шаги замерли у двери палаты. Очевидно, идущий оглянулся. Сейчас дверь неслышно приоткроется и...

Дверь не приоткрылась — отлетела настежь. В палату кинулась девчонка.

— Саша! — выкрикнула она. — Саша! — и больше ничего. Закрыла лицо руками, затряслась.

Медсестра вскочила с табурета:

— Куда? Нельзя! — и вытолкала девчонку за дверь.

Володя торопливо схватился за костыли. В коридоре медсестра возмущенно отчитывала девчонку и, судя по всему, собиралась выпроводить из больницы.

— Идите в палату, — мягко сказал Володя медсестре. — Я с ней поговорю.

Сидя в кресле, где перед тем сидел шофер Куприянов, девчонка редела в три ручья.

— Я так и знала... Я ему говорила... — Она всхлипывала совсем по-детски. На вид она показалась Володе Танькиной ровесницей. Зареванное лицо было ему как будто знакомо.

— Вас как зовут?

— Лена.

«Вот, значит, чье имя он наколол на пальцах».

— Успокойтесь, Лена. Не плачьте. Я вам даю слово, ничего опасного...— Он врал как умел. Придумывал бодрые прогнозы врачей. Путался, противоречил...

Лена верила каждому его слову, глядела на Володю с надеждой и благодарностью. Ему нетрудно оказалось выпросить у нее все о некоем Александре Горелове.

Лена познакомилась с ним в клубе на танцах. Саша учился в вечерней школе, а она в дневной. Он очень упорный! Очень гордый! И самостоятельный! Родители у него умерли, бабушкина пенсия маленькая, он уехал из Нелюшки в город, работал на фабрике грузчиком. Все грузчики пьяницы, а он нет. Он очень серьезный, все обдумывает заранее. С Леной договорился, что сначала надо окончить школу, потом он отслужит в армии... Демобилизовался Саша весной, в мае. Поступил в механический, слесарем...

Володя слушал и незаметно приглядывался к Лене. Типичная современная девица... Володя полагал, что современный девичий характер ему прекрасно известен. Слава богу, одну юную современницу вырастил, воспитал и даже выдал замуж... Таньку, бывало, просишь сбегать за хлебом, она не выйдет за калитку, пока не «сделает себе лицо», как это у них называется. Вот и у Лены спозаранку губы подмазаны. А пудра и растушевка глаз, увы, смыты слезами... Теперь взглянем на одежду. Голубые импортные джинсы, кожаный пиджачок. Одежда модная, дефицитная и дорогая. В ушах сережки с аметистами — настоящими. На руке золотой перстенок с рубином... Д-да... Володе вспомнился дешевый шик звезды самодеятельности Веры Каразеевой. У Лены требования и возможности иные. Высокие требования! При нынешней осведомленности не только девчонок, но и парней о ценах на джинсы и все прочее — главным образом не магазинных ценах, а из-под полы — каждый, следовательно, надевает на себя не просто модные вещи, а точнейшую цифровую информацию для других, сколько он или она стоит... Д-да... Не слишком ли дорога эта девчонка для слесаря Горелова?

«Стоп, стоп! — мысленно воскликнул Володя. — Размышления и обобщения — потом. Сейчас мне нужны фак-

ты. Только они заслуживают доверия. Факты — оружие мыслителя... Я чуть не упустил одно важнейшее обстоятельство: откуда она узнала про несчастье с Сашей? Вот именно, откуда! Ведь на Фабричной его никто не опознал!»

Вопрос Володи явно смутил Лену.

— Мне тетя Луша сказала, нянечка. «Беги, говорит, твоего Сашу привезли». Ну, я и прибежала.

Объяснение простое и убедительное. Есть такая тетя Луша, работает в больнице по ночам. Но почему Лена отвела глаза, давая ответ?

— Я пойду? — по-детски попросила она. — Вы мне сможете позвонить на работу, когда Саша... — Лена подавила всхлип. — Мне очень нужно ему передать... Одну вещь... То есть просьбу...

— Напишите, я передам, — предложил Володя.

Лена достала из дорогой кожаной сумки записную книжку, шариковую ручку в виде папиросы, что-то написала, вырвала листок.

— Вот мой телефон. Позвоните, пожалуйста, когда Саша... Меня позовут. Скажите — Лену Мишакову.

— Непременно! — Володя положил листок в карман больничной куртки.

Вот, значит, какие важные тайны. Ничего не написала, предпочла дать номер телефона. О чем-то она хочет предупредить своего Сашу. Любопытно... И эти слова, которые у нее вырвались сквозь рыдания: «Я так и знала... Я ему говорила...» О чем же могла знать и предупреждать Сашу Горелова Лена Мишакова?

Мишакова, Мишакова... Володя мысленно представил себе два дома на одном участке, обнесенном новым забором из металлической сетки. Посад, улица Лассаля, 14. Участок Мишаковых, родных братьев. Один из них жил в старом рубленом доме, доставшемся от родителей. Другой долго где-то пропадал и, вернувшись, отгрохал себе великолепный каменный особняк с мансардой. В Посаде братьев отличали как Мишакова-Бедного и Мишакова-Богатого. Надо полагать, Лена дочь богатого, а не бедного. Хотя как знать, как знать...

«Покой пьет воду, а беспокой — мед», — возбужденно бормотал Володя, ковыляя по коридорам больницы в поисках тети Луши.

Она мыла пол в процедурном кабинете, ожесточенно орудуя шваброй. К нянечке со шваброй лучше не подступайся, но Володю снесало любопытство, он пошел на самую низкую лесть, и тетя Луша смягчилась.

— Я и говорю Лене: «Беги скорей на второй этаж, плох твой Саша». И палату сказала, где он лежит.

— Вы ходили к ней домой? — уточнил Володя.

— Домой? Есть мне время бегать! Ты мою норму знаешь?! — Тетя Луша энергично занялась мытьем, перестала замечать Володю и даже мазнула шваброй его по ногам.

С большим трудом он улепил ее, выслушал долгие жалобы на неуважение со стороны больных и врачей к труду нянечек, вспоминая при этом благородную мечту Лехи из XXI века, и наконец тетя Луша вернулась к интересующему Володю вопросу:

— Некогда мне бегать. Да и откуда мне знать, кого привезли? Лицо завязанное, документов, говорят, никаких... И на Фабричной его никто не знает. Все говорили — наверное, не здешний, чужой... А утресь я вестибюль мыла... Смотрю — Лена бежит. И сразу ко мне: «Тетя Луша, к вам Сашу не привозили?» Я и сдогадалась. «Беги, говорю, скорей на второй этаж...» — Тетя Луша отставила швабру, вынула из кармана синего халата марлевую салфетку, высморкалась. — Ну просто лица на ней не было. Любит, значит. Она с Сашей уже третий год. Отец против, не хочет, чтобы она выходила за Сашу. Да ты отца ее знаешь, Мишаков Павел Яковлевич.

— Это который — богатый или бедный?

Тетя Луша осуждающе съежила губы в гузочку.

— Болтают без толку. А я не знаю, не скажу, который беднее, который богаче. Мне все едино. В старом доме живет Анатолий Яковлевич, он бездетный. В новом — Павел Яковлевич, у него детей двое — Лена и Виктор. Я Анатолия и Павла мальчишками вот такими помню. Павел — добрая душа, Анатолий — завистник. С родным братом родительского дома не поделил. Павел судиться не стал, построил себе другой, за свои кровные денежки... — Тетя Луша раскипятилась: — Так ты скажи родному брату спасибо! Нет, от Анатолия не дождешься! Одной матери дети, а разные. Лена с моими девчонками дружит, как-то слышу, говорит: «Дядя Толя Сашу хвалит,

а отец ни в какую, не согласен...» Я и подумала про себя: Анатолий нарочно Сашу хвалит, чтобы Павлу насолить, Лену с отцом поссорить...

«Нет, значит, мира за прекрасным новым забором,— думал Володя.— Кипят страсти. И тетя Луша вряд ли выступает как беспристрастный свидетель. Уж я-то свой Посад знаю. Сложнейшая система симпатий и антипатий, родства, вражды, давних счетов и новых распрей...»

Больница начала просыпаться. По всем этажам пролетел легкий трепет, как в лесу, когда приближается гроза. Володя понял, что идет Галина Ивановна, главный врач. Прекрасно! Сейчас он отправится к ней, попросит ее сообщить в милицию данные о Горелове.

«Моя миссия на этом заканчивается»,— сказал себе Володя. Твердо и неумолимо.

III

В половине девятого нашелся «Запорожец» зубного техника Галкина. Машина была брошена на шоссе, ведущем к магистрали Москва — Ленинград, в кустах неподалеку от автобусной остановки. Возможно, что похититель — или похитители — уехал автобусом или в Путятин, или в поселок леспромхоза. Шансов, что кто-то обратил на него — или на них — внимание, очень мало. Сезонники леспромхоза народ с бору по сосенке, друг друга толком не знают.

«Запорожец» оказался в полной исправности, у Галкина ничего не пропало, да там и пропадать нечему — хлам и старье. Осмотр машины ничего примечательного не дал. Найдена записная книжка Галкина, в которой он ведет строгий учет километража и горючего. Судя по записям Галкина, похититель — или похитители — проехал только расстояние от дома Галкина до места происшествия на Фабричной, а оттуда до того места на шоссе, где машину оставили, не потрудившись хоть как-то замаскировать в кустах, а на самом виду.

— Думаю, что угнали из озорства,— сказал в заключение Фомину инспектор ГАИ.— Не более того.

— Я тоже так считаю,— заявил Фомин. Как он и предвидел, начальство поручило ему расследование случая,

происшедшего ночью. — Не стоит валить происшествие на Фабричной и угон «Запорожца» в одну кучу! — И добавил скороговоркой: — В сводку я записал отдельно, хотя связь тут возможна.

Сдав дежурство, Фомин отправился по адресу, продиктованному Галиной Ивановной. Дом № 36 на Пушкинской улице представлял из себя городскую достопримечательность. Первый этаж и полуподвал — кирпич, старинная русская кладка. Второй этаж — великолепный сруб и деревянные кружева. В обоих этажах — уйма жильцов. Они осаждали горсовет жалобами на ветхость дома, требовали сноса, рассчитывая перебраться в микрорайон, в новые дома со всеми удобствами. Но городская интеллигенция во главе с директором музея Ольгой Порфирьевной встала на защиту ценнейшего памятника русского провинциального зодчества XIX века. Хотя денег на реставрацию у горсовета пока не было и в ближайшее время не предвиделось, дом, к общему негодованию жильцов, решили сохранить и отныне запретили портить исторический облик строения обыкновенным ремонтом.

Если бы Фомин обладал склонностью Володи Киселева к тонким наблюдениям, он бы, свернув под шатровые ворота — тоже являющиеся шедевром архитектуры, — всерьез и надолго призадумался над микромиром дома № 36 с его палисадником, скамеечками, бельевыми веревками и лавочкой напротив ворот, где ежевечерне заседал Пэн-клуб — так у путятинских остряков назывались посиделки пенсионеров.

Но Фомин был Фоминым. Он просто-напросто пересек двор по прямой, спросил у старух, где живут Шменьковы, и ни о чем больше не спрашивал — направился по указанному маршруту: вверх по лестнице на второй этаж, там налево, направо, опять налево — до двери, обитой клеенкой коричневого цвета.

Шменьковы — муж и жена, тихие старички из фабричных служащих, — встретили сотрудника милиции в крайнем расстройстве. Они уже знали про несчастье с квартирантом. Полчаса назад к ним прибежала Лена, его невеста, и обо всем рассказала. Они помогли Лене собрать для Саши, лежащего в больнице, самое необходимое — бритву, мыло, зубную щетку, носовые платки.

Фомин подумал про себя, что Горелову все это вряд ли

скоро понадобится, но старичкам не сказал. Пускай остаются в уверенности, что с квартирантом ничего опасного.

Шменьковы разговаривали с Фоминым настороженно. В Путятине старые люди, особенно из служащих, предпочитают сначала пораскинуть умом так и сяк, а уж после пускаться в откровения. Вот и Шменьковы. Вроде бы никакого криминала за квартирантом нет, рассказывай о нем все, что знаешь, что приходит на память. Нет, не станут! Дай им хотя бы денек, чтобы каждое слово наперед обдумать и обсудить, чтобы выслушать советы умных людей относительно того, о чем можно говорить, а о чем — упаси тебя бог! — нет.

Комната, в которой жили старички, произвела на Фомина впечатление крайне запущенной, но сами Шменьковы, очевидно, не замечали черных трещин на потолке, пятен на обоях, пыльной седины под шкафом, буфетом и комодом... Да и приучается человек в старости не видеть беспорядок, если не хватает сил с ним воевать. На фоне общего запустения, старицкой небрежности выделялся фикус с промытыми до глянца листьями и буйно цветущая, ухоженная герань на подоконнике. Да еще комната квартиранта светилась новыми ядовито-желтыми обоями — из самых дешевых.

Заглянув к квартиранту, Фомин увидел, что комнатка совершенно крохотная, в ней еле поместились никелированная кровать с шишечками и шифоньер.

— Мебель вся наша, — пояснил старичок.

«Зачем Горелову понадобилось снимать комнату? Да еще такую? — подумал Фомин. — Сейчас парню не проблема устроиться в общежитии...»

— Мы не против... Живи, только тихо... — скрипел старичок. — И насчет вина... у нас ни-ни... Он слово дал: «Не пью». И не обманул, оказался вправду непьющий. Поздно приходил — это было, скрывать не станем, но вел себя тихо, снимал обувь. Без спросу ничего не трогал — обязательно просил разрешения. Стирал себе сам. Ремонт у себя произвел на свои деньги — у нас таких возможностей нет. Мы от него не требовали, упаси боже. Саша сам предложил: «Сделаю ремонт, небольшой». Побелил, обоями оклеил, столярку подновил...

— Обои вы вдвоем клеили! — вставила старушка.

Старичок недовольно кашлянул: не встречай!

— Все сам! — повторил он с нажимом. — На свои деньги!.. Потом приходит, ставит на стол торт «Полярный» за рубль двадцать и говорит, что надо отметить окончание ремонта. Посидели, то да се... Он и сказал нам, что подумывает жениться.

— Тут мы и поняли, почему он за ремонт взялся! — заметила старушка.

Хозяин остерегающе кашлянул.

— Ты не забегай, я по порядку... Мы, конечно, ответили ему напрямик. Так, мол, и так, уговор был с холостым, одиноким мужчиной. Саша на наш отказ без всякой обиды, просил подумать, не торопиться, учесть, что Лена работает в зубной больнице — если нам надо на прием к врачу или к протезисту, Лена всегда устроит. А пол помыть в коридоре или лестницу, то это, говорит, мы с женой возьмем целиком на себя.

— Как же! Будет она мыть! — обронила старушка.

Старичок недовольно кашлянул.

— Лену вы давно знаете? — спросил Фомин.

— Не так чтобы очень, — сказал старичок, — но приходила... Иногда.

— Лена ему не пара! — упрямо возвысила голос старушка. — Избалованная, привыкла дома на всем готовом. У ее родителей свой дом в Посаде. Может быть, знаете — Мишаковы.

Старичок встревоженно заперхал.

— Ты лишнего не наговаривай! Наше дело отвечать на правильно поставленные вопросы.

Фомин спросил хозяев, не знают ли они, с кем дружил Горелов. Его друзьям надо передать, что он в больнице, пускай придут, проведает.

Старички ужасно всполошились. Оказалось, никаких друзей Саши они не знают и передать им поэтому ничего не могут. Саша парень тихий, скромный, не похожий на нынешних парней, он ни с кем не дружил, никого к себе не водил. Несомненно, старички хотели выставить своего квартиранта в лучшем свете. Значит, они хорошо относились к Саше Горелову. Но все ими сказанное почему-то оборачивалось не в пользу Саши.

Перед уходом Фомин попросил разрешения еще разок заглянуть в уютную, как он выразился, комнату кварти-

ранта. Несомненно. Горелов приложил все силы, чтобы Лене — избалованной! — тут понравилось. Тесно, бедновато, но чисто. Вот только дверь... Дверь Фомина смущала. Саша окрасил ее только со стороны своей комнаты. Другая сторона, обращенная в комнату хозяев, оставалась ободранной, грязной.

Фомин закрыл дверь, открыл, опять закрыл... Мелочь, но неприятно. Если уж взялся красить — не зажимайся, мажь обе стороны.

«Значит, Горелов собирался жениться... — размышлял Фомин по пути с Пушкинской на Фабричную, где помещалась зубная лечебница и где работала невеста Горелова Лена Мишакова. — Собирался жениться, поэтому снял каморку у Шменьковых. Снял один — холостому мужчине сдают охотней, чем семейной паре. Прижился, показал себя тихим, непьющим. Возвращаясь поздно, снимал обувь, чтобы не беспокоить хозяев... Затем потратился на ремонт и только тогда сказал, что хочет привести жену... Серьезный характер!.. Однако зачем все это, если у родителей невесты в Посаде собственный дом?»

На углу Пушкинской и Фабричной Фомин встретился со знакомой сотрудницей фабричного отдела кадров. Ему нередко приходилось обращаться к ней по делам службы. Женщины из отделов, ведающих кадрами, обычно знают о множестве людей все, что положено, и еще немало сверх положенного. По наблюдениям Фомина, мужчинам-кадровикам такое «сверх» дается в более скромных дозах.

Знакомая Фомину Мария Ивановна шла, держась за щеку. Она не спала всю ночь из-за адской зубной боли. Фомин все же рискнул спросить Марию Ивановну, не помнит ли она слесаря Горелова, недавно вернувшегося из армии. Глядя на Фомина страдальческими глазами, она ответила, что прекрасно помнит Александра Горелова еще с той весны — шесть лет назад, — когда он явился на фабрику из Нелюшки и сказал, что хочет поступить на работу. Горелову еще не было шестнадцати, отдел кадров не имел права его принять.

— Ты сам знаешь, — Мария Ивановна на время даже забыла про зубную муку, — комиссия по делам несовершеннолетних направляет на работу трудных подростков. А у Горелова — я прекрасно помню его табель за восьмой класс — не было ни одной троечки. Сейчас материальное

положение не причина для того, чтобы бросать школу. А если уж решил бросить — иди, работай у себя в колхозе. Что-то он, мне кажется, хитрил... И ведь добился своего: дошел до директора, мы его взяли подсобником. С обязательством учиться в вечерней школе. Общежитие предоставили — все честь по чести...

— Общежитие? — Фомину невольно вспомнилась комнатушка с желтенькими обоями.

— Где же ему еще жить? — сердито спросила Мария Ивановна. — Только в общежитии... Ох, сил моих больше нет!.. Так и дергает... А тут еще ты со своими вопросами!.. Ну, работал он. Подсобником. Я его вызываю: «Пойдешь учеником слесаря в механический!» Другой бы обрадовался, а Горелов отказался. Наотрез! Мол, пока он учится по вечерам, ему удобнее быть подсобником, на односменной работе. Мы проверяли — он действительно учился в вечерней школе. Потом в армию ушел... Ох, зуб болит! Не мучай ты меня, Коля... Что тебе еще надо о нем знать? Ну, вернулся после армии. Я смотрю его документы — оказывается, Горелов закончил перед призывом автомобильные курсы, в армии работал шофером. Вот, думаю, повезло парню. У нас в транспортном одного шофера посадили — в пьяном виде сбил человека. Так что пожалуйста, товарищ Горелов, есть для вас работа по специальности. И что ты думаешь, он мне спасибо сказал? Как бы не так... Ох, господи! Что за мука такая — зубы! А тут еще ты с вопросами!.. Не пошел он в транспортный. «Хочу, говорит, в механический, учеником слесаря». Словно бы в насмешку просит то место, на которое мальчишкой не согласился. И улыбочки строит. Нам в кадрах со всякими приходится разговаривать. То какой-нибудь алкаш права качает, то зазнавшийся молодой специалист прямо с ножом к горлу: «Не обеспечите квартирой, завтра же уеду!» Ничего... Умеем с каждым находить общий язык. Но такого несговорчивого, как Горелов, я еще не встречала. Три часа его воспитывала — не нашли общего языка. Пришлось наставить учеником слесаря в механический.

— Значит, место там было?

— Ну, было! — простонала Мария Ивановна. — Ох, зуб еще сильнее разболелся! И в кого ты, Коля, такой беспонятливый? У тебя же вся родня работает на производстве. У нас всюду люди требуются... Слесари, налад-

чики, электрики... Все нужны! Ткачихи, прядильщицы, мотальщицы... Вахтеры, грузчики, уборщицы... Мы в кадрах не для мебели посажены, мы соображаем, кого куда направить. У меня стаж тридцать лет...— Лицо Марии Ивановны перекосилось от ужаснейшего приступа боли.— В общем, присылай запрос, как положено! — процедила она, и Фомин отступился.

Встречные взглядывали на нее с сочувствием. И на Фомина — как ему казалось — очень жалостно. У него, наверное, был вид человека, страдающего от зубной боли. Хотя на самом деле у Фомина все тридцать два зуба были абсолютно здоровехоньки. Его мучили размышления о Горелове.

Фомин привык получать от Марии Ивановны простые и категорические характеристики рабочих и служащих Путятинской мануфактуры, когда ими почему-либо начинала интересоваться милиция. О хороших людях Мария Ивановна подбирала исключительно положительные сведения. О плохих у нее находилось что-нибудь отрицательное. Ни о ком и никогда она не говорила так странно, как о Горелове, которому ставила в вину и то, что он рано пошел работать, и то, что он хорошо учился. Казалось бы, возвращение после армии на родное предприятие — факт совершенно положительный. Но у Марии Ивановны и здесь Горелов выглядел эгоистом. Фомину был прекрасно известен характер Марии Ивановны. Уж если даже ей не удалось переломить Горелова...

В пропахшем лекарствами вестибюле поликлиники Мария Ивановна приостановилась, отняла ладонь от вспухшей щеки:

— Ты все-таки объясни, для чего тебе сведения о Горелове. На чем он попался?

— Горелов? — Фомин слегка оторопел. — Ни на чем...

Она не стала слушать дальше, свирепо глянула на Фомина, безнадежно махнула на него рукой — эх, Коля, Коля! — и поплелась в глубь белого коридора.

Фомин хмуро глядел ей вслед. «Уж если у вас, Мария Ивановна, так сильно дергает зуб, то и не говорили бы со мной про Горелова. В его характеристике у вас все перекосилось...» Но тут он вспомнил, что у старичков Шменьковых тоже как-то неладно получалось в рассказах о Горелове. Тоже какой-то перекосяк.

Вроде бы они его хвалили за скромность, уважительность, а получалось, что он ни с кем не дружит и к старичкам подкатился не без хитрости.

«Интересно, каким мне обрисует Сашу Горелова его невеста, Лена Мишакова», — подумал Фомин, заглядывая в регистратуру, помещавшуюся за перегородкой из толстого матового стекла.

Там хозяйничали три юных создания в безупречно белых халатах и накрахмаленных изящнейших шапочках. Хоть сейчас снимай их для кино. Появись в регистратуре человек с кинокамерой, они бы молниеносно сумели изобразить кипучую деятельность ради спасения человеческих жизней. А пока что одна, сердито покрикивая в окошечко, вела запись больных, вторая празднично сидела на подоконнике, третья, прилежно высунув язык, подсинивала веки. Которая же из них Лена Мишакова? Фомин не стал испытывать свою проницательность. Он просто-напросто кашлянул и сказал:

— Мне бы Лену Мишакову... На минутку...

— Сюда посторонним нельзя, — огрызнулась та, что сидела на подоконнике.

— Зачем вам Мишакова? — На Фомина с любопытством уставились два разных глаза — с подкрашенным веком и с полуподкрашенным.

— Вы откуда? — нервно спросила та, что вела у окошка запись.

Фомин понял, что она и есть Лена Мишакова. Молча вытащил удостоверение, развернул.

— Что вам от меня нужно? Я ничего не знаю! — И на очередь: — Подождите! Что за народ такой!

— Я тоже ничего не знаю, — признался Фомин. — Саша Горелов в больнице, с ним я все еще не имел возможности побеседовать. Не могли бы вы мне сообщить, где он был вчера вечером, с кем встречался?

— Конечно, может! — уверенно ответила за Лену девушка с разными глазами.

— Но, конечно, не здесь! — уточнили с подоконника. — Лен, проводи товарища в рентгеновский кабинет. Там сейчас свободно.

За стеклянной перегородкой нервничала очередь, слышались гневные возгласы. Но по эту сторону была своя жизнь. Там, за перегородкой, могли говорить что угодно,

нервничать и протестовать, тут, внутри, на посторонние шумы не реагировали. Это был чисто служебный навык. Фомину приходилось наблюдать его всюду, где поставлены прилавки, перегородки, окошечки. Даже воздух с той и с другой стороны какой-то неодинаковый. Снаружи плотный, а внутри разреженный, как на горных вершинах.

Лена встала, девушка с подокозника села на ее место и ледяным голосом попросила первого из очереди не совать глупую голову в окошечко. Затем критически оглядела Лену и посоветовала поправить воротник халата. Лена подергала за воротник, ей пришла на помощь девушка с разными глазами.

— Ты, главное, не волнуйся,— наставляла она, деловито поправляя на Лене шапочку.— Держи себя в руках.

— Седуксен прими.— Другая заботливо протянула Лене таблетку и мензурку с водой.

Фомин ждал, все больше мрачняя. Сборы на беседу обещали какие-то чудовищные признания. За перегородкой все громче возмущалась очередь. Лена медленно и осторожно положила таблетку на острый розовый язык, поднесла к губам мензурку с водой. По судорожным глоткам было видно, что Лена трусит предстоящего разговора.

— Пошли,— обреченно произнесла она.

При их появлении очередь зашипела. Ходят тут! Отвлекают людей от работы! Фомин заметил, как ехидно усмехнулась Лена.

Рентгеновский кабинет выглядел достаточно зловеще. Посередине — кресло, окруженное какими-то глазастыми трубочками на штативах. В углу — толстенная дверь с окошечком, напомнившая Фомину дверь камеры для временно задержанных. Слава богу, что тут нет рентгеновских глухих черных штор. Вместо них — обыкновенные белые занавески! И еще одну обыкновенную вещь обнаружил Фомин — стол. Он стоял справа от окна. Туда-то и устремилась Лена. Она предложила Фомину сесть за стол, что он и сделал, а сама вытащила из-за толстенной двери легкий табурет и села сбоку, оказавшись таким образом спиной к окошку. Завершающие приготовления к разговору окончательно настроили Фомина против невесты Саши Горелова.

— Значит, так,— официально начал он.— Я обязан вас предупредить, что за отказ от дачи показаний и за

ложные показания вы можете быть привлечены к уголовной ответственности. Подпишите, что вы предупреждены.— Фомин намеренно не глядел, как Лена подписывает, давая понять, что ее хитрость — сесть спиной к свету — яйца выеденного не стоит. Он, Фомин, и не такие штучки видал.— Итак, начнем. Виделись ли вы вчера с Гореловым?

— Виделись...— произнесла Лена дрожащим голосом.— Мы были в кино, на восьмичасовом.

— В клубе? — строго осведомился Фомин.

— В «Салюте».— Ее голос упал до шепота.

— Какой фильм?—уличающе поинтересовался Фомин.

— «Раба любви».

— Дальше! — потребовал Фомин.

Дальше все происходило по заведенному в Путятине правилу. Лена и Саша вышли из «Салюта», он купил у мороженщицы два пломбира. Сев на лавочку возле собора, Лена и Саша съели пломбир, поднялись и пошли по Пушкинской. Пары, возвращающиеся из «Салюта», не ходят в Путятине по пяточку, им положено идти по густо затененной старыми липами противоположной стороне. Лена с Сашей именно так и двигались по направлению к Фабричной. Дойдя до перекрестка Пушкинской и Фабричной, они свернули направо.

— Вы живете на Фабричной?

— Нет, на Лассалья. Дом номер четырнадцать.

— Так... Продолжайте. Вы шли по Фабричной до перекрестка с улицей Лассалья?

— Нет...— Она замаялась.— Мы пошли другой дорогой, вокруг стадиона.

Потайной путь от угла Фабричной и Пушкинской до ворот монастыря был Фомину прекрасно известен. Отчасти узкими проулками меж глухих заборов, отчасти сквозь «слабые» доски, дыры и перелазы. Путь не ближний, напротив — кружной, но в ряде случаев удобный. Мальчишкой Фомин пользовался этим путем, когда у него портились отношения с Парижем — так назывался нижний край Фабричной, застроенный в послевоенные годы самым незаконным образом, без разрешения городских властей. В Париже проживал драчливый народ. Впрочем, и сейчас этот край у милиции на плохом счету

«Может быть, у Горелова плохие отношения с Пари-

жем,— отметил про себя Фомин,— а может быть...»

В десятом классе у Фомина была девчонка в Посаде. Он ее тоже провожал домой не по Фабричной, а вокруг стадиона. Всю дорогу можно целоваться сколько хочешь, никто не увидит. Садовладельцы покровительствовали влюбленным. Ни одного яблока парочка не тронет — яблочный нейтралитет строжайше соблюдался всеми, кто был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы не натолкнуться поздно вечером на заколоченный хозяином лаз.

— Саша меня проводил до дома,— продолжала Лена уже более спокойно.— Мы немного постояли,— она рассказывала прилежно, будто отвечала урок.— Потом я пошла домой. Саша к нам не заходил. Мы простились на улице. Ровно в одиннадцать я была дома, а Саша...

— Время вы помните точно? — перебил Фомин.

— Да. Мне дома не разрешают приходить позже одиннадцати.

— Понятно.— Фомин кивнул.— Продолжайте.

— Саша пошел домой. Вот и все. Больше я ничего не знаю.

— Он пошел по Фабричной или тем же путем, каким вы дошли до вашего дома?

— Я не знаю.— Она помолчала.— Саша всегда стоит и ждет, пока я не войду в дом. Я поднимаюсь к себе наверх и зажигаю свет. Тогда Саша уходит.

«И это все? — удивился про себя Фомин.— Чего же она тогда боялась? Почему подружки так заботливо наставляли ее перед разговором со мной? И какого черта, в конце концов, она села спиной к свету?!»

Фомин встал, прошелся по кабинету, потрогал врашающиеся на штативах глазастые трубки.

— Скажите, Лена... Саша вам ничего особенного не говорил вчера? И не помните ли вы... Он намеревался, проводив вас, пойти напрямик домой или ему еще надо было куда-то заглянуть?.. К товарищу, например...

Она задумалась.

— Нет, ничего особенного он не говорил. Я думаю, он пошел домой. Он живет на частной квартире и стесняется приходить поздно.

— Я был у него на квартире. Хозяева, как мне показалось, хорошо относятся к Саше. Я узнал от них, что вы

решили пожениться.— Фомин сел за стол, сделал необходимую паузу.— Извините, Лена... Я ведь не из пустого любопытства. Почему вы решили поселиться с Сашей на частной квартире? Я видел его комнату, она очень тесная... Вы ведь живете на Лассалья четырнадцать? Там два дома — старый и новый. Вы в каком живете?

— В новом.

— У вас своя комната?

— Да.

— Тогда почему же...

Вот это — Фомин видел! — ей достался очень трудный вопрос. Лена задумалась надолго. Потом словно бы наконец решилась, тяжело вздохнула, потупилась и сказала тихо:

— Саша дорожит своей самостоятельностью. Он считает, что мы должны жить отдельно.

«Врет, и очень неумело»,— отметил Фомин.

— Ваши родители знают об этом?

— Да.

— Как они относятся к Сашиному, а значит, как я понял, и к вашему решению поселиться отдельно?

— Родители считают, что я уже взрослая.

«Опять врет»,— отметил Фомин.

Ему отчетливо припомнилась комнатуха, оклеенная дешевыми ядовито-желтыми обоями, дверь, окрашенная только с одной стороны. «Да, что-то тут не так». Он посмотрел, как играют лиловыми огоньками сережки в ушах сидящей спиной к свету Лены, перевел взгляд на ее лакированные туфли стоимостью в половину зарплаты слесаря Александра Горелова. Весьма возможно, что родители, выпестовавшие в доме четырнадцать по Лассалья — на вкусной домашней пище, на своем варении и солении — это воздушное создание, совсем не в торжестве от такого жениха... Как ни печально, в наше время все еще встречаются мещанские взгляды на брак. И в особенности мещанские взгляды распространены в Посаде.

«Ладно,— сказал себе Фомин.— В проблему семейных отношений дальше вникать не будем. До поры». И спросил:

— Не говорил ли вам когда-нибудь Саша, что он кого-то боится?

Она вскинула голову:

— Саша никого и никогда не боялся! Он очень смелый!

«Ишь ты!» — изумился Фомин.

— Саша сам ни к кому никогда не лез,— добавила Лена, словно бы спохватившись.— Саша очень выдержанный. Однажды к нам пристали на Фабричной... («Ага, вот оно...» — сказал себе Фомин.) Ну, полезли, в общем...— Лена запнулась.— Один парень.

— Кто полез? — Фомин насторожился.

— Игорь Шемякин, из нашего класса.— Она явно жалела, что проболталась.

«Вот именно! Игорь Шемякин! Внук бабы Мани»,— Фомин почувствовал, что разговор с Леной наконец-то выводит к чему-то существенному.

— А-а-а... Здоровый такой? — знающе заметил Фомин.— С наколкой?

— Вы не думайте! — запротестовала Лена.— Он нигде... Он на флоте служил. У него на груди маленькая совсем чайка с распахнутыми крыльями.

— Значит, вы и Шемякин учились в одном классе? Она кивнула.

— Вы дружили?

Она опять кивнула.

— Шемякин этой весной вернулся из армии.— Фомин стремился поразить Лену своей осведомленностью.— Ему не нравится, что вы дружите с Сашей Гореловым.— Не дожидаясь ни ее ответа, ни молчаливого кивка, Фомин торопился ковать железо, пока горячо.— Шемякин угрожал Горелову?

— Я не знаю, о чем они говорили. Это было неделю назад. Игорь отозвал Сашу в сторону.— Лена уже взяла себя в руки и отвечала, обдумывая каждое слово.— Я потом спросила Сашу, что надо от него Игорю. Саша засмеялся и сказал: «Пустяки!»

— Похоже, что он и в самом деле не трус.— Фомин вызывал ее на дальнейшие откровения.

— Он очень смелый! — воскликнула Лена, даже не замечая, как много выдала Фомину своим восклицанием.

Теперь Фомин почти не сомневался, что Лена сначала вовсе не собиралась рассказывать о враждебных отношениях между Сашей Гореловым и Игорем Шемякиным. Она, несомненно, считает Игоря хорошим парнем. Взвесила вместе с подругами создавшуюся ситуацию, и эти три мудрые головы в накрахмаленных шапочках решили, что

рассказать о ссоре — значит поставить «хорошего» Игоря под подозрение. Надо молчать!

«Вот какая тайна тут скрывается. Я не ошибся! Я почувал сразу».

Фомин имел все основания быть довольным разговором с Леной Мишаковой. Во-первых, он узнал очень важные обстоятельства жизни Саши, которые помогут разобраться в том, что случилось ночью на Фабричной. А во-вторых, он узнал, что Лена Мишакова по-настоящему любит своего жениха. Ее любовь словно бы исправила создавшееся у Фомина перекошенное благодаря старичкам и Марии Ивановне представление о Горелове.

Выйдя из зубной поликлиники, Фомин поспешил к остановке автобуса № 1 «Вокзал — Посад». Надо успеть в горотдел к тому часу, когда начальство собирает участковых инспекторов. Поговорить с Журавлевым — Фабричная на его участке — и с посадским участковым Шевердовым.

Завидев издали вывернувший с улицы Лассалья автобус, Фомин прибавил шаг. И тут ему наперерез вылетел и требовательно забибикал горбатенький белый «Запорожец». Тормоза издали пороссячий визг, из маленькой машины выскочил маленький человек с огромной вскопченной шевелюрой.

— Вы Фомин? — Он выставил палец, словно дуло пистолета. — Очень приятно! Разрешите представиться: Галкин Геннадий Михайлович. Поскольку вы ведете дело о похищении моей машины, я считаю...

Фомин его перебил:

— Вы ошиблись, я не веду этого дела. — Фомин оглянулся, автобус был уже близко. — Извините, мой автобус!

— То есть как не ведете? — взвизгнул Галкин и схватил Фомина за пуговицу пиджака. — Вы его ведете! У меня точные данные!

— У меня тоже, — заверил Фомин. — Совершенно точные данные! Мне этого дела не поручали!

— Нет, поручали! — Галкин не отпускал пуговицу.

— Вас неправильно информировали. Я вашей машиной не занимаюсь. — Спешить Фомину стало некуда, автобус ушел.

— Однако я видел собственными глазами! Вы только что были в поликлинике и беседовали с некоей Мишаковой... Погодите, не перебивайте! Вы обязаны меня заслу-

шать, я, в свою очередь, обязан вставить вам зубы, если вы ко мне обратитесь в мое рабочее время. Прошу меня слушать и не перебивать. Мне совершенно точно известно, что мою машину видели ночью на месте преступления. Мне известно, что на месте преступления милиция обнаружила жениха Мишаковой, от которого пытались избавиться его сообщники... Молодой человек, необходимо сопоставлять факты. Жених Мишаковой умеет водить машину. Он шофер, хотя это тщательно скрывает...— Тут Галкин перешел с крика на драматический шепот.— Что вы скажете на такой факт? Месяц назад жених Мишаковой, не имеющий лишней пары брюк, собирался купить мою машину. Что вы на это скажете, а?

— Что вы ее напрасно не продали,— отрезал Фомин.— Вряд ли на вашего «Запорожца» найдется еще хоть один покупатель.

Галкин возмущенно фыркнул:

— А что вы скажете, если узнаете, что он ее почти купил?

— Что значит «почти»?

— Мы не сошлись в цене.

— Сколько же вы,— Фомин уничтожающе кивнул на маленькую, горбатенькую,— за нее просили?

Галкин наклонил голову, сбоку поглядел на Фомина:

— Тысячу рублей! Как?

— Ну-ну! — пробурчал Фомин.— Заломили!

— В прошлом году я поставил новый мотор.

— Все равно дорого,— уперся Фомин, почуяв, что в споре о цене его спасение.— Больше семисот машина не стоит.

— Резина тоже новая! Девятьсот пятьдесят! Как?

Фомин оглянулся. К остановке приближался автобус. Фомин по-спринтерски рванул со старта и успел проскочить в захлопывающуюся дверцу. С задней площадки он увидел, что Галкин оторопело озирается: куда же девался покупатель? Сейчас погонится в своем драндулете за автобусом? Нет, все еще стоит, оглядывается...

«На что Горелову и Лене старый «Запорожец»? — размышлял Фомин, мирно едучи в автобусе.— Им жить негде. Пошутили, разыграли Галкина... Только и всего».

В горотделе Фомин прежде всего спросил, не было ли звонка из больницы. Нет, из больницы не звонили. Чет-

верть часа назад Фоминым интересовалась какая-то женщина. Судя по голосу, довольно строгая. Сказала, что звонит по делу и ни с кем, кроме Фомина, говорить не хочет. Ей сказали, что сегодня Фомин, возможно, на работе не появится, он отдыхает после ночного дежурства. Посоветовали звонить завтра утром.

«На Галину Ивановну не похоже»,— решил Фомин.

...Молодой участковый Женя Журавлев, чемпион Пулятина по штанге, достал из планшета что-то завернутое в бумажную салфетку.

— Вам, Николай Палыч, от Ерохина. Он говорит, что половинку вы обнаружили на месте, где лежал потерпевший. Ерохин сегодня с утра не поленился, обшарил все кусты и еще нашел...

Фомин развернул салфетку. Кусок розового женского гребня. Фомин завернул находку Ерохина и смахнул в ящик стола.

— Что передать Ерохину?

— Благодарность!

Гребень в данный момент Фомина не интересовал. Он мог принадлежать бабуле с Фабричной, но никак не Лене.

— Предупреждаю,— насупился Журавлев.— Ерохин — это типичный пережиток, хотя и прикидывается передовиком производства. Родную сестру облапошил и выставил из дома. Вся улица знает, что при покупке тысячу рублей дала она. Но расписки с братца, конечно, не потребовала. Все документы на него. Однажды она приходит с работы — все ее вещи, аккуратненько увязанные, у калитки. Это еще до меня было. Я бы не допустил незаконного выселения. Прежний уполномоченный был, между прочим, друг-приятель Ерохина. Женщина плакала. Одна из соседок взяла ее к себе. Люди думали, что Ерохина совесть припечет или испугает общий осуд. Но он хоть бы хны. Кончилось тем, что его сестре — она в прядильном работает — дали место в общежитии... в бывшей казарме.

— Ты мне с какой целью все это выкладываешь? — напрямик спросил Фомин.

Журавлев смутился.

— Видишь ли... мне сделалось известно, что Ерохин постарался наклепать на Игоря Шемякина. Я тебя хочу предупредить: между ними старые счеты. Несколько лет

назад (я тогда еще не работал на участке, но о том случае имею проверенные данные) Ерохин — у него и так забор высоченный! — протянул вокруг участка колючку и пропустил электрический ток. Один пацан чуть не погиб. Тогда Игорь Шемякин — он в тот год закончил школу, ожидал призыва в армию — взял ножницы для резки металла, надел резиновые перчатки и ликвидировал за одну ночь опасное для жизни детей ограждение, установленное осатаневшим частником... Проволоку Шемякин не присвоил, как после уверял Ерохин, не утопил в Путье, как собирался вначале, — он положил весь моток перед домом Ерохина.

— Так, так... — уличающе произнес Фомин. — Данные действительно проверенные. Ножницы для резки металла, резиновые перчатки... Кто тебе сообщил технические подробности? Игорь Шемякин?

— Он.

— Сегодня утром?

— Ну, сегодня.

— Ты его спросил, откуда у Шемякина взялись ножницы для металла и перчатки?

— Он мне сам сказал. Игорь в ожидании призыва подхалтуривал у некоего дяди Васи, занимающегося ремонтом автомобилей. Мастер — золотые руки, но зашибает. Игорь фактически за него вкалывал. Нужны были деньги. Перед уходом в армию Шемякин перекрыл крышу дома, принадлежащего его бабушке. Шемякин живет у бабушки с пятнадцати лет. — Журавлев торопился выложить Фомину все про Игоря Шемякина. — С родителями Игорь поссорился из-за того, что они не хотели взять к себе бабу Маню. «Если, — сказал он им, — баба Маня не приедет к нам в Харьков, то я уеду к ней в Путятин». И уехал... А отец с матерью вскоре разошлись. Отец женился, мать вышла замуж... Вот!.. — Участковый внезапно замолчал и после долгой паузы добавил: — Вот все, что я считал себя обязанным сообщить вам о двух гражданах с Фабричной — Ерохине и Игоре Шемякине.

— Нет, еще не все! — заявил Фомин. — Почему Шемякин до сих пор не поступил на работу? После демобилизации прошло достаточно времени.

— У него уважительные причины. Летом Игорь ездил сдавать в Институт кинематографии, на актерский фа-

культет. Не прошел по конкурсу. Ему посоветовали подать в будущем году на сценарный. Он им показывал кое-что из своих произведений. Успех превзошел все ожидания. Поэтому, вернувшись из Москвы, Игорь Шемякин засел за сценарий полнометражного художественного фильма. Сюжет он пока держит в тайне.

— А на какие средства он живет? Это для тебя тоже тайна?

— Никакой тайны.— Журавлев нахмурился.— Игорь опять вынужден подрабатывать в частном автосервисе дяди Васи. Я официально предупредил Шемякина насчет устройства на работу. Он обещал подумать, я ему дал на размышление три дня.

«Ай да Игорь Шемякин! — Фомин внутренне ликова-
вал.— Простодушного Женю Журавлева буквально обвел
вокруг пальца. Мастер сюжета! Причем себе он берет
роль положительного современного героя. Благородный
Игорь расходится с родителями и уезжает к одинокой
бабушке. Мужественный Игорь вооружается ножницами
для резки металла и вступает в поединок с осатаневшим
частником!...»

Фомин не стал делиться своими догадками с просто-
душным Женей Журавлевым. Даже сделал вид, будто
Игорь Шемякин благодаря заступничеству Жени совер-
шенно вышел из подозрения. Это было необходимо на
тот случай, если «сценарист» начнет выпрашивать Женю,
чем интересовался Фомин.

— Теперь давай про мотоциклистов!..

— Мне одному с ними не сладить,— оправдывался
Журавлев.— Я уже ходил в горком комсомола, в штаб
дружины. Новая мода! Родители посходили с ума, поку-
пают своим чадам мотоциклы, мотороллеры, на худой
конец — мопеды. Ты думаешь, там одни парни? Черта
с два. Есть и девчонки. Половина мотоциклистов не имеет
водительских прав. Потому и гоняют по Фабричной. Что
глушители поснимали — это я даже одобряю.

— Почему? — полюбопытствовал Фомин.

— Да потому, что люди шарахаются,— мрачно пояс-
нил участковый.— А то бы эти белые и желтые каждый
день кого-нибудь сбивали. То есть каждый вечер.

— Ты полагаешь, парня сбили они?

— Гирия клянется, что нет.— Журавлев неопределенно

шевельнул плечами чемпиона-штангиста. — Гиря у желтых касок вроде главаря А у белых — некий Кузя. Гиря живет у меня на участке, в Париже, а Кузя — где-то в микрорайоне.

Утром, узнав о происшествии на Фабричной, Женя Журавлев первым делом наведился к Гире — Николаю Гиричеву. Предводитель желтых касок любовно мыл и скреб своего коня марки «Ява».

— Я сегодня в вечерней смене, потому и дома... — заявил Гиря участковому, не дожидаясь вопросов.

Николай Гиричев работал помощником мастера в ткацком цехе. В коллективе держался середнячком. К уличным взрослым компаниям, собирающимся за доминошными столами или у пивного ларька, Гиря, несмотря на свои двадцать пять лет, не принадлежал. Что-то оставалось в Гире от непутевого подростка, бросившего школу после седьмого класса и устроенного матерью — с помощью милиции — на фабрику, где работала и она сама. Подростки из Парижа так и липли к Гире. С тех пор как он завел мотоцикл, ребята из его окружения не давали родителям покоя: «Купи «Яву»! Купи мотороллер! Купи, купи, купи. » Покупалась техника отцами или старшими братьями, они сдавали на права, ездят теперь на работу и с работы уже не автобусом — на своих колесах. А вечерами свои колеса поступают в распоряжение подростков. Гиря учит их ездить. Гиря не дает в обиду.

По его показаниям, белые каски в тот вечер смылись около одиннадцати, и что они потом делали, он, Гиря, не знает и знать не хочет. Желтые каски пробыли на Фабричной почти до двенадцати. Напоследок они гоняли по шестерке в ряд, занимая всю ширину улицы. Фокус был в том, чтобы при встрече шестерки чисто проходили друг друга насквозь. Маневр они повторяли несколько раз. Улица была пуста, никто за это время не проходил мимо и никого Гиря не видел лежащим на дороге.

— Тебе не показалось подозрительным, что он с утра тщательно отмывал мотоцикл? — спросил Фомин Женю Журавлева.

— Машина у него как игрушечка, — ответил Журавлев. — Вся сверкает. Он ее моет, чистит и смазывает каждый день. И все его ребята тоже следят за технической исправностью своих машин. Желтые каски — я давно за-

метил — отличаются от белых касок любовью к технике.

— Насчет «Запорожца» ты его спрашивал?

— Гирия уверяет, что между одиннадцатью и двенадцатью по Фабричной никто не проходил и не проезжал. Жители Фабричной подтверждают, что грохот и рев мотоциклов прекратился около двенадцати...

Посадский уполномоченный Василий Григорьевич Шевердов дослуживал в милиции последний год и то ли по-стариковски обленился, то ли не хотел напоследок ссориться с посадскими — жил он там же, в Посаде, возле хлебного магазина, где много лет работала продавщицей его жена, тетя Маруся, честнейшая женщина, она тут в войну торговала по карточкам, взвешивая хлеб с аптекарской точностью. Шевердов не сомневался, что ему дадут доработать до пенсии, новых методов милицейской службы не признавал, а на любой серьезный случай за ним оставалось нажитое годами знание своего участка.

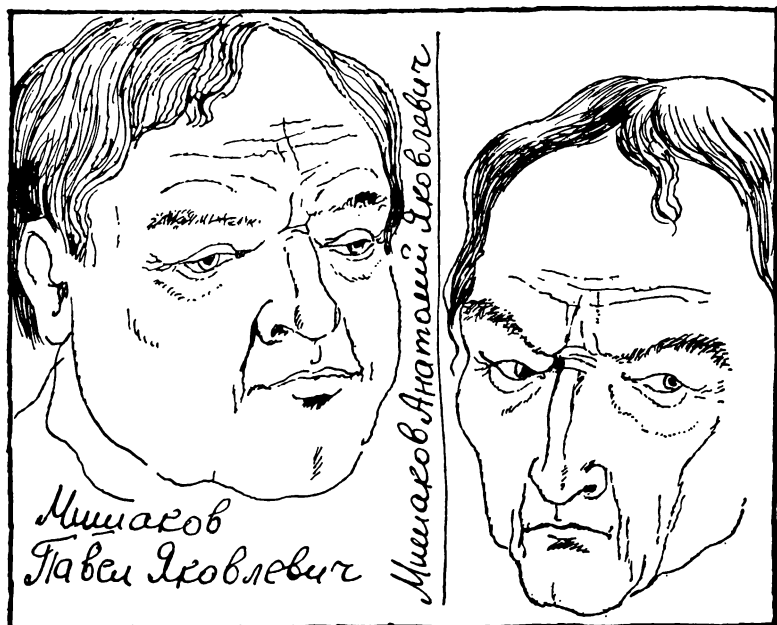
Фомину он поведал историю двух братьев Мишаковых — бедного и богатого.

— Глядишь, и пригодится для дела... — Участковый держался стеснительно, не забыл, как лавливал нынешнего уважаемого Николая Павловича — мальчишкой, с яблоками из чужого сада. А однажды и с чужим голубем, которого Колька Фомин заманил к себе хитростью. Голубка у него тогда завелась... Сизая... Ну в точности такой цвет, как у кителя, в котором сидит перед Шевердовым лейтенант Фомин. Чудо, а не голубка! Маленькая, изящная... Колька умолял участкового не жаловаться деду, но Шевердов все же нажаловался.

Рассказывая про Мишаковых, он называл старшего, Анатолия Яковлевича, Бедным Мишаковым, а младшего, Павла Яковлевича, Богатым Мишаковым.

Бедный Мишаков всю жизнь прожил в Посаде. Последние лет десять он работает в сортировочно-моечном цехе, где из текстильных отходов делают обтирочные концы. Коллектив там небольшой, одни женщины. Бедный Мишаков у них за главного. Живет он в доме, оставшемся по наследству от родителей. Дом небольшой, но крепкий, можно сказать — вечный, срубленный из лучшего леса. Детей у Бедного нет.

Пока Бедный Мишаков прозябал в Посаде, Богатый Мишаков разъезжал по всей стране, меняя города и про-

фессии. Наконец он возвращается в Путятин. Бедный предлагает ему раздел дома, но Богатый с пренебрежением отказывается. Он возводит рядом с отчим домом хоромы со всеми удобствами, с подвальным гаражом для «Жигулей». Его дети — дочь Лена и сын Виктор — одеваются моднее всех в Посаде.

Соседи начинают замечать, что меж братьями нет лада. Бедный Мишаков на все расспросы о брате хмуро отмалчивается. Богатый говорит о брате с пренебрежительной жалостью: неудачник. Одним словом, разница в достатке воздвигла меж Мишаковыми непреодолимую стену. Они не лаются, не шумят на всю улицу о своих разногласиях, даже их жены не бегают по соседкам с ябедами друг на друга, но... стена! Глухая стена...

— Вы интересовались, откуда богатство у Павла Яковлевича? — спросил Фомин.

Шевердов усмехнулся:

— О прошлом не осведомлен. В данный отрезок времени, проживая в Посаде, Павел Яковлевич Мишаков

зарабатывает раза в три больше, чем вы или я. Причем самым законным образом. У него заключены договоры с несколькими украинскими колхозами и трудовые соглашения с бригадами, которые зимой приезжают из этих колхозов к нам в леспромхоз. То есть Павел Яковлевич является посредником между нашим леспромхозом, где не хватает рабочей силы, и украинскими колхозами, которым позарез нужен лесоматериал. Никаких махинаций — все законно, через местное отделение Госбанка, где у Павла Яковлевича имеется собственный счет. За выполнение колхозной бригадой ста трудовых норм выработки колхоз получает пятнадцать кубометров строительного леса. Павлу Яковлевичу за посредничество колхоз платит с кубометра пять рублей.

— Пять рублей с кубометра человеку, который не взял в руки ни пилы, ни топора? — Фомин отказывался поверить. — Вы сообщили в ОБХСС?

— Посредничество вполне законное дело. Я проверял. У него действительно счет в Госбанке.

— Мало ли что счет!

Оставив Шевердова, Фомин отправился наводить справки по соседству, в том же коридоре. В ОБХСС ему объяснили, что у них давно зуб на П. Я. Мишакова, но действует он в рамках закона. Выполняет свои обязательства добросовестно, у колхозов к нему претензий нет. Так за что же привлекать? Пока не за что. Если обнаружится что-то новенькое, Фомину обещали сообщить.

Шевердов встретил возвращение Фомина совершенно спокойно, без капли торжества. Опытный был служака.

Об отношении Богатого Мишакова к жениху дочери, к Саше Горелову, старый участковый высказался уклончиво. Явно не хотел вытаскивать на свет новые посадские дразги. Мол, действительно ходит слух, что Богатый Мишаков против замужества Лены. Однако причины называются разные. Например, говорят, что отец спит и видит свою Лену врачом. Потому и устроил ее на работу в зубную клинику. И будто бы белый халат у Лены Мишаковой не какой-нибудь, а из тех, что шились по спецзаказу для хирургов больницы Склифосовского. Мишаков достал халат в Москве по очень большому знакомству. Но Лена в позапрошлом году провалила экзамены в медицинский, а в прошлом и в нынешнем вовсе не ездила поступать.

Фомину припомнился испуг Лены Мишаковой при виде милицейского удостоверения, озабоченность ее по-друг и то, как она села спиной к свету. Лена утверждает, что рассталась с Гореловым ровно в одиннадцать часов и не знает, каким путем он отправился домой. А если верить Гире, то Горелов был кем-то сбит или подвергся нападению после двенадцати. Где он мог провести целый час?

Шевердов ушел. Фомин сидел за столом и поглядывал с великой надеждой на телефон. Звонок из больницы... Фомин ждал его, как когда-то в школе ждал спасительного звонка с урока. Ведь все, что ему удалось узнать сегодня с утра, не стоило одного короткого разговора с Сашей Гореловым. Но телефон уныло молчал. «Может, испорчен? Отключен?» Фомин приподнял трубку. Пишит...

В сердцах Фомин выдвинул ящик стола, вынул тощую папку, дело грузчика Родионова, уже полностью законченное, оставалась самая ненавистная для Фомина часть работы — писанина, он ее всегда тянул до последнего. Теперь самое время в ожидании звонка из больницы написать обвинительное заключение. Фомин вытащил из ящика стола словарь Ушакова и раскрыл папку.

Грузчик Родионов, сорока лет, имеющий пять классов образования, попался с поличным, когда перекидывал через забор фабрики мешок с паковочной сорочкой в количестве 160,1 метра стоимостью 34 копейки за метр.

«Родионов виновным себя признал и пояснил,— выво-дил Фомин особо четким, следовательским почерком,— что утром он выходил с территории фабрики и у пивной палатки договорился о хищении сорочки. Для чего он тайно похитил рулон сорочки в сшитом для него мешке,— Фомину было не до стиля, его заботило одно: как уместить все важные для суда подробности в наиболее краткий текст,— и около 11 часов выбросил за забор, куда должны были подойти двое мужчин и по договоренности уплатить ему 16 рублей и пол-литра водки...»

С Родионовым все было абсолютно ясно с самого начала следствия. Вора поймали на месте преступления, он признался, двое вступивших с ним в сговор тоже во всем признались, свидетели не разошлись в показаниях. Однако для Фомина, когда он сталкивался с такими делами, оставались всегда неясными корни преступления. Он

вырос в рабочем городе, в рабочей семье, и у него в сознании не укладывалось, как можно красть там, где ты работаешь. Старший брат Фомина, начальник ткацкого цеха, помнил, каким замечательным мастером был когда-то Родионов — на слух определял в станке неполадку. А на днях перед Фоминым сидел опустившийся человек с испитым лицом и пытался доказать, что он не вор, потому что не прятал краденого, не уносил домой, а отдал по цене, которая гораздо ниже подлинной стоимости. Фомин старался не глядеть на трясущиеся руки подсудимого Родионова, но они все время мелькали перед глазами. «У вас были золотые руки,— с горечью сказал Фомин подсудимому, закончив короткий допрос.— Как же вы могли!.. Рабочие руки направили на подлое дело».

Родионов ушел как побитая собака, а к Фомину тут же влетел знакомый ему парень, тоже работавший на фабрике грузчиком. В свидетели он совсем не годился — Леха состоял на учете у психиатра. Фомину было известно его прозвище: «Леха из XXI века».

Человек будущего, как он себя отрекомендовал, заявил Фомину, что после долгих раздумий решил не протестовать против суда над Родионовым, но только на том условии, что милиция привлечет к ответственности тех, кто крадет в крупных масштабах. Никаких конкретных фактов у больного парня, конечно, не оказалось. Фомин, однако, поговорил с Лехой как бы всерьез, успокоил обещаниями. О больших кражах никаких сигналов не поступало, но...

Фомин дописал обвинительное заключение и взялся за представление на фабрику:

«Учет и хранение материальных ценностей ведется на предприятии небрежно, в результате чего и создается обстановка, благоприятствующая кражам». Фомин мельчил, чтобы поместилось на одной странице.

Все, кончил. Телефон словно бы только этого и дожидался. Фомин схватил трубку:

— Слушаю!

— Коля! Это ты? Я уже три раза звонила тебе домой, а тебя все нет. Дед посоветовал искать на работе.— Фомин с радостью узнал Валю. Она была чем-то очень взволнована, говорила быстро.— Господи, как я рада, что тебя нашла! Ни с кем другим не хотелось советоваться, только

с тобой. (Фомин мельком подумал: «Так вот кто звонил строгим голосом».) Коля, тут у меня сидят ребята, мои ученики... Ты меня слушаешь?

— Ну, и что твои ребята? — Фомин поскущел. Она действительно разыскивала его по делу.

— Они сделали ужасную глупость. Сегодня ночью угнали чужую машину. Просто покатались. А кто-то им сказал, что за угон судят... Но они же не украли...

«Вот, значит, кто угнал маленького, горбатенького и появился ночью на Фабричной. Подростки-школьники, неплохие ребята, как уверяет Валя. У нее все ребята неплохие. Сколько же их было? Как фамилии?» Фомин взял ручку, приготовился записать.

— Они оба из девятого «А», — продолжала Валентина Петровна. — Ужасно трусят пойти в милицию. Дома у них еще ничего не знают, домой они идти не хотят, боятся...

— Бояться им теперь уже нечего. Чем скорее придут и во всем признаются, тем для них лучше. Они вдвоем были или еще кто постарше?

— Вдвоем! Толя не ездил, он лишь открыл и завел машину. Ездил один Витя...

«Значит Шемякина с ними не было», — отметил про себя Фомин.

— Все равно, пускай приходят оба. Как их фамилии?

IV

С соседней кровати послышался слабый стон. Володя поднял голову от синего томика Ключевского. В дверях, убегая, мелькнул халат медсестры. Вскоре в палате появилась Галина Ивановна, за нею вся обычная свита. Кто-то проскочил вперед, пододвинул табурет к изголовью забинтованного невидимки. Галина Ивановна села и склонилась к Горелову. Он что-то сказал невнятно.

— Милый вы мой! — Галина Ивановна взяла невидимку за руку. — Молодчина! Вот обрадовали!

По ее знаку наступила полная тишина. Из бинтов послышалось:

— Го... лова... бо... лит...

— Ничего, ничего, миленький! — Галина Ивановна склонилась над забинтованной головой. — Теперь пойдем

на поправку. — Она через плечо отдала энергичные, краткие распоряжения, понятные только ее свите. — Самое страшное уже позади, сейчас укольчик сделаем... — Она еще что-то говорила утешительное, а потом спросила: — Хотите ли вы рассказать следователю, как все случилось?

— Не на... — еле слышно произнес Горелов. — Болит...

— Не надо так не надо. Торопить не будем. — Она внушительно поглядела на свиту. Это значило, как понял Володя, что следователь может сколько угодно просить и настаивать — все равно его сегодня к Горелову не пустят.

Володю это почему-то обрадовало. Медики ушли, он остался вдвоем с невидимкой. Володе показалось, что розовый лопушок, торчащий из бинтов, насторожился, прислушивается. И пальцы с синими буковками ЛЕНА напряженно сжались.

«Сказать ему, что приходила его девушка, или пока не говорить? Слаб, разволнуется». Поколебавшись, Володя решил не волновать Горелова: «Никакого вмешательства в это дело!» Однако наперекор разумному решению мысль трудилась над разгадкой известных Володе фактов. Во-первых: Лена о чем-то «говорила» своему Саше, что-то она «знала». Во-вторых: тетя Луша не бегала за Леной в Посад, кто-то другой — но кто же? — известил Лену о несчастье с Гореловым. И в-третьих: человек-невидимка явно не спешит встретиться со следователем...

Володя остро ощущал, что ему сейчас недостает прежнего размаха воображения, умения выстроить оригинальную и смелую концепцию. Да, прав был знаменитый математик, утверждавший, что лучшие творческие идеи приходят не за столом. «И тем более, — добавил Володя про себя, — не в постели! Лучшие идеи приходят во время прогулок на свежем воздухе. Я залежался и потому не в форме, — таков был Володин категорический диагноз. — Скорее на улицу, и как можно больше движения!» Он встал, взял костыли и поковылял из палаты.

— Берегись! Задавлю! — Больничным коридором навстречу Володе лихо катил в инвалидной коляске Васька Петухов. — Владимир Алексанч! — заорал во все горло Васька, дрыгая в воздухе обеими здоровехонькими ногами. Руки его крутили ободья огромных колес. — Показаемся, а? Я к вам через весь город! Своим ходом. Мили-

ционер хотел задержать, а я ему: «Еду в больницу». Он отпустил... Поверил! — Это слово Васька выговорил не без гордости. Разве бывало раньше, чтобы ему, Ваське Петухову, вот так — сразу! — поверили? И кто? Сама милиция!

Инвалидную коляску Васька извлек из монастырского подземелья. Чья она, уже никто не помнил. Дед Анкудинов и чудо-фотограф Женя отремонтировали коляску — с Васькиной активной помощью. И вот — пожалте кататься, Владимир Алексаныч!

— Спасибо! — Володя растрогался. — Ты даже не представляешь себе, как я рад!..

— Да что там... Пустяки... — важничал Васька.

— Не пустяки... Понимаешь, я увидел коляску и с этой минуты поверил в себя. В любом деле очень важно поверить, что начинает везти. Везенье придает человеку сил.

С помощью Володи Васька спустил коляску со второго этажа и выкатил из больничных дверей в сосновый лес. Колеса подпрыгивали на вылезших из земли корнях. Невидимая паутина внезапно налипала на лицо, Володя ее соскребал обеими руками. Обилие паутины обещало долгое бабье лето.

Васька привез Володю на отлогий берег Пути.

— Съедем, а? Как на саночках!

— Была не была! — вскричал Володя. — Съедем!

Вниз коляска скатилась — дух захватывало. Но зато и попыхтели они, выбираясь обратно. Васька толкал коляску сзади, Володя изо всех сил крутил колеса. Ничего, выбрались без посторонней помощи.

Наверху они остановились передохнуть. Васька вдруг смешливо фыркнул.

— Ты что? — спросил Володя.

— Да так... — Васька покрутил головой. — Вспомнил... Сегодня на переменке... Надо же! Сидят и трясутся... Я им... А они...

Васькины рассказы огорчали Володю скудостью словаря. В записи они бы превратились в нечто маловразумительное. Но в живой Васькиной речи — с выразительной мимикой, жестами — была уйма чувств, красок и образов. Слушая Ваську, Володя вспоминал отзыв известного исследователя Арктики о речи эскимосов. Эскимоса труд-

но понять, если не глядеть на говорящего. Имеют значение не столько слова — их у эскимосов немного, — сколько эмоции, они расцветчивают речь.

Однажды Володя пошел на смелый опыт. Сразу после Васькиного — причем не лучшего! — рассказа о новом фильме Володя раскрыл свежий номер толстого журнала и прочел несколько страниц прозы Мастера — так называли критики одного известного писателя. И что же? Проза Мастера произвела на Володю впечатление вялой. Мастер отбирал каждое слово, как яблоко на базаре, ощупывая и обнюхивая с брезгливой складкой у рта. Он писал изысканно и потому бесчувственно, бессердечно, без души. Володя через этот опыт — его примитивность он прекрасно понимал! — постиг, что выразительность языка достигается не отбором особенных слов, а умением поставить простое слово так, чтобы оно зазвучало в полную силу... Гости съезжались на дачу... Все смешалось в доме Облонских...

Сейчас, слушая бессвязную, но поразительно красочную, эмоциональную речь Васьки и не сводя глаз с его плутоватой физиономии, Володя представлял себе вживе... Школьная мальчишечья уборная, двое девятиклассников, вынужденные принимать очень важное решение... Васька в роли опытного советчика... Суть вопроса Володе еще неясна, но он уже ощутил, что эти двое из девятого «А» влипли в какую-то скверную историю. Васька им что-то говорит... Ах, вот что... Васька им говорит полупешотом, что учительница физики Валентина Петровна знакома с Фоминым из милиции, для нее Фомин расшибется в лепешку!.. Тут Володя почувствовал язвительнейший укол в область сердца. Васькины сведения в житейских вопросах отличались большой достоверностью.

А эти двое девятиклассников, видно, тоже знали, что есть вещи, в которых Васька Петухов разбирается почище любого отличника. Они вняли его совету, пошли и покаялись учительнице физики... Стоп, стоп!.. В чем же они покаялись?

Володя увидел вживе!.. Ночь, двое мальчишек подходят к белому «Запорожцу» первого выпуска.

«Спорим — не заведешь!» — говорит Витька Мишаков Тольке Гнедину. «Ерунда! — отвечает Толька. — Это мы запросто!»

«Кто, кто? — Володя словно очнулся. — Витька Мишаков, младший брат Лены?»

Витька в описании Васьки выглядит так: жирный, в импортных шмутках, владелец магнитофона «Сони» и мопеда. Отец у Витьки хмырь, деловой мужик, Витьку держит в ежовых рукавицах и, по достоверным сведениям, временами лупит шлангом от пылесоса.

— Ну, не лупит, — уточнил Васька, — а разочек-другой врежет ума...

У Тольки отец большой начальник — главный инженер Путятинской фабрики. Толька парень неплохой, технарь. Магнитофон у него не покупной — сделал сам. Ездит на микромотоцикле собственной конструкции. Взял обыкновенный детский самокат, приспособил на него велосипедный моторчик. Красота! Двадцать километров в час...

Только, конечно, увлекла интересная техническая задача. Прежде чем завести мотор «Запорожца», надо было разгадать, какие хитрости против угонщиков применяет владелец машины зубной техник Галкин. Хитростей оказалось много, но все они нейтрализовались простейшим образом — отключением аккумулятора. Толька отключил аккумулятор, отпер ножичком дверцу, снял «Запорожец» с ручного тормоза. Затем ребята откатали машину подальше от окон Галкина, потому что «Запорожец» тарахтит, как мотоцикл. И Толька доказал свою правоту — завел мотор. А Витьке захотелось еще и покататься. Тогда Толька вылез и пошел домой. Витька сел за руль и поехал. И вот ведь дурак! Вместо того чтобы, накатавшись, поставить «Запорожец» на место или где-нибудь неподалеку, Витька бросил машину черт те где, на шоссе. Теперь обоим придется отвечать. Витьке за угон, а Тольке, быть может, лишь за соучастие, но все равно — уголовная статья. Васька там же, в мальчишечьей уборной, подробнейшим образом объяснил обоим девятиклассникам, что на этот счет говорит уголовный кодекс. Витька аж захныкал — боится не кодекса, а пылесосного шланга. Только дома не бьют, но отец у него дрожит за свой авторитет, Тольке дома будет долгая, нудная выволочка. И характеристика теперь испорчена, а Толька мечтает после десятиго поступать в какой-то мудреный институт.

По совету Васьки оба преступника двинулись на поиски Валентины Петровны. А Васька буквально через две

минуты встретил в школьном дворе одного знакомого парня из компании Гири.

Тут Володя выслушал с большим интересом краткий и яркий Васькин рассказ о желтых касках и враждующих с ними белых касках...

Так вот, один из желтых поведаль Ваське, что ночью на Фабричной был сбит какой-то прохожий, но желтые тут чисты как стеклышки и их враги белые тоже. Один парень с Фабричной, Игорек Шемякин, напрямик заявил Фомину из милиции, что мотоциклисты никого не сбивали. Игорек сам ничего не видел, но его бабушка ночью не спала и видела своими глазами старый «Запорожец»...

Так вот оно что!.. Володино воображение нарисовало всю последовательность событий. Виктор Мишаков ехал на «Запорожце», сбил нечаянно пешехода, подбежал к нему, узнал жениха сестры Сашу Горелова и в панике кинулся наутек. Бросил машину на шоссе, вернулся домой с первым автобусом и... И, боясь отца, во всем признался сестре. Вот почему Лена спозаранку появилась в больнице. И вот почему ей надо как можно скорее увидеться с Сашей. Она хочет попросить Сашу, чтобы он не давал никаких ниточек, ведущих к Виктору... Да, все выстраивается вполне логично. Однако в эту стройную концепцию не укладываются слова Лены: «говорила», «знала».

Володя отправил Ваську домой учить уроки и с удовольствием покатался по дорожкам, где сердечникам указывали путь стрелки и дощечки: 200 метров, 400, 500, 800...

О радость движения! Володе явилась парадоксальная мысль, что пребывание в больнице ничуть не изолировало его от городской жизни. Напротив — сюда, в больницу, стекаются все новости, от важнейших до мельчайших. Умей только черпать, отцеживать, что тебе нужно. Взять хотя бы сегодняшний Васькин рассказ. Сколько он дал наблюдательному человеку! А если поразмыслить над особенностями больничного быта?.. Пребывание в больничной палате один на один открывает в человеке такое, что в обычной жизни не заметно, не бросается в глаза. Взять хотя бы Володино соседа, человека-невидимку. Что-то в нем есть загадочное... Вернее, скрытое...

Выехав на главную аллею, Володя издалека увидел Лену Мишакову, сидящую на скамейке рядом с пожилым

мужчиной, явно не из числа болящих,— не в пижаме из пестренького вельвета, а в нормальном костюме.

«Сейчас познакомимся с Павлом Яковлевичем Мишаковым»,— сказал себе Володя.

Лена поднялась и пошла ему навстречу.

— Меня все еще не пускают. Говорят, что Саше лучше, а сами не пускают. Ему правда лучше?

— Намного! — Володя продолжал крутить руками колеса и остановился только перед скамейкой, где сидел пожилой мужчина.

На Володю он произвел впечатление очень робкого, затюканного. Неужели Павел Яковлевич, Богатый Мишаков, носит такой плохонький костюм неопределенного стариковского цвета, такой, жгутиком, галстук?

— Здравствуйте,— несколько смущенно произнес Володя.— Вы отец Лены?

— Это мой дядя,— покраснев, объяснила Лена, потому что сам дядя уныло молчал.— Папа в командировке.

— Очень приятно! — Володя поклонился.

Все встало на свое место. Анатолию Яковлевичу, Бедному Мишакову, вполне подходил облик неудачника — унылое лицо и робкое молчание. Он и дальше, за все время разговора Володи с Леной, не проронил ни слова. Напрасно Володя пытался его расшевелить. Анатолий Яковлевич так и не преодолел свою застенчивость.

Лена по-детски всхлипывала, слушая Володин — подробнейший! — рассказ о том, как Саша очнулся, как пришла Галина Ивановна, что говорила она и что отвечал Саша. Все очень подробно, вплоть до отказа Саши встретиться сегодня со следователем. При этом известии Лена ничем себя не выдала. Лицо Анатолия Яковлевича хранило уныние.

Под конец Володя спросил, не надо ли что передать Саше.

— Вот, пожалуйста.— Лена достала из сумки фирменный пакет, в каких продают импортные тряпки. Володя разглядел сквозь прозрачный пластик металлическую мыльницу, электробритву, футляр с зубной щеткой.— И скажите Саше, что у него дома все в порядке, хозяева кланяются.

Володя не спешил брать эту типичнейшую больничную передачу

— Саше бритва пока не требуется. Он лежит, не встает, бинты снимут, наверное, не скоро. Вы успеете сами вручить. Завтра вас обязательно к нему пустят.

— Нет, пожалуйста,— она и умоляла и настаивала,— передайте сегодня, сейчас. И непременно скажите, что я была у него дома.

Ее «непременно» насторожило Володю. Он взял передачу. Даже пообещал махнуть Лене из окна. Сигнал будет означать, что ее поручение выполнено в точности, что Саша бодрствует и получил передачу.

— Обещайте, что вы махнете мне в ответ и пойдете домой.

Лена обещала.

Володя подкатил к ступеням главного входа, отыскал укромное место, чтобы поставить свой драгоценный экипаж, и поковылял на костылях в палату. Он нарочно не спешил, пока его было видно с улицы через стеклянную дверь. «Моя нога в гипсе, я передвигаюсь очень медленно». Но, оказавшись вне видимости, он зачастил костылями. На лестничной площадке второго этажа Володя остановился, огляделся и внимательно изучил содержимое пакета. Что запрятано в бритве? Ничего. В футляре для зубной щетки? Только зубная щетка. В мыльнице? Володе показалось, что кусок белого туалетного мыла был разрезан вдоль и что-то внутри положили. Попробовал разорвать половинки — не удалось. «Хоть перекусывай зубами!» — подумал он, и во рту сделалось до отвращения мыльно. Ничего не поделаешь — придется отдать Саше все как есть.

В палату он вошел не бесшумно. Нарочно погромел костылями, громко поприветствовал медсестру, сидевшую возле Горелова с вязаньем.

Забинтованная голова пошевелилась на подушке. Володя подскочил ближе.

— Вы не спите? Там внизу — ваша знакомая, ее зовут Лена. Она здесь утром была и сейчас пришла, но ее пока не пускают... Вы меня слышите? — Человек-невидимка поднял руку в подтверждение.— Лена принесла вам бритву, мыло, зубную щетку. Она просила непременно,— Володя голосом подчеркнул это слово,— непременно передать, что была у вас дома, там все в порядке, хозяева вам кланяются...— Володя поймал себя на том, что произно-

сит обыкновенные слова с фальшивой многозначительностью. «Хозяева кланяются» прозвучало, как сакраментальное: «Здесь продается славянский шкаф?»

Торчащий из бинтов розовый лопушок сделался алым. — Спасибо, — сказал Горелов тихо, но вполне четко.

Володя направился к окошку и подал условный знак. Лена по-современному, как в итальянском фильме, покачала рукой: «чао» — и пошла по главной аллее. Володя поискал глазами: где же Анатолий Яковлевич? Его уже не было, наверное, ушел раньше.

Больница готовилась ко сну. По палатам прошли медсестры с вечерними назначениями, с таблетками, каплями, ампулами и шприцами. Погас верхний свет в палатах, затеплились настольные притененные лампы. Володя лежал на спине. В его разгоряченном воображении прокручивался некий детективный сюжет.

Итак, Лена знала, что Саше угрожает опасность. Виктор в ту ночь угнал чужую машину и поехал именно на Фабричную. Павел Яковлевич Мишаков находится в отъезде. Лену в больницу провожает Анатолий Яковлевич, которому — это очень важно! — нравится Саша. Но Павлу Яковлевичу жених дочери не нравится, Богатый Мишаков против того, чтобы Лена вышла замуж за Сашу. Что мог натворить при таких обстоятельствах Саша Горелов, если учесть, что он смелый и самостоятельный? Допустим, решил поговорить с отцом Лены напрямик. Тот отказал наотрез. Тогда Саша... Не мог ли он узнать — случайно! — что-то о Павле Яковлевиче? Допустим, о каких-то темных делишках. Тогда он пригрозил отцу Лены: или не противьтесь нашему счастью, или... А тот!.. Где уж тягаться Горелову с матерым дельцом!..

Володя долго не мог уснуть. Побаливала нога — сегодня ей досталось, хотя у Володи теперь есть средство передвижения. Он лежал тихо, не шевелясь, и ему казалось, что сосед тоже не спит, мучается мыслями. Но не спросишь, о чем думает Саша Горелов.

«Итак, все нити ведут к Павлу Яковлевичу, — бессонно маялся Володя. — Все, кроме одной. Павел Яковлевич не стал бы впутывать в опасное дело родного сына, а на Фабричной был именно Витя Мишаков... Или все-таки кто-то другой?..»

Володя заснул наконец, и ему приснился сон, будто за

ним, опаснейшим преступником, гоняется не кто иной, как Фома. Володя прятался, залезал в водопроводные колодцы с чугунными крышками, в узкие каменные щели, в канавы с отбросами, но неизменно его настигал страшный враг — Фома. Надо было вскакивать, бежать, прятаться, втискиваться, припадать к земле. Володю гнало жуткое чувство, что за ним идет планомерная охота и его рано или поздно сцапают...

Даже проснувшись, поняв, что он ни в чем не виноват, что он не в канаве, а в чистой больничной постели, Володя продолжал какое-то время испытывать чувство страха.

— Козлятушки-дитятушки! А я коза, в бору была! — В дверь просунулась сияющая физиономия шофера Куприянова. — Ребята, я вам молока принес! — Он протиснулся в дверь с двумя полулитровыми банками в руках. — Пейте на здоровье, завтра еще принесу. — Куприянов поставил банки с молоком на подоконник, сел в ногах Володиной постели и горестно сморщился, глядя на забинтованную голову Горелова. — Здорово его саданули. И бросили, гады! Говорят, пацаны. Угнали чужую машину. Весь город так и гудит. Главный инженер Гнедин своего сына выгородил, а другой пойдет под суд...

Володя испугался, что Куприянов сейчас возьмет и брякнет фамилию другого, но Куприянов фамилию не назвал — может быть, он ее и не знал.

Человек-невидимка на соседней постели беспокойно шевельнулся.

— Саша, вы не спите? — спросил Володя.

— Нет, — слышалось с соседней кровати.

— Пришел ваш спаситель. Это он ночью ехал по Фабричной и увидел вас.

— Чуть не переехал! — брякнул Куприянов.

Володя на него зашипел: думай, что говоришь! Куприянов встал, попятился к двери.

— Он уходит, — сообщил Володя человеку-невидимке.

— Я потом, — пообещал Куприянов. — Я завтра еще молока принесу. Козье очень полезно для костей, быстрее срастаются.

— Спасибо... — слышалось сквозь бинты.

— Поправляйтесь поскорее. Оба поправляйтесь! — Куприянов вышел и бережно прикрыл за собою дверь.

— Отличный мужик! — убежденно произнес Володя и признался невидимке, что с первого взгляда принял Куприянова черт те за кого.

— Зачем он приходил? — с беспокойством спросил Горелов.

— Понимаете, хотя он и ваш спаситель, его в милиции заподозрили, не он ли сбил. Мужик со страху примчался в больницу. Считал, что его судьба зависит от ваших показаний. — Володя говорил медленно, наблюдая, как сжимаются и разжимаются пальцы с синими буквами ЛЕНА. — Но милиция, судя по всему, и сама разобралась.

— Сегодня зачем приходил? — Невидимка, кажется, посчитал Володю бестолковым, не умеющим выделить что-то самое важное.

— Сегодня? Молока принес. Козьего. Он и вчера приносил. Ну, и хотел поделиться с вами и со мной радостью, что признан невиновным.

— Зачем? — страдальчески повторил невидимка.

Володя ужаснулся: «Господи, какой я идиот! Горелову опасно говорить, опасно волноваться...» И тут, слава богу, вошла медсестра с букетом градусников в стеклянной банке.

Во время обхода Галина Ивановна предупредила Горелова, что сегодня, сейчас к нему придет следователь. Володя решил: «Была не была! Никуда не уйду, я лежащий больной». И упрятал костыли за кровать. Мог ли он предвидеть, кто явится к Горелову?! Фома! В белом халате и с кожаной папкой в руке. Володя мгновенно закрыл глаза и притворился, что спит.

— Здравствуй, Киселев! — Фомина не обманула наивная уловка Володи. — Извини, я до вчерашнего не знал, что ты в больнице. Валя тебя ждет внизу.

— Чувствительно благодарен! — Володя сел в постели, изобразил на лице жесточайшую муку и принялся нарочито медленно спускать на пол загипсованную ногу.

Фомин кинулся к нему:

— Давай я помогу!

— Нет уж, я сам! — Володя выудил из-за кровати упрятанные костыли и поковылял в коридор.

Его разговор с Фомой мог показаться невидимке фальшивым. «Валя тебя ждет внизу». Это типичный «славянский шкаф»! Горелов теперь имеет все основания

считать, что меня к нему посадили для слежки. Ведь он очень подозрителен и чего-то боится. Даже Куприянову он, кажется, не поверил, потому и спрашивал уныло: «Зачем?»

Валентина Петровна ждала Володю в вестибюле и первым делом потребовала, чтобы он продемонстрировал самоходную коляску:

— Вася Петухов мне все уши прожужжал, рассказывая о ней. Под твоим влиянием он становится хвастуном.— Она заметила Володину обиду и поспешила добавить: — Зато школьные дела Васи благодаря тебе идут на лад. За всю неделю ни одной двойки...

Володя нехотя выкатил свой инвалидный экипаж. От прогулки по лесу отказался. Предложил посидеть на скамейке, неподалеку от больничных дверей. Ему хотелось видеть, с каким лицом выйдет Фома.

— Кстати,— проронил он с самым равнодушным видом,— вы с Фомой здесь случайно встретились или сговорились прийти вместе?

— Мы с ним сегодня с утра...— Валентина Петровна рассказала, по какой причине ей пришлось сегодня спозаранку отправиться в милицию.

...При допросе Толи Гнедина и Вити Мишакова присутствовали отцы обоих ребят и Валентина Петровна, их учительница. Дело об угоне «Запорожца» ведет не Фомин, а другой работник милиции, но Фомин все же пришел послушать.

Витя Мишаков показал, что вечером гулял по пятак-ку, стало скучно, решил пойти домой и по дороге встретил Толю Гнедина. Встреча произошла неподалеку от того места, где стоит совершенно дряхлый «Запорожец». Ребята заспорили, на ходу машина или нет. Чтобы проверить, открыли дверцу, сняли с ручного тормоза и укатили «Запорожец» за угол. «У дома заводить побоялись,— пояснил Витя,— хозяин бы сразу выскочил — и нам по шее». Машина, по его словам, долго не заводилась, но потом мотор все же заработал. Ребята испугались, потому что «Запорожец» трещал громче пулемета. «В состоянии страха», как выразился Витя Мишаков, он включил передачу и поехал, а Толя остался.

Витя сначала направился по Фабричной, чтобы бросить машину где-нибудь за больницей, но потом вспомнил,

что ночью там автобус не ходит, и, развернувшись, поехал в сторону леспромхоза. В кустах неподалеку от остановки, он и бросил машину. «В полной исправности», — подчеркнул Витя. И поехал домой. Время возвращения он точно не помнит, примерно в половине первого.

Толя Гнедин подтвердил показания Вити слово в слово. Он вернулся домой без пяти минут двенадцать, позже ему приходиться не разрешают. Толя все время порывался растолковать следователю, насколько глупа широко применяемая в Путятине противоугонная сигнализация, но его останавливали, не давали говорить.

Толин отец не стал выгораживать сына. Он заботился лишь выгородить самого себя и во всех недостатках воспитания Толи винил жену.

— Ну и, конечно, школу! — возмущенно сказала Валентина Петровна.

Совершенно по-иному держался в милиции отец Вити, Павел Яковлевич Мишаков. Его внешний вид крайне удивил Валентину Петровну. Витя ходит во всем импортном, в умопомрачительных джинсах «супер райфл», а Павел Яковлевич предстал перед следователем в серых брюках, невзрачной стеганой куртке и вполне отечественных ботинках. Впрочем, держался он с большим достоинством, ни капельки не заискивал — в противоположность отцу Толи, который то заносчиво напоминал следователю о своем высоком положении, то униженно лебезил.

Павел Яковлевич с достоинством выслушал упреки в плохом воспитании сына. Однако когда следователь сказал, что мальчишке вредно иметь с малых лет все, что только душа пожелает, Павел Яковлевич возразил мягко, но решительно:

«Вот это вы напрасно, вы тоже молоды, не слушайте, что говорят иные ограниченные люди. Достаток ребенка не портит. Портит нужда. От нее и зависть, и зло, и преступление. Избалованность быстро проходит с первыми самостоятельными шагами, с первыми жизненными трудностями. Но зависть, поразившая организм с малых лет, остается навсегда».

«Боже мой! — сверкнуло в уме у Володи. — Да это же он про бедного брата!»

Валентина Петровна продолжала пересказ педагогической речи Павла Яковлевича Мишакова. Особенно тре-

вожило Павла Яковлевича бездумное отношение нынешних подростков к советским законам.

«Я сам до мозга костей законник! Во всем Путятине вы не найдете второго такого законника, как я. На государственном предприятии бухгалтер может что-то перекинуть из одной статьи в другую. Или, например, зачислить шофера, который возит главного инженера, слесарем-сантехником...— При этих словах Павел Яковлевич с усмешкой покосился на отца Толи, и тот покраснел.— А я нет...— Павел Яковлевич убедительно покивал головой: — Я не могу. Я обязан быть кристально честным, потому что мне ни одной мелочи не спустят. С посредника спрос особый! Колхозные бухгалтеры приезжают, диву даются: «Нам бы так у себя!» А родной сын...— Тут Павел Яковлевич повернулся к Вите: — Родной сын каждый день видит: его отец трудится, дорожит оказанным доверием. И что же? Родной сын сглупа открыл чужую машину, поехал куда глаза глядят. И ведь нет чтобы сначала подумать: можно ли брать чужую машину? Что за это полагается по статье такой-то УК РСФСР? Ну хорошо, по первому разу могут и не дать строгого наказания. А если так же — сглупа и по незнанию законов! — угодить во что похуже? — Теперь он глядел и на сына и на Толю: — Кто вас оправдает за вашу молодость и глупость?» — Павел Яковлевич огорченно махнул рукой, опустил на стул.

И тогда заговорил Фомин. Он попросил Витю и Толю выйти в коридор. Вместе с ними ушел — по неотложным делам — отец Толи. Фомин спросил Павла Яковлевича не о Вите, а о Горелове. «Вам Горелов не нравится?» — спросил Фомин напрямик.

«Без виляний? — Павел Яковлевич улыбнулся и сам себя поправил: — Впрочем, здесь, у вас, нельзя не отвечать начистоту.— Он сделал небольшую паузу, вытер лоб белоснежным платком.— Да, мне Горелов глубоко несимпатичен. Я бы не сказал о нем ни одного дурного слова, если бы он погиб... Но он, слава богу, жив, поправляется, и я могу это сказать. Дочь моя пережила огромное потрясение, я уступил ей, она теперь рада, счастлива, но у меня не лежит к нему сердце, тут уж ничего не поделаешь».

«Но причина? — допытывался Фомин.— Должна быть причина!»

Павел Яковлевич поглядел на него с сочувствием, как на очень молодого, совсем еще зеленого:

«Чтобы понять мою причину, надо прожить с мое».

...Володя тайно торжествовал. Лучшего подарка, чем этот рассказ, Валентина Петровна не могла бы и нарочно придумать. «Я был тысячу раз прав в своих расчетах на новости, стекающиеся в больницу. Но каков Павел Яковлевич! В сложнейшей ситуации, когда его сын почти причастен к случаю на Фабричной — Фома дал это ясно понять! — Павел Яковлевич откровенно говорит о своей неприязни к Горелову. Вот его реакция на прямолинейность Фомы: ты мне прямо, и я тебе прямо. Отличный ход! Павел Яковлевич прекрасно понимает, что появление на Фабричной в ночной час его сына — это, конечно, не алиби для него самого, но... но, несомненно, отводит подозрения... По всем законам логики. Однако всегда ли при расследовании надо исходить из логики? Павел Яковлевич способен действовать не по шаблону... И он абсолютно уверен, что его сын не причастен к случаю на Фабричной. Откуда такая уверенность? Только от знания. Он знает, кто преступник».

Мог ли Володя когда-нибудь думать, что, сидя с Валей, будет с таким жгучим нетерпением ожидать, когда же наконец заявится Фома. Но получилось именно так. Володя сгорал от любопытства: «Чем же закончится разговор Фомы с человеком-невидимкой? Я на девяносто девять процентов уверен, что Горелов сейчас темнит, отговаривается головной болью, потерей памяти и так далее...»

Завидев Фомина, вышедшего из больничных дверей отнюдь не бодрой походкой, Володя вперился в него испытующим взглядом: «Да, Фома явно недоволен. Он потерпел фиаско!...»

Конечно, не стоило рассчитывать, что Фома начнет сгоряча делиться своими неудачами. Напротив, он держался с обычной самоуверенностью.

— Ты нас с Валей извини... Мы с Валей в следующее воскресенье...

Это бестактное «мы с Валей» бесило Володю, но он не показывал виду. Фомин продолжал в том же духе, принялся строить планы на будущее, когда Володю выпишут из больницы и Валя устроит по этому случаю торжественный прием, нажарит пирожков с грибами...

Володя терпел, терпел и перебил:

— Итак, насколько я понимаю, Горелов тебе ничего не сказал!.. Понимаешь, тут есть моя вина. Приходил шофер... Ну, тот, которого ты заподозрил... Одним словом, Горелов уже знает, что следствие сначала пошло по неправильному пути, заподозрив ни в чем не повинного шофера, а затем невиновность Куприянова была установлена и...

С Фомина мгновенно слетела веселость.

— Вот что, Киселев!.. Я тебе очень благодарен за то, что ты оперативно сообщил в милицию имя потерпевшего. (Володя шутовски раскланялся, прижав ладонь к груди.) Слушай, ты можешь не валять дурака?! — вспыхнул Фомин.— Я тебя прошу, Кисель, не лезь ты в это дело. Оно не для сыщика-любителя. Тут не четыре фотоаппарата и не дурачок Жора Суслин... Тут...— Фомин осекся. По его лицу было видно, что он и так наговорил лишнего.— Давай не портить нашу старую дружбу! — потребовал Фомин.

— Давай! — уклончиво ответил Володя.

«Дружбу! — саркастически подумал он.— Как бы не так!»

Володя позволил Фоме катить инвалидный экипаж до больничной проходной, где простился с Фомой и Валентиной Петровной. Обрато он возвращался не торопясь. Толкнет одно колесо, потом другое. Но вдруг коляска пошла сама. Володя оглянулся и увидел, что ему на подмогу пришел Леха.

— У меня сегодня отгул,— рассказывал Леха.— С утра я посетил военкомат. Говорю — так и так, мой год уже давно прошел, а вы меня до сих пор не призвали. Они не могут ничего толком объяснить. Тогда я пробился к военкому. Мы с ним обстоятельно поговорили о международном положении, и он мне обещал, что возьмет меня на учет. Когда понадобится, вызовет. Говорит: сам не ходи, я тебя вызову. Приятно, Владимир Александрович, пообщаться с умным человеком...

Володя подумал, что военком действительно поступил умно. Вообще в Путятине можно разделить людей на умных и глупых по их отношению к Лехе из XXI века. Кто над ним смеется, тот сам дурак.

— Я недавно с одним писателем познакомился,— про-

должал Леха.— Большой талант. Трудится сейчас над киносценарием на современную тему. А денег ни копейки. Я ему предлагал: возьми у меня. Не берет. Тогда, говорю, устраивайся на грубейшую, грязнейшую работу. Он удивился и спрашивает: золотарем прикажешь идти? Я чувствую, что до него не доходит важнейший принцип будущего XXI века. Объяснил популярно, в чем заключается благородство тяжелой, грязной работы. Вижу — понимает...— Леха выдержал паузу и торжественно произнес: — С сегодняшнего утра Игорь Шемякин работает здесь, в больнице, истопником. Я вас непременно с ним познакомлю.

Игорь Шемякин? Это имя и эту фамилию Володя уже где-то слышал. Он напряг память. Ага, вот оно что... Про Игорька Шемякина говорил Васька. Игорек Шемякин живет на Фабричной, дружит с ребятами из компании желтых касок, они его считают своим парнем, бывают у него дома. Игорек рассказывал Гире, предводителю желтых, что той ночью на Фабричной появлялся какой-то старый «Запорожец». Игорек сам не видел, но его бабушка не спала и видела своими глазами... Очень интересно... А Леха говорит об Игоре Шемякине как о большом таланте. Тут что-то есть. Далеко не о каждом Леха будет говорить с восторгом. Чем же его покорила этот друг и покровитель желтых касок?

Тем временем Леха сбегал в больничную котельную и, вернувшись, сообщил, что Игорь скоро освободится.

— Леха,— спросил Володя,— а ты с Сашей Гореловым случайно не знаком?

— Знаком! — ответил Леха довольно безразлично.— Он до армии работал в нашей бригаде.

— Ну, и как он?

— Мы с Гореловым разные люди...— Леха задумчиво помолчал.— Совершенно разные. Наши жизненные цели не сходятся... Как бы вам это объяснить попонятней?.. Приведем такой пример. Горелов высадился на незнакомой планете. С чего он начнет? Он поставит домик, огородит палисадником и так далее. Тогда как первый параграф устава звездоплавателей требует при высадке на незнакомую планету прежде всего установить контакты с ее обитателями, сообщить им основные данные о нашей земной цивилизации.

— Домик с палисадником тоже кое-что сообщит ино-

планетянам о жизни на Земле,— заметил Володя.— Но ты, Леха, значит, не взял бы Горелова с собой в звездный корабль?

Леха недовольно помотал головой.

— Вы, Владимир Александрович, неправильно ставите вопрос. Повторяете типичную ошибку представителя двадцатого века, когда господствовала теория отбора наиболее достойных... Так вот, я бы Горелова с собой взял. Прежде всего потому, что Горелову необходимо приобрести более широкий взгляд на жизнь, подняться над буднями. Путешествие на звездолете его изменит, несомненно. Он научится мыслить в масштабе Вселенной, избавится от замкнутости, индивидуализма. В двадцать первом веке,— продолжал Леха с воодушевлением,— самым большим пороком будет считаться индивидуализм. И не потому, что индивидуалист ничего не дает обществу — оно и без него сыто и одето! — а потому, что он обкрадывает самого себя...

— Верная мысль! — заметил Володя.— Значит, Горелов, работая в бригаде грузчиков, держался особняком, ни с кем не дружил?

— Ни с кем.— Леха таинственно понизил голос: — Я попытался вступить с ним в контакт по принципу обмена не словами, а мыслями, к которому человечество придет в двадцать первом веке, но безуспешно. Его мозг окружен непроницаемой оболочкой...— Леха озабоченно постучал себя по голове, прислушался и еще постучал: — Видите ли, Владимир Александрович, науке известны разные способы психозащиты...

Леху, если он заговорит о психозащите, нельзя останавливать, перебивать. Володя слушал внимательно и время от времени поддакивал. Ничто не действовало на Леху так благотворно, как уважительное внимание. Постепенно он успокоился. Володя вылез из своего экипажа, и они с Лехой уселись на садовую скамейку, рядом с двумя стариками.

Старик в поношенном ватнике рассказывал старику в больничной пижаме, как ночью ему почудилось, будто залезли в голубятню. Он вскочил, выбежал из дома... Возле голубятни никого, замок цел. Но зря птица шуметь не станет. Голубятник выглянул на улицу и увидел двоих мужчин. Вроде бы чужие, не посадские. Но в ночной час

и своих не узнаешь, тем более что со спины и далеко.

Разговор про голубей Володю немного раздражал. Посадские старики-голубятники большей частью барыги. Никакой любви к гордой птице, только рубли на уме, продать, нажить, обдурить юнцов...

— А вот и Игорь! — обрадовался Леха.

Из черной дыры, ведущей в котельную, показался верзила в синем казенном халате. Истопник-писатель выглядел лет на двадцать, не больше. Знакомясь с Володией, вытащил из кармана халата замасленные концы и стал усердно, напоказ тереть руки:

— Я грязный! Испачкаетесь!

Володя терпеть не мог мужского кокетства. Честному Лехе кажется, что под его влиянием большой талант проникся любовью к грубейшей, грязнейшей работе. Как бы не так! Типичный практицизм и дальний расчет деловых людей от литературы. Этот истопник-писатель уже сейчас сочиняет фразы для будущих интервью. «Кем я только не побывал в юности! Даже истопником в маленькой провинциальной больнице. Нигде мне так не писалось и не мечталось, как там, у пылающей топки...»

— Это вы, что ли, с Гореловым в одной палате? — свысока спросил Володю истопник-писатель, продолжая вытирать руки почерневшими концами.

— Он со мной, — сухо уточнил Володя.

— Лежит, помалкивает? — Истопник-писатель нехорошо усмехнулся. — Правильно делает! — И, встав в позу, продекламировал: «Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои!..» — Прищурился и посмотрел на Володю: — Дальше знаете?

— «Пускай в душевной глубине и всходят и зайдут оне...» — Володя поднялся и поковылял подальше от напористого интеллектуала.

— «Мысль изреченная есть ложь!» — проорал ему вслед истопник-писатель.

Больные с ближних лавочек перепуганно оглянулись.

— «Лишь жить в самом себе умей...» — машинально бормотал Володя, ковыляя вверх по лестнице. — Ну и долдон!

Однако Володя уже прекрасно понимал, что истопник-писатель Игорь Шемякин никакой не долдон... И не брат Лехи по несчастью! Никким образом. Он человек бес-

спорно неглупый, имеющий свою цель, готовый одолеть любую преграду на пути к этой цели. Все эти качества делали для Володи еще более загадочным появление Игоря Шемякина в больнице в роли истопника. «Горелова он явно не любит. Знает, что Горелов не хочет помочь следствию... Любопытно!!!»

Неожиданное появление Шемякина нанесло некоторый урон детективному сюжету, сложившемуся в воображении Володи. Но кое-что прояснилось, встало на свое место.

В коридоре второго этажа Володя встретился с унылым Анатолием Яковлевичем. У Бедного Мишакова был вид возвращающегося с похорон. Володе он улыбнулся робко, как бы извиняясь за то, что без позволения заходил в его палату.

— Лена там?

На Володин вопрос Анатолий Яковлевич ответил с той же робкой, заискивающей улыбкой:

— Сидят, беседуют...

Володя хотел было вернуться, чтобы не мешать, но передумал: «Зайду, возьму Ключевского и заверю влюбленных, что не появлюсь до конца дня». Он поковылял дальше и, обернувшись, поймал недовольный, даже встревоженный взгляд Анатолия Яковлевича.

Дверь палаты была чуть приоткрыта. Приблизившись, Володя понял по голосам, доносившимся из палаты, что после ухода Мишакова-Бедного Саша и Лена принялись возбужденно обсуждать какие-то свои сложности.

— Правильно! И я ему сказала, что ты никуда не собирався заходить...

— А дальше не помню... Кто-то ударил, и я упал...

Судя по всему, они говорили о своих показаниях следователю.

— Теперь он тебя оставит в покое! — сказала Лена. — Я уверена.

— Но если твой папочка... — озлобленно заговорил Саша и перешел на шепот.

— Чем хочешь поклянусь, он не знал! — воскликнула Лена. — Витька сказал только мне. Отца он боится.

— Да тише ты! — зашипел Саша.

Володя еле успел сделать два прыжка назад, благоговая мягкие больничные тапочки и резиновые пятки

костылей. Дверь захлопнулась. И тут же распахнулась настежь. Лена обеспокоенно выглянула в коридор. «Слава богу, от меня до двери метра три», — молниеносно прослось в голове у Володи.

— Лена! Помогите бедному инвалиду. На моей тумбочке синий томик, Ключевский. Вынесите мне его, и я уж поплетусь, чтобы вам не мешать...

Сунув Ключевского за борт вельветовой пижамы, Володя не поплелся, а довольно резко поскакал на костылях. Ему надо было срочно кое о чем спросить истопника-писателя Игоря Шемякина.

V

— Всегда готов помочь родной милиции! — заявил Фомину с порога старый знакомый, путятинский умелец дядя Вася.

— Садитесь! — сурово бросил Фомин и углубился в бумаги.

— Однако чему обязан?... — хорохорился неблагодарный родственник тети Дены и делал воровские попытки заглянуть в бумаги, лежащие перед Фоминим.

Фомин потомил его с четверть часа и жестко сказал, устремив на дядю Васю профессиональный проницательный взгляд:

— Прошлый раз вы меня обманули. Электронику на синем «Москвиче» наладили не вы.

— То есть как не я?! — протестующе вскричал умелец. — Думаете, если без образования...

— Электронику наладили синему «Москвичу» не вы, — спокойно и холодно повторил Фомин.

— Закурить можно? — спросил дядя Вася, как полагается в детективном кино. — Вы правы, гражданин следователь. Электронику делал мой помощник Игорь Шемякин. Но под моим неусыпным техническим руководством!

— Чем он еще занимался под вашим неусыпным руководством?

— Понимаю! — Умелец воспрянул духом. — Игорь Шемякин. Этого следовало ожидать! Нынешняя молодежь, знаете ли... — И торопливо стал выкладывать все, что знал об Игоре Шемякине.

— Я к нему — как к родному сыну, — изливался дядя Вася. — Вырвал из плохой компании, приобщил к общественно полезному труду, делился секретами мастерства...

— И доходами делились? — перебил Фомин. — Тогда за «Москвича» вы сорвали с клиента двадцать пять рублей. Какую часть получил Шемякин?

— Вы его не знаете! — вскричал умелец. — Игорь из глотки вырвет!

— Сколько? — настаивал Фомин.

— Десятку! — трагически прошептал умелец. — Хотите верьте, хотите нет. Десятку! А чей инструмент? Чьи материалы? Кто его всему научил?.. Игорь Шемякин, это я вам прямо скажу, социально опасная личность. Приходит вчера ко мне и говорит, чтобы я искал другого помощника, а то его участковый припирает. Он вообще-то грубее выразился об участковом, я вам передаю суть его заявления. «Чем, — спрашиваю, — жить будешь?» Он нагло засмеялся и похвастал, что нашел очень хорошую должность. Какую? Истопником в больнице. Мне это сразу показалось подозрительным. Молодой человек с десятилетней бежит от умственной тонкой работы по ремонту автомобилей, и куда?! В истопники. Неспроста! Нет, неспроста! — Дядя Вася вопросительно взглянул на Фомина, ожидая поддержки своих подозрений, но Фомин изобразил полнейшее спокойствие. — Я, гражданин следователь, излагаю только факты, — с достоинством продолжал умелец, — не беру на себя право анализировать, однако... — На небритом лице дяди Васи появилось знакомое Фомину особое глубокомысленное выражение, означавшее, что умелец наконец-то докопался до причины всех причин. — Во-первых, еще работая вместе со мной, Игорь Шемякин у себя дома систематически занимался ремонтом мотоциклов и мопедов, для чего брал мой инструмент и расходовал мои дефицитные материалы. Причем — обратите внимание! — все клиенты Шемякина — несовершеннолетние, не имеющие водительских прав. Попросту говоря, шпана, бандиты, желтые и белые каски. Мне не известно, они ли совершили преступление на Фабричной. Мне, может быть, вообще не известно, убили кого-то на Фабричной или не убили. — Дядя Вася деликатно помолчал. — Но мне известно, что Шемякин систематически под покровом ночи занимается ремонтом мото-

циклов. Выводы можете сделать сами! Теперь во-вторых... Вы, конечно, знаете, что в городе все еще не изжиты недостатки в снабжении углем частного жилищного сектора. В то же время больница снабжается углем систематически и в большом количестве. Прежнего истопника уволили за то, что он сплавлял налево дефицитное топливо.— Дядя Вася прижал к груди пропитанную смазкой пятерню.— Кто может проверить, сколько угля истопник бросил в топку, а сколько, так сказать, использовал в целях личного обогащения? Большой соблазн для неустойчивого человека...

Дядя Вася ушел от следователя, очень собою довольный. Он был зол на Игоря. Так ждал возвращения парня с военной службы, так надеялся взвалить на него всю тонкую работу — и на тебе!

От Фомина не укрылось стремление дяди Васи утопить Игоря Шемякина. Однако важную ниточку беседа с умельцем все-таки дала. Игорь Шемякин ремонтирует мотоциклы желтых и белых касок. Ремонтирует по ночам. То-то он тогда крутил...

Вызванный Фоминым помощник мастера Николай Гиричев, он же предводитель желтых касок по кличке Гирия, после долгого заpiresательства подтвердил, что Игорь Шемякин иногда оказывал техническую помощь несовершеннолетним, не имеющим водительских прав мотолюбителям.

— А что тут плохого?! — с вызовом спросил Гирия.— Если ночью у кого мотоцикл заглох, домой с поломанной машиной не вернешься! Утром людям на работу ехать, а мотор не заводится! Кто виноват? Известно кто: который ночью брал...— Великовозрастный Гирия по-детски шмыгнул носом.— Ну, и вложат ума... И уж больше вечером колёса не дадут... Вам, может, трудно понять, а Игорек моих ребят понимает... Если ночью какая поломка — вся надежда на Игорька. Он сам предложил: «Приходите, стучите в окошко». Игорек здоров спать, не скоро добудишься. Баба Маня выручала... Поднимется, Игорька поднимет... Он злой спросонок, ругается... Потом отойдет, пообреет... Скольких ребят выручил...

— Задаром? — жестко спросил Фомин.— Только честно, без виляния!

Гирия жалобно зашмыгал носом:

— Мы что, не понимаем?

— Деньги Шемякин брал? Деньги, спрашиваю!

— А что деньги? — Гиря перестал возить носом. — Много вы купите запчастей за деньги? Ребята Игорьку запчасти приносили. Он себе мотоцикл собирает... А деньги... — Гиря отрицательно затряс кудлатой головой. — Откуда у ребят лишние деньги!

— Так и запишем, — сурово объявил Фомин, — брал плату запасными частями неизвестного происхождения. Теперь пойдем дальше. Почему вы не сообщили участковому Журавлеву, что в ту ночь, когда на Фабричной... — Фомин помолчал. — Мне говорить или вы скажете?

— Я сам тогда еще не знал. Мне после ребята сказали... — Гиря осекся.

— Так кто же из ваших в ту ночь обращался за помощью к Игорю Шемякину? — в упор спросил Фомин.

Николай Гиричев понуро уставился в пол.

— Кто?

Предводитель желтых касок безмолвствовал. Но он был, как говорят в милиции, еще на ранней стадии антиобщественного поведения. Фомин знал, что такие, как Гиря, долго не упираются.

— Пацан один... — с трудом выдавил Гиря, — наш... из Парижа...

— В котором часу?

— Двенадцати не было.

— Значит, один из вашей компании обратился к Шемякину за технической помощью незадолго до двенадцати. — Фомин говорил и записывал. — Я вас правильно понял?

— Правильно, — обреченно признал Гиря.

— Когда Шемякин закончил ремонт?

— Не знаю... — Гиря вспотел от напряжения.

— Ремонт был несложный?

— Несложный я сам ребятам делаю, — пробурчал Гиря.

— Значит, сложный?

Гиря молча кивнул.

— Значит, Игорь Шемякин у себя во дворе в ту ночь около двенадцати и после занимался ремонтом мотоцикла?

Гиря опять молча кивнул.

— Имя, адрес владельца мотоцикла?

— А вам зачем?

— Здесь вопросы задаю я! — напомнил Фомин.

Гирия сел прямее, достал из кармана платок, вытер мокрое от пота лицо и сказал с удивившим Фомина достоинством:

— Задайте ваши вопросы мне. За своих ребят я сам отвечу. Если надо, перед судом. У этого, который ремонтировался... у него отец неродной... Ему и так несладко, а тут вы придете... — Гирия умолк, Фомин тоже молчал, ему сделалось стыдно, что он так жестко напирал на помощника мастера Николая Гиричева. — Я и без вопросов... — продолжал Гиричев, — ... Игорек и этот, наш... Они до полпервого возились. Моторчик старенький на мопеде. Ничего, наладили, заработал... Игорек сразу выключил моторчик и объяснил, что люди спят... Мотай домой без лишнего шума, на своей тяге... Наш, значит, выехал со двора на своей тяге, а через несколько домов остановился. Хотел еще разок проверить моторчик... Боялся очень... Я ж вам говорил, у него отец неродной... Только он хотел включить...

На столе Фомина зазвонил телефон.

— Минуточку! — Фомин взял трубку.

Звонили из ОБХСС.

— Николай Павлович, тут у нас есть кое-что про Мишакова. Зайди. Очевидно, имеет прямое отношение к случаю на Фабричной.

— Спасибо, зайду. — Фомин опустил трубку на рычаг и сказал Гиричеву: — Продолжайте... Что же случилось в тот момент, когда этот ваш остановился, чтобы еще раз проверить мотор?..

Закончив разговор с Гиричевым, Фомин дал ему расписаться внизу стандартного бланка допроса свидетеля.

— Никому ни слова! — предупредил Фомин.

Гиричев поспешил скорее убраться из милиции. Фомин отправился по соседству, в ОБХСС. Там он пробыл довольно долго и вернулся к себе в приподнятом, боевом настроении.

Володя оторопел. Уходя на прогулку, он оставил невидимку мирно спящим. Не прошло и двух часов — невидимка исчез. На его койке лежал совершенно незнакомый человек с остроносом лицом, сплошь в желто-синих пятнах.

Володин ошалелый взгляд вызвал на желто-синем лице ироническую гримасу. На койке Горелова лежал сам Горелов. «Как нелепо, что я его не узнал! — пронеслось в голове Володи. — Сгорал от нетерпения увидеть наконец невидимку без бинтов, ожидал этого со дня на день, а случилось давно ожидаемое — и я Горелова не узнал. Другое лицо, другой человек. В бинтах Горелов был, если можно так выразиться, красивей...»

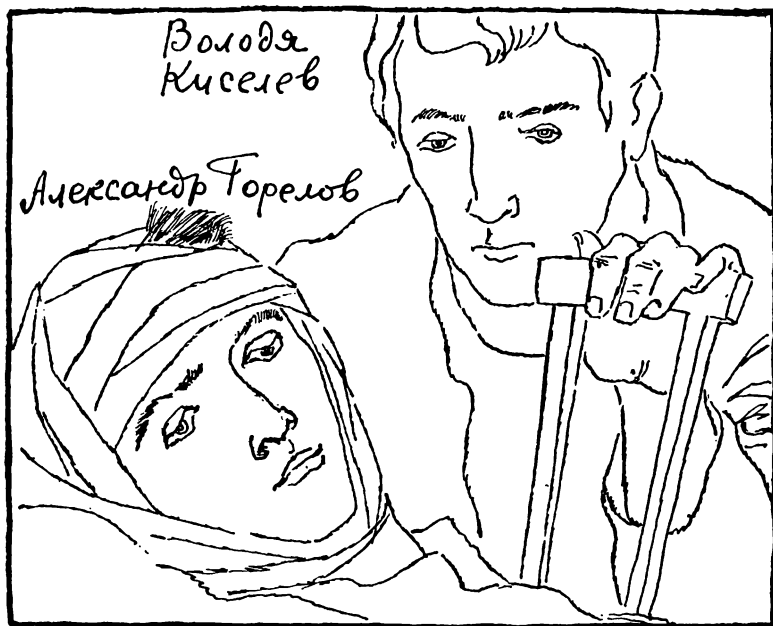
— Поздравляю! — с чувством произнес Володя. — От всей души.

— Было бы с чем, — кисло отозвался новый Горелов.

— А я вас не узнал, — бойко болтал Володя, укладываясь на свою койку. — По народным приметам, быть вам богатым. Впрочем, это уж не такое счастье, — беззаботно продолжал Володя. — По народной пословице, богатому сладко естся, да плохо спится. А Сенека считал, что высшее богатство — это отсутствие жадности... — Покосившись незаметно на соседа, Володя увидел, что Горелов закрыл глаза. Делает вид, что уснул.

Приподнявшись на локте, Володя внимательно вглядывался в незнакомое лицо. Пребывание в одной палате, общий больничный быт, схожие сны про погоню — все это, как и предполагал Володя, способствовало проникновению в глубь характера Саши Горелова. Но Володя и не предполагал прежде, что сможет так сильно привязаться к замкнутому, необщительному соседу по палате, так всерьез проникнуться его интересами, которые Володя все лучше понимал, несмотря на скрытность Саши Горелова.

Больничная жизнь шла своим чередом. По утрам неизменно появлялся в дверях краснокожий улыбающийся Куприянов с двумя банками козьего целебного молока. Горелов перестал спрашивать, зачем шофер все ходит и ходит к нему и к Володе. Горелов послушно выпивал, подбадриваемый Володей, свою банку молока. При этом

у него делался взгляд ничейной собаки, которая не верит ласке и всегда ожидает подлости от человека.

После Куприянова забегала по дороге на работу Лена, заваливала Сашину тумбочку вкусно пахнущей домашней снедью.

— Мама специально для тебя пекла! приговаривала Лена, пичкая больного. — Папа специально для тебя достал в закрытом буфете!

Володя догадывался, что в семействе Павла Яковлевича Мишакова отношение к Горелову круто переменялось. Не потому ли перестал бывать робкий, запуганный Анатолий Яковлевич?

«А где же друзья-ровесники? — размышлял Володя после ухода Лены. — Почему они не идут? Одноклассники, товарищи по армейской службе, ребята из цеха?.. Хоть кто-нибудь?!..»

От цеховой общественности к Горелову однажды явилась заполосенная тетка, ни о чем его толком не спроси-

ла, выложила на тумбочку профсоюзные дары — торт, бутылку лимонада, кило яблок — и была такова.

Как-то раз Володя застал в палате тихую старушку. Она оказалась квартирной хозяйкой Саши Горелова. Принесла пачку печенья, банку компота своего приготовления и долго извинялась за старика, он не мог прийти, гипертония высокая... Потом стала жаловаться на нового квартиранта. И грубый он, и музыку заводит, и ног не вытирает. По ее жалобам Володя понял, каким прекрасным, тихим, услужливым квартирантом был Горелов.

«Но если Саша отказался от комнаты у стариков, — размышлял Володя, — это означает, что из больницы он отправляется к Мишаковым... Следовательно, со дня на день надо ожидать появления в палате самого Павла Яковлевича».

Павел Яковлевич появился таким манером. Широко распахнул дверь, оглядел палату, заулыбался:

— Салют, молодые люди! Вы, оказывается, роскошно устроились! Номер люкс! А я-то слышу дома с утра до вечера жалобные разговоры: больница, койка... Невольно вообразишь что-то вроде барака, палату человек на сорок, хрип и стон... Кошмар, одним словом.

Вид Богатого Мишакова полностью соответствовал описанию, данному Валентиной Петровной. Одет просто, никакого шика. В толпе не выделишь, не обратишь внимания. «Но, — сказал себе Володя, — там, где ему надо, Павел Яковлевич Мишаков будет встречен так, как ему надо. Что-то в нем есть этакое... Уверенность, властность. И обаяние... Несомненное обаяние. Лицо неинтеллигентное, грубоватое, но никак не тупое, не хамовитое, в глазах светится ум, улыбка подкупает...»

Павел Яковлевич взял табурет, стоящий возле постели Горелова, вынес на середину палаты, сел, уперев в колени крупные руки мастерового человека.

Володя схватился за костыли. Надо оставить Сашу наедине с отцом Лены. При свидетеле Богатый Мишаков все равно говорить о деле не станет. Володя поковылял из палаты. Но не тут-то было. Костыли у него отобрали и поставили на место.

— Не беспокойтесь, вы нам не мешаете. У нас с Сашей секретов нет. Я пришел к нему, чтобы хоть сейчас увезти из больницы к себе домой. Я, Саша, вовсе не снимаю сво-

его предложения, хотя ожидал увидеть тебя в несравнимо худших условиях. Конечно, больница есть больница. Домашняя обстановка намного приятней. Однако здесь у тебя постоянное врачебное наблюдение... — Павел Яковлевич взглянул на Володю, явно ища поддержки. — И сосед, как я вижу, подходящий по возрасту, не какой-нибудь скучный пенсионер. У вас тут, конечно, разговоры интересные... Новые книги, новые фильмы... Третьим к себе не возьмете? Я бы недельку полежал, отдохнул. — Мишаков посерьезнел, сочувственно кивнул на Володину за гипсованную ногу: — Вы, как я вижу, с очень серьезной травмой. Не мешало бы из больницы прямиком куда-нибудь в Мацесту, понежить косточки... Где же это вас так угораздило? Саша не помнит, что с ним было, а вы?.. Надо полагать, спортивная травма? Неудачный прыжок с шестом?

— С лестницы загремел, — сообщил Володя с максимальной сдержанностью, сопротивляясь стремлению Павла Яковлевича перевести беседу на его дела.

— Лестница высокая? — спросил Мишаков, выразительно вскидывая руку.

— Пять метров.

— Вам повезло. Я знаю человека, который поскользнулся у себя в доме, на огурце собственного засола, и сломал позвоночник.

Горелов продолжал хранить упорное молчание. Павла Яковлевича это не смущало. Он становился все раскованнее и общительнее. Володя, как бычок на веревочке, упираясь, но покоряясь, рассказал ему про себя, про музей, про Пушкина. «Уж не спросит ли он меня сейчас про «Девушку в турецкой шали» и про кражу в клубе? — думал Володя. — Я бы, ей-богу, не удивился... Он может и об этом спросить!»

Но до таких расспросов все же не дошло. Павел Яковлевич стал рассказывать про свою жизнь на Крайнем Севере. Себя в герои не произвел, выставил в юмористическом плане.

«Умен, — думал Володя, почти любясь Павлом Яковлевичем. — Умен и тонок... Какой разительный контраст между братьями! Ничего общего. И как по-разному они явились к Горелову. Один утирал слезы, другой — с шуточками. Робкий Анатолий Яковлевич относится к Саше

по-доброму, самоуверенный Павел Яковлевич открыто говорит Фоме о том, что Саша ему неприятен. Да-а-а... Тут есть над чем поломать голову. Особенно если вспомнить, что тетя Луша — а значит, и многие в Посаде! — считает Анатолия Яковлевича злым завистником. А Павел Яковлевич в милиции развивал теорию о бедности и зависти, явно имея в виду собственного брата-неудачника...»

Павел Яковлевич не затянул свой визит. Прощаясь, сердечно пожелал Володе скорейшего выздоровления и выразил надежду, что они еще встретятся, и не раз.

— Непременно побываю в музее. Как же... Пушкин.. Куда ни приедешь, обязательно спрашивают о нем... — Павел Яковлевич поставил табурет на место, возле койки Саши Горелова, и наклонился над ним. Володя напряг слух. Сейчас будет что-то сказано, самое главное! — Значит, предложение остается в силе, — сказал Павел Яковлевич довольно сухо. — Мы тебя ждем... Одним словом, собирайся... — и, дружески кивнув Володе, пошел к двери.

Горелов и на приглашение угрюмо отмолчался.

Володя уставился в захлопнувшуюся дверь палаты. В ушах раздался страшный грохот. Рушился выстроенный Володей великолепный детективный сюжет. Павел Яковлевич в больничной палате, как и в милиции, не врал, не кривил душой. Это не он сводил какие-то счета с Гореловым ночью на Фабричной.

Перед Володей в клубах пыли лежала груда разрозненных фактов. Но тогда кто же пытался расправиться с Сашей? Кого Саша и сейчас продолжает бояться?

Ворочая груду фактов, Володя неожиданно увидел среди них то, чему прежде не придавал никакого значения. Неужели...

В палату вбежала сияющая Лена:

— Саша! Я договорилась с Галиной Ивановной! Я так рада! Папа нас довезет!

— Твой папочка? — Горелов отвратительно выругался. — Можешь ему передать... — И опять посыпалась брань.

Володя молниеносно очутился между Гореловым и Леной.

— Вы не имеете права так с ней разговаривать!

— Не лезь не в свое дело! — выкрикнул Горелов.

Лена размазывала по щекам краску с ресниц и век.

— Саша, что случилось? Папа вышел такой добрый, веселый... Саша, я ничего не понимаю!

— Ты все прекрасно понимаешь! Не маленькая! Ненавижу всю вашу семейку! Ну, что стала? Уходи! Видеть тебя не хочу! Противно! Понимаешь или нет? Противно! — ненавидяще хрипел Горелов.

Лена порывалась что-то сказать, но он не давал. Плача навзрыд, она выбежала из палаты.

— За что вы ее? — возмущенно спросил Володя, подскочив к Горелову. — Она-то в чем виновата? Ее отец, если хотите знать...

— Ничего я не хочу! — заорал Горелов. — Отстань! Чего ты ко мне прилип?! Я не в камере, я в больнице. Успеешь вымотать душу допросами!

Володя в ужасе попятился от Горелова.

— А как я мальчишкой жил, ты знаешь? — орал Горелов. — Валяй отсюда! Иди — стучи своему начальнику!

Володя спиной толкнул дверь, зацепился костылем за косяк и чуть не упал. Чьи-то руки его поддержали. Это был Васька.

— Владимир Алексаных, чо случилось?

— Ничего, Вася. Пойдем, погуляем...

Володя наконец-то все понял. И почувствовал себя последним негодяем: «Какое я имел право?! Это уже не присвоение власти, про которое говорил Фома, это в тысячу раз хуже. Неужели я действительно занимаюсь частным расследованием для удовлетворения своего тщеславия? Неужели я по натуре жесток?..»

Васька, понимающе сузив желто-зеленые глаза, помог Володе спуститься по лестнице, лихо выкатил инвалидный экипаж. Но не торопился трогать с места, чего-то ждал.

Владимир Алексаных! — Васька ткнул рукой в направлении главной аллеи. — Уже... Идет!

По главной аллее к подъезду вышагивал, как всегда уверенный в себе, Фомин с разбухшей кожаной папкой в руке.

— На минуточку, — виновато позвал Володя. — Я должен тебе признаться... Я...

— Опять!!! — Фомин умел быть таким же лаконичным и красочным, как Васька Петухов.

— Это очень серьезно! — взмолился Володя. — Я должен тебя предупредить... Ты удивишься, когда я назову имя. Это не...

Спокойно! — перебил Володю Фомин. — Имя я знаю и без тебя. Мы только что его арестовали...

— Что ж, — с достоинством произнес Володя, — я рад, что не могу сообщить тебе ничего нового. Пожалуйста, скажи об этом Саше Горелову. Скажи ему, что я не был подослан к нему тобой.

VII

Прошло полмесяца. Выписавшийся из больницы Киселев, прихрамывая и опираясь на трость, шел с Фоминым по Сиреневому бульвару, соединяющему старую часть города с микрорайоном. Они шли в гости к Валентине Петровне. Сентябрь в Путятине выдался теплый и солнечный. Осенняя листва празднично освещала город. Только на бульваре кусты сирени оставались темно-зелеными.

— Фома, ты, несомненно, растешь профессионально, — говорил Володя, замысловато манипулируя окованной серебром тростью, подарком из Москвы от Веры Брониславовны. — Твое описание комнаты Горелова, желтеньких обоев и особенно двери, окрашенной только со своей стороны, поверь мне, великолепно! — Трость эффектно взлетела и вонзилась в хрустящий песок Сиреневого бульвара.

— Кисель, не пытайся купить меня на дешевую лесть, — предупредил Фомин. — Не купишь!.. Хотя я сегодня очень добрый. — Последние слова следователь произнес весьма многозначительно.

«Опять получил благодарность!» — снисходительно подумал Володя.

Некоторое время они шли молча.

— А знаешь... — задумчиво взговорил Володя, — Богатый Мишаков на самом деле наищепетильнейший законник. Именно поэтому он был настроен против Саши Горелова. Да, жалко мне Сашу... Что все-таки с ним будет?

— Суд решит,— нехотя отозвался Фомин.— До призыва в армию Горелов участвовал в хищении.

— Но ведь учтут, что он сам порвал с Мишаковым и даже пострадал за это? — с надеждой спросил Володя.

— Все учтут,— сухо сказал Фомин.— Я, знаешь ли, не люблю бывать на суде. Я там только мешаю своим присутствием — и подсудимым и свидетелям. В суде все сначала... А ты, Кисель,— грозно предупредил Фомин,— надеюсь, не будешь вмешиваться в судебный процесс! Как-нибудь обойдутся без тебя. Учтут, что Горелов сам порвал с фирмой, что пострадал за это. Учтут, что он до того, как порвать, пытался шантажировать отца невесты И пятьсот рублей на книжке — тоже факт не в пользу Горелова. Кстати, его невеста тогда передала ему через тебя бритву, мыло, зубную щетку для того, чтобы Саша не волновался. Передача означала, что она побывала у Саши в комнате и позаботилась изъять сберкнижку — на случай обыска. Ловко, ничего не скажешь. Знаешь, Кисель, как на воровском жаргоне называются наивные люди, которых используют вроде тебя?..

— Не знаю и не хочу знать! — парировал Володя.— Лена не принадлежит к воровскому миру. И она заботилась не о деньгах, а о Саше. Она его любит!

— В жизни Горелова деньги значили немало,— возразил Фомин.— А я ведь сначала не поверил Галкину, что Горелов торговал у него «Запорожец». «Чепуха! — думаю.— Розыгрыш!» Оказалось, чистая правда. Горелов почти купил «Запорожец»... Галкин, скажу тебе, сама точность. Можешь смело заказывать ему коронки.

— На твоём месте,— веско заявил Володя,— я бы сразу поверил Галкину... Логическая линия поведения,— трость изобразила нечто извилистое на песке аллеи.— Маленькая комнатка, но почти своя... Маленькая старая машина, но опять-таки своя. Психология человека, который на другой планете прежде всего воздвигнет домик с палисадником.

— Что, что? — удивился Фомин.

— Я привел характеристику, которую дал Горелову один парень, увлекающийся фантастикой. Кстати, факт в пользу Горелова! Леха все-таки берет его с собой на звездный корабль.

— Леха? — Фомин свирепо глянул на Володю.— Ки-

сель, кто мне клялся, что никого не опрашивал? Что пользовался только фактами, стекающимися в больницу, так сказать, естественным путем? А тут у тебя оказываются не только... — Фомин сердито фыркнул, — сточные воды...

— Но ты бы не стал выслушивать Леху! — вскричал Володя протестующе. — Для тебя он не свидетель! Ты же мне рассказывал, как Леха приходил требовать привлечения крупных расхитителей...

— Ну ладно, ладно... — проворчал Фомин. — Скажи спасибо, что я сегодня очень добрый, — и улыбнулся мечтательно.

Валентина Петровна встретила их в раскрытых дверях своей квартиры. Володе как-то не по себе сделалось от обилия блеска и глянца, от вылизанного паркета, снежной белизны тюлевых гардин, сияния зеркальных стекол серванта и книжных полок. Он сам вел хозяйство и знал, каких усилий стоит держать дом в такой готовности номер один.

— Только что любовалась вами из окошка, — похвалила Валентина Петровна. — Шли дружно, беседовали. Значит, можете? Всегда бы так!

— Ох, не сглазы! — предупредил Володя, ставя окванную серебром трость в угол микроскопической прихожей.

Он вовсе не собирался сегодня ссориться с Фомой, но уступать тоже не намерен. Да и какой из Фомы рассказчик для финала детектива. Курам на смех!

Валентина Петровна заботливо поддержала Володю под локоть:

— Боюсь за твою ногу. У меня пол натерт, скользкий, как лед. — Она подвела Володю к креслу возле журнального столика, усадила. — А ты, Коля, поработай! — распорядилась Валентина Петровна. — Поможешь хозяйке...

Фомин — лентяй из лентяев, дома никогда и ничего не делающий по хозяйству! — охотно всунул голову в завязки пестрого кокетливого фартука и принялся помогать Валентине Петровне. Володю, сидящего в кресле с «Крокодилем», злило, что Фома так уверенно расхаживает по квартире, знает, где стоят тарелки, где хрусталь, где перец и соль. Изображает своего человека в доме! И передник словно на него сшит. И блюдо с горой румяных

пирожков Фома поставил на стол с таким видом, будто принимал участие в их приготовлении:

— Пирожки с грибами, Кисель! Помнишь, в больнице уговаривались?

За столом Валентина Петровна, подперев щеку ладонью, полюбовалась, как гости аппетитно едят, и стала рассказывать о своих учениках, замечательных ребятах, всем классом взявших на поруки Толю Гнедина и Витю Мишакова.

— Витю теперь просто не узнать. Похудел, стал тише воды, ниже травы...— Она рассказывала, а сама поглядывала все нетерпеливей на Володю и на Фомина.

Володя давно понял, что Валентине Петровне хочется поскорее услышать всю историю Саши Горелова, но решил: «Я спешить не буду. Пусть первым выскочит Фома. Это даст ей возможность сравнить два рассказа, две точки зрения, понять принципиальное различие между мной и Фомой...»

Однако Фомин совершенно не торопился поведать о своих блестящих служебных успехах. Он бессовестно увлекся пирожками!

— Ах, вы так! — Валентина Петровна решительно забрала у них блюдо с пирожками.— Или вы будете рассказывать, или...

— А что рассказывать? — Фомин привстал, сделал одной рукой отвлекающий хозяйку маневр, а другой стащил сразу несколько пирожков.— Нечего рассказывать. С этим делом возни еще на полгода.

Володя заподозрил подвох:

— Почему так долго? Ведь все уже ясно!

— А потому...— Фомин кинул пирожок в рот, аппетитно прожевал.— Там накладных — горы. Сортировочно-моечный цех будет подвергнут тщательной ревизии. Обтирочные концы, оказывается, давали немалый доход. А ведь что такое концы? Тряпье, нитки... Кто станет ежедневно и строго проверять, сколько отходов вывозят с фабрики?.. У меня недавно проходило дело о хищении. Грузчик перебросил через забор мешок с двумя рулонами сорочки, вора тут же схватили... Но вот проезжает мимо вахтера машина, в ней навалом текстильные отходы. Сколько среди отходов путанки? И вообще, сколько весит весь этот мусор! На хлебоприемных пунктах есть специ-

альные веса для машин, а в фабричной проходной таких весов нет...— Фомин скучно поглядел на своих слушателей.— Даю справку: тонна обтирочных концов стоит триста рублей. Излишки, которые образовывались в сортировочно-моечной цехе, складывались за год в многие тысячи. Еще справка: по государственному стандарту двадцать пять процентов обтирочных концов должна составлять уточная и основная путанка. Жулики практиковали недовложение путанки...— Фомин кинул в рот еще один пирожок в знак того, что рассказ окончен.

«Недовложение...— Володя иронически улыбнулся.— Ну и язык! Недовложение путанки!.. Излагая события в таком канцелярском стиле, можно угробить даже «Собаку Баскервилей»...»

Словно в подтверждение Володиных критических мыслей о рассказе Фомина, Валентина Петровна произнесла пресно, буднично:

— Моя мама не хотела верить. Твердит: «Я его эконького знала. С детства горемычный...»

Володя, внутренне торжествуя, сказал себе: «Теперь пора!» И, обратившись к Валентине Петровне, произнес как бы мимоходом, небрежно:

— Что он не тот, за кого себя выдавал, мне говорила однажды больничная нянечка, тетя Луша. Я сразу...

Его перебил возмущенный Фомин:

— Значит, ты допрашивал не только Леху, но и тетю Лушу! Это уж просто безобразие!

— Коля, не мешай!— Валентина Петровна оживилась.— Пусть Володя рассказывает. А ты потом.

«Все-таки справедливость существует!»— мысленно воскликнул Володя.

Он уже давно обдумал, с чего начнет свой рассказ...

— Итак, представьте себе, что я закурил свою старую пёнковую трубку...— Володя сделал необходимую паузу, давая слушателям настроиться.— В этом деле,— он выговаривал первые слова нарочито медленно, как бы взвешивая каждое на строжайших весах,— мне помогло довольно странное обстоятельство... Лицо Горелова оказалось скрытым под повязкой, как у человека-невидимки. Я видел только ухо, розовый лопушок, и должен был сам мысленно нарисовать глаза, склад губ, все, что выражает характер человека...

— Оч-чень увлекательно! — пробурчал Фомин, полностью завладев блюдом с пирожками.

Володя оставил реплику без внимания и продолжал:

— Кроме того, в наших биографиях много общего. Я знаю, что такое остаться без родителей и самому пробиваться в жизни. Но у меня было о ком заботиться. У меня — Танька. Саша остался в худшем положении — ему надо было заботиться о единственном себе. Эгоистами становятся не только избалованные недоросли, но и такие, как Горелов. Леха мне во многом помог понять Сашу. И своим рассказом про домик с палисадником... И даже больной мыслью, что мозг Горелова окружен непроницаемой для контактов оболочкой. Саша действительно замкнулся в скорлупе.

Ему хотелось прочно стоять на ногах. Вечерняя школа Саше давалась с большим трудом, он пришел к выводу, что не вытянет заочно институт, надо пробиваться по-другому, скромненько, не заносясь. Есть люди, которые переоценивают свои возможности и способности. Саша, напротив, занижал их с каким-то дальновидным расчетом, предусмотрительной оглядкой. Тише едешь, дальше будешь — вот его кредо. И в этом же причина его несчастья.

На тихого, скромного юношу обратил внимание... — Прежде чем назвать имя, Володя сделал паузу. — Анатолий Яковлевич Мишаков, тип весьма примечательный. Почему он выбрал из всей бригады грузчиков именно Сашу? Ведь в таких бригадах всегда сыщется сорный человек, более податливый на участие в темных махинациях. Однако с каким-нибудь сорным мужиком связываться небезопасно — влипнет на другом деле, а заодно расскажет и про фирму Анатолия Яковлевича. Нет, фирме требовался человек — говорю не в шутку, а вполне серьезно! — честный, порядочный. У Гоголя в «Игроках» шулер, подкупая лакея, говорит, что ничего от него не требует, «только честности». Анатолий Яковлевич действовал по тому же принципу. Надеюсь, суд это поймет.

— Ну, ну, — удивленно пробурчал Фомин. — Суду требуются не оригинальные идеи, а простые факты.

Володя глянул на него свысока:

— Вот тебе самый убедительный факт. Мудрейший Анатолий Яковлевич платил Саше Горелову маленькие суммы за маленькие услуги. Предложи он Саше сразу не

пять, а пятьдесят, запахло бы преступлением, а на это Горелов ни за что бы не пошел. Саше казалось, что в сортировочно-моечном цехе, откуда приезжают на фабрику за отходами, время от времени возникают какие-то нехватки копеечного сырья, материально ответственные лица вынуждены покрывать эти нехватки за свой счет, а люди они, само собой разумеется, небогатые. Производство концов — это все-таки не какая-нибудь трикотажная артель, где вяжут из излишков левую продукцию.

— Однако тогда же Горелов завел сберкнижку, — заметил Фомин. — И начал откладывать помаленьку.

— У него было какое-то особое отношение к деньгам, получаемым от Анатолия Яковлевича, — заявил Володя. — Думаю, что по мере их накопления Саша постепенно начал разбираться, с кем имеет дело. Хотя об истинных масштабах деятельности фирмы он сможет узнать лишь теперь. Так? — Володя повернулся к Фомину.

— Так, — согласился Фомин.

— Я убежден, что Саша, едва лишь понял, во что его втянули, стал искать способа выйти из фирмы Анатолия Яковлевича. К тому же в это время он познакомился в клубе на танцах с Леной Мишаковой. Однажды она пригласила его к себе домой. Представьте себе такую сцену. Усадьба Мишаковых. Справа — новый дом Павла Яковлевича, слева — старая избушка Анатолия Яковлевича. Саша входит в калитку и сталкивается с Анатолием Яковлевым. Отец Лены видит из окна, что новый знакомый его дочери здоровается несколько скованно с Анатолием Яковлевым. Делишки братца прекрасно известны Мишакову-Богатому. Ему достаточно спросить Сашу, где и кем он работает, чтобы догадаться, какова его роль в фирме.

— Художественный вымысел! — перебил Фомин.

— Не спорь, он интересно рассказывает. — Валентина Петровна встала из-за стола и сходилла на кухню за чайником. — Продолжай! — попросила она Володю, разливая по чашкам крепкий чай.

Володя победно оглянулся на Фомина.

— Не удержусь от того, чтобы не порассуждать о сходстве и несходстве двух братьев. Оба они, в общем-то, из породы хищников. Но Павел Яковлевич, как он сам говорит — и не врет! — истинный законник. Ему нравится грести деньгу открыто, смело, красиво — конечно, в его

представлении о красоте жизни. А его брат Анатолий Яковлевич прячется в нору и крадет, крадет, крадет — скромненько, помаленечку, полагая, что ничем не рискует, что облик вечного неудачника — надежная защита. Павел Яковлевич открыто презирает братца, но не за бедность, как считали в Посаде. Возможно, Мишаков-Бедный прятал куда больше, чем тратил Мишаков-Богатый. Павел Яковлевич презирал Анатолия Яковлевича за мышиное трусливое воровство. Он был убежден, что рано или поздно брат угодит в тюрьму. Свое отношение к Анатолию Яковлевичу отец Лены перенес и на Горелова. Для него Саша — несчастный дурачок, играющий в кошки-мышки с законом, да еще по мелочи, по пятерке.

Саша Горелов вернулся из армии с твердым намерением не возобновлять связей с фирмой. Именно поэтому Саша, имея специальность шофера, устраивается на работу в механический цех. Он полагает, что здесь окажется абсолютно ненужным Анатолию Яковлевичу. Наивная надежда! У Анатолия Яковлевича железная настойчивость, он точит и точит бедного парня; возможно, фирме как раз требуется шофер. А тут еще Игорь Шемякин, школьный товарищ Лены. Он тоже вернулся из армии. Его бабушка раньше работала в сортировочно-моечном цехе. Игорь знал про махинации с обтирочными концами и про участие в них Горелова...

Володя вкратце поведал своим слушателям про случайную встречу в больнице с истопником-писателем, про замасленные концы, которыми истопник-писатель чуть не тыкал Володю в нос, и про презрительный отзыв Игоря о Горелове.

— Однажды, — продолжал Володя, — Игорь встречается на Фабричной Лену и Сашу, отзывает Сашу в сторонку и требует оставить Лену в покое: «Ты все равно скоро сядешь! Не ломай девчонке жизнь». Именно после этого Саша делает колоссальную глупость — идет к Павлу Яковлевичу. То ли он просил защиты, то ли, не догадываясь о законности всех действий этого дельца, пытался шантажировать Павла Яковлевича, то ли угрожал пойти в милицию и все рассказать про делишки его брата. Скорее всего, он кидался от просьб к угрозам. Павел Яковлевич его выставил. Законнику ни капельки не жаль было Анатолия Яковлевича — пускай Саша его сажает.

И к тому же законник знал, что разоблачение фирмы не спасет Сашу от скамьи подсудимых — он соучастник. Конечно, в случае явки с повинной суд не накажет парня слишком сурово, примет во внимание все смягчающие вину обстоятельства, но Лена... Лена непременно должна будет в нем разочароваться. «Иди, жалуйся!» — кричит Павел Яковлевич вслед Саше.

— Воображение! — Фомин усмехнулся. — А факты? Кто видел и слышал?

— Спроси об этом Анатолия Яковлевича! — уверенно парировал Володя. — Он и видел и слышал. Саша сделался опасным для фирмы... И вот в ту ночь Анатолий Яковлевич не спит. Ему нужно еще раз поговорить с Гореловым, припугнуть. Но не возле дома. Анатолий Яковлевич и Саша идут по улице Лассаля в сторону Фабричной. Их случайно видел в ту ночь один дед-голубятник...

— А ты случайно разговорился с этим стариком! — язвительно вставил Фомин.

— Представь себе, я с ним не перемолвился ни словечком! — с достоинством сообщил Володя. — Он рассказывал про этот ночной эпизод не мне, а одному больному. А я действительно по чистой случайности сидел рядом на лавочке. Ты, Фома, только что иронизировал: «сточные воды»... Но ведь о том, что больные — самые осведомленные люди, говорил еще доктор Вернер Григорию Александровичу Печорину.

— Сiju как на уроке, — пробурчал Фомин. — И Гоголя мы сегодня цитировали, и Лермонтова...

— Володя, продолжай, — попросила Валентина Петровна.

— В ту ночь между Анатолием Яковлевичем и Сашей произошел, несомненно, очень резкий разговор. Саша ненавидит обоих братьев, чувствует, что загнан в угол... Наверное, он угрожал... Анатолий Яковлевич поднимает с земли камень... Не сомневаюсь, что он ужасно трусит в этот момент, весь дрожит... Но жестокие преступления и совершаются-то чаще из трусости. А из чего же еще? Ведь не из отваги. Да и такие преступления, какое совершил Горелов, тоже происходят из трусости, малодушия. Марк Аврелий говорил, что самый презренный вид малодушия — это жалость к самому себе...

Володя умолк. Валентина Петровна обратилась к Фомину:

— Коля, это действительно все так и было?

Фомин неопределенно пожал плечами. Но Валентина Петровна не отступала:

— Коля, тебе, наверное, тоже нелегко было добраться до Анатолия Яковлевича. Ведь Саша Горелов ничего не рассказал...

— Я добрался до Анатолия Яковлевича вполне просто, — нехотя ответил Фомин. — Поговорил с помощником мастера Гиричевым, предводителем желтых касок. Он дал показания, что в ту ночь один из его компании был у Игоря Шемякина. Они до часу ночи ремонтировали мопед. Возвращаясь домой, парень оказался свидетелем преступления. Остается добавить, что в ОБХСС уже имелся материал на Анатолия Яковлевича...

— У тебя все просто, — упрекнула Фомина Валентина Петровна. — Поучился бы у Володи, как показывать себя в лучшем свете!

Володя был уязвлен. Но не подал виду.

— А тебе, Фома, не кажется, что свидетелем преступления был не только мальчишка из компании Гири, но и житель Фабричной Ерохин? Он тоже в ту ночь не спал.

— Не исключено, — сухо ответил Фомин. — Но видел Ерохин или не видел? Тут мы останемся в неведении. Даже твои дедуктивные методы бессильны перед Ерохиным, можешь мне поверить...

— Лену очень жалко, — сказала Валентина Петровна. — Она знала, что Саша участвует в махинациях Анатолия Яковлевича?

— Думаю, что отец ей в конце концов раскрыл глаза... — Володя покривил душой. Лена, конечно, и до ссоры Саши с Павлом Яковлевичем о многом догадывалась. Ведь ее первые слова, услышанные Володей, были: «Я так и знала... Я говорила...» — В ту ночь, — продолжал Володя, — Витю Мишакова угораздило поехать на угнанном «Запорожце» по Фабричной. Он видит, что кто-то лежит на дороге, вылезает из машины, подходит, узнает Сашу Горелова... Избалованный сынок Павла Яковлевича не кидается на помощь потерпевшему, а спешит удрать. Но утром он все же сообщает Лене... Ей мгновенно становится все ясно, и она бежит в больницу. Но Саша без созна-

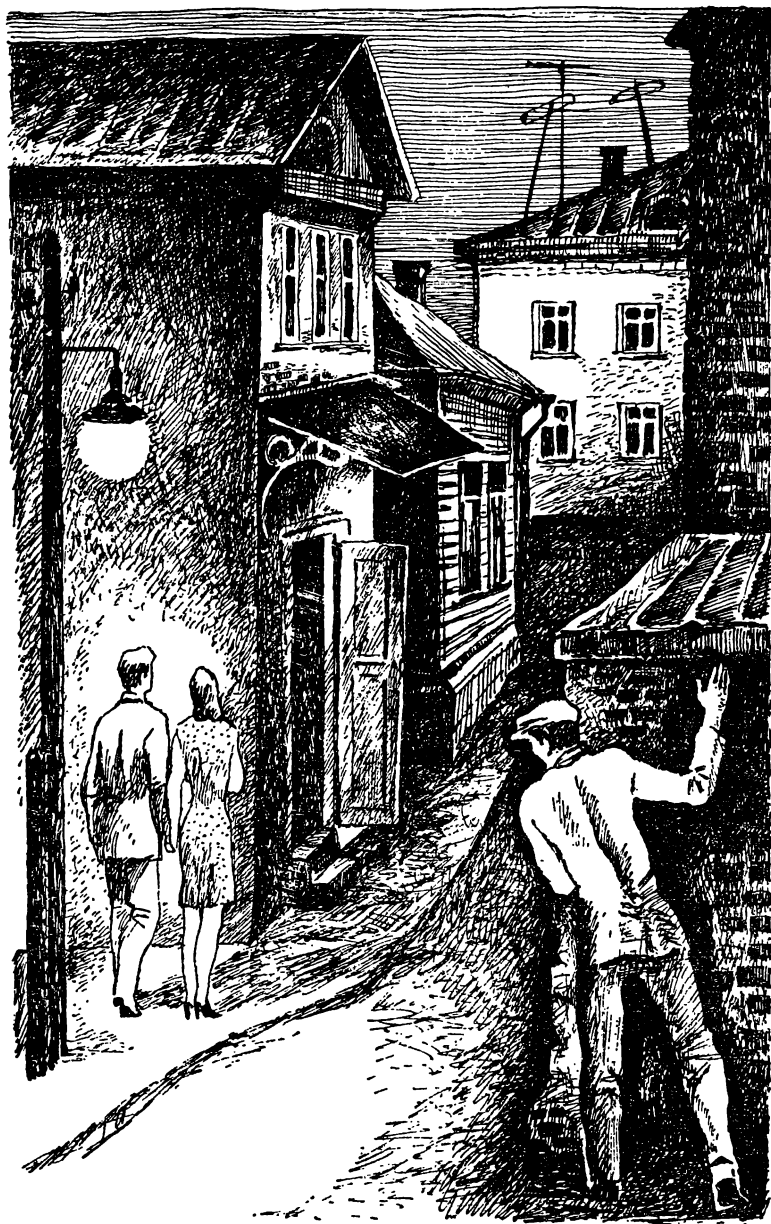
ния, с ним нельзя поговорить, посоветоваться. Лена начинает действовать по своему разумению. Бежит к Саше домой, прячет сберкнижку, затем вступает в переговоры с Анатолием Яковлевичем. Он ей внушил, что разоблачение фирмы опасно и для Саши. Об этом думает малодушно и Саша, лежа на больничной койке. Он отказывается сообщить тебе, Фома, кем было совершено ночное нападение. Мы с тобой думали, что он боялся кого-то, но на самом деле он боялся, что, добравшись до Анатолия Яковлевича, мы раскроем и его участие в хищениях...

Фомин хотел что-то вставить, но промолчал.

— Наконец Лену пускают к Саше, — продолжал Володя. — Она передает ему обещание Анатолия Яковлевича: не выдашь — оставим в покое. Недоверчивый Саша настоял, чтобы Анатолий Яковлевич самолично явился к нему и подтвердил свое обещание. Анатолий Яковлевич согласился на это — я видел его там, в больнице, собственными глазами. Он вышел от Саши, утирая слезы... Лена по своей наивности полагала, что теперь все в порядке. На что рассчитывал опытный Анатолий Яковлевич? Он был весь охвачен страхом... А Саша Горелов... — Володя повернулся к Фомину: — Саша, когда все уже, казалось, было улажено, вдруг взбунтовался!.. Он все-таки не безнадёжен. Не явись ты в тот день, Горелов, быть может, сам пришел бы к тебе с повинной.

Валентина Петровна молча собрала тарелки, понесла их на кухню. Володя видел, что ей больше ни о чем не хочется расспрашивать. Фомин взял остывший чайник и пошел за ней. Володя остался поразмышлять в одиночестве. Он ощущал, что сегодняшний его рассказ получился совсем не таким, как прошлый детектив с похищением четырех фотоаппаратов из фабричного клуба. Тогда Володя все-таки выступил защитником Васьки Петухова. А сейчас?.. Зачем было вмешиваться в чужую жизнь, если никого не удалось спасти, оправдать?..

«У этих двоих, у Лены и у Саши, впереди еще много трудного, — размышлял Володя, пытаясь представить себе желтую комнатенку, так впечатляюще описанную Фомой, с дверью, покрашенной только со своей стороны. — Спасти себя могут только они сами, если научатся заботиться не только о маленьком собственном счастье. Человек

может претендовать лишь на столько счастья для себя, сколько он может дать радости и добра другим...»

Валентина Петровна вернулась в комнату, достала из буфета варенье в хрустальной вазе на высокой тонкой ножке — такие вазы для варенья особо любимы в Путятине еще с прошлого века. Из кухни доносилось звяканье тарелок — Фомин усердно мыл посуду. Валя подсела к Володе, ласково заглянула в глаза.

— Правда, Коля очень хороший?

Володя молниеносно все понял. «Вот почему Фома сегодня добрый. А я-то воображал, что он радуется благодарности по службе!»

— Фома отличный парень! — Голос Володи не дрогнул. — Когда ваша свадьба?

Валентина Петровна расцеловала Володю в обе щеки.

— Ты на самом деле самый проникательный человек на свете! — И позвала: — Коля, иди сюда! Володя, оказывается, давно все знал!

«Разве я говорил, что давно?» — удивился Володя.

Пришел Фомин в пестреньком фартуке, с кухонным полотенцем через плечо, с мокрыми руками и самоуверенный, как всегда. Володя понимал, что обязан произнести сейчас сердечные поздравления. Что такое счастье?.. Это... Нет, прочь все умнейшие цитаты — надо сказать своими, простыми, искренними словами!.. Но отчего-то не идут на ум обыкновенные слова.

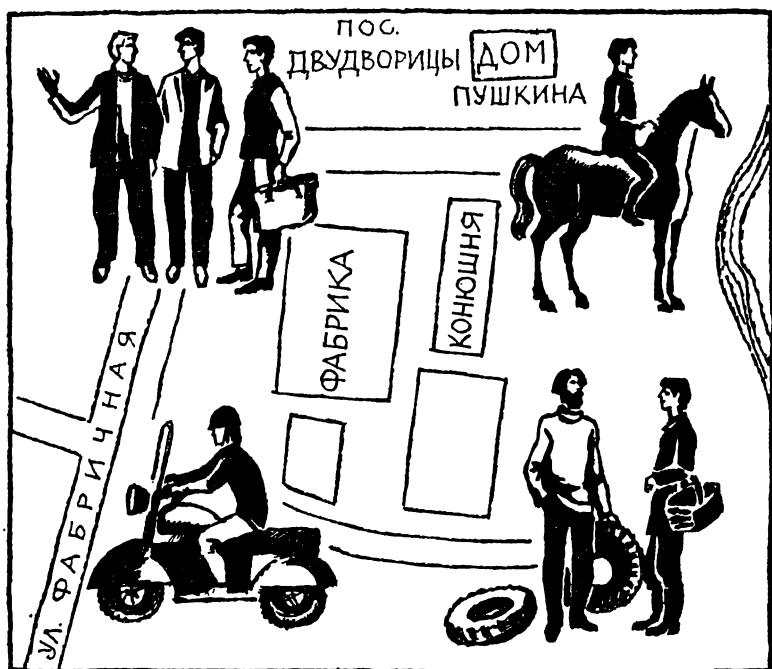
Валентина Петровна незаметно для Володи сделала знак Фомину. Тот вытер руки кухонным полотенцем и сел к столу.

— Слушай, Киселев... Мне нужен твой совет в одном запутанном деле.

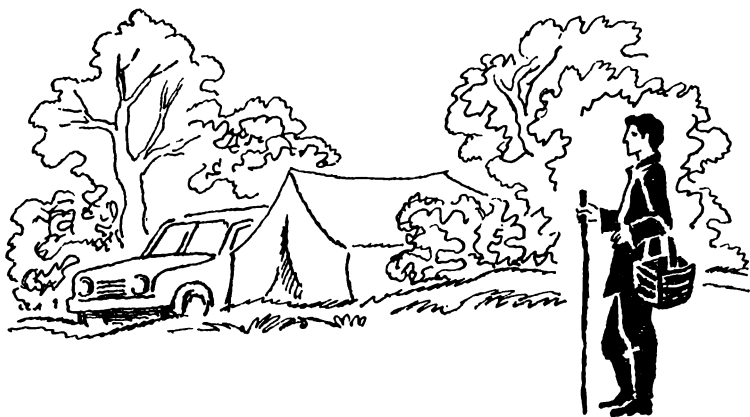
— Тебе? — Володя взглянул с недоверием. — Мой совет?

— Ну да! — Фомин стойко вынес Володин испытующий взгляд.

— Попытаюсь... — Володя мог бы торжествовать: «Ты все-таки нуждаешься в моих советах!» — но он предпочел держаться невозмутимо.

ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА

I

У Вихря мозжили суставы, он чувствовал приближение холодов, но страха не было. Вихрь знал, что ему уже не придется, как прошлой осенью, плестись обратно в фабричную конюшню. У него появился Хозяин, появилась стоящая правильная работа.

Когда-то давно Вихрь делал эту стоящую работу, и люди его уважали. А на фабрике Вихря угнетали насмешки над его единственной лошадиной силой, ничтожной по нынешним временам, когда в мотоцикле и то сидят тридцать семь лошадей. Вихрь вовсе не был так туп и нечувствителен к словам, как полагали завзятые остряки.

Вообще плохо стало Вихрю, когда умер старый конюх дядя Егор. Конюхи менялись часто, и среди них уже не встречались добрые, знающие свое дело. От каждого оставались у Вихря памятные рубцы. И били-то зазря. Он никогда не ленился в упряжи. Он работал всю жизнь и хранил верность правилам, которые исстари сложились у рабочих лошадей и были известны опытным людям. Если рабочая лошадь замедляет шаг, опытный человек ее не хлестнет, он знает, что лошадь сама умеет раскладывать силы — где расслабиться, где подналечь. А Вихря хлестали, не уважая ни его стариковский для лошади возраст,

ни трудовой стаж. Он постоянно чувствовал себя униженным. Не стало выездов в город, которые Вихрь любил. «Вот еще! Буду я срамиться! — раскричалась женщина в белом засаленном халате. — Хотят, чтобы я привезла ящик макарон, пускай дают машину!» Конюх погнал Вихря обратно в конюшню, ругаясь, стал распрягать. Новый конюх всегда ругался, запрягая или распрягая лошадей. Он не умел обращаться с упряжью, с уздечками, хомутами, гужами, оглоблями, седелками и чересседельниками, а винил всегда лошадей, ругался и бил кулаком по глазам. Вихрь пугался, шарахался, упряжь сваливалась — и мучение начиналось сызнова.

Прошлой весной на майские праздники конюх три дня не проводывал лошадей. Голодные лошади понуро терпели, стоя в конюшне. Фабричный двор их не манил. Чего они там не видали? Вытоптанной догола земли, черных масляных луж? Вихрь вышел и побрел вдоль забора, пощипывая пробившуюся кое-где хилую травку. Возле конных ворот он остановился. Может быть, отворятся?

Иногда по ночам Вихрь просыпался от слабого скрипа этих ворот. В конюшню вбегали торопливые люди, светили фонариками, в глазах лошадей загорался синий и красный огонь. Люди ловко накидывали уздечки, выводили лошадей за ворота.

Вихрь полюбил ночные прогулки по городу, потому что днем ему все больше приходилось стоять без дела в конюшне. Прогулки всегда заканчивались за городом, в лесу. Лошадей кормили овсом, и Вихрь уводил свой табун обратно в конюшню.

В тот майский день ворота так и не отворились. Вихрь побрел вдоль забора, стало темнеть, ворота в город стояли открытыми, Вихрь оказался на улице и заворуженно двинулся тем путем, каким ездили ночные всадники, — в зеленый свободный мир.

В конюшню он не вернулся, остался в лесу, облюбовал укромные поляны с сочной травой и повел вольную жизнь, держась в стороне от лосиных троп и не подпуская близко людей.

А потом пришла осень. Вихрю стало страшно в почернелом безлистом сквозном лесу. Он уныло поплелся обратно в конюшню.

Конюх избил его стальным прутom и больше не называл

Вихрем, только по-ругательному Тунеядцем, держал впроголодь и, выпивши, кричал, что сдаст на мясокомбинат.

Следующей весной Вихрь снова ушел в бега. Теперь он инстинктивно брел в ту сторону, где родился и рос, где его впервые запрягли и стали приучать к работе.*Как и в прошлом году, Вихрь обходил стороной лосиные тропы и не подпускал к себе людей. Но одному он почему-то доверился, позволил накинуть уздечку. Вихрю почудилось, что когда-то раньше он знал этого человека. А может быть, и нет. Просто от человека пахло землей и работой. Вихрь послушно пошел за ним, и человек привел его в деревню. Собрались женщины, жалели Вихря, принесли ему ведерко болтушки из муки и мелко нарезанной моркови. Человека они называли не по имени, а Хозяин, очень уважительно.

Вихрь с удовольствием поел болтушки, напомнившей ему давние годы, деревню, где он родился и рос. Там его тоже кормили болтушкой, и на фабрике дядя Егор, а после смерти дяди Егора — никогда.

Вихрь ел и чутко шевелил ушами. Женщины жаловались Хозяину на пастуха Жижина. Вовсе разнаглед! Плати ему десятку за вспашку огорода. А где ее, десятку, взять? И спрашивали Хозяина с опаской:

— Тебе не попадет? Лошадь-то чужая. Хватятся.

— Не хватятся! — уверенно говорил Хозяин.

На ночь Вихря заперли в коровнике. Рядом в загородке стояла коза. Наверх забрались куры с петухом, они долго возились на нашесте, бормотали, хлопали крыльями и наконец затихли. Вихрь тоже задремал. На воле ему делалось по ночам бесприютно. Он пугался скрипа деревьев, крика ночных птиц, даже мышиного писка. А тут, просыпаясь время от времени по стариковской своей привычке, он слышал рядом спящих кур, козу, втягивал ноздрями домашние запахи коровника и все больше надеялся, что теперь все будет правильно и справедливо.

На рассвете Вихря разбудил хриплый крик петуха. Пришел Хозяин с охапкой только что накошенной росистой травы. Он выстриг у Вихря шерсть вокруг болячек, чем-то помазал. Вихрь почувствовал, что постоянный мучительный зуд исчез.

Несколько дней Вихря держали взаперти, Хозяин приходил и мазал его пахучей мазью, женщины кормили болтушкой, в которую они стали понемножку класть запарен-

ный овес. И наконец наступил день, когда Хозяин вывел Вихря во двор, густо заросший травой. Вихрь увидел на траве знакомый предмет и тоненько заржал. Женщины радостно загомонили:

— Плуг узнал, плуг! Лошади, они умные.

Хозяин похлопал Вихря по спине:

— Умеешь пахать? А я нет.

Он стал запрягать, и Вихрь шарахнулся от поднятой руки.

— Ты что? Ты не бойся.

Хозяин обнял Вихря за шею, а женщины запричитали и стали объяснять Хозяину, что у пьяниц и дураков лошади завсегда пугливые.

— Ничего, пройдет.— Хозяин крепче обнял Вихря и дал знак женщинам, чтобы надели хомут.

Вихрь мелко дрожал, но больше не шарахался.

За плугом сначала шла одна из женщин. Вихрь чувствовал, что она держит плуг умело, но слабо. Потом за плуг взялся Хозяин. Он оказался понятливым. Да и Вихрь ему подсказывал, что следует делать человеку, идущему за плугом. Хозяин с непривычки быстро уставал, садился на землю. Вихрь отдыхал, стоя в борозде. Он тоже быстро уставал, пахать землю — трудная работа и для человека и для лошади, но нет работы главнее и важнее, чем пахать. Пока они управились с тремя огородами, Вихрь натер шею, у Хозяина руки покрылись кровавыми мозолями. С перевязанными руками Хозяин сидел за праздничным столом, накрытым по случаю завершения весенне-полевых работ. Стол вынесли во двор, на травку. Вихрь с марлевой нашлапкой на стертом месте встал неподалеку, и его тоже угостили пирогом. Женщины усердно потчевали Хозяина и вздыхали:

— Что бы мы делали-то без тебя! Без мужских рук!

Хозяин не жил постоянно в деревне. Бывал наездами. Он сразу принимался за работу. Чинил ветхую упряжь или брал косу и шел косить. Старый коровник он перестроил в конюшню для Вихря. Однажды он повел Вихря через деревню на чужой заброшенный двор, выкатил из сарая телегу, запряг Вихря. Пока доехали до своего двора, телега потеряла два колеса. Хозяин долго возился с ней, ремонтировал, мазал колесной мазью. Телега вышла хоть куда. Женщины нарядились в праздничные платья, уселись в

кузов, и Вихрь повез их по мягкой лесной дороге. Хозяин его не стегал, только почмокивал. Женщины тонко затагнули песню про горькую рябину. Песня напомнила Вихрю давние годы, когда он, бывало, летом вез с поля телегу, наваленную доверху косами и граблями, а сзади шли и пели женщины. Не три, а много женщин, очень много.

Вихрь ходко трусил по лесной дороге, пока не понял, что она ведет в город. Ему сделалось тоскливо, и он поплелся еле-еле, а потом и вовсе остановился. Где-то совсем близко, за кустами, шумело шоссе, сквозь кусты проникали запахи машин и асфальта.

— Приехали, — сказал Хозяин. — Ну и конь, все-то он знает! Правильно, тебе в город не надо.

Женщины слезли с телеги и пошли в сторону шоссе. Вихрь повез Хозяина обратно в деревню. К вечеру Вихрь весело бежал знакомой дорогой, чтобы встретить нагостившихся в городе женщин.

Вихрю стало представляться, что, вернувшись к работе, какую он делал в молодые годы, можно воротить и молодость, и свои прежние силы. Но начинало к непогоде мозжить суставы, и он понимал, что годы не возвращаются. Меж тем Вихря теперь не каждый бы узнал, кто его видел прежде. Из тощего одра он превратился в ухоженного и справного коня. Видно, что старый, ну и пусть. Зато выносливый и работающий. Вихрь и внутренне переменялся, к нему вернулось прежнее самоуважение. В деревню он бежал той особой трусцой, какой лошадь бежит к дому. Хозяин разрешил женщинам отпускать Вихря одного попасться в лесу, и Вихрь к вечеру являлся точно по часам. Работы стало немного, только съездить с Хозяином куда-нибудь неподалеку за сеном. Хозяин накосил столько, что Вихрь мог быть спокоен: хватит до новой травы. Но в жизни так не бывает, что подряд только удачи и радости. Когда-нибудь приходит и беда. В одну из ездов за сеном Вихрь потерял подкову с правой задней ноги. Хозяин загоревал. Что теперь делать? Где найти кузнеца?

Несколько дней Хозяин пропадал неизвестно где, потом явился, сел на Вихря верхом без седла, и они двинулись по незнакомой дороге. Здесь давно никто не проезжал — ни верхом, ни на телеге, трава поднялась Вихрю по брюхо. Ехали долго, наконец открылась лесная поляна и на ней

избы. Вихря охватила непонятная тревога, он вытянул шею и громко, во всю мочь, заржал.

— Что это он? — спросил Хозяина старичок, вышедший на крыльцо крайней избы.

— Не знаю.— Хозяин прыгнул, взял Вихря под уздцы.— Первый раз слышу, чтобы он так кричал.— Хозяин достал из кармана кусок посоленного хлеба, дал Вихрю.— Ну, ну, дурачок...— Ласковая рука коснулась морды Вихря.— Чего испугался?

Вихрь сжевал хлеб и опять заржал, но уже не громко, а слабо. Он узнал деревню, где родился и рос.

Старик и Хозяин повели его к стоявшему на отшибе закопченному дому. Вихрь узнал по запаху кузницу. Старик отпер дверь, разжег огонь, до Вихря донесся жар раскаленного докрасна железа. Хозяин завел его в станок, Вихрь приготовился вытерпеть неизбежную боль. Она оказалась не такой острой и не такой долгой, как он ожидал. Старик знал свое дело лучше, чем кузнец, к которому Вихря водили в городе.

Кончив работу, старик ласково погладил Вихря.

— У нас когда-то был такой конь. Малость посветлее. И звездочка на лбу. А грива ну точь-в-точь. Рыжко его звали.

— И Вихрь был посветлее,— сказал Хозяин.— И звездочка у него была.

— Так, так...— Старик потрепал Вихря по холке.— Понятно.

Вихря повели к дому старика. Старик отпер дверь сарая, скрылся в темной глубине, что-то там ронял, ворочал, потом стал выносить из сарая всякую всячину. Седло, хомут, расписную дугу, стопку пожелтелых брошюр, войлоки...

— Спасибо, не надо,— отговаривался Хозяин.

— Бери! — кричал старик.— Зазря сгниет! — Он выкатил напоследок расписную легкую телегу, помог Хозяину запрячь в нее Вихря.— Бери, бери! И доставь мне, милок, удовольствие, дозвошь напоить твоего коня. Может, в жизни больше не придется!

Старик принес полное ведро. Вихрь узнал давний радостный вкус хрустальной ключевой воды, вытянул ведро до дна, благодарственно фыркнул ноздрями в светлых капельках.

— На здоровье! — вскричал старик. — Носи мою подкову и не спотыкайся!.. А ты, — старик повернулся к Хозяину, — там в брошюрах все есть, учись, будешь сам ковать. И не забудь, тридцать первого августа день Флора и Лавра, твоего коня законный праздник. Так и зовется — день Флора-распрягальника, Флор да Лавер до рабочей лошади добер... Запомнишь? Тридцать первое.

— Не забуду. Спасибо, дедушка! — Хозяин поклонился старику и взялся за вожжи.

II

Прошел без малого год после истории с «человеком-невидимкой» Гореловым и разоблачения Анатолия Яковлевича Мишакова.

Фомин теперь работал в отделе уголовного розыска. Володя Киселев стал директором музея, а Ольга Порфирьевна ушла на пенсию. Фомин очень надеялся, что, заняв солидную должность, Кисель перестанет изображать из себя частного детектива. И Валентина Петровна тоже считала, что Володе пора сделаться солидней. На свадьбе Валентины Петровны и Фомина он был дружкой жениха и произнес множество тостов с цитатами в стихах и прозе.

Жаркое сухое лето завершалось благодатными грибными дождями. По субботам весь Путятин устремлялся в окрестные леса. Фомин уговорился со старшим братом Виктором махнуть на машине куда-нибудь подальше, за Нелюшку, в сосновые боры. Однако вместо поездки по грибы он в субботу с утра оказался в горотделе. Накануне вечером какие-то подростки угнали лошадей из фабричной конюшни. Обычно угонщиками лошадей — в милиции их называли лошаdnиками — занималась инспекция по делам несовершеннолетних. Но на этот раз подростки совершили нападение на конюха и унесли ружье. Такими вещами занимается уголовный розыск.

Начальник горотдела Петр Петрович Налетов имел обыкновение высказываться кратко и энергично:

— Суббота. В лесу люди. Как можно скорее найти лошаdnиков. И главное, ружье.

Отберем. — Фомину розыск показался несложным.

Мальчишки. Никуда не денутся. Лишь бы не перестреляли друг друга.

Дежурный по отделу успел с утра пораньше передать сельским участковым инспекторам приметы угнанных лошадей и предупредить, что подростки, пока неизвестные, вооружены охотничьей «ижевкой». Фомин знал, что по деревням у людей свои давние счеты с угонщиками. Если кто-то их заметит и сообщит участковому, в добровольцах недостатка не будет, задержат и ружье отберут.

«Но для этого, конечно, нужно, чтобы заметили», — размышлял он, спускаясь по лестнице во двор и направляясь в одноэтажный деревянный флигель, где помещалась инспекция по делам несовершеннолетних.

В первой комнате флигеля с картинками на стенах, детскими книжками на полках и игрушками на ковре Фомин увидел двоих мальчишек лет семи. Вид самый запущенный, лица унылые и озлобленные, на столе — раскрытые тетрадки в косую линейку. Инспектор Нина Васильевна Вороханова стоит за спиной одного из мальчишек и выводит в его тетрадке шариковой ручкой «ма-ма».

— Готовимся к первому сентября.

Нина Васильевна вывела «ма-ма» во второй тетрадке и пригласила Фомина в комнату, служившую ей кабинетом, затем вернулась, заперла на ключ входную дверь, погрозила ключом еще более приунывшим мальчишкам:

— Никуда не уйдете, пока я сама вас не отпущу! — Она плотно притворила за собой дверь кабинета и пояснила Фомину: — Все другие дети придут в первый класс, умея писать и считать. А у этих родители... — Она печально помолчала. — Вот готовлю их к школе. Получается, что некому, кроме милиции, научить писать «мама»...

— По-моему, ты, Нина, занимаешься не своим прямым делом. — Фомин держался с ней, как опытный сотрудник с новичком. Вороханова только год работала инспектором по делам несовершеннолетних, а до этого была пионервожатой. — Твое дело, Нина, борьба с детской преступностью, главным образом предупреждение...

— Вот я и предупреждаю! — Нина Васильевна полезла в ящик письменного стола, достала связку самодельных уздечек из веревок и проволоки. — Потому что многие беды с ребятами начинаются с того, что они плохо подготовлены к школе и сразу попадают в разряд тупарей,

умственно недоразвитых.— Она взяла с этажерки и поставила перед Фоминым узкий ящик с картотекой.— А потом их начинают выгонять на уроках из класса. И никто не обременяет себя беспокойством, куда пойдет выгнанный ученик. А он, например, может пойти в раздевалку и там пошарить по карманам чужих пальто. Они тут у меня пишут откровенные признания, как стали на преступный путь. И довольно часто приходится читать, что человека выгнали из класса, он пошел болтаться по школе, заглянул в раздевалку или в пустой кабинет... Я бы навсегда запретила выгонять учеников из класса! — С этими словами Нина Васильевна вытащила из-за шкафа ружье, похожее на настоящее, с отполированной ложей и вороненым стволом.

Фомин взял у нее ружье.

— Да уж... Ты бы, наоборот, запирала своих учеников на ключ. Как этих...— Он кивнул в сторону комнаты, где двое томились над тетрадками, и принялся разглядывать ружье или, вернее, поджигушку, самопал.— Смотри-ка, растем технически. Даже подворонили ствол. Чья работа?

— Одного апача.

— Чья? Как ты сказала?

— Есть такая компания лошадиников. Они себя называют апачами.— Нина Васильевна подошла к висящей на стене самодельной карте Путятина, указала на правый верхний угол.— Апачи живут вот здесь, в Двудворицах. Фабричная конюшня у них под боком. И она считается их зоной действия.

— Что, что? — Фомин отложил опасную самоделку и уставился на карту.— Какая зона? Кто ее отвел?

— Коля, я тебе сейчас все объясню! — Нина Васильевна вооружилась школьной указкой.— Только ты не перебивай, я по порядку. У нас в Путятине действуют четыре компании лошадиников. У каждой своя зона, другие лошадиники туда не суются... Ну разве только Супа со своими может залезть на чужую территорию.

— Супа? А это кто такой?

— Коля, я же просила, не перебивай! Сейчас все поймешь. Компании лошадиников объединились по месту жительства.— Она, как на уроке, объясняла и водила указкой по карте.— Про апачей ты уже знаешь, они живут в Двудворицах. В Крутышке своя компания. Еще одна

вот здесь, в Париже. Четвертая — в микрорайоне. Теперь смотри, какие у них зоны действия. Значит, апачи угоняют лошадей из фабричной конюшни. Крутышка ходит в деревни за железную дорогу. Париж — в совхоз, там есть небольшие конюшни на отделениях. Зона лошадиников из микрорайона — по Нелюшкинскому шоссе.

— Полный порядок! — скептически заметил Фомин. — Учет у тебя налажен. Значит, на конюха совершили нападение апачи?

Нина Васильевна положила указку, села за свой стол.

— Нет, Коля, не они. Как хочешь, но на апачей не похоже. Они не могли напасть на сторожа. Апачи никогда не хулиганят, не загоняют лошадей, не рвут им губы проволокой, не бросают привязанными без воды и без корма.

Слушая ее горячую речь в защиту апачей, Фомин пришел к выводу, что Нина Васильевна, пожалуй, слишком доверчива и мягкосердечна. Ведь сама только что выложила такой факт, дающий основания подозревать апачей. Надо будет ей показать на простом примере, насколько у нее не сходятся концы с концами.

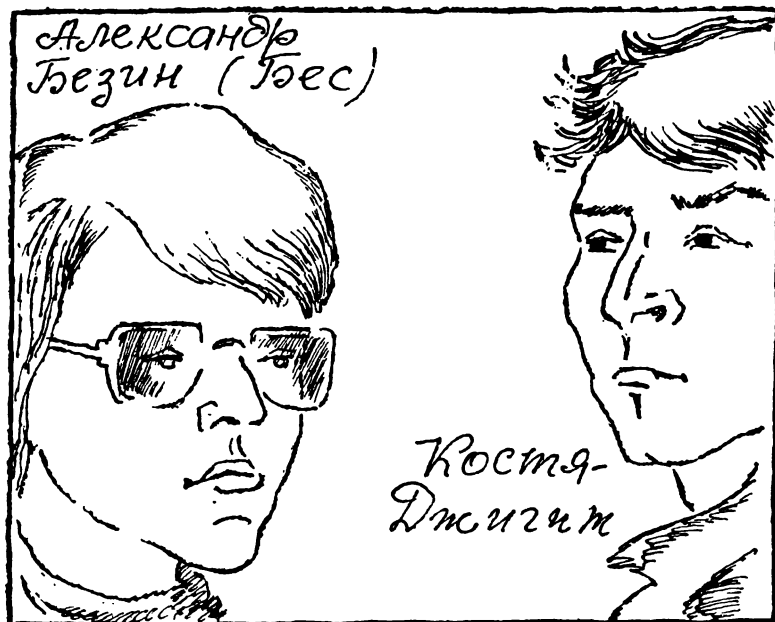
— погоди, Нина, — перебил он. — Я тебе верю, что апачи не мучают лошадей. Но у одного из них ты отобрала самодельное огнестрельное оружие, из которого вполне можно с умыслом или без умысла убить человека. — Фомин повел рукой в сторону самопала. — Ты согласна, что это не детская игрушка, а оружие?

Она кивнула:

— Согласна.

— Тогда будем рассуждать последовательно. Сначала он сделал самопал, а потом совершил нападение на сторожа, чтобы завладеть настоящим ружьем. Так? — Фомин был уверен, что Нина Васильевна опять согласится с его доводами, но она молчала. — Кстати, у кого ты отобрала самопал? — Он вытащил из кармана свою разбухшую записную книжку. — Имя, фамилия, адрес?

— Витя Жигалов, ребята его зовут Чибя, улица Пушкина, дом двадцать. Но только я у него самопал не отбирала. Пожалуйста, запиши, Витя Жигалов принес свой самопал добровольно. Я с ним побеседовала, и он сразу принес. Ему вовсе не интересно стрелять, он любит мастерить. Обрати внимание на ствол, из самопала никогда не стреляли.

Фомин тщательно обследовал стальную вороненую трубку, запаянную с одного конца, поколупал ногтем возле просверленного в трубке отверстия для засыпки пороха. Из самопала действительно ни разу не выстрелили. Для чего тогда было мастерить, да еще отделывать, воронить, как настоящее ружье?

— Для красоты. Представь себе всадника в лунном освещении. Куда эффектней, если за плечами блеснет ствол ружья. У хулиганов — другой вкус. У них обреза. Припрятанные под куртками.

— Н-да... — протянул Фомин. — А как ты думаешь, ружье конюха годится для красоты?

Он придвинул к себе картотеку и стал переписывать фамилии, имена и адреса лошадиников из Двудвориц, так называемых апачей, с Костей Мусиным во главе, он же Костя-Джигит... Нина Васильевна продолжала с непонятным Фомину упрямством защищать эту компанию лошадиников. По ее мнению, напасть на конюха могли лошадиники из микрорайона. Они отличаются особой жесто-

костью к лошадям. В деревнях их ненавидят, но одинокие старухи из страха пускают в избы переночевать. Зимой, когда холодно. Главный у лошадиников микрорайона Супа, Алексей Супрунов, недавно приехавший в Путятин. Супа связан с Бесом, Александром Безиным. Фактически компанией из микрорайона управляет Безин, а для вида — Супа. Если нападение на конюха совершили подростки из микрорайона, от них можно ожидать, что из «ижевки» сделают обрез.

— Понятно... — Фомин помрачнел. — Но я все-таки начну с апачей, как ты их называешь. А ты тем временем поспрошай лошадиников из других компаний, прощупай, что им известно о вчерашнем угоне. И никому не говори про ружье. Они не должны знать, что мы ищем оружие. Спрашивай только про лошадей.

Старинное из красного кирпича здание конюшни находилось в дальнем углу фабричной территории, там имелись свои конные ворота, выходившие к реке. В давние времена фабрика держала до полусотни рабочих лошадей и еще выездных, для экипажей. Сейчас, по сведениям, полученным Фоминым, на балансе числилось семь лошадей, их использовали только для перевозок между цехами.

А в ту пору, когда Фомин бегал к конюху дяде Егору за овсом для голубей, на фабричных лошадях еще ездили по городу и на станцию за мелким грузом. Зимой, в школьные каникулы, дядя Егор обвешивал тройку лошадей лентами и бубенцами, застилал сани ковром из директорского кабинета и катал по городу визжащих от радости детишек.

Идучи фабричным двором, Фомин вспоминал, каких трудов ему стоило завоевать расположение дяди Егора. Прибежишь к нему, подождешь, поюлишь — только тогда даст скребок: «Ступай, почисть лошадак». Только лошадами называл, другого слова и знать не хотел. Поработаешь на совесть — отсыплет немножко овса. «Я из вас сделаю рабочий класс!» — говорил он путятинским голубятникам и всей прочей шушере. И не дай тебе бог однажды плохо вычистить стойло или раструсить сенцо. Больше ты для дяди Егора не человек.

Летом, когда у школьников каникулы, фабричные лошади ходили вычищенные и расчесанные как не на всяком.

ипподроме. В шашечку даже расчесывали, как цирковых. Самым старательным помощникам дядя Егор в награду доверял купание лошадок в Путе. Он самолично отпирал три винтовых замка, нешироко растворял конные ворота. Тогда еще не водилось подростков-угонщиков. Дядя Егор боялся конокрадов-цыган. Ключи от трех винтовых замков он не доверял никому.

Повернув за угол ткацкого цеха, Фомин прежде всего обратил внимание на конные ворота. Они были заложены двумя здоровенными брусьями. Конюха Фомин увидел возле конюшни, он сидел на лавочке, как, бывало, дядя Егор. Шилов Петр Николаевич. Исчерпывающие сведения о нем Фомин получил от своего старшего брата Виктора. Шилов работал в ткацком цехе наладчиком станков, вынужден был уйти по состоянию здоровья на более легкую работу, в конюхи. Женат, двое детей, уже взрослые, сын в армии, дочь уехала учиться. Последнее время стал попивать.

— Здравствуйте, Петр Николаевич.— Фомин присел на дубовую колоду. Тут он, бывало, сиживал, приходя к дяде Егору.

— Наше вам, Николай Палыч. А я уж заждался.— Конюх поморщился, осторожно потрогал перевязанную бинтом голову.— Болит... Пойду лягу. Расскажу вам и пойду...

Шилов оказался ночью на конюшне случайно. Выпил в гостях у старого друга и забоялся идти домой.

— Жена, знаете ли... Запилит! Я и решил соснуть в сенце. Вот тут и лег,— конюх показал на ворох сена у входа в конюшню.— В котором часу пришли за лошадьми, сказать не могу. Проснулся, вскочил, а сзади ка-а-ак саданут по затылку!.. Больше ничего не помню. Утром вроде бы просыпаюсь с похмелья, голова трещит. Где лошади? До затылка дотронулся и — боже ты мой! — в глазах круги. Побежал звонить участковому. Он приходит, я показываю ему пустую конюшню и вдруг вижу — нет ружья. Оно вон там висело, на гвозде. Участковый сразу построжал. Объяснил мне насчет ответственности за небрежное хранение оружия. Ну, думаю, влип...

— Ружье казенное?

— Мое. Документы в порядке, можете проверить, они дома лежат.

— Ружье унесли с патронами?

— Только ружье. Без патронов. Я его в ремонт сдавал — курок сломался. В четверг взял в мастерской, хотел отнести на квартиру, — конюх покашлял, — чтобы, значит, хранить по всем правилам, как зеницу ока. А в продмаг пиво привезли. Я занял очередь. Домой бежать далеко, отнес ружье в конюшню.

— Вы помните хорошо, что повесили его в конюшне на этот именно гвоздь?

— В пятницу утром висело. — Конюх опять поморщился, потрогал затылок. — Болит! Пойду лягу. А документы на ружье, если разрешите, жена принесет.

Да, конечно.

«Крутит, — отметил про себя Фомин. — Участковый, что ли, напугал ответственностью за небрежное хранение?» Фомин знал, что при дяде Егоре конюшня на ночь не запиралась. А сейчас? Шилов пояснил, что и сейчас строжайше запрещено запирать лошадей на замок. Вдруг пожар? Не успеешь вывести, сгорят. Это правило, распространенное повсеместно, конечно, облегчало подросткам угон лошадей из деревенских конюшен. Но фабричная ведь находится на охраняемой территории.

— Пройдемте к воротам, — предложил Фомин конюху. — Утром вы увидели их открытыми?

— Взламывают! Я заколачиваю. Опять взламывают. Опять заколачиваю.

— Понятно...

Приблизившись к воротам, Фомин увидел нечто весьма любопытное. Нижний брус, вдвинутый в железные скобы, был приколот к деревянным створкам новехонькими гвоздями с блестящими шляпками. И никаких ржавых следов от старых гвоздей, которыми, как уверяет Шилов, он «опять и опять» заколачивает ворота после каждого угона. А верхний брус? Фомин дотянулся, слегка толкнул брус и еле успел отскочить. Брус вырвался из железных скоб и тяжело грохнулся на землю.

— Спокойно! — посоветовал Фомин конюху и вытащил зубами занозу из ладони. — Значит, заколачиваете и заколачиваете? Да вы сегодня первый раз вбили гвозди в брус. И сделали это потому, что пропало ружье и вы хотели ввести милицию в заблуждение, показать себя более ответственным человеком, чем вы есть на самом

деле. А до сих пор лошадиникам было нетрудно отодвигать брусью и открывать ворота. И вам было нетрудно восстанавливать всю вашу бутафорию. Я правильно объясняю?

— Правильно.— Конюх вздохнул, осторожно потрогал затылок.— Вынужден был пойти на... как вы говорите, бутафорию. Обычно после угона я конные ворота не запираю. Старые лошади всегда возвращаются в свою конюшню. Устанавливаю, что все лошади на месте, и закладываю ворота. Лошади и теперь вернутся. Все шесть, в полном составе.

— Шесть? — Фомин насторожился.— А седьмая?

— Седьмая в длительной отлучке, вернется только зимой.— Конюх отчаянным жестом сдвинул бинт со лба на темя.— Я честно предупредил бухгалтерию, летом у меня штат неполный, выписывайте не на семь, а на шесть едоков. Они и слышать не хотят. Сказали: если в бумагах появится цифра «шесть», то менять ее на «семь» можно будет только при предъявлении документа о покупке новой лошади. Совсем меня запутали!

— Не они, а вы их запутали, Шилов! — жестко сказал Фомин.— Но меня вам запутать не удастся. В бухгалтерию вы подаете отчеты на прокорм семи лошадей. Кому вы сбываете излишки овса? Надеюсь, вы не станете меня уверять, что делите порцию отсутствующей лошади между остальными? Кстати, когда она пропала и какие меры были вами приняты? В милицию сообщили?

Конюх уцепился за последний вопрос:

— Как же, сообщили. Конь рыжей масти, старый, кличка Вихрь, особая примета — на лбу белая отметина. Только попробуй найди его. Пока сам не придет...— И Шилов, явно увиливая от ответа на вопрос Фомина об излишках овса, стал изливать свое возмущение безобразным поведением коня по кличке Вихрь.

Вихрь, в прошлом скромный и работающий конь, переродился в злостного тунеядца. Прошлой весной он ушел в бега, все лето шлялся неизвестно где, а похолодало — явился обратно в конюшню. Шилов поверил в чистосердечное раскаяние коня, не попрекнул ни единым злым словом. И чем же ответил Вихрь на человеческую доброту? Черной лошадиной неблагодарностью. Стоило солнышку пригреть, травке зазеленеть, он опять ударился в бега. Но ничего... Наступят холода, и конь-тунеядец приплетется с повинной.

Пусть на этот раз не рассчитывает на снисхождение. Найдутся меры!

Фомин не утаил своего недоверия к рассказу Шилова.

— Значит, рыжий, с белой отметиной на лбу? — На всякий случай он записал приметы Вихря. — Вы не пытались его отыскать? Поймать не пробовали?

— Вихря? Поймать? Он и близко к себе не подпустит. Я в прошлом году пробовал поймать. Не вышло. Даже Костя-Джигит... — Конюх осекся и умолк, отвел глаза.

— Продолжайте! — потребовал Фомин. — И поясните, в каких отношениях вы состоите с упомянутым вами сейчас несовершеннолетним Константином Мусиным.

Конюх поморщился и поднял было руку к затылку.

— Не надо. — Фомин поглядел на конюха особым взглядом, которому долго учился. — Не надо симулировать, Петр Николаевич. Никто вас по затылку не стучал. Вы проспали и лошадей, и ружье. Снимайте бинт и выкладывайте все, что может помочь милиции побыстрее отыскать лошадиников и отобрать у них ружье.

Шилов со злостью сорвал бинт.

— Проспал я, проспал! Утром, не прочухавшись, вызвал участкового. Хотя лошади и приходят, об угонах полагается сообщать. Я не сразу заметил, что ружья нет. Заметил, только когда пришел участковый. Он у нас законник, стал мне разъяснять: «Оружие в руках несовершеннолетних! Влетит тебе за небрежное хранение». С перепугу я и соврал, что на меня напали.

Фомин вспомнил, как настойчиво твердила Нина Васильевна, что апачи не могли напасть на конюха. Они и в самом деле не напали. Но вполне могли похитить ружье. Хотя бы «для красоты», как она говорит.

Конюх продолжал свои чистосердечные признания. С апачами у него налажено мирное сосуществование. Он пошел на это ради лошадей. Другие подростки мучают животных, а ребята из Двудвориц под влиянием конюха Шилова даже стали кормить угнанных лошадей. Поэтому нельзя считать, что овес, проданный апачам, уходит на сторону, он достается тем же фабричным лошадям. За овсом апачи заглядывают исключительно в дневное время, хотя, конечно, проникают на территорию фабрики через забор, а не через проходную. Чаше других конюху при-

ходится иметь дело с Костей-Джигитом или с Бубой, фамилия которого конюху не известна, а зовут Андреем.

«Бубенцов,— отметил про себя Фомин.— Что у него в карточке? Отца нет, живет с мамой и бабушкой, в школе характеризуется отрицательно».

— Когда они последний раз приходили к вам за овсом?

— В пятницу.

— Кто приходил?

— Оба. Я еще, помню, удивился. Приходит сначала Костя, покупает десять кило. Через час Буба — и тоже просит десять кило.

— А ружье они могли увидеть?

— Кто их знает? В конюшню заходили оба.

«Видели,— подумал Фомин.— Один увидел, сказал другому, тот пришел удостовериться, что ружье все еще висит». С легким сердцем Фомин пошагал в Двудворицы

Костя Мусин, по прозвищу Костя-Джигит, и Андрей Бубенцов, по прозвищу Буба, проживали в знаменитом доме номер двадцать, Доме Пушкина, как его называли в Путятине.

В какой-то послевоенный год железнодорожник, по фамилии Пушкин, обнаружил на станции невестребованный груз — ящики с деталями парковой скульптуры. Он открыл один из ящиков и увидел знакомую кудрявую голову. Железнодорожник писал во все концы — хозяева скульптуры так и не откликнулись. Тогда он перевез ящики в Двудворицы и смонтировал во дворе дома номер двадцать каменную садовую скамью и сидящего на ней Пушкина-лицеиста. Жильцы обсадили памятник березками, по праздникам стали приносить Пушкину цветы. Посторонним они всерьез говорили, что дому номер двадцать по случаю досталась скульптура работы самого Опекушина, который слепил Пушкина в Москве. Энергичная учительница литературы из Двудворицкой школы пыталась провести во дворе разъяснительную работу. «Не Опекушин у вас и вообще не оригинал, а массовая копия». Жильцы посоветовали литераторше обходить Дом Пушкина стороной. Слава памятника росла, молодожены приезжали сюда напрямик из Дворца бракосочетаний и возлагали к ногам Пушкина цветы.

Войдя во двор, Фомин увидел в тени выросших берез на деревянной длинной лавочке стайку молодых мам, нарядных, причесанных и покрашенных, а перед ними — выставку детских колясок на вполне приличном международном уровне.

— Коля! Фомин! — зашебетали они наперебой. Иди сюда! Правда, что на фабрике ночью конюха избили? И ружье украли! Ты кого подозреваешь? Неужели ребят из нашего дома? Что ты, Коля! Наши не могли!

— Извините, — Фомин принял вид самый официальный и суровый. — Спешу. Как-нибудь потом. Посидим, посплетничаем. — Он ускорил шаг.

Молодые мамы, сами того не зная, открыли Фомину его непростительный промах. «Я должен был сразу взять в расчет, что сенсационные новости распространяются по Путятину с чудовищной быстротой. А я предупредил Нину Васильевну, чтобы ни слова о ружье. Глупо темнить, если все знают...»

У Бубенцовых Фомину открыла худая растрепанная женщина с папирой в зубах.

— Андрей дома? — Он показал ей удостоверение. — Мне надо с ним поговорить.

— Я его мать. Проходите. — Она провела его в комнату, усадила за круглый стол, накрытый клеенкой. — Если не ошибаюсь, вы внук Фомина? Ваш дедушка помог покойному мужу получить эту квартиру... — Бубенцова вдавила докуренную папиросу в хрустальную пепельницу, взяла из пачки «Беломора» следующую, чиркнула спичкой. — Врачи настаивают, чтобы я бросила курить, мама и Андрей умоляют, а я не могу.

Фомин обратил внимание, что ее тонкие нервные пальцы все время что-то сучат невидимое. Кадровая прядильщица.

— А где же Андрей?

— Он скоро придет.

За перегородкой, разделявшей комнату на две, что-то звякнуло стеклянно. Бубенцова нервно оглянулась.

— Простите, но вам вряд ли стоит ждать Андрея. Он вернется только к вечеру. Он уехал по грибы.

— Ваш сын сегодня ночевал дома?

— Разумеется. — Беспокойные пальцы ловили невидимую нитку. — А где же еще он мог ночевать?

«Вот именно, где? — подумал Фомин. — Ее, кажется, тоже интересует, где ночевал Андрей. За перегородкой не он, а бабушка Пьет свое лекарство. Из-за Андрея...»

Ничего нет хуже, как говорить с матерями и бабушками о том, где были и что делали интересующие милицию люди. От матерей и бабушек никогда не дождешься правдивых и точных сведений. Сидят, комкают в руках платочки и врут, врут, врут. Святая материнская ложь: Послушать, так сынок днем сидит дома и читает хорошие книжки, а ночью сладко спит в своей постели. Или он вчера спозаранку уехал к дяде во Владимир, к тете в Архангельск и потому никак не мог участвовать во вчерашней драке, в краже, в нападении.. Конечно, Фомин знал, как можно поймать на вранье мать и бабушку Андрея Бубенцова. Задать несколько вопросов матери, потом пройти за перегородку и задать те же самые вопросы бабушке. Ответы непременно окажутся разными. Одна скажет, что он ушел по грибы, другая будет уверять, что уехал кататься на велосипеде. Мать припомнит, что Андрей вчера допоздна сидел у телевизора, бабушка побожится, что он ходил в гости к товарищу. И тогда Фомин усадит их рядом и спросит: «Дорогие мои, как же вас понимать? Какие у вас самые серьезные причины меня обманывать?»

Но что-то не хотелось ему применять нажитый опыт по части выяснения разных тайн в этой комнате. Возможно, еще придется сюда прийти с фактами в руках. А пока пускай радуются, что защитили, не выдали. Своим волнением они выдали вполне достаточно для начала.

Из-за перегородки выплыла высокая старуха с суровым, властным лицом,дохнула на Фомина запахом валерьянки, подала фотографию в рамке, выпиленной лобзиком: — Вот он, наш Андрюша.

Фотография оказалась расплывчатой, любительской. Фомину невольно вспомнился чудо-фотограф Женя Анкудинов. Уж он бы проявил на снимке «идею физиономии», как изволит выражаться Киселев. А тут что? Лохмы, расхристанная ковбойка, растерянная улыбка. Характера не видать. Зато обнаруживается характерная примета: справа, выше виска, волосы завихрились вверх, как говорится, теленок зализал.

Держа в руках рамку с фотографией, Фомин окончательно уверился, что мать и бабушка не видели Андрея со

вчерашнего вечера, а может, со вчерашнего утра, а может, и несколько дней. Они не находят себе места от тревоги, и это означает, что у них имеются основания бояться, не стряслось ли с ним нечто ужасное. Потому-то бабушка и показала сотруднику милиции фотографию своего ненаглядного Андрюши. Позаботилась, чтобы Фомин на всякий случай запомнил, как выглядит Андрей Бубенцов

Костю Мусина Фомин застал дома. Вождь апачей, смуглый и узкоглазый, с черными торчащими космами, ни капли не встревожился. Он сухо проинформировал Фомина, что родители и сестренка уехали по грибы.

— А ты что же? — спросил Фомин.

— А я стираю, — ответил вождь сквозь зубы.

Фомин прошел следом за ним в кухню, обратив по пути внимание, что в комнате на обеденном столе разложены какие-то ведомости. Костин отец, бухгалтер, о педантичности которого в городе рассказывали легенды, взял на дом какую-то срочную работу, но душа грибника не утерпела, и он все же укатил, а Костю явно в наказание оставил дома.

На кухне возле раковины перегруженно выла стиральная машина, в корыте, поставленном на два табурета, лежала гора замоченного белья, на газовой плите грелась в баке вода и клокотал в огромной кастрюле суп.

— Нда-а, — посочувствовал Фомин. — Провинился, что ли, вчера?

Вопрос остался без ответа. Вождь остановил машину, вытащил деревянными щипцами окутанное паром белье, загрузил новую партию. Фомин понял, что Костя Мусин вышел в вожди не на одном лишь внешнем сходстве с индейцем. Он скрытен и упрям. Фомин достал записную книжку «Ладно, приступаем к делу».

— В котором часу уехали родители?

— Не помню. Я рано лег спать. В девять. Они еще были дома.

— Тебе известно, что вчера были угнаны лошади из фабричной конюшни?

Вождь пошуровал шумовкой в кастрюле с супом.

— Известно. Услышал сегодня утром во дворе.

— От кого?

— Утром все знали.

— А в доме знают, что лошадей из фабричной конюшни всегда угоняет твоя компания?

— Знают.— Вождь усмехнулся.

— В пятницу днем ты заходил в конюшню?

— Заходил.

— Где спрятал купленный овес?

— В сарайке.

— Сколько купил?

— Десять кило.

— А сколько купил Бубенцов?

Что-то дрогнуло в невозмутимом индейском лице. Так, так... Мусин, оказывается, не знал, что после него у конюха побывал Бубенцов. А известно ли ему, что Бубенцов не ночевал дома?

Но Костя уже оправился от минутной растерянности, на все вопросы отвечал твердо и упрямо, ничем себя больше не выдал. Про Бубенцова он ничего сказать не может, не виделся с ним ни вчера днем, ни сегодня утром. Про угон лошадей ничего не знает, кроме того, что услышал утром во дворе. Овес им куплен про запас, на всякий случай. Лежит в сарайке, можете проверить.

Фомин вспомнил выставку колясок во дворе и решил пока не проверять сарайку. Похоже, что вождь апачей действительно не причастен ко вчерашнему угону. Родители не взяли его с собой по грибы за какое-то другое преступление, совершенное днем, а не поздно вечером. Но вот Бубенцов... Он может быть причастен. Костя говорил о Бубенцове с явной неприязнью. Не могло ли случиться так, что Бубенцов вышел из-под власти вождя, завел свою компанию и совершил самочинный угон?

Фомин строго посоветовал Косте Мусину сидеть дома, никуда не отлучаться: он еще может понадобится,— и отправился дальше по Двудворицам.

Витя Жигалов тоже оказался дома. И родители у него тоже уехали по грибы.

— Вчера, в половине восьмого, на машине,— сказал Витя.— У нас «Запорожец».— По этому немного хвастливому добавлению Фомин понял, что Витя человек открытый, не то что Костя Мусин.

Юного техника Фомин застал, казалось бы, за хорошим делом: Витя мастерил электрогитару. На вопрос о само-

пале Витя пренебрежительно отмахнулся. Самопалы пройденный этап, сейчас в моде вокально-инструментальные ансамбли. Инструменты и радиоусилители стоят дорого, приходится соотносить с самим. Фомин вспомнил, как зимой ему пришлось искать похитителей тракторного пускача. Оказалось, пускач утащили подростки, затеявшие соорудить самодельный снегоход. В пору, когда Фомин был мальчишкой, мастеровитость считалась за гарантию от всякой порчи, от хулиганства, воровства и пьянства.

«А теперь что-то в жизни сместилось,— размышлял он, оглядывая исподволь рабочий стол юного техника Вити Жигалова.— Позапрошлой ночью кто-то срезал трубку телефона-автомата возле продмага на улице Лассалья. Кому-то понадобились дефицитные детали. Не Вите ли? Нет, у него на столе телефонных деталек не видать».

Витя Жигалов в одно слово с вождем заявил, что лег спать в девять часов, об угоне услышал утром во дворе, от кого — не помнит, утром все знали.

«Ай да Мусин! — отметил про себя Фомин.— Держит своих индейцев в струне».

— Лег, значит, в девять? — переспросил он благодушно.— И про угон услышал утром во дворе? Так, так...— Фомин покивал, как бы одобряя правдивость юного техника, и вдруг резко переменял тон: — А что еще велел тебе говорить Костя-Джигит?

Витя испуганно заморгал:

— Больше ничего не велел.

— Ты с Бубенцовым дружишь?

— Да ну его! Он чокнутый.

— А Мусин какой?

Витя покраснел, зашарил глазами по столу.

— Что ищешь?

— Отвертку.

— Она у тебя в руке!

Витя окончательно растерялся. Остальное было делом техники. Фомин узнал, что апачи собирались в пятницу вечером покататься. Пришли, а конюшня пустая, на дверях записка с ругательными словами. Подписи нет, но и так ясно: лошадей угнали старые враги апачей, лошадиники из микрорайона.

— Не верите мне, что лошадей уже не было, спросите у Вовки Дьякова или у Мишки Курочкина, у Тольки Голу-

бева...— Простодушный Витя ссылался, конечно, на тех, кто ходил в тот вечер на фабричную конюшню.

А про ружье, как выяснилось, он ничегошеньки не знал.

Чтобы не подводить доверчивого мальчишку, Фомин не пошел сразу к тем, кто был вчера с Костей-Джигитом в конюшне. Он сначала понаведался кое к кому из списка апачей, полученного от Нины Васильевны. Оказалось, и эти ребята знают в подробностях о вчерашнем происшествии. Из тех, о ком проболтался Витя, Вовки Дьякова дома не было, а Миша Курочкин и Толя Голубев показали то же, что и Витя Жигалов. Никто из ребят ружья в конюшне не видел.

«Нина права, ружье унесли ребята из компании Лешки Супрунова. Правда, и они не нападали на конюха. Зато могли совершить угон для вида, а на самом деле приходили специально за ружьем». Фомин вспомнил рассказ Шилова. Конюх занял очередь за пивом и побежал отнести ружье. Наверняка даже объявил во всеуслышание, что скоро вернется, только отнесет ружье в конюшню. Кто мог это слышать? Очень многие. Компания Супрунова — Супы,— которой фактически руководит Александр Безин, по прозвищу Бес, могла прийти специально за ружьем. Но тогда зачем они оставили улику — ругательную записку? И вообще, зачем угоняли лошадей? Конюх спал, можно было спокойно взять ружье и уйти.

«Везет мне на дела, которые из простейших превращаются в сложные и запутанные»,— сокрушался Фомин, возвращаясь в горотдел.

III

Что-то большое и темное приближалось из глубины березового леса. Лось? — Володя вгляделся. Нет, не он. Меж берез неслышной поступью пробирался гнедой конь. Володя, сам не зная для чего, пошел следом за ним. Конь вывел Володю к просторной лесной поляне. Посередке трава росла повыше и погуще, там, должно быть, прятался небольшой бочажок.

Володя снял с плеч тяжелый, почти доверху полный пестерь на широких брезентовых лямках, присел на пенёк у края поляны. Гнедой хрупал траву возле бочажка, тре-

можно прядал ушами и пофыркивал. Володя полез в карман старого плаща, достал свой припас, завернутый в тряпицу. Презрения достойны те, кто тащит с собой на природу пакеты с бутербродами, бутылки с лимонадом, консервы!.. Настоящий грибник предпочитает всем яствам горбушку черного хлеба, посыпанную солью, и никогда не заворачивает ее в бумагу, только в холщовую тряпицу. Такие горбушки, навалявшись в кармане, делаются еще вкуснее. И запивать их надо хрустальной водой из лесного ключа.

Володя отломил кусочек, бросил в рот. Пища богов! Он быстро умял половину горбушки и только тогда спохватился: «Что же я один ем! Надо и его угостить». Он поднялся с пенька и направился к гнедому. Кажется, лошадям подносят хлеб на раскрытой ладони? Володя приостановился в сомнении. Ему никогда не приходилось водить близкое знакомство с деревенскими сивками и саврасками. С фаворитами скачек тоже. Опасливо поглядывая на гнедого, Володя не трогался с места. «Еще лягнет своим тяжеленным копытом! Я для него совершенно чужой. Может, я подбираюсь с подлыми мыслишками. А у него вон какие зубы. Возьмет да и тяпнет. И вообще, почему он шастает один по лесу, а не пасется в дружной лошадиной компании? Подозрительно!» Володя огляделся по сторонам и обнаружил, что на поляне этим летом косили. Круг пожухлой травы остался, очевидно, от копешки сена. А вот и след тележных колес. Кто же тут косил? Лесник? Наверяд ли. Он выбрал бы себе покос ближе к Ермакову, где лесничество. А из Дебри косить некому. Там сейчас остались только три старухи, они коров не держат. Но у них, кажется, есть коза? Володе вспомнилась строптивая коза Дуня, которую он держал, когда Танька была маленькой. Интересно, почем теперь воз сена? Володя досадливо помотал головой, отгоняя нелепый вопрос. «Мне дела нет, почем нынче сено, и мне все равно, кто тут косил! Есть загадки поинтересней! Например, та, недавняя, с кладом...»

Клад, найденный при сносе старого дома на улице Володарского, наделал шума на весь Путятин. Заметка про клад даже попала в московские газеты. Нашел его бульдозерист. Развалил громадную печь, и из кирпичей выкатилась круглая жестяная банка. Ни золота, ни серебра в ней не оказалось. В банку были упрятаны туго свернутые доре-

волюционные бумажные деньги, двадцать тысяч желтыми сторублевками с портретом Екатерины II. Бульдозерист сдал свою находку в милицию, а Фомин преподнес банку Володе в тот самый вечер, когда они вспоминали закончившееся дело Горелова и Володя узнал о предстоящей свадьбе Фомина и Валентины Петровны. «Вот тебе для развития дедукции», — сказал Фомин.

На другое утро Володя уже рылся в старых газетах, переплетенных в пудовые книжищи. «Есть! Нашел!» 1905 год, ноябрь. Заметка об ограблении кассира. Неизвестные лица в черных масках. Полиция полагает, что совершена революционная экспроприация, деньги пойдут на приобретение револьверов для рабочей дружины.

Володя знал, кого можно расспросить о подробностях давнего ограбления. Деда Фомина. Он, конечно, был тогда мальчишкой, с ним в боевой дружине важными секретами не делились, но ходили же по городу какие-то слухи.

Дед обрадовался, увидев Володю. Он стал уже совсем плох, но лечь в больницу отказался. По утрам внуки — Николай и Виктор — переносили его на руках из постели в стоящее у окна старинное вольтеровское кресло, доставшееся Фоминым при распродаже кубринского имущества. Месяц спустя Володя шел перед гробом, обитым кумачом, и нес на красной подушечке орден Ленина, вспоминая свою последнюю встречу с Колькиным дедом. Какая ясная память до самого конца жизни!

«Темное дело, по городу чего только не болтали, — рассказывал ему дед Фомин. — По этому случаю руководители стачки созвали митинг в Народном доме и объявили, что рабочий класс Путятина к ограблению непричастен. Я своими ушами слышал. А уже после революции к нам на юбилей стачки приехал Михаил Васильевич Фрунзе, товарищ Арсений, он у нас бывал в пятом году. Собрались участники стачки, стали вспоминать митинги за Путей, сражения с казаками. И про ограбление заспорили — чьих рук дело. Кто говорит, что жандармы устроили провокацию, чтобы засудить кого-нибудь из рабочих, но не сумели подстроить веские улики. Кто доказывает, что кассира ограбили эсеры и действительно собирались купить на эти деньги оружие, но кто-то их надул, деньги пропали зря. Однако большинство участников стачки стояло на том, что под видом экспроприаторов-революционеров действовали

обыкновенные грабители. Такие случаи были тогда не в редкость».

«Но что же случилось с грабителями после нападения на кассира? — размышлял Володя, возвращаясь от Фомина. — Почему все двадцать тысяч остались в целости? Что им помешало поделить добычу?»

Казалось, он зашел в тупик. И тут вдруг Володю осенила мысль. Несомненно, гениальная!

Он кинулся в городской архив: «Где могут быть записаны фамилии тогдашних домовладельцев?»

Чихая от пыли, Володя целую неделю рылся в старых бумагах. Наконец он натолкнулся на переписку городского архитектора с домовладельцами по поводу самовольных пристроек. Архивный гулкий подвал огласился торжествующим хохотом. Вот, оказывается, кому принадлежал дом с кладом, замурованным в печку! Фамилия, имя, отчество — все сходится. Не было, значит, нападения! Не было неизвестных в масках! Кассир симулировал грабеж, прятал деньги и стал ждать срока давности.

«Но не так уж долго пришлось ему ждать. Грянула революция, и деньги с портретом Екатерины II обратились в ничто», — писал Володя в очерке «Клад», опубликованном городской газетой.

Номер с его очерком Ольга Порфирьевна — она тогда еще не ушла на пенсию — распорядилась поместить под стекло и вывесить в историческом зале музея. Рядом в витрине выставили жестяную банку, набитую царскими деньгами. Путятинцы толпами шли в музей, город наконец-то узнал о своем выдающемся детективе.

...Нетерпеливое пофыркивание возвратило Володю на лесную поляну. Конь чуял запах хлеба, раздувал ноздри и грустно глядел на Володю крупными лиловыми глазами: «Ну что же ты?» Володя мобилизовал всю свою волю, раскрыл ладонь с горбушкой, шагнул вперед. Гнедой тотчас отступил — тоже на шаг. Володя занес ногу, но не шагнул, замер неподвижно — конь озадаченно переступил копытами.

— Ты что? Не доверяешь?

При звуке человеческого голоса конь передернулся, будто припомнил что-то малоприятное.

— Ну, как знаешь.

Володя положил хлеб наземь, попятился. Гнедой не тронулся с места.

— Не стесняйся! Ешь! — крикнул Володя, отойдя к краю поляны.

Конь взмахнул хвостом, приблизился к хлебу, подобрал соленую горбушку мягкими губами и принялся жевать. На грустной длинной морде выразилось удовольствие.

— Извини, брат, что мало! — крикнул Володя, влезая в лямки пестеря. — Я не знал, что мы встретимся!

Пора было возвращаться домой. А по пути можно заглянуть в Дебрь. Возле деревушки есть дивное место для белого гриба.

Володя ревниво относился к своему положению в городской иерархии грибников. Пожалуй, лишь несколько неутомимых дедов и проворных старух приносили белых больше, чем он. В грибной охоте не выедешь на одном везении. Это тебе не рыбалка, где торжествуют удачники вроде Фомина. Наблюдательность и еще раз наблюдательность! Профан рыщет под деревьями в поисках гриба, а истинный знаток не высматривает везде, он ищет г р и б н о е м е с т о и там спокойненько, аккуратненько занимается сбором. Эту науку Володя усвоил с малых лет. На нем лежала обязанность запастись на всю зиму сушеных и соленых, да еще он подрабатывал в сезон до ста рублей, сдавая грибы на приемный пункт. И сейчас при его музейной зарплате Володю выручали грибы. Из сушеных — суп, соленые хороши с картошкой. И Таньке с Сашей можно послать. Грибы в подарок — питательно и не обидно для их гордости.

Володя поправил на плечах брезентовые лямки и пошел неторной лесной дорогой по следу тележных колес, глубокому и черному на заболоченных низинках и еле заметному на сухих участках дороги.

Колесный след вывел Володю к заброшенной деревушке. Дебрь и в лучшие свои времена не была большой и многолюдной. Теперь лес забирал обратно все, что у него когда-то отвоевали люди. Кустарник заселил огороды и подступил к заколоченным домам, на стенах полуразрушенной церкви выросли березки, сады одичали, и забредавшие в Дебрь мальчишки уже не соблазнялись отсутст-

вием хозяев — яблоки стали мелкими и горькими. Но три избы наперекор всеобщему запустению бойко посверкивали промытыми окошками, на подоконниках пышно цвела алая герань, соцветия глядели на улицу, будто там все оставалось по-прежнему и есть кому порадоваться красоте.

Три старухи наотрез отказались покинуть свои избы, как ни прельщал их сельсовет комнатами в новом доме с водопроводом и отоплением. Одна из старух доводилась дальней родней сторожихе музея тете Дене. Володя, если случалось забрести в деревушку, непременно передавал дебринской Анютке поклон от тети Дены и уносил из Дебри ответный поклон тетке Денисии. Последние жительницы деревушки рассказывали ему о своей войне с сельсоветом. Неперспективную Дебрь оставили без электричества — старухи отыскивали в чуланах керосиновые лампы и запаслись керосином. Сельсовет перестал присылать по весне тракториста для вспашки огородов — три подружки стали нанимать пьяницу Жижина, работавшего на ферме пастухом и имевшего в своем распоряжении лошадь. Сельсоветчики решили применить крутые меры, не снабжать Дебрь хлебом, нечего гонять туда продавца ради трех покупателей. Напрасные надежды! Три подружки явились на почту и выписали каждая по газете. Никуда не денешься, в Дебрь каждый день катит почтальон, а трудно ли вместе с почтой прихватить для старух хлеба и еще что-нибудь из продуктов! Летом почтальон ездит в Дебрь на велосипеде, а зимой сельсоветчики, кляня упрямых старух, предоставляют в его распоряжение ту самую лошаденку, на которой летом пасет колхозное стадо Жижин. Машины не могут добраться до Дебри ни летом, ни зимой.

Но кто же все-таки пробился сюда недавно? Да еще на легковой? Володя не верил своим глазам: свежий четкий след автомобильных шин лег вдоль улицы, изничтожив колею загадочной телеги. Уж не приезжал ли кто-то опять с новыми мерами против последних жительниц деревушки? Володя прибавил шагу. Подойдя ближе к избе дебринской Анютки, он услышал громкий мужской голос. Так и есть! Новое гонение! Володя наклонился к окошку. В глаза ударило голубое сияние. «Телевизор! Как я сразу не догадался! Старухи изловчились добыть телевизор, работаю-

щий на батарейках! Чихали они теперь на отсутствие электричества!..» По голосу ведущего Володя узнал, что подружки смотрят популярную передачу «Очевидное — невероятное». Однако как неприятен голос современного всезнайки, когда он звучит не в комнате с удобными креслами, а на природе, в лесу...

Володя потопал сапогами на крыльце, чтобы предупредить хозяйку, и вошел. Увы! Там, где исправно работает телевизор, уже нет места человеческому общению! «Вам привет от тети Дены». — «И ей от меня поклон». Вот и вся беседа! Володя видел, что старухи страдают от того, что не могут поговорить с гостем. Не так-то много к ним забредало гостей! Однако никаких нету сил оторваться от голубого экрана, прилепил он их к себе, как клейкая бумага. Володя поспешил ретироваться, чтобы не доставлять старухам страдание.

С крыльца избы дебринской Анютки Володя заметил, что напротив в церкви настежь распахнуты двери. По степени разрушения эта церковь XX века далеко опередила самые древние в окрестностях памятники архитектуры. Ее построил накануне революции богатый лесопромышленник, намеревавшийся прочно обосноваться в Дебри. При чем не удержался и своровал даже на собственном богоугодном деянии. Кирпич и железо купил самого низкого качества, иконы приобрел оптом и за гроши. Вскоре после закрытия церкви купол рухнул и разнес в щепы иконостас, дожди размочили стены, и с них поотлетала штукатурка.

Войдя в церковь, Володя зябко поежился. Несмотря на открытое небо над головой, тут стоял могильный холод. Под ногами хрустели щепки, крошилась штукатурка, возле амвона чернел след костра. Красть тут уже давно было нечего. Но кто-то все же хаживал через груды мусора к узкому ходу на колокольню. Володя поставил пестерь и полез вверх по искрошившимся кирпичным ступеням. Вокруг колокольни метались стрижи. Володя увидел обрывок цепи на железной балке, ухватился и опасно глянул вниз — высоты он боялся. Перед глазами все поплыло, закружилось, но Володя не отступил. Наконец картина внизу прояснилась. Деревня выглядела с высоты еще более заброшенной, крыши зияли черными провалами, кустарник и бурьян казались непроходимыми. Ну а как там избы трех подружек? Тоже с прохудившимися крышами...

Зато огороды за избами!.. Володя присвистнул от удивления. Уж он-то знал, что такое вскопать, посадить, прополоть, окучить. А тут у каждой соток по шесть. И картошка, и капуста, и морковь, и лук. Неужели сами со всем управляются? И тут Володе бросилось в глаза что-то блестящее. Прозрачная пленка. Ею прикрыт здоровенный стог сена за скотным двором заброшенной усадьбы. «Однако,— подумал Володя,— как укромно поставлен стог. С улицы не углядишь, только сверху. Похоже, что, кроме трех старух, тут появился еще кто-то. Ну и хорошо. Крепче будут держаться».

Через час с полным доверху пестерем Володя вышел к шоссе неподалеку от Медвежьего оврага. Обычай грибников требовал пересортировки дневной добычи. Володя откладывал в сторону грибы с наиболее ярко выраженным характером. «Сущность всякой красоты в соответствии своему назначению»,— утверждает Джакомо Леопарди. Грибы должны смотреться не как натюрморт, не как фрукты на блюде, а как живая жизнь леса. Он выложил сверху лучшие грибы, добавил в качестве последнего штриха веточку дуба с тройкой желудей и отошел полюбоваться. Кажется, удалось!

Возле моста через Медвежий овраг на обочине маячила унылая фигура в нейлоновой желтой куртке с капюшоном. Поза выдавала долгие и безнадежные попытки перехватить машину. Но кто же нынче ездит пустой! Володя прикинул, что можно встать за поворотом и опередить желтого, но тут же отогнал неблагородную мысль.

На хруст Володиных шагов из желтого нейлона высунулась черная борода.

— А-а... Мыслитель! Привет!

Толя, верный оруженосец босса Юры. Встреча с ним не могла доставить Володе никакой радости. В памяти тотчас всплыли досадные промахи первого расследования, ошибка с двумя копиями «Девушки в турецкой шали».

— Рад тебя видеть! — Толя держался как закадычный приятель, начисто забыл издевательский спектакль, подстроенный Володе боссом Юрой.— Да брось ты пыжиться! Перед тобой человек в несчастье!

Володя смягчился и выслушал горестный рассказ. Приличные интеллигентные люди проводят трудовой отпуск на лоне природы. Разбили палатки, удят рыбу, собирают гри-

бы, все тихо, мирно. И что же? Сегодня утром просыпаются и видят — у «Жигулей» продырявлены все четыре шины, «Жигули» сидят осями на земле. Кто? Зачем? Как подкрался? Ведь с интеллигентами прибыл на отдых Ральф, московская знаменитость, золотой медалист, он щенком стоил пятьсот рублей... Впору думать, что шины пропорол леший или какая-нибудь лесная кикимора.

— Или кто-то из своих,— заметил Володя.

— Да ты что! Интеллигентные люди. Все чисты как стеклышко, народ проверенный.

Володя хотел спросить, на чем проверенный, но промолчал.

— Слушай! — Толя соорудил жалобную мину. — Я им нахвалил ваши места. И теперь вроде бы я во всем виноват, мне и шины чинить. А ты думаешь, легко в лесных условиях размонтировать, вулканизировать?.. Говорят, у вас в городе частник есть, мастер на все руки. Ты, случайно, адреса не знаешь?

Володя поколебался, но все же назвал Толе адрес тети Дены. Впрочем, в Путятине первый же встречный направил бы Толю именно туда, к неблагодарному родственнику тети Дены. Мимо них изредка проносились битком набитые «Жигули», «Москвичи» и «Запорожцы». Виктор Фомин, узнав Володю, притормозил — «Как-нибудь потеснимся!» — но Володя не мог уехать, бросив несчастного Толю на произвол судьбы.

Не скоро они дождались в этот субботний день идущего в город грузовика. Выбежали на асфальт, замахали руками. Тяжелый голубой ЗИЛ на полном ходу пролетел мимо. И вдруг остановился, дал задний ход.

— Я тебя не сразу узнал! — Из кабины выскочил улыбающийся Куприянов. — Как жизнь молодая? Нога не болит? — Он вытащил из кармана куртки какие-то бумажки. — А я в колхоз ездил. Мы им в порядке шефства движок отремонтировали, вот отвез... Проверь, документы в порядке. А то ты еще подумаешь...

Володя покраснел.

— Вы совершенно напрасно. Я ничего не думаю. То есть не думаю ничего плохого. Я только подумал, что, может, вы согласитесь помочь...

Толя его перебил и стал сам рассказывать о проколотых шинах.

— Лошадники! Больше некому! — Куприянов в сердцах выругался. — Поймать бы да крапивой по голому задку. Хулиганы! Я их вчера вечером согнал с шоссе. Скачут по асфальту как бешеные. Вот здесь где-то и согнал, перед мостом. Совести нет. Лошади за день уработались, им отдых положен...

— А верно! — заметил Толя. — Вечером какие-то ребята возле нас околачивались. С лошадьми.

Володя уже слышал мельком о новом увлечении путятинских подростков. Надо будет расспросить Ваську. Уж он-то знает.

Куприянов велел Толе лезть в кузов, а Володю хотел усадить рядом с собою в кабину, но Володя отверг все привилегии и полез за Толей в кузов.

Грузный ЗИЛ медленно полз по узкой лесной дороге, переваливаясь по-утиному с боку на бок. Ветки хлестали по кабине и по бортам, Володе и Толе пришлось улежаться на дно кузова, но и здесь их доставали зеленые лапы.

Перед болотом Куприянов остановил машину, вышел прогуляться по старой осевшей гати: выдержит ли она тяжесть ЗИЛа? Гать выдержала, но еле-еле.

Толя нашел для своих друзей прекрасное место на берегу Пути. Среди зелени эффектно выглядели оранжево-синие палатки, полосатые шезлонги, раскладной столик с крышкой из красного пластика, такие же стулья. Но ярче всего сияли «Жигули» цвета яичного желтка.

«Богато живут», — отметил про себя Володя.

Навстречу выбежал обрадованно долговязый очкарик в студенческой зеленой куртке.

— Ну наконец-то! — крикнул он.

Не спеша подошел седой мужчина в джинсах и толстом свитере, молодо улыбнулся:

— Спасибо, товарищи! Прекрасно понимаю, как вам не хотелось сюда ехать! — Он долго тряс руку Куприянова, а затем и Володя ощутил его крепкое рукопожатие и внимательный взгляд: а ты что за птица?

Третьим показался из палатки заспанный толстяк в красном тренировочном костюме, заворчал на Толю:

— Тебя за смертью посылать!

Володя понял, что «Жигули» принадлежат толстяку. Едучи сюда, он полагал, что увидит босса Юру, но его

в этой компании не оказалось. Впрочем он и не подходил к ней. Серьезные люди, очевидно техническая интеллигенция. Даже странно, откуда у примитивного Толи такие друзья.

Желтые «Жигули» стояли на деревянных чурбаках, колеса валялись рядом. Володя попытался запустить мизинец в еле заметное отверстие. Не лезет! А любопытно, чем же продырявили? Он подозвал Куприянова.

— Первый раз вижу такие проколы, — заявил Куприянов, внимательно осмотрев все четыре шины.

Володя приблизил нос к отверстию.

— Вроде бы пахнет горелой резиной. И оглянулся на седого. Тот улыбался. — Не верите?

— Мне нравится ваша любознательность, — сказал седой. — Простите, вы кто по специальности

— Историк. А вы?

— Metallург. И мои друзья тоже.

«Я угадал! — отметил про себя Володя. — Техническая интеллигенция». Новые друзья Толи произвели на него самое приятное впечатление.

Однако, когда стали грузить колеса, Володино впечатление несколько переменялось. Все трое командовали Толей уж очень по-хозяйски, свысока, словно бы наняли к себе в услужение. Даже у очкарика в студенческой куртке прорывалось этакое властное покрикивание.

«Бедный Толя! Ему на роду написано состоять при ком-нибудь на подхвате. И все-таки интеллигентные люди не должны так подчеркивать его положение в своей компании. Будь даже они все докторами наук. Это не интеллигентно. Это стиль современной интеллектуальной элиты, дипломированного мещанства...» Володя демонстративно полез в кузов, чтобы помочь Толе.

По дороге он не стал расспрашивать Толю, где и как тот обзавелся такими важными знакомыми. Толя сам рассказал, что долговязый очкарик в студенческой куртке его двоюродный брат Кирилл.

— Забыл, как сшибал у меня пятерки перед стипендией, — пожаловался Толя.

Слева показались корпуса нового больничного городка, под колесами загудел мост через Путь. Окошки Посада пламенели в лучах заходящего солнца. Алым светом были облиты купола монастыря и крепостная стена.

— Остановите у Лассалья,— попросил Володя.— Я дойду пешком.

Куприянов пропустил его просьбу мимо ушей и с ветерком домчал до самого дома.

Из калитки высунулся с таинственным видом Васька Петухов.

— Владимир Алексаных! Вас один человек дожидается! По важному и неотложному делу!

Володя не спеша прошел в дом, вымыл руки, переоделся, причесался. Все проделал в своем обычном темпе. Спенсер говорил, что самообладание, как и все качества, развивается через упражнение. Васька нетерпеливо подпрыгивал, но Володя еще немного потянул время — положил книгу с места на место, поправил завернувшийся половик и только тогда разрешил себе выйти в палисадник.

Под сиренью за пятигранным столом сидел подросток, поразительно похожий на индейца. Смуглое лицо, черные жесткие космы, узкие глаза.

— Кто это? — Володя строго поглядел на Ваську

— Костя-Джигит!

Так произносятся самые знаменитые имена. Например: «Владислав Третьяк!»

— Очень приятно! — Володя слегка поклонился — Вы ко мне по делу? Слушаю.

Подросток встал, пригладил ладонью индейские космы

— Уважаемый Владимир Александрович! Мы хотим обратиться к вам за помощью. Нам известно, что вы умеете распутывать самые таинственные преступления.— Подросток запнулся, достал из кармана сложенный тетрадный листок, развернул, пробежал глазами и опять сложил.— Вы, Владимир Александрович, проницательны, как комиссар Мегрэ...

Володя все больше недоумевал: «Куда он клонит? Уж не собирается ли кто прибегнуть к моим услугам? Нет, чепуха, игра фантазии. Юный знаток западной детективной литературы явился, чтобы пригласить меня на читательскую конференцию в детскую библиотеку...» Подросток, похожий на индейца, заметил Володину улыбку, скомкал заранее сочиненную речь.

— Мы пробовали сами. Не получается

— Кто это «мы»? — спросил Володя.

— Апачи.

— Костя-Джигит у них вождь! — вставил Васька.— Он их знает как муштрует!

Вождь нахмурился:

— Я не муштрую. Я добиваюсь порядка и дисциплины.

— Понятно,— проронил Володя, еще ни бельмеса не смысла.— Так что же случилось у апачей, входящих, если я не ошибаюсь, в группу атапасков?

Эрудиция нередко выручала Володю. И сейчас «группа атапасков» произвела впечатление.

— Предательство! — сурово произнес подросток. Кто-то из наших выдает Бесу секретные данные. Вчера вечером я окончательно убедился.

— Бес?..—Володя несколько раз повторил про себя прозвище некоего врага апачей: «Кто такой Бес? Какие секретные данные? И что произошло вчера вечером?»

Васька изнывал от желания выложить кучу сведений, но Володя предостерегающе поднял руку.

— погоди, не мельтеши. Дай подумать...

Ему было над чем поразмыслить! Взрослому человеку, директору музея, предложили принять участие в детской игре. «Я их, конечно, поблагодарю за доверие. Однако ловить вместе с ними шпиона?..»

И тут в памяти всплыла старая голубятня в Посаде, столпившиеся мальчишки. Колька Фомин вылезает из низкой дверцы, весь в пуху и голубином помете, обводит собравшихся заплаканными глазами, потом смотрит на одного, на Петьку Кошелева: «Ты». Петька сразу начинает вопить, размазывать слезы с соплями, хотя его еще никто пальцем не тронул. Потом ему, конечно, врезали как надо. Петька действительно оказался шпионом и предателем, он помог известному в Путятине голубятнику-барыге дяде Жоре выкрасть лучших Колькиных голубей.

«Зачем он это сделал? Как ему теперь ходить по земле?» Володя сильнее переживал Петькино предательство, чем сам Петька,— тот ходил себе по земле вихляющей походкой, клянчил у ребят конфеты и куру, липнул к играющим в футбол. И однажды Володя увидел, что Петька как ни в чем не бывало гоняет со всеми мяч, а потом увидел, что Петька приятельски положил лапу на Колькино плечо. Вот тогда-то Володя понял, что Петька настоящий, лишенный совести предатель. Появилось желание незаметно наблюдать за ним. Но вскоре Кошелевы продали

дом и уехали. Петькина дальнейшая судьба осталась для Володи неизвестной. Может быть, на новом месте Петька смог начать новую, честную жизнь? Володя надеялся, что произошло именно так. И вот теперь, годы спустя, он вновь сталкивается с мальчишечьим предательством. «Человек, который предал друзей... Если, конечно, вождь апачей не выдумывает! Я не могу уйти сейчас в сторону, отказаться...»

Краем глаза Володя видел, как Васька надувает щеки, подмигивает вождю апачей: мол, видал! Умственная работа!

«И потом, что значит игра? — продолжал философствовать Володя. — Сама жизнь порой не так серьезна и не так много требует от человека, как детская игра. Особенно классическая, в традициях народа. Прятки, например, или лапта. «Ножички», «казаки-разбойники». И — не будем обижать девочек — «дочки-матери». А классические солдатики?! В солдатиков играют мальчишки и слушатели военных академий. Каждая игра родилась на свет не случайно, она готовит ко всем трудностям жизни. И как она проявляет человеческий характер со всеми его достоинствами и недостатками! Сразу видно, кто храбр и кто трусоват, кто надежен и кто способен подвести, кто добр и кто жесток». Володе вспомнились собственные испытания. В «двенадцать палочек» случалось водить и два и три дня. В «ножички» он играл исключительно несчастливо. А иной раз те же «ножички» назывались по-другому — «кол». Удачливые соперники лупят по колу, загоняют глубоко в землю. А тебе — тащить его зубами. Унизительно? Да! Но не позорно. Позор — испугаться и сбежать от унижения, не отводить, не вытащить кол... «Я многим обязан детской игре, в том числе и такой, как «кол», которую, как считает мой любимый писатель Виктор Астафьев, придумали еще пещерные дети.

Сейчас люди стали путать, где игра, а где спорт. Хотя это совершенно разные вещи. В спорте все рассчитано на секунды, метры, очки. Игра широка и многосложна, как сама жизнь. В ней возможен и подвиг, и... измена. Лидеров выбирает она сама, а не учитель и не тренер. Попробуй поставь маткой в лапте старосту класса!.. Как много теряют нынешние ребята от того, что «вышли из моды» лапта, прятки, чехарда. Бассейн или фигурное катание не

дают им того, что получали прежние поколения от своих незатейливых игр. Но если так... Если так, то апачи — явление положительное! Игра в индейцев. Классическая игра русских интеллигентных мальчиков. У Чехова есть рассказ о двух гимназистах, которые собирались бежать в Америку...»

Васька, зорко наблюдавший за Володей, уловил, что решение принято, и восторженно вскричал:

— Полный отпад! — Свои самые сильные чувства он, увы, выражал с помощью модного жаргонного слова. Володя нахмурился, и Васька тотчас перевел возглас на русский язык. — Очень хорошо, Владимир Алексаныч!

— Только никакой болтовни, — предупредил Володя. — Иначе я прекращаю.

Вождь апачей молча достал из-за пазухи потрепанный блокнот в картонных корочках, положил перед Володиной на стол.

Володя взял блокнот. На первых двух страницах он обнаружил список апачей. Дьяк, Рыжий, Буба, Кура, Колобок, Снегурка, Чапа... Обыкновенные путятинские уличные прозвища. Володя испытал сильное разочарование. Индейская внешность вождя апачей ввела его в заблуждение. Впрочем, надо было сразу обратить внимание, что вождь зовется Костя-Джигит, а не Соколиный Глаз и не Монтигомо Ястребиный Коготь.

Не отказаться ли, пока не поздно? Никакие они не индейцы, обыкновенная уличная шайка. Володя без интереса перекинул несколько блокнотных страниц. Что это? Характеристики? Володя чуть не расхохотался. Про Чибу: «Шатен, уравновешен, хороший семьянин». Про Дьяка: «Голубоглазый блондин, отважен, пользуется успехом у женщин». Характеристики не отличались большим разнообразием. Затем шли страницы с текстом «Клятвы апачей», составленной довольно коряво и переписанной разными почерками без знаков препинания и с ошибками. Внизу каждой страницы красовалось коричневое размазанное пятно. Кровь? Они расписываются кровью? Листая страницу за страницей он все больше убеждался, что догадка верна. Но чем же они тогда занимаются, если потребовалось скрепить клятву кровью? Володя понял, что ввязался в скверное дело. «Что ж... Чем хуже, тем лучше. Тем нужнее мое вмешательство в тайны апачей!»

Володя не торопясь продолжал изучать потрепанный, взбухший блокнот Кости-Джигита. Самое удивительное сыскалось на последних листах. Инвентарные списки по шалашу № 1 и шалашу № 2, отчет по израсходованным суммам на овес, лапшу и манную крупу, разные ведомости и счета...

Володя, став директором музея, изрядно потрудился, пока овладел всеми хитростями бухгалтерии и делопроизводства. Зато теперь он мог по достоинству оценить хозяйственность Кости-Джигита. Но чем же занимаются эти загадочные апачи с их клятвами кровью, характеристиками, заимствованными из популярного телефильма, и образцово поставленным учетом?

— Итак,— он отложил блокнот в сторону,— я готов вас выслушать.

Через минуту он слушал Костю-Джигита затаив дыхание. Только сегодня Володя заинтересовался путятинскими лошадиниками — и вот, пожалуйста, Васька привел к нему не рядового лошадиника, а главаря! Костя-Джигит рассказывал, стараясь говорить правильными фразами, и потому у него получалось сухо, невыразительно. Выручал Васька, раскрашивая схему Кости-Джигита своими эмоциональными дополнениями. Перед Володией возникла картина, выполненная в той манере, в какой писались в прошлом веке батальные полотна. Одно из таких полотен, документально зафиксировавшее битву за какой-то кавказский аул, хранилось в путятинском музее: топографически выписанные горы, фигурки офицеров и солдат, кони, пушки, разбросанное снаряжение — никаких вольных мазков, все в точности, до самой малой пряжечки и ремешка.

На Володиной— воображаемой! — картине столь же рельефно раскинулся город Путятин, поделенный на зоны подростками-лошадиниками. Двудворицы, где живут апачи, Володя увидел в правом верхнем углу картины. И выше, в лесочке за Двудворицами, он обнаружил выписанный детально, до прутика, шалаш. Здесь апачи хранят свое снаряжение. А что нужно угонщику? Во-первых, уздечка, во-вторых, запасные штаны. Насчет штанов Володе дали подробные разъяснения. Они рвутся, поскольку апач, как и все прочие лошадиники, ездит без седла. По дырам на определенном месте обычно и разоблачают лошадиника. Инспектор по несовершеннолетним Нина Васильевна при-

ходит жаловаться родителям, они, бывает, и не верят, тогда она говорит: «Поищите-ка штаны с дырами». И все, попался. Но апачи нашли выход. Завели себе запасные штаны и хранят их в шалаше № 1.

Вторую базу апачи соорудили подальше, в заброшенной избушке лесника. Там они держат запас корма для лошадей и запас продуктов, крупу, картошку. Если Володя захочет, ему покажут. Но вообще местонахождение базы апачи держат в секрете. Это их главная тайна! Добравшись на фабричных лошадях до базы, апачи их кормят и отпускают. Жестокое обращение с лошадьми у апачей карается немедленным изгнанием. Другие лошадики напяливают на головы капроновые чулки, чтоб никто не узнал, и пролетают во весь опор по вечернему пятакчу, но апачи против таких фокусов. Апачи хотели, чтобы и другие лошадики перестали колоть лошадей ножами, не привязывали без корма и воды, не гонялись по городу в масках. Составили обращение по всем международным правилам, но не получили ответа ни от одной компании лошадикиков. А Бес сразу после этого стал мстить апачам. Его ребята разорили ближнюю базу, унесли все снаряжение. База была хорошо замаскирована, ее так просто не найдешь. Стало ясно, что среди апачей завелся предатель. А после вчерашнего и вовсе не стало сомнения.

— Вчера ребята Беса... — В узких глазах Кости-Джигита сверкнул гнев, вождь апачей приготовился поведать о чудовищной подлости врагов, но Володя не дал ему договорить.

— Я знаю, что случилось вчера, — бросил Володя с деланной небрежностью.

Впрочем, и в самом деле не так-то сложно было для Володи вычислить по имеющимся в его распоряжении фактам, что произошло вчера. Он знал от Куприянова, что какие-то подростки во весь опор гнали лошадей. Видел своими глазами протырянные шины. На кого указывают приметы? На ребят Беса, которые мучают лошадей и вообще занимаются пакостями. Костин гнев свидетельствует, что на этот раз они учинили нечто из ряда вон выходящее. Разорили дальнюю базу? Нет, судя по обещанию вождя показать базу, там все в целости. А лошадики ночью околачивались возле туристов. Выходит, что ребята Беса успели напакостить апачам до выезда из города. Чем

же? Не тем ли, что нарушили неписанный уговор, угнали лошадей из фабричной конюшни?

Володя изложил свою догадку Косте-Джигиту, и тотчас услышал Васькин восторженный стон.

Потрясенный Володиной проницательностью, Костя-Джигит изложил любопытные подробности вчерашнего происшествия. Апачи собирались вечером покататься на фабричных лошадях. Пришли, а конюшня пустая, и к косяку дверей пришпилен большой конверт с надписью: «Апачам». В конверте лежал тетрадный двойной лист, весь исписанный ругательными словами. Ребята Беса в точности знали, что апачи появятся в конюшне. Еще одно доказательство, что среди апачей орудует шпион Беса.

— Вот улика.— Костя-Джигит достал из кармана и протянул Володе измызганный конверт.— Возьмите, пригодится для расследования. По почерку можно определить, кто писал.

Володя взял конверт, отложил в сторону.

— Кто писал, определить нетрудно. Даже не заглядывая в конверт. Писал кто-то из ребят Беса. А вы ищете предателя среди своих. Но если он действительно существует, то он, скорее всего, был вчера вечером с апачами, а не с ребятами Беса.

— Ну! — Васька подпрыгнул от восторга.— Я говорил! Дедукция. Предатель с вами ходит! А они, Владимир Алексаныч, Бубу подозревают.

При этих словах Володе вспомнилась страница блокнота. Буба: «...блондин, уравновешен...»

Костя-Джигит насупился и начал отсчитывать, загибая пальцы. Во-первых, Бубу однажды засекли в микро-районе с Бесом. Во-вторых, Буба заявил, что больше не хочет заниматься угоном лошадей, и перестал ходить с апачами, но Костя был у него и видел своими глазами, как Буба делал новую уздечку,— значит, он с кем-то ходит. И в-третьих, вчера Буба купил у конюха десять килограммов овса.

— Погоди,— перебил Володя,— ты же говорил, что только апачи кормят лошадей. Зачем же Бубе овес, если он ходит с ребятами Беса?

— Для прикрытия! — убежденно заявил вождь апачей.— Я купил овес, иду из конюшни, а навстречу Буба. Он понял, что вечером мы пойдем за лошадьми. И сразу

дones Бесу.— Костя запнулся, озадаченно почесал лоб.— А может, он сначала заглянул в конюшню, будто бы за овсом, и увидел ружье. И рассказал Бесу, а Бес послал своих за ружьем...

«Этого мне еще не хватало! Истории с каким-то ружьем!» — подумал Володя. И спросил строгим голосом:

— Не можешь ли ты сказать пояснее, что за ружье?

— Конюха. Висело на гвозде. Ребята Беса лошадей угнали и ружье унесли. А в милиции знают, что из фабричной конюшни угоняем мы. Тень подозрения на апачах. И не докажешь.

— Но ведь ребята Беса оставили ругательную записку?

— Думаете, милиция поверит? Вор унес ружье и оставил вместо него записку? В милиции скажут, что я ее сам изготовил, как фальшивую улику. Я даже показывать не стал.

— Кому?

— Да приходили уже.— Костя скривился.— Если бы Нина Васильевна...— Вождь сделал жест, означающий, что Нине Васильевне он бы записку показал, она бы поверила.

Васька захохотал:

— Владимир Алексаных! Знаете, кто к нему приходил?

На этот раз Володя не собирался изумлять мальчишек своей догадливостью. Не говоря ни слова, он придвинул к себе измызганный конверт. Фома наверняка не поинтересовался сложными отношениями между подростками из Двудвориц и компанией Беса из микрорайона. Надо будет как можно скорее передать ему это письмо. Оно, конечно, не снимает подозрения с апачей. Если ребята Беса унесли из конюшни ружье, зачем им было оставлять записку, явную улику против себя?.. «Да,— продолжал размышлять Володя,— ругательная записка свидетельствует, что ребята Беса ружья не брали. В конюшне побывал еще кто-то». Володя раскрыл блокнот, отыскал страницу с характеристикой Бубы, начал разбирать Костины каракули: «...блондин, уравновешен, хороший семьянин...» Интересно, как может проявить качества семьянина мальчишка?.. На следующей строке характеристики Володя запнулся. «Обладает...» — и дальше неразборчиво. Чем обладает этот «хороший семьянин»? «Сверх...» — и дальше опять непонятное слово. Кажется, надо читать «естест-

венными». Что значит «естественными»? Внезапная догадка озарила Володю. «Примем в расчет успехи Кости-Джигита в правописании. Что получится? «Сверхъестественными»... Теперь уже легко прочесть следующее слово — «...способностями»... Любопытно! «...обладает сверхъестественными способностями».

Костя-Джигит считал свои характеристики исчерпывающими и неохотно отвечал на Володины расспросы. Почему «хороший семьянин»? Потому что мать и бабушка над Бубой трясутся. Какие «сверхъестественные способности»? В одной деревне живет старуха, у нее собака на цепи, Пират, жуткая зверюга, клыки — во! На всех кидается, а Бубу увидит и хвостом виляет, ползет к нему на брюхе. Старуха так и сказала Бубе: «Ты колдун». Цыган дядя Паша показывал апачам, как по-цыгански красть лошадей. Ведро на руку, будто в нем овес, и подманивай. А Бубе ведра не надо, он подойдет, положит руку лошади на холку — и готово, лошадь идет с ним.

Володя невольно вспомнил собственную робость перед гнедым. А поведение жуткой зверюги Пирата, несомненно, проливает свет на события минувшей ночи. Теперь понятно, почему осрамился золотой медалист Ральф. Значит, все-таки Буба был с ребятами Беса, подозрения Кости подтверждаются... «Впрочем, не будем излишне легковерными. Сказка про колдуна, знающего язык зверей, весьма и весьма сомнительна».

После ухода Кости-Джигита Володя и Васька затопили печь для классической сушки белых грибов и соорудили себе на ужин великолепную жареху из подберезовиков и подосиновиков. За ужином Васька вдруг вскочил и стукнул себя кулаком в лоб:

— Владимир Алексанч! Балденная идея!

— Какая? — строго спросил Володя.

— Гениальная!

Васькин план действий, увы, не блистал оригинальностью. Стандартный ход — засылка своего человека в шайку Беса с заданием втереться в доверие главаря и узнать, кто с ним связан из апачей. На роль ловкого разведчика Васька, разумеется, назначал себя.

— Мне раз плюнуть, я вотрุษь.

Было бы непедагогично подвергать разгрому Васькин первый самостоятельный вариант детектива. Володя вни-

мательнейшим образом выслушал все его соображения. В плане засылки ловкого разведчика был и еще один — более существенный — недостаток. Ребята Беса — это не мальчики из Двудвориц со своими клятвами кровью. Мало ли, в какую скверную историю может влипнуть Васька, пока будет втираться в доверие.

— Да-а-а... В этом что-то есть... — Володя изобразил глубокое раздумье. — Но пока еще не время. Оставим твой план в резерве. Подождем, изучим ситуацию.

Васька исполнился гордости.

— Ладно, Владимир Алексанч. Можно и подождать.

Но Володя на всякий случай потребовал, чтобы Васька дал ему честное слово ничего самовольно не предпринимать.

От натопленной печи несло жаром, Володя ворочался, не мог уснуть. Кто же все-таки стащил в конюшне ружье? Кто подбросил на место происшествия письмо, адресованное апачам? Кто проколол шины?

Наконец он уснул. Из-за жары и духоты ему снились кошмары, он убегал от всадников в черных масках, спрятавшись в сарае, заперся, они стали ломиться...

Володя проснулся весь в поту. Старый киселевский дом дрожал от тяжелых ударов в дверь. Володя вскочил с постели, зажег свет и откинул крючок.

— Ночевать пустишь? — Толя, не дожидаясь ответа, ввалился в комнату. Остро запахло бензином, керосином, машинным маслом и прочими неизвестными Володе техническими составами. — Ну и шкура твой дядя Вася! Эксплуататор! А старуха — сушная ведьма! Не то чтобы покормить — помыться не предложили. На ночевку я уж и не просился.

Толя отмылся во дворе под рукомойником, жадно доел остатки жарехи, продолжая проклинать дядю Васю и подонков, изуродовавших шины новеньких «Жигулей».

— Попадись они мне, я бы им руки-ноги переломал. Знаешь, мыслитель, чем они орудовали? Твой приятель сказал — прожгли! Много он понимает! Стреляли!

— Стреляли?! — Володя протер глаза и убедился, что видит Толю не во сне. — Из чего? Ружье? Револьвер?

— А я откуда знаю? — Толя явно пожалел, что поболтался.

— Ты в милицию сообщил?

— Охота была связываться. Да и что проку? Страховать за шины не платят.

— Если хулиганов поймают, суд может их обязать, чтобы уплатили за причиненный ущерб.

— Ну... Пока там суд...— Толя старательно замазывал свою оплошность.— И вообще, мне-то какая забота? Машина не моя.

Володя решил ему подыграть:

— Ладно, приятели твои не обедняют. А дядя Вася, конечно, не светлая личность.

Володя выдал путятинскому умельцу самую негативную характеристику. И умышленно утаил, что дядя Вася с недавних пор вообразил себя внештатным активом милиции. Можно не сомневаться, что завтра же спозаранку он будет у Фомина.

Намаявшийся Толя уснул мгновенно. Володя оделся, взял блокнот Кости-Джигита, письмо, вышел в сад, зажег лампу над пятигранным столом. «Ружье!.. Чехов говорил: если в первом акте на стене висит ружье, в последнем оно должно выстрелить. Современный детектив, наоборот, начинается с выстрела, ружье удастся обнаружить только в финале. Мой детектив уже начался, ружье выстрелило, четыре раза...»

Володино воображение нарисовало картину ночного леса, оживило ее шелестом ветра в деревьях, криками ночных птиц. Володя увидел палатки, крадущуюся фигуру с ружьем, золотого медалиста Ральфа, предательски завивавшего хвостом и поползшего на брюхе, лунный блик на стекле автомобиля...

И тут вдруг Володе бросилось в глаза нечто странное и неправдоподобное. «Поразительно! Как же я раньше не обратил внимание? Был там днем, говорил с Толей и его приятелями, а не заметил. Днем все показалось мне естественным. Но стоило вообразить, как это происходило ночью,— совсем другое дело. Почему никто не проснулся от четырех подряд выстрелов? Или зададимся другой загадкой: почему они ночью — все! — уходили из лагеря? Куда и зачем?»

В горотделе Фомин прежде всего спросил, есть ли вести от сельских участковых инспекторов, предупрежденных с утра, чтобы следили, не появятся ли поблизости подстки-лошадники.

Никаких известий от участковых не поступало. Угонщики вместе с шестеркой лошадей как сквозь землю провалились.

Фомин позвонил в штаб дружины и попросил, чтобы дружинники обошли всех городских охотников и когo удастся из сельских. Пусть знают, что подростки украли ружье, необходимо быть настороже, информировать милицию о каждой даже самой малой пропаже огневого припаса. Подростки обязательно попытаются выйти на кого-нибудь из охотников, потому что в магазине им патронов не продадут.

Вскоре после Фомина пришла Нина Васильевна. Ей удалось узнать от мелюзги, всегда почтительно околачивающейся неподалеку от Супы и его дружков, что вчера ребята из микрорайона собирались идти в городской парк на танцы. А кто-то сказал, что апачи назначили сбор. Супа предложил своим подшутить над апачами — угнать лошадей из фабричной конюшни. Никакого разговора о ружье мелюзга не слышала.

Безин, как рассказали пенсионерки из его дома, проводящие весь день на лавочке у подъезда, спозаранку куда-то укатил на своем мотороллере. Вернулся он часов в одиннадцать, весь заляпанный грязью. И без грибов, чем и обратил на себя особое внимание старух. Другие соседи возвращались тоже на заляпанных машинах и мотоциклах, но все с грибами, поскольку нынче пошел сильный слой белых.

— Белых? — не веря своим ушам, вскричал Фомин. — И помногу приносят?

— Я не спрашивала. — Она растерянно улыбнулась. — Мне, Коля, и в голову не пришло.

— Потому что ты не грибник, — скорбно пояснил Фомин. — Ладно, давай, что у тебя дальше.

— Безин никуда из дома не отлучался. Окна у него открыты, на всю мощь орет музыка. У Безина импортная стереоустановка, подарок родителей. А сами они работают

где-то на Севере. По его словам, гнут горб, чтобы накопить на «Жигули». А его прислали сюда, на попечение бабушки. Безин где-то достает самую модную музыку, крутит целыми днями. Другие тоже крутят, но только Безин ровно в одиннадцать вечера вырубает звук. Хотя часы по нему проверяй.

— И хорошо, что соблюдает правила,— заметил Фомин.— А ты вроде бы недовольна.

— Я не верю, что Безин может хоть что-то сделать из уважения к другим. Других он откровенно, не скрываясь, презирает. Ты же знаешь, у нас народ терпеливый. Если у кого гулянка до утра, разве соседи сделают замечание? В парке на танцах ансамбль гремит до двух ночи, а люди из ближних домов жаловались? Нет. Ладно, мол, пускай, дело молодое. Вот Безин и демонстрирует свое столичное презрение к нашей провинциальной уживчивости. Ровно в одиннадцать одним щелчком всем по носу.

— Здорово ты его не любишь.

— Есть за что! Он мне как-то сказал с наглой своей улыбкой: «Лучше быть плохим и жить хорошо, чем быть хорошим и жить плохо». И оглядывает этак оценивающе, как я одета на свою зарплату. Ладно, меня такими взглядами не проймешь. А других? Спроси любого мальчишку в микрорайоне, любую девчонку, они тебе перечислят, без чего нынче нельзя жить. Фирменные штаны, фирменная рубашка, кроссовки «Адидас». Для них папа с мамой — не авторитет, учителя — ханжи, книги врут, инспектор Вороханова — смешная идеалистка... Зато Безин — личность. Он прикажет — они в лепешку расшибутся, все сделают, не раздумывая. А девчонки?.. Они в упор не видят, кто красив, кто умен, кто всех сильнее. Видят, у кого сколько престижных вещей. А у Безина, кроме модных шмучок, золотого кольца, еще и мотороллер, стереопроектор. И отнюдь не все это куплено на деньги родителей. Они, по его словам, жмотничают. А он обходится и без их помощи. Мне он заявил, что ездить на Север за длинным рублем, как его папа с мамой, удел серых. А он не серый, он делает деньги здесь. И знаешь, каким авторитетом он пользуется у подростков?! Одному объясняю: «У тебя второй разряд по гимнастике, а Бес не умеет подтянуться на турнике. Ты можешь починить любой магнитофон или транзистор, а Бес — ни уха ни рыла в технике. Ты на гитаре играешь,

в ансамбль приняли, а Бес — нуль, бездарность». Все таланты человеку перечислила, вознесла его до небес. И что, думаешь, услышала в ответ от этой одаренной личности? «Вы, Нина Васильевна, смешная идеалистка со своими примерами из спорта и техники. А Бес умеет...» Начинаю допытываться, что же, в конце концов, такое особенное умеет Безин. ЖметсЯ: «Ну как вы, Нина Васильевна, не понимаете... Умеет жить...» И я чувствую, он недоговаривает. Боятся Безина. Тот умеет подчинить себе, запугать. Супу превратил в раба...

— Н-да-а... — произнес задумчиво Фомин. — А как ты думаешь, Безин мог утром повидаться с Супой и всеми прочими? Не к ним ли он ездил на мотороллере?

— Супрунова дома нет. И еще нескольких из его компании. Я теперь примерно знаю, кто вместе с ним участвовал в угоне. — Нина Васильевна протянула Фомину листок с десятком фамилий. — Когда они вернутся, трудно сказать. По-разному бывало. И по два дня пропадали. Но скорее всего, заявятся сегодня вечером...

— Придется опять просить дружинников. — Фомин взялся за телефон.

В штабе обещали организовать наблюдение за домами, где живут Безин, Супрунов и другие лошадаики.

В семь часов вечера Фомин съездил на мотоцикле домой, пообедал и возвратился обратно. За время его отсутствия ничего не произошло. От сельских участков по-прежнему никаких известий. Супрунов и его компания домой не вернулись. Дружинники видели одного подозреваемого, но он в угоне не участвовал, ездил с родителями в лес.

Ровно в восемь в кабинете Фомина раздался звонок.

— Фомин, ты? — спросил бодрый голос. — Скажи, в чем преимущество гужевого транспорта перед автомобилем? — Звонили из ГАИ, они там все воображали себя великими юмористами. — Не знаешь? Ну так слушай. Угнанный автомобиль никогда сам не возвращается к хозяину. — На том конце провода смеялся не один юморист, целая компания. — Зато лошадь возвращается! — В ГАИ все буквально рыдали со смеху. — Фомин, ты понял? Выходи встречать. Идут в город, все шесть. Только что передал пост на Нелюшкинском шоссе.

Фомин хотел было опять взять мотоцикл, но передумал

и пошел пешком. Повернув с Пушкинской на Фабричную, он увидел лошадей. Шестерка шла гуськом посередке улицы нестройным, утомленным шагом, низко опустив печальные головы. Фомина так и резануло по сердцу. Он пошел следом за лошадьми, замечая на асфальте темно-алые капли. У одной из лошадей поранена губа, а может, и у нескольких. Шестерка дошла до конца фабричной ограды, повернула направо, миновала Двудворицы, опять повернула направо и остановилась перед запертыми конными воротами. Ругнув про себя Шилова, Фомин перелез через забор, отодрал приколоченный брус и отворил ворота, приветствуемый дружным лошадиным ржанием. Шестерка потрусила к конюшне. Фомин затворил ворота и пошел открывать конюшню. Внутри было темно, он нащупал выключатель, зажег свет и стал освобождать лошадей от уздечек, скрученных из электрического шнура и проволоки. У двух лошадей губы оказались сильно порезанными. Фомин поискал аптечку. Нету, не обзавелись. Насыпал лошадям овса, но обе лошади с порезанными губами не стали есть. Он посидел, подождал. Не едят, не могут.

Уходя, он прихватил с собой уздечки, необходимое вещественное доказательство. В проходной вахтер остолбенел, увидев Фомина.

— Что-то я не упомяну, когда вас пропускал...

— Я через забор! — пояснил Фомин. — Передайте начальству — лошади пришли. И пусть конюха отыщут. И пусть он вызовет ветеринара. И передайте Шилкову, завтра я лично проверю состояние лошадей! — Фомин в сердцах захлопнул за собою дверь.

В горотделе он внимательно осмотрел самодельные варварские уздечки. Поводья из электрического шнура были обрезаны на всех шести одинаковым образом, наискосок. Вернее, отрублены каким-то орудием, не столько острым, сколько тяжелым, потому что кончики проводов расплющены. Наверное, топором. Значит, лошадей освободили не сами угонщики, а кто-то другой. Когда они спали. Или когда отлучились на время — допустим, пошли искать патроны. А может, они вовсе бросили лошадей привязанными, без корма и воды. Бросили на верную гибель, потому что электрический провод лошадям не перетереть ни за что.

С наступлением темноты Фомин и двое дружинников заняли позицию в детском бревенчатом городке, составившем гордость микрорайона и всего Путятина. Чего здесь только не было! Терем Василисы Прекрасной, крепость с зубчатыми стенами, ладя Садко, избушка Бабы-Яги на курьих ножках, горки и качели. Фомин и его помощники укрылись в ладье, отсюда им удобно было наблюдать за домами, где жили Безин, Супрунов и лошадники из их компании. В окнах Безина горел яркий свет, внизу на лавочке, где обычно сидят пенсионерки, собрались девчонки, по их заявкам Безин ставил на стереопроигрыватель пластинки с записями «Бони М», но на улицу так и не вышел. Ровно в одиннадцать, как и говорила Нина Васильевна, Безин выключил музыку и погасил свет. Девчонки посидели немного и разошлись. К двенадцати во всех окрестных домах остались освещенными лишь несколько окон. Одно из них в квартире Супруновых. Не спят, волнуются.

Лошадники появились в половине первого. Дружинники разглядели в руках Лешки Супрунова большую спортивную сумку.

— Глупо нести ружье в дом,— шепнул Фомин своим помощникам,— но кто его, дурака, знает!

Фомин не собирался беседовать со всеми сразу, надо подождать, чтобы разошлись по домам. Лешку Супрунова он взял на себя.

Компания не спешила расстаться, направилась в детский городок. Фомин и его помощники нырнули за борт ладьи, но Супа с приятелями предпочел избушку Бабы-Яги. Вскоре он вышел из избушки и скрылся в подъезде дома, где жил Безин. У Безина зажегся слабый свет. Фомин подумал, что Лешка Супрунов не станет тревожить такую важную персону, как Бес, по пустякам. Минуты через три свет погас, и вскоре Лешка вышел из подъезда. В избушке состоялся какой-то разговор, затем лошадники разошлись.

— Осмотрите избушку, всю обшарьте,— сказал Фомин своим помощникам и пошел следом за Лешкой.

Время, конечно, позднее, но придется побеспокоить его родителей. Впрочем, они и так не спят... Фомин не любил появляться у людей ночью. После визита сотрудника милиции людям уже не уснуть до утра. Но если упустить

очень важный ночной час, потом и за много дней не на-верстаешь.

Лампочки на лестнице не горели. Фомин слышал на-верху, через этаж, крадущиеся шаги, звякнули ключи. «Ходу!» — приказал себе Фомин и в несколько прыжков настиг Лешку, загородил дорогу, нажал кнопку электри-ческого фонарика.

— Откуда возвращаешься так поздно? Что в сумке? Покажи!

В тот же миг наверху распахнулась дверь одной из квартир, на лестничную площадку выскочил мужчина в пижаме.

— Алексей! Где ты шлся?! — Мужчина заметил ря-дом с мальчишкой Фомина и все понял, хотя Фомин был в штатском. — Товарищ, прошу, пройдите в квартиру. — Он пропустил вперед Фомина, Лешка шел следом. — До-шлялся, мерзавец! — Отцовский пинок швырнул Лешку через узкий коридор.

Лешка вышиб лбом дверь, Фомин увидел женщину, торопливо путающуюся в пуговицах халата.

— Прошу! — мужчина подобрал с пола вылетевшую из Лешкиных рук спортивную сумку, внес в комнату. — Смотрите. И ты смотри! — крикнул он женщине. — Твое воспитание!

«Молнию» на сумке заело. Лешкин отец побагровел от напряжения, рванул замочек, пластик треснул, содер-жимое сумки посыпалось на пол. Пачки импортных сига-рет, пакетики жевательной резинки, яблоки, несомненно, из чужого сада, колода карт, моток капроновой веревки, перочинный нож, трехгранный напильник. Ну и конечно, штаны с дырами на задку. Но ружья не было.

— Извините, — сказал Фомин Лешкиной матери. — Вчера ваш сын и еще несколько ребят из соседних домов угнали лошадей. При этом пропало ружье конюха. Сами понимаете, огнестрельное оружие в руках у несовершенно-летних. — Фомин помедлил самую малость и круто повер-нулся к Лешке, успевшему развалиться на диване. — Суп-рунов, где ты спрятал ружье? Встань, я с тобой разгова-риваю! (Лешка встал.) Советую тебе говорить правду. Это в твоих интересах. Где ружье?

После, вспоминая свой ночной приход к Супруновым, Фомин понял, что Лешка признался бы сразу, не будь

рядом отца и матери. Отец орал на Лешку и тряс за шиворот, мать повторяла сквозь слезы: «Лешенька, скажи... Скажи, что ты не брал». Потом Лешкиной матери стало плохо с сердцем, отец заметался в поисках нитроглицерина, а Лешка опять разлегся на диване с яблоком, подобным с пола.

— Не люблю шума...— Лешка обтер яблоко рукавом, смачно откусил и продолжал с набитым ртом: — Ну, ладно. Взяли мы ружье, я взял...

— Где спрятал? — Фомин наклонился над Лешкой, схватил за руку, яблоко выпало.

Лешкин отец наконец нашел нитроглицерин, подал таблетку жене, другую сунул себе в рот.

— «Где, где»...— передразнил Лешка, не решаясь, однако, вновь взяться за яблоко.— Вы мне вопросов не задавайте, я сам, по порядку. Ружье висело, я его взял. Мы покатались на лошадях и решили отдохнуть. Заехали в лес. Там туристы, они нас погнали. Мы проехали немного дальше, поели и легли спать. Утром просыпаемся — ни лошадей, ни ружья. Вы, конечно, хотите знать, пробовали ли мы из него стрелять. Отвечаю: нет, у нас не было патронов.

— Вы слышите? — Лешкина мать радостно всплеснула руками.— Они не стреляли! Леша не стрелял! Он говорит правду, даю вам честное слово матери.

Фомин и без ее честного слова знал, что Лешка Супрунов на этот раз говорит чистую правду. Ружье ночью пропало. Очевидно, его унес тот, кто обрубил поводья из электрического провода и освободил лошадей. Но если это был хороший, жалостливый человек... Он давно уже принес бы ружье в милицию. Или нашел бы способ сообщить, что оно у него. Выходит, обрубил поводья и унес ружье кто-то, чьи мотивы весьма сомнительны. Возможно, кто-то из этой же компании. Но с какими целями?

— Ложись спать,— сказал Фомин Лешке.— Завтра в десять ко мне.

Лешкин отец накинул плащ и вышел проводить Фомина.

— Страшное несчастье,— говорил он убито.— Мы уехали из Шуи, потому что Алексей связался с плохой компанией. Бросили прекрасную квартиру. Но здесь началось то же самое.

Фомин молчал. А что можно сказать? Что от самих себя никуда не уедешь?

На улице его поджидали оба дружинника. Они обшарили все углы в избушке Бабы-Яги и ничего не нашли, кроме окурков. Зато потом им повезло. Одного из лошадиников родители выгнали из дома с древним напутствием: «Ступай туда, откуда пришел». Парень решил переночевать у Бабы-Яги и угодил прямиком в руки дружинников. Они его взяли в оборот, и он во всем признался. И в том, что компания Супы угнала лошадей из фабричной конюшни. И в том, что Супа прихватил висевшее там ружье...

Дальше дружинники пересказали Фомину слово в слово то же самое, что он только что слышал от Лешки Супрунова. Точность совпадения озадачила Фомина. «Не Безин ли приказал?» Фомин поглядел вверх, на темное раскрытое окно, и ему почудилось, что там кто-то стоит.

V

Вихрь проснулся среди ночи. В деревне что-то случилось, хлопали двери, тревожно перекликались голоса. Вихрь вздохнул и весь напрягся в ожидании. Сейчас ему придется исполнить древний закон рабочих лошадей — себя не пощадить, но честно сослужить людям.

Со скрипом отворилась дверь, в конюшню внесли свет жестяного керосинового фонаря, женские трясущиеся от волнения руки стали собирать Вихря в дорогу. Он беспокойно оглядывался: где Хозяин? Хозяина не было. Не с ним ли случилась беда?

— Ты уж выручай, Вихорек! — приговаривали женщины, запрягая Вихря в легкую телегу, подаренную стариком кузнецом.

Они подвели его к крыльцу, ушли в избу и вскоре появились, согнувшись под тяжестью человеческого тела, завернутого с головой в толстое стеганое одеяло. Вихрь испуганно всхрапнул: лошади не любят возить мертвых. Женщины с трудом приподняли длинный сверток и занесли в кузов. Вихрь успокоился: в одеяло был завернут живой человек.

Одна из женщин подошла к Вихрю, погладила, уронила ему на губы теплые соленые капли:

— Прости, Вихорек, если что...

Другая села на облучок, натянула вожжи и негромко приказала:

— С богом!

Вихрь влег в хомут, взял с места и сразу же зашпешил впритруску, слыша позади слабые стоны и слезную мольбу:

— Терпи, скоро доедем...

Какое там «скоро»! Вихрь по сборам, по прощанию понял, что дорога будет долгой, трудной. Только бы хватило сил! Нынче ему никак нельзя то подналегать, то расслабляться, нынче ему бежать да бежать. Его торопили вожжи, взмахи тонкой хвостины, упрашивал голос: «Но-о-о, милый!», подгоняли стоны, доносившиеся с телеги. Дорога не кончалась, телега сделалась невыносимо тяжелой, Вихрь задыхался, весь взмок, каждый шаг мучительно отдавался в больных суставах, глаза застилал туман, но он все бежал и бежал, слыша позади: «Но, милый! Терпи, скоро доедем...»

Терпеть он умел, на том возрос и жил. В роду у Вихря все были терпельники. Так неужто он, последний в своем роду, не вытерпит все муки на последнем, быть может, своем пути? Кончается терпеливый лошадиный род — так пусть кончается не бесславно.

Вихрь подналег из последних запасов сил, и ему показалось, что он помчал резво, как, бывало, в молодости. Только оперевшись в больничные ворота, Вихрь очнулся и понял, что не летел сюда во весь опор, а едва доковылял, шатаясь и засекаясь. Но ведь не свалился, довез!

Обернувшись назад, он следил, как сверток в одеяле переложили на носилки и унесли. За носилками шла женщина, все еще держа свою ненужную теперь слабую хвостину. Вихрь бессильно уронил голову и расставил дрожавшие ноги пошире, он боялся упасть. Но больничный сторож не позволил Вихрю стоять на месте, умело распряг и, нашептывая ласковые слова, стал водить Вихря по двору, обтирать мокрую спину и бока взятым из телеги сухим душистым сеном. Вихрь понял, что сторож когда-то имел дело с рабочими лошадьми, ему можно довериться.

Но ни Вихрь, ни больничный сторож не знали ничего о войне между Ермаковским сельсоветом, помещавшимся рядом с больницей, и последними жителями Дебри.

— Откуда у них лошадь? — удивились утром в сельсовете, увидев привязанного к телеге Вихря. Чужие люди

взяли его под уздцы, привели на чужой двор, заперли в сарае. Днем пришел больничный сторож, принес Вихрю ведро с теплой болтушкой, от нее вкусно пахло овсом, Вихрь с удовольствием уплел больничную кашу из «Геркулеса», разбавленную водой. Он ждал, когда за ним придет женщина с хворостиной, чтобы ехать обратно в деревню. Она все не шла. Вихрь вспомнил, как другая женщина попрощалась с ним словно бы навсегда, и его охватила гнетущая тоска.

На другой день чужие люди привели к сараю фабричного конюха, который всегда ругался, бил Вихря кулаком по глазам и говорил, что сдаст на мясокомбинат. Вихрь задрожал от страха и стал колотить копытами в стену сарая. После хорошей жизни у Хозяина ему не хотелось возвращаться обратно на фабрику.

— Психует! — сказали чужие люди и отошли по-дальше.

Конюх заглянул в сарай и рассердился, раскричался:

— Почему не передали приметы? Ездишь из-за вас попусту! У меня рыжий пропал, с белой отметиной на лбу. А у вас какой? Гнедой, без отметины!

Накричавшись, конюх повернулся и пошел, двери сарая опять заперли на замок.

Вихрь вытянул шею и заржал. Он испугался, что стал теперь никому не нужным. Уж пусть снова голый фабричный двор, насмешки над единственной лошадиной силой. Но конюх не узнал его голоса и не вернулся.

VI

В шесть утра Фомина разбудил звонок дежурного по горотделу:

— Передо мной сидит гражданин и уверяет, что ты его хорошо знаешь. Пришел с ценной информацией и, похоже, по твоему розыску. Машина за тобой уже послана.

Фомин приготовился к неприятному известию, что перед дежурным сидит Киселев. Но, слава богу, это оказалось всего лишь дядя Вася. Приехав в горотдел, Фомин увидел принесенные дядей Васей «сведения» на столе перед дежурным. Четыре сплюснутые пули. Фомин забрал пули и повел дядю Васю к себе.

— Я черного сразу узнал, но виду не подал. Помните, в прошлом году художники пытались обокрасть музей? — Рассказ дяди Васи сопровождался таинственным подмигиванием. — Один из ихней шайки. Пытался, между прочим, отобрать у меня вещественные улики. Но не на такого напал. «Куда-то, — говорю ему, — бросил, не помню». А все четыре пули у меня в кармане. Потом перепрятал в банку из-под графита. Еле утра дождался — и скорее в милицию...

По предположениям дяди Васи, в лесу произошла стычка двух бандитских шаяк, не поделивших добычу. А художник темнит и прикрывается подростками-лошадниками, которые будто бы ночью прострелили шины. На самом деле художник и его сообщники за кем-то гнались на «Жигулях», бандиты, как в кино, отстреливались, целя в шины.

— Теперь они где-то в лесу, скрываются. — Дядя Вася перешел на трагический шепот. — Не дай бог, напорется на них кто-нибудь из грибников! Пришьют и заруют в чащобе, так что и не отыщешь. Мой вам совет: срочно вызывайте вертолет, сверху вы их мигом обнаружите.

Фомин мрачно разглядывал четыре комочка свинца. Значит, Супрунов все-таки соврал. Патроны у мальчишек были. А туристы, обратившиеся за помощью к дяде Васе, те самые, которые прогнали лошадиников от своего лагеря.

— Вам художник сообщил, где их лагерь? — спросил Фомин дядю Васю. — На чем он привез шины? И говорил ли, кто ему посоветовал обратиться за помощью к вам?

Дядя Вася клятвенно прижал к груди растопыренную черную пятерню.

— Вот ей-богу, больше ничего не смог выведать! Сам удивляюсь, как мне удалось прибрать пули. А грузовик скрылся. Я выхожу и вижу у своих ворот художника. Сразу вспыхивают подозрения, но спросить, на какой машине он приехал, значит, спугнешь...

Дядя Вася удалился с гордо поднятой головой. И тотчас раздался телефонный звонок.

— Привет! Мне дежурный сказал, что ты уже на работе. Как самочувствие? — Голос Киселева звучал до наглости жизнерадостно. — Дядя Вася приходил? Пули принес? Коля, я серьезно. Не огрызайся на друга детства и не бросай трубку. Нашего старого знакомого Толю на-

правил к дяде Васе я. Учти, произошла чисто случайная встреча на шоссе, никакого вмешательства в дела милиции. — Киселев тараторил, уверенный в том, что Фомин на другом конце провода слушает с полным вниманием. — Дядя Вася, конечно, не знает, где стоит лагерь. А я там побывал. Значит, так. Поедешь по Нелюшкинскому шоссе. Не доезжая моста через Медвежий овраг, по правую сторону есть сверток в лес. Вчера мы на ЗИЛе оставили там след. Не собьешься. Поезжай по следу — и увидишь роскошную жизнь современной интеллектуальной элиты. И я бы тебе посоветовал...

— Потом, Володя, потом, — перебил Фомин. — Спасибо тебе, ты мне очень помог.

К туристам Фомин поехал вместе с инспектором ГАИ. Холеный пес в раззолоченном ошейнике выскочил навстречу «газику», предупреждающе гавкнул. Из палаток выглянули сонные, разгневанные лица.

— Безобразие! У людей отпуск!

Последним выглянул чернобородый Толя. На его лице выразился явный испуг, сменившийся жалкой просительной миной: «Не выдавай, что мы раньше встречались». Фомин кивнул в ответ: «Понял, не выдам». Туристы, продолжая возмущаться, расселись по шезлонгам, ни один из них не собирался помочь Фомину и инспектору ГАИ в поисках пыжей. Толя тоже возмущался, но взглядами выражал самое горячее сочувствие Фомину и инспектору ГАИ, ползавшим по мокрой от росы траве. После долгих поисков были найдены три пыжа из газеты, еще один исчез неизвестно куда. К сожалению, так и не удалось установить время, когда были совершены выстрелы. На все расспросы туристы отговаривались полным незнанием.

Сколько они еще тут рассчитывают прожить? А это как позволит погода.

На обратном пути инспектор ГАИ разъяснял Фомину, насколько надежен существующий порядок учета личного автотранспорта и контроль на дорогах.

— Эти желтые «Жигули» мы берем на себя. Проследим за каждой поездкой. Установим, кто владелец. Между прочим, раньше и лошади состояли на строгом учете. Мне батя рассказывал. Существовали лошадиные паспорта. Год рождения, кличка, масть, приметы, кому принадлежит. Обязательно полагалось таврить лошадей, у каждого хо-

зайства имелся свой именной знак. А теперь... Все пересели на машины, о лошадях никакой заботы. О них даже в отчетности не упоминают...

Автоинспектор оказался родом деревенский. Вгорячах он забыл про все преимущества автотранспорта перед гужевым.

— Сами не уважаем рабочего коня, — возмущался автоинспектор, — потому и мальчишки себя так ведут! Где это раньше бывало, чтобы пацан лошадь после работы гонял вскачь, да еще ножом колол! Понимали... Мой батя конюхом работает в колхозе. Нашел в лесу двух угнанных коней, привел в деревню, известил милицию о приметах. И что ты думаешь? Хозяева так и не нашлись. Они наверняка уже успели акт составить, что несчастные дружно откинули копыта. Как же после этого обратно приведешь?.. А лошадки неплохие. Они и сейчас у бати в конюшне. Работают. Статного батя назвал Генералом. А другого, здоровилу, Трифоном. Жил когда-то у нас в деревне такой мужик-силач...

Рассказ автоинспектора вновь пробудил у Фомина надежду на скорое завершение розыска. «Лошадей, угнанных подростками из микрорайона, освободил какой-то добрый человек. И ружье у него. Он просто еще не успел добраться до города и сдать. Сейчас приеду в горотдел, и мне скажут, что ружье уже принесли. И пойду я к Петру Петровичу с делом посерьезнее. Конечно, не сражение двух банд в лесу, но, судя по испугу Толи, что-то там нечисто».

В горотделе никто не выскочил навстречу Фомину с радостным известием, что ружье уже принесли. Лешка Супрунов уныло сидел на скамье в полутемном коридоре. Было без четверти одиннадцать.

— Подожди, вызову! — бросил, проходя, Фомин.

Первым делом он доложил дежурному про подозрительных туристов. А потом справился у дружинников, как провел утро Безин.

Дружинники караулили Безина с ночи. Он вышел в половине седьмого, сел на мотороллер, поехал по Сиреневому бульвару и затем свернул на Советскую. Один из дружинников преследовал его на своем мопеде. На Советской дружиннику встретился родной дядя, ехавший на

«Запорожце», недавно купленном у зубного техника Галкина. Дядя спешил в Нелюшку на свадьбу, однако все же согласился помочь дружиннику. Жена, сидевшая в машине, возражала, но слабо. «Запорожец» преследовал Безина по Советской, затем по Фабричной и дальше по шоссе. Безин катил, ничего не подозревая. Неподалеку от Медвежьего оврага преследуемый свернул в лес. Дружинник решил, что это проверка со стороны Безина — нет ли хвоста, и «Запорожец» проехал мимо. Через километр дружинник сошел, дядя с женой, как и намеревались, покатали в Нелюшку на свадьбу. Безин на шоссе не появлялся. Дружинник сел на попутку и вернулся на свой пост возле дома. В восемь часов он и его напарник увидели подъезжающего Безина. Очевидно, его возвращения дожидался и Лешка Супрунов. Лешка вышел из дома, о чем-то он и Безин говорили минуты три, а затем Лешка направился через пустырь в сторону Фабричной. К кому он шел, проследить не удалось. На пустыре между микрорайоном и Парижем построены десятки частных гаражей и сараев. Лешка скрылся в этом лабиринте. Без четверти девять Лешка вернулся. В девять к Безину пришел подросток. Не из микрорайона, чужой. С приметным вихром.

Фомин понял, что приходил вызванный Безиным Андрей Бубенцов. Да, не зря показывала бабушка фотографию любимого внука! Парень оставался у Безина недолго и вышел чем-то довольный.

«Итак, Безин, по прозвищу Бес, побывал у туристов. Но зачем? Туристы, несомненно, не подкрадывались ночью к спящим подросткам, чтобы освободить лошадей. И уж тем более не брали ружья. Зачем оно им?»

Фомин выглянул в коридор и сказал Лешке: «Заходи», но не стал сразу с ним работать, а дал еще потомиться, позвонил на фабрику: где конюх и оказана ли медицинская помощь лошадям, пострадавшим от жестокого обращения?

Лешка тревожно ерзал на стуле, ему казалось, что работа Фомина о лошадях — милицейский прием, психическая атака. На фабрике долго искали конюха и наконец сообщили, что он уехал куда-то в район. Кажется, лошадь нашлась. Та, что давно пропала. Конюх поехал за ней.

— Как вернется, передайте, чтобы позвонил. — Фомин

положил трубку и занялся Лешкой.— Давай, Супрунов, рассказывай про ружье, с самого начала.

Рассказывал Лешка, поглядывая время от времени на потолок, причем с такой заинтересованностью, что Фомин невольно следовал за Лешкиным взглядом, но, увы, не обнаруживал на потолке ничего достойного внимания.

Итак, в пятницу вечером большая компания подростков собралась у гастронома. И вдруг кто-то сказал, что апачи хотят вечером угнать лошадей.

— Я предложил разыграть апачей. Они придут, а лошади тютю. И не секрет, кто угнал. Мы в конюшне письмо оставим. Ребятам понравилось. Сбегали за снаряжением и пошли. Шесть человек. Конюх спал, даже храпел. Мы вошли в конюшню с фонариками, разобрали лошадей. Смотрю, на гвозде ружье. Я взял, повесил через плечо. Поискал патроны — не нашел. Хотел оставить ружье, а потом раздумал. Покатаюсь с ружьем и верну. Ну, подброшу... На лошадях мы поехали по Нелюшкинскому шоссе. Мы не знали, что на фабрике такие плохие лошади. Обычно мы берем в колхозах, колхозные хоть немного скачут, а фабричные — не хотят. Один тип на ЗИЛе наорал на нас, чуть всех не передавил. Мы съехали с шоссе в лес. Попали на туристов, они стали обзывать: «Шпана, хулиганье!» Велели убираться подальше, а то натравят собаку. Мы отъехали от них на другую сторону оврага, привязали лошадей, поели и легли спать. Утром просыпаемся — где лошади? Ушли. И ружье пропало. Я очень испугался, я ведь не насовсем взял, только покататься. Честное слово, я бы ружье вернул, то есть подкинул бы на место.

— А оно исправное?

— Откуда мне знать? — Лешка обозлился: ловит, как дурачка.— Я стрелять не пробовал.

— Мог по виду определить, исправное или нет.

— Темно было.

— И все-таки...

— Исправное. Лаком пахло. Смазкой.

— Теперь я верю — ты его держал в руках. Ружье было накануне взято владельцем из мастерской. Пошли дальше. Давай уточним, в котором часу вы привязали лошадей и легли спать? И когда проснулись?

Лешка отвечал, не забывая сверяться с потолком. Не-

лепость его положения заключалась в том, что ружье он унес по собственной дурости. А вовсе не по приказу Беса, как думают в милиции. Лешка видел, куда клонит Фомин. Что, мол, лошадей угнали для вида, а на самом деле пришли за ружьем.

Проще простого было бы для Лешки признаться Фомину, что он заранее ничего не замышлял. Стояли у гастронома, трепались, пришел Бес, отозвал Лешку и сказал, что апачи на сегодня назначили сбор. У Беса есть какой-то шпион в Двудворицах, выдает ему индейские тайны Кости-Джигита. Ну и что такого?! Подшутить, что ли, нельзя? Пошли за лошадьми. По дороге вспомнили, какое обращение разослал всем лошадиникам Костя-Джигит. Сочинили для смеха письмо, решили оставить на видном месте. А ружье просто на глаза попало...

Лешка мог бы добавить с застенчивым видом, что ему вообще свойственны необдуманные поступки. Сделает что-нибудь и сам не умеет объяснить. Такая вот загадка человеческой психики.

Лешкины родители, вовсе отчаявшись, стали с прошлого года водить его к психиатрам. Те признавали Лешку вполне нормальным, только со склонностью к «безмотивной агрессии». А последний, у кого были, сказал, что «безмотивная агрессия» — неправильный термин, безмотивных поступков вообще не бывает. Просто у Лешки «деформированные потребности». Лешка слушал и мотал себе на ус, что такое «деформированные потребности». Это значит, сильно развитые биологические, неверно ориентированные социальные, а духовные и культурные находятся в зачаточном состоянии.

После очередной консультации с медиками Лешкины родители приходили в еще большее отчаяние. А он все успешнее применял свои познания в психиатрии, чтобы допекать отца с матерью и фокусничать, когда попадал в милицию.

Но сейчас он опасался хоть малость переиграть. Бес приказал давать самые правдивые показания, утаив только одно, никому из ребят не известное, кроме Лешки: угнать фабричных коней велел Бес.

Фомин отправил Лешку в коридор:

— Посиди, подумай. Может, еще что вспомнишь.

А сам отправился во флигелек, к Нине Васильевне.

У нее перебивали с утра по очереди остальные пятеро угонщиков. Ни один не запирался, рассказывали с большой охотой, не путались и не противоречили. Пять чистосердечных признаний совпали полностью, до мелочей, — кто где стоял, кто первым вошел в конюшню, кто писал записку апачам. Все пятеро уверяли, что Лешка про ружье заранее не говорил, а потом, когда взял, будто бы заявил при всех: «Ружье вернем. За ружье могут посадить. Сотру отпечатки пальцев и подброшу в конюшню».

Эти слова вколотил в головы всем пятерым Лешка — после того, как побывал ночью у Беса.

— Я думаю, им можно верить, — сказала Фомину Нина Васильевна. — Они всего-навсего собирались обдурить апачей. Каждый из пятерых вспомнил, что о назначенном апачами сборе они узнали от Супрунова.

— И он так говорит, — заметил Фомин.

— Но видишь ли... — Нина Васильевна замялась. — Апачи каждый свой шаг окружают тайной. Каким же образом Супрунову удалось узнать день и час сбора?

— Ну, это уже из области детских игр, — пробурчал Фомин. — Хотя... — Ему пришло на память беспокойство матери и бабушки Андрея Бубенцова, затем другие факты: покупка Андреем овса, злой блеск в глазах Кости-Джигита при упоминании о Бубенцове, отзыв Вити Жигалова — «чокнутый»... А сегодня утром Бубенцов наведлся к Безину и вышел очень довольный. Это уже не детская игра!

Фомин пересказал Нине Васильевне все, что ему удалось разузнать в Двудворицах.

— Безину о назначенном апачами сборе сообщил Бубенцов, — уверенно заявил Фомин. — Но зачем Безину эти детские индейские тайны?

— Ему зачем?! — Нину Васильевну удивила непонятливость Фомина. — А для развлечения. Чтобы дразнить, измываться, унижать других! Чтобы утверждать свое превосходство! Но Андрей... — Она решительно мотнула головой. — Нет, он не мог предать апачей. Он действительно немного чокнутый. Недавно пришел ко мне и просит помочь ему устроиться в школу-интернат. Я прямо руками развела. «Чего, говорю, тебе надо? Дома условия вполне нормальные. Мама и бабушка на тебя не надышатся».

— Вот видишь, — отечески укорил Фомин. — У парня какая-то червоточина. А тебя послушать, все твои подопеч-

ные один лучше другого, и ничего плохого они сделать не могут.

...Возобновив беседу с Лешкой, Фомин среди прочих вопросов задал ему и вопрос о том, кто разведал тайну апачей насчет дня и часа сбора. Лешка поднял глаза в потолок, что-то там искал долго и старательно, но так и не нашел.

— Да ну их! Тоже мне тайны! Сказал кто-то, не помню.

— Ладно, я сейчас помогу тебе вспомнить...— Фомин выдержал паузу и выпалил в упор: — Безин? Я правильно говорю? У него есть свой человек в Двудворицах. Кто? Бубенцов? Ты сегодня ходил за Бубенцовым по поручению Безина?

Но Лешка так и не выдал своего шефа. Окаменел и вообще перестал отвечать на вопросы.

Нина права, Безин их всех здорово запугал. Но к хищению ружья он, возможно, и не причастен. Он послал их «подшутить» над апачами. И Лешка действительно взял ружье просто так. И оно действительно затем исчезло неизвестно куда...

— Можешь идти домой,— разрешил он Лешке.— И думай, думай. Я еще тебя вызову. И не раз.

Выходя, Лешка столкнулся нос к носу с конюхом Шиловым. Фомин отметил, что они друг с другом незнакомы. «Впрочем, это обстоятельство ровным счетом ничего не значит. Кроме того, что я теперь окончательно сбит с толку».

— У лошадей самочувствие удовлетворительное, температура нормальная,— бойко докладывал Шилов.— Две освобождены от работы по случаю временной нетрудоспособности.

— Говорят, седьмая отыскалась?

— Пустой номер, Николай Палыч.— Конюх досадливо махнул рукой.— Напрасные надежды. Вихрь рыжий, с белой отметиной на лбу. А нашелся гнедой. И без отметины. Да и не такой старый. Зря только ездил, время терял.

Фомин повел Шилова к дежурному по горотделу. Дежурный говорил по телефону, полупривстав и поминутно повторяя с величайшим усердием: «Вас понял!.. Есть!» Это значило, что на проводе начальство. Увидев Фомина, дежурный сделал страшные глаза: мол, разговор касается тебя. Фомину такое известие не доставило удовольствия.

Ему вовсе не хотелось, чтобы начальство и сегодня, в воскресенье, интересовалось розыском ружья, идущим из рук вон плохо. Оглядывая кабинет начальника с длинным зеленым столом посередке, Фомин представил себе со всеми подробностями, как завтра в девять утра здесь соберутся сотрудники и Налетов при всех устроит разбор его неумелых действий.

— Есть! — в последний раз отчеканил дежурный и положил трубку. — Тебя просили пока не уходить, — сообщил он Фомину, не вдаваясь в подробности при постороннем.

— Ясенько! — проронил Фомин как можно беспечальней. И оглянулся на застрявшего возле двери Шилова. — Подойдите-ка сюда поближе, сядьте и расскажите о своей поездке в Ермаково.

Выслушав Шилова, дежурный зашелестел бумажками.

— Вот... Сообщение из Ермакова. Работниками сельсовета конфискован конь, который, по имеющимся достоверным сведениям, был похищен подростками-лошадниками еще весной и спрятан в деревне по названию Дебрь с согласия тех тамошних жителей, являющихся таким образом соучастницами кражи государственного имущества.

— Столько сведений собрали, только про масть забыли! — возмутился дежурный. — Ну, ничего, сейчас поищем, кто заявлял о пропаже гнедого. — Он перелистывал бумаги и вычитывал вслух: — «Кобыла соловая, по кличке Малинка...» Не то! «Мерин серый в яблоках...» Не то! «Корова черно-пестрая, один рог сломан...» Не то! «Коза Маруся, гусыня с пятью гусятами...» Вот! «Гнедой в белых чулках, возраст семь лет, пропал на прошлой неделе из совхозной конюшни, особая примета — хвост острижен под самый корень...»

— Нет, нет... — Шилов все энергичнее мотал головой. — Не в чулках. Хвост длинный. И лет не семь — больше.

Дежурный еще порылся в записях, но больше там гнедых не нашел. Только один — в белых чулках и с остриженным под корень хвостом.

Фомин слышал от старых рыбаков, что в прежние времена леску делали из конского волоса, выстригали по-маленьку из хвостов, особо ценя белые. Но кому и зачем

сейчас понадобилось отхватить у несчастного гнедого весь хвост целиком? Как ему теперь от оводов защититься, от прочей мухоты? Дикая, жестокая, бессмысленная выходка! Фомину вспомнились слова автоинспектора, с которым он ездил к туристам: «Сами не уважаем рабочего коня, потому и мальчишки себя так ведут». Конечно, не уважаем. В Ермакове обнаружился какой-то гнедой, а заявления о его пропаже нет. Совершенно безобразный и возмутительный факт. И если копнуть, выяснится, что где-то уже преспокойно сочинили акт, написали, что гнедой сломал ногу и его пришлось пристрелить. Или еще под каким-нибудь предлогом списали, зная, что за коня строго не спросят. За Вихря ведь тоже ни с кого не спрашивают.

— С завтрашнего дня вы сами начнете искать своего рыжего с белой отметиной! — приказал Фомин Шилову.

Шилов изобразил полную готовность:

— Я что? Я пожалуйста! Лишь бы начальство решило отлучиться в рабочее время с рабочего места. Вихря ведь не по деревням придется искать. По лесам да по полям. Он не такой, чтобы его поймали и запрягли. Вихрь никого к себе близко не подпустит.

После ухода Шилова Фомин сказал дежурному:

— А гнедым, который в Ермакове, я займусь сам. Найду, кто хозяин, и установлю, почему не заявлял. Пора кончать с бесхозным отношением к лошадям.

— Не тем тебе надо заниматься, Фомин, — рассудительно возразил дежурный. — Тебе, Фомин, надо подумать, и очень крепко, с чем ты пойдешь к Петру Петровичу сегодня в шестнадцать ноль-ноль.

...В шестнадцать ноль-ноль вместе с Петром Петровичем Налетовым приехал заместитель по оперативной части Вадим Федорович Баранов. Фомин поплелся докладывать, что дело о ружье становится сложным и запутанным. Но вопреки его ожиданиям и посулам дежурного, Петр Петрович уделил безуспешным поискам ружья только одну, правда сокрушительную, фразу:

— Действовал ты недостаточно оперативно, без огонька, потому и не добился результата.

Оказалось, Фомин вызван на шестнадцать ноль-ноль по совсем другому поводу.

— С утра сегодня занимаемся твоими туристами, — сообщил Налетов. — Там действительно что-то не чисто.

Как видишь,— он кивнул на Баранова,— и Вадим Федорович, несмотря на воскресенье, тоже здесь. Уже установлено, что шины привез в ремонт шофер Куприянов. Он же их отвез сегодня утром. Мы его пока не трогаем. Поглядим, что дальше.

«Куприянов? Но ведь Кисель говорил, что художника направил к дяде Васе он!» Фомин помялся и передал Петру Петровичу утренний разговор с директором музея Киселевым.

— А-а-а, опять твой детектив,— ехидно заметил Баранов.

— Его информация оказалась своевременной и полезной,— твердо заявил Фомин.— Мы должны опираться на общественность!

Покидая кабинет Налетова, Фомин подумал: «А ведь Кисель не поверит, что я за него заступался. Хоть клянись — не поверит».

Дома Валентина Петровна встретила Фомина вопросом:

— Ты Володю на улице не встретил? Он только что ушел.

— Что ему нужно? — подозрительно спросил Фомин.

— Ничего. Зашел в гости, рассказывал о своих планах. Он собирается создать при музее исторический кружок. Уже есть актив, ребята из Двудвориц. Он хочет познакомиться с их школьными характеристиками. Я позвонила в Двудворицкую школу и договорилась, ему покажут характеристики.

— Значит, Кисель все-таки приходил не в гости, а по делу,— проворчал Фомин.— Напрасно я заподозрил, что он ходит любезничать с тобой, пока я на работе.

Продолжая ворчать, Фомин оставил в передней ботинки, сбросил в комнате пиджак, прошел в ванную и встал под душ, резко переключая то на горячую, то на холодную воду. «Эх, все равно с баней не сравнить. В субботу сходишь в баню, попаришься, и всю неделю голова ясная, работоспособность отличная. Если бы в эту субботу я побывал в парилке, не было бы безрезультатной копотни с пропавшим ружьем. Я бы мигом нашел. Да, вся причина в том, что у меня сорвалась субботняя баня.— Фомин ярост-

но намылил голову и пустил почти кипятком. — Так! Улучшим кровообращение!.. Но каков Кисель! Что ему надо в Двудворицах?» Ванную заволокло паром, Фомину начали приходить в голову дельные планы на завтра.

Он выбрался из ванной красный, как помидор, с махровым полотенцем на шее, и уселся за кухонный стол, по минутно вытирая полотенцем обильный и крупный пот.

— И напрасно ты подозреваешь Володю Киселева. — Валентина Петровна поставила на стол тарелку шей и села напротив. — Про твои дела он меня совершенно не расспрашивал. Ни про лошадиников, ни про ружье. Не будет он заниматься всякой мелочью после того, как раскрыл ограбление, происшедшее семьдесят пять лет назад!

VII

В понедельник Володя вышел из дома спозаранку, чтобы перехватить на автобазе Куприянова. Затем Володе предстоял визит в Двудворицкую школу, где канцелярия откроется не раньше десяти. Разрыв во времени примерно два часа. Можно бы забежать домой, но слишком дальний конец. Поэтому Володя решил сразу взять с собой блокнот Кости-Джигита.

Спускаясь вниз по улице Лассалья, Володя размышлял о том, что два часа сегодня пропадут зря. Расточительность времени — худшая из всех. Так говорил итальянский писатель Чезаре Канту. Человеку, который дорожит своим временем, необходимо иметь хотя бы какое-нибудь средство передвижения. «Хотя бы лошадь!..» — мелькнуло в голове, и сразу представилась сытая лошадка, запряженная в коляску на рессорах, в ту самую коляску, которая до сих пор хранится вместе с прочим хламом в бывшем каретном сарае во дворе музея.

«А почему бы и нет? — спросил себя Володя совершенно серьезно. — Зубной техник Галкин ездил на «Запорожце», теперь купил «Москвича». А я буду ездить на собственной лошади, это дешевле. Не так уж трудно запасти на зиму сена. У меня есть опыт, я держал козу и вполне справлялся...» Володя увидел дивную картину. Вот он утром запрягает свою смирную — непременно смирную! — лошадку и едет на работу. И другие едут на работу на дрож-

ках, в колясках, во всяких прочих экипажах. Володя почти-тельно раскланивается с едущей в больницу на дрожках с красным крестом Галиной Ивановной и при этом замечает, что он сам уже в бороде и в усах. Что ж, вполне естественно для интеллигентного человека, живущего в провинции. «Как только заведу лошадь, так сразу же отпущу бороду и усы».

Володя продолжает воображаемую поездку по Путятину, где наконец оценили конный транспорт, самый дешевый и не загрязняющий атмосферу. Володя заезжает во двор музея, ставит свою смирную — непременно смирную! — лошадку в старинную конюшню. Потом на его лошадке сотрудники музея отправляются в горсовет, по другим делам. Или лошадку запрягают в телегу, привозят на ней уголь, дрова. Сколько удобств! Не надо обивать чужие пороги, выклянчивать машину. Все сами, на своем транспорте...

В мечтах Володя не заметил, как дошагал до автобазы. Он подоспел вовремя — из ворот выезжал голубой ЗИЛ Куприянова.

— Толково! — заявил Куприянов, выслушав Володино предложение. — Сделаю. Сегодня же. В самом лучшем виде.

Провожая взглядом тяжелый ЗИЛ, Володя с особым вниманием остановил взгляд на могучих колесах. «Никакой лошадке с тележкой не справиться с тем, что сегодня сделает Куприянов на своем ЗИЛе...»

Деревенскими улочками Крутышки Володя вышел к городскому парку. Когда его закладывали в 1929 году, в честь первой пятилетки, безвестный фотограф забрался на крышу фабрики и запечатлел с высоты пустырь, нарядных рабочих и работниц, сажающих молодые деревца. В прошлом году Володя попросил клубного фотографа Шарохина сделать снимок с той же самой точки. Теперь в музее висят рядом две фотографии. На второй — густые кроны деревьев, сплошная зелень, из нее выглядывает макушка карусели и раковина танцплощадки.

Основательная прогулка по тенистым аллеям парка входила в Володиные планы. При ходьбе мозг заряжается энергией, появляются блистательные идеи, каких вовек не дождешься, высиживая за письменным столом.

Сначала Володя поразмышлял о своем вчерашнем раз-

говоре с Валентиной Петровной: «Есть люди, которые избавляют нас от необходимости прилгнуть. Сами все прибавят и досочинят». Идучи к Валентине Петровне, Володя чувствовал себя неловко. Он не имел права доверять ей чужие тайны и не хотел выдумывать фальшивые причины своего интереса к ребятам из Двудвориц. В конце концов он составил уклончивую фразу: «Я познакомился с компанией подростков из Двудвориц, и мне было бы полезно знать, что о них думают в школе». Валентина Петровна тотчас взялась за телефон и стала звонить подруге, которая работает в Двудворицкой школе. «Создал бы ты, что ли, в музее кружок юных историков,— заметила Валентина Петровна, крутя пальцем телефонный диск.— Ну, вот, опять занято! Да, кружок — хорошее дело!» Когда наконец Валентина Петровна дозвонилась до подруги, ее воображение превратило собственные благие пожелания в Володины планы работы с подростками из Двудвориц. «Ты ему покажи характеристики,— втолковывала она подруге.— Он кружок создает. Юные историки, очень увлекательное занятие для твоих трудных. Но с одними трудными он пропадет, дай ему на подмогу хороших девочек...»

Вспомнив рекомендации Валентины Петровны, Володя иронически улыбнулся. «Апачи и кружок юных историков? Ха-ха-ха! Несовместимо! Апачи не пойдут в музей. У апачей другие потребности. Их влечет запретность, опасность, риск, тайна, вражда. Апачей только отпугнет перспектива заняться чем-нибудь полезным — для них самих, для людей. Даже если создать в Путятине кружок конного спорта, члены которого будут не только кататься, но и ухаживать за лошадьми, чистить и кормить... Власть в этом кружке, как и в любом другом, тотчас захватят старательные девочки. Они начнут борьбу с опозданиями. Будут прорабатывать нерях, которые плохо чистят закрепленных за ними лошадей. Установят самые строгие правила приема. И уже не подойдешь к лошади с двойкой в дневнике и с плохой школьной характеристикой.

— Вот именно! — вскричал Володя и остановился.

Какая-то очень важная мысль рождалась в голове и требовала максимума сосредоточенности: «Они станут требовать школьную характеристику!.. Ха-ра-кте-ри-сти-ку! В школе одна, у Кости-Джигита — другая. Но характеристикам всегда свойственно тяготение к стандарту. Я могу

их сравнить, сопоставить. И это не должно стать простым вычислением среднего арифметического: сложить и разделить пополам. Есть другой путь. Не арифметика, а химия. Две безликие характеристики — это две пробирки с бесцветными жидкостями. Их надо слить в одну колбу. Что произойдет? Легкое помутнение? Или взрыв?..»

Володя двинулся дальше, радостно потирая руки. «В каждом своем расследовании я стараюсь использовать оригинальный прием. Расследуя кражу четырех фотографических аппаратов, я изобрел метод фотографического воображения. Теперь у меня на вооружении химия. А она, как говорил великий Ломоносов, широко распространяет руки свои в дела человеческие».

В Двудворицкой школе Володе выдали по его списку грудку папок с личными делами. Он уединился в кабинете химии, под сенью таблицы Менделеева, в окружении шкафов, набитых пробирками, колбами и ретортами. Слева он положил школьные папки, справа Костин блокнот.

Для начала Володя поставил простейший опыт. Чиба, он же Витя Жигалов. У Кости в блокноте: «Шатен, уравновешен, ловок, хороший семьянин». В школьной характеристике: «Ленив, на уроках невнимателен, в общественной жизни участия не принимает». Прекрасно. И тот и другой реактив абсолютно бесцветны. Володя поставил перед собой воображаемую колбу, приблизил к ее горлышку две воображаемые пробирки с бесцветными жидкостями. В колбу потекли две струйки. И вдруг внутри все забурлило, замутилось, стал выпадать хлопьями голубой осадок.

— Отлично! — Володя поглядел воображаемую колбу на свет. — Чиба, он же Витя Жигалов, вовсе не пустой человек.

Дальнейшие опыты неизменно давали бурную реакцию. Жидкость в колбе окрашивалась то в синий, то в зеленый, то в оранжевый цвет, выпадали всевозможные осадки. И лишь однажды никакой реакции не произошло, бесцветные жидкости из двух пробирок втекли в колбу и спокойно перемешались. Володя взбалтывал воображаемую колбу, ставил на воображаемую горелку. Никакого результата. Перед ним был классический пример приспособления личности к двум различным формам человеческих отношений.

— Н-да... — пробормотал Володя, — стоит обра-

тить внимание на Куру, ученика 8-го «А» Михаила Курочкина...

«А теперь внимание! — мысленно скомандовал он самому себе. — Максимум осторожности. Исследуется Андрей Бубенцов. Что у него в школьной характеристике?» «Слабо развит, интересы ограниченные, в классе авторитета не имеет». А что в блокноте Кости-Джигита? «Блондин, уравновешен, хороший семьянин, обладает сверхъестественными способностями...» Володя поглядел на свет вторую пробирку. Жидкость в ней была словно бы подкрашена чем-то зеленым. «Что ж! Сливаем!» Володя еле успел отшатнуться. Воображаемая колба в его руках разлетелась вдребезги. Да, это был настоящий лабораторный взрыв. Володя мог торжествовать.

«Изобретенный мной метод химической реакции способен давать практические результаты. Я, конечно, не стану делиться полученными сведениями с Васькой и Костей-Джигитом, — размышлял Володя, наводя порядок на своем воображаемом лабораторном столе. — И не знаю, стоит ли рассказывать о моих опытах Фоме. Он меня поднимет на смех, Фома консерватор по натуре, он отвергает оригинальные методы расследования...»

Выйдя из школы, Володя не поленился обойти ее вокруг и самым внимательнейшим образом изучить настенные надписи и рисунки, сделанные мелом, углем, карандашами всех цветов. По опыту своего детства он знал, как много можно тут почерпнуть ценнейшей информации. Володя сам когда-то в приступе бессильной злости нарисовал мелом на заборе мерзейшую рожу с огромными ушами и оскаленным ртом, а внизу начертал имя своего врага и с наслаждением вывел: «Дурак». Множество таких рож глядело на него сейчас со школьной стены, с ближних заборов и стен домов. Володя обратил внимание на то, что все рисунки словно бы выполнены одной рукой. Разные мстители изображали разных своих врагов, но всюду скалилась одна и та же рожа с оттопыренными ушами и тремя волосиками торчком.

«Все это чем-то напоминает ритуальные маски, — подумал Володя. — Сколько лет мне было, когда я в злой обиде нарисовал такую же? Одиннадцать. А ведь в этом возрасте я уже рисовал вполне недурно, одну из моих работ — портрет Таньки на фоне цветущей сирени — взяли на област-

ную выставку юных художников. И все-таки, когда дошло до места, я изобразил на стене то же, что изобразил бы любой, не имеющий никакого понятия о линии и перспективе...»

Володя так увлекся своими размышлениями, что чуть не проглядел знакомое имя, нацарапанное на стене мелом, причем уже давно, потому что меловые линии раскисли от дождей. А вот и еще одна рожа с такой же подписью. И тоже мел изрядной давности. «Мусин дурак». Значит, очень крепко досадил кому-то в минувшем учебном году восьмиклассник Мусин, он же Костя-Джигит.

Но именно о нем Володя до сих пор не знал почти ничего. Прозвище говорило о талантах наездника. Блокнот — о том, что вождь апачей организовал ребят из Двудвориц не в уличную шайку, а в товарищество на паях. В школьной характеристике написано, что у Мусина способности средние, но учится он неплохо, потому что старателен и усидчив. Характеристика совершенно бесцветная, как и все прочие. Однако у Володи нет второй такой же бесцветной пробы, чтобы произвести лабораторный опыт. Ведь в блокноте вождя апачей отсутствует характеристика Кости-Джигита. «Мне известно только, что он брюнет. А вот насколько он отважен и уравновешен и какой он семьянин — тут все сплошная неизвестность. И насчет отношений вождя с Бубенцовым тоже. Хотя, возможно, разгадка тайны как раз в отношениях между этими двумя...» Воодушевленный такой идеей, Володя с удвоенным рвением продолжал свое исследование настенных надписей и рисунков.

Ему встретилось довольно много классических надписей типа «А+В=любовь». Одна из них была выведена на стене трансформаторной будки, причем довольно высоко, с земли не достать. Как видно, здесь в старших классах бушевали довольно сильные чувства.

Однако, сколько ни искал Володя хоть какое-нибудь упоминание об Андрее Бубенцове, ему ничего найти не удалось. Зато ему удалось обнаружить на стене нового спортивного зала, пристроенного совсем недавно к старому школьному зданию, весьма серьезное сообщение. Надпись была сделана карандашом на чистейшем силикатном кирпиче: «Курочкин предатель». Володя потрогал пальцем белые шелушинки возле букв. Карандаш совсем

недавний. Кто-то узнал о предательстве Курочкина и решил известить других.

«Но почему он решил сделать свою надпись здесь, на стене спортивного зала, где ее никто не увидит до первого сентября?» — размышлял Володя, покидая необитаемый летом школьный двор. — Если я найду ответ на этот вопрос, мне очень многое станет понятным...» Володя призвал на помощь воображение и увидел школьный двор, битком набитый ребятами. Первоклассники с букетами и увесистыми ранцами. Старшие налегке, только мятая тетрадка за пазухой. Все в пределах заранее известного и предсказуемого. Но есть одна неожиданность. Какая? Володя ожесточенно потер лоб. Что же там произойдет, в недалеком от сегодняшнего утра первом утре занятий? И вдруг его осенила догадка. Вот оно что!.. Кто-то не придет в школу первого сентября. И не придет тот самый ученик, который оставил надпись на стене спортивного зала. Он потому и написал сейчас, что первого сентября его здесь не будет. Надпись мелкая, но ее заметят. Другим непонятно, однако апачи поймут. Володя в нерешительности остановился. Не повернуть ли обратно? Не спросить ли, кто приходил на днях за документами? И какие привел объяснения своего ухода из школы? Возможно, его уход связан с последними происшествиями, со странным интересом некоего Беса к апачам, даже с похищением ружья. А может быть, он просто уезжает с родителями из Путятин и напоследок передает апачам важное сообщение. Пока жил здесь, боялся, а теперь разоблачает Курочкина... Перебирая в уме возможные варианты, Володя не трогался с места. Ему не хотелось возвращаться в школу. В музее сейчас тихо, никого нет. На полках старинных книжных шкафов, среди томов, переплетенных в кожу, с золотым тиснением на корешках, стоят и труды по коневодству, каталоги и альбомы с фотографиями скаковых лошадей. Помнится, была там и папка с гравюрами... «Обучать — значит учиться вдвойне», — говорил французский моралист Жозеф Жубер. Я должен знать о лошадях все. Стыдно щеголять перед мальчишками поверхностной эрудицией...»

Улицы Двудвориц, застроенные одинаковыми бревенчатыми домами в два этажа, навели Володю на философские размышления. В тридцатые годы в Путятине гор-

дились новыми Двудворицами. Сюда переселились из казарм семьи кадровых рабочих. С тех пор народ, конечно, переменялся, но до сих пор ощущается в Двудворицах коммунарский дух, живут здесь открыто, гостюют по праздникам друг у друга, а если обломились перила на крылечке, не ждут столяра из домоуправления, кто-нибудь из жильцов в ближайшую субботу починит. В микрорайоне жизнь уже совсем другая, там труднее поднять жильцов на благоустройство двора, зато каждый без конца совершенствует и украшает свою квартиру. По-особому живет Крутышка, деревенская, одноэтажная, пенсионеры из Крутышки приторговывают на городском рынке свининой и ягодами, овощами. Париж населен людьми безалаберными, там нет ни садов ни огородов. Посад? Посад населен посадскими... Володя поколебался и не стал искать определение, что же отличает посадских, среди которых есть и еще особая часть — монастырские. «Что ни город, то норов», — утверждает русская пословица. Но и в городе, что ни край, то своя особина. Это очень важно помнить, разбираясь в делах подростков-лошадников. Костя-Джигит и Бубенцов живут в Доме Пушкина. Имеет ли какое-нибудь значение этот факт?

В свое время Володя решительно принял сторону жильцов Дома Пушкина в их споре с литераторшей из Двудворицкой школы. По Володиному глубочайшему убеждению, самая темная бабка из дома номер двадцать была ближе и к Пушкину и к Опекушину, чем все умные дуры на свете. Умных дур Володя считал своими злейшими врагами, относя к ним тех, кто всю жизнь поучает других, ничему от людей не учась.

«Нельзя быть в Двудворицах и не поклониться Александру Сергеевичу». Володя свернул во двор Дома Пушкина, и его чуть не сбили с ног выскочившие навстречу Васька и Костя-Джигит.

— Владимир Алексаныч! Ушел! — горестно вскричал Васька.

— Кто ушел?

— Буба!

— А кто мне давал честное слово? — строго спросил Володя. — Кто мне обещал ничего не затевать?

Под его взглядом Васька уныло съезжился, зато вождь апачей держался невозмутимо. Володя понял, что слежка

за Бубенцовым целиком Васькина затея и что Васька, возможно, присочинил, будто выполняет Володино поручение.

— Я рад, что Бубенцову удалось от вас уйти! — продолжал Володя. — Мне все больше нравится Андрей Бубенцов, хотя я с ним не знаком.

Володя рассчитывал задеть этими словами вождя апачей, вызвать на разговор, но вождь стоял с каменным лицом. А вспылил и завелся Васька.

— Нравится? А вы знаете, чем он занимается? — И Васька с жаром выложил все, что ему удалось узнать.

С утра пораньше он и Костя спрятались под скамьей Пушкина и подслушали вылетававший через раскрытое окно громкий воспитательный разговор матери и бабушки с Бубой. Разговор содержал немало ценной информации. Оказывается, Буба связался со шпаной, не ночует дома, опять угоняет лошадей. Насчет угона лошадей вылетели из окна не только попреки, но и вещественное доказательство — самодельная уздечка.

— Во! — Васька вытащил из-за пазухи ремешки, украшенные накладками из насеребренного металла.

— Тонкая работа! — авторитетно объявил Володя, осмотрев уздечку. — С чего вы взяли, что самоделка? Таковую и в музее не стыдно выставить.

При слове «музей» Васька сделал охотничью стойку. Володе удалось воспитать в нем величайшее почтение к своим занятиям.

— Ну? — Васька выразительно глянул на вождя апачей: «Как? Отдадим в музей?».

— Пожалуйста, берите. — Костя ухмыльнулся. — Буба себе другую сделает, еще лучше. Он в прошлом году знаете какую сделал! Из дедова офицерского ремня! Тоже мать и бабушка ругались. Память о деде. Буба им обещал больше не ходить с угонщиками. А сегодня они плачут, а он уперся: «Ходил и буду!». Орет на них. Раньше никогда не орал.

— «Я не маленький»! — проверещал Васька, явно подражая голосу Бубы. — «Имею право сам выбирать своих друзей»!

В Васькином эмоциональном исполнении речи Бубы звучали на редкость нагло и бессердечно.

«Я, кажется, поторопился выразить симпатии к этому Бубе, — подумал Володя. — И я опростоволохился с оцен-

кой уздечки, уронил свой авторитет. Надо что-то принять, чем-то их удивить». Володя предложил Ваське продолжить свой рассказ и стал слушать с особым вниманием, выискивая, за что бы зацепиться.

Наблюдатели видели, как ушли из дома мать и бабушка Бубы. Васька неслышно прокрался к дверям квартиры Бубенцовых на втором этаже и обнаружил на дверях огромный висячий замок. Наблюдатели пришли к выводу, что Буба подвергнут домашнему аресту. В Двудворицах это мера наказания применяется родителями часто. Васька и Костя-Джигит не оставили своего наблюдательного пункта и сосредоточили внимание на окнах квартиры Бубенцовых, выходявших во двор. Время шло, но Буба не делал попыток выбраться из дома через окно. Васька еще раз подкрался к дверям квартиры Бубенцовых, чтобы подслушать, чем занимается Буба. И тут Ваську ожидал неприятный сюрприз. Огромный висячий замок исчез, окно на лестничной площадке, выходявшее на противоположную сторону дома, оказалось полуоткрытым. Буба перехитрил наблюдателей и скрылся.

— Бежал через окно? — Володя мигом понял, что вот она, зацепка. — Нет, — сказал он сыщикам, — тут что-то не так... — И предложил им еще раз повторить все сначала.

Когда они, перебивая друг друга, дошли до огромного висячего замка, Володя мысленно вскричал: «Эврика!»

— Вот что, Костя... Нет, лучше ты, Васька. Сходи-ка проведай заново квартиру Бубенцовых, и ты увидишь, что замок опять на месте. Обязательно дотронься до него, и ты убедишься, что, во-первых, он висит не в замочных петлях, а прикручен как-нибудь, и во-вторых, он не заперт.

Васька молниеносно исчез и немного погодя вернулся с вытянутой физиономией.

— Висит! Незапертый! Владимир Алексаныч, как вы догадались?

— Очень просто! — Володя специально натренировался в произнесении этой реплики. Жест смущения, слабая улыбка — и собеседники догадываются, что все было далеко не просто. А собственные наблюдения кажутся любому куда убедительнее чужих слов. — Да, очень просто, — повторил Володя с удовольствием. — Где ты, Васька, видел, чтобы двери квартир запирались в наше время на висячие замки? Такие замки предназначены для сараев и кладовок.

Я уверен, что в дверях квартиры Бубенцовых есть внутренний замок. А всякий прицепил Андрей. Невинная хитрость! Андрей надеялся, что вы увидите замок и подумаете, что его нет дома. Но вам взбрело в голову, что Андрей посажен под домашний арест, и вы остались. Андрей наблюдал за вами из окна, он, очевидно, огорчился, что хитрость не удалась, и снял замок. Вот тут ты, Васька, подкрался к двери Бубенцовых второй раз, обнаружил, что замка нет, и поднял тревогу. Андрей увидел, как вы умчались сломя голову. Теперь он мог спокойно уйти. Причем не отказал себе в удовольствии опять прицепить замок на дверь. Он надеялся, что ты, Васька, туда наведаешься в третий раз. Ты именно так и поступил, но уже по моему совету...

Васька не сразу взял в толк Володины разъяснения, но когда наконец понял, в чем состояла хитрость Бубенцова, покатился со смеху. Костя-Джигит уяснил себе все с первых слов и, кажется, проникся к Володе заново изрядным почтением.

— Вот что... — Володя изобразил наивысшую строгость. — Чтобы больше никаких не согласованных со мною действий! Иначе я отказываюсь вам помогать. Даете слово?

— Даю! — веско промолвил вождь, и Володя догадался, что слово это дано не только за себя, но и за Ваську.

— Ну! — Васька вместил, по своему обыкновению, в один краткий эмоциональный возглас весьма основательную и прочувствованную речь: «Я больше не буду! Но уж вы, Владимир Алексаныч, не подкачайте! Я вас так расхвалил этим пустоголовым апачам».

— Подождите меня здесь! — распорядился Володя. — Потом проведите до музея.

Он зашел во двор, постоял возле кудрявого лицеиста. Однако поэтическому настроению назойливо мешало суетное желание разглядеть, как Васька и Костя умудрилисьвтиснуться под скамью.

По пути в музей Володя выводывал у Кости-Джигита дополнительные сведения об апачах. Чем, например, может сегодня заниматься Чиба, Витя Жигалов? Тем же, что всегда. Сидит дома, мастерит электрогитару. «Ага, вот что означают голубые хлопья в осадке, — подумал Володя. — Витя Жигалов умелец и конструктор».

— Ну а, например, Курочкин? — Володя задал этот вопрос как можно равнодушной.

Вождь медлил с ответом, и его опередил Васька:

— Он в кино пошел, Владимир Алексаныч!

Володя внутренне подсадовал на неуместную Васькину шустрость, но делать нечего, излишний интерес к Курочкину может насторожить Костю-Джигита.

Музей по понедельникам был закрыт для посетителей. В вестибюле тетя Дена вязала носок. Володя прошел черным ходом во двор, поднялся по чугунной наружной лестнице в кабинет директора. Через минуту он уже унесся далеко отсюда, на просторы южнорусских степей, в знаменитый Хреновский конный завод, где граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский вывел новую породу лошадей, несравненного орловского рысака, красу России.

— Потрясающе! — вскричал Володя, добравшись в истории коневодства до удивительного поступка Василия Ивановича Шишкина, ближайшего помощника графа Алексея Григорьевича.

Вскочив из-за стола, Володя возбужденно зашагал по кабинету. В его воображении возникла во всех деталях, со всеми подробностями картина похорон достоправного рысака Любезного 1-го, помершего в возрасте 25 лет... Манеж конного завода. Рядом вырыта глубокая могила. Конюхи в искренней печали опускают в могилу красавца коня в роскошном убранстве... Однако в каком именно? Володя подошел к столу, раскрыл один из альбомов с изображениями знаменитых рысаков. Сколько вкуса, мастерства вложено в конскую упряжь! Теперь Володя видел во всех деталях, как был наряжен в последний путь Любезный 1-й. Шитая попона, уздечка в серебре. И капор, непременно капор! Уздечка показалась Володе знакомой. Где-то недавно он видел в точности такой узор. Ах, да! Уздечка, которую вышвырнули из окна Бубенцовых! Прелюбопытный, оказывается, человек Андрей Бубенцов! Володя захлопнул альбом и продолжил чтение истории русского коневодства.

В этой толстенной книге упоминались все русские императоры, каждый из них был причастен к судьбе того или иного орловского рысака. Но в сравнении со знаменитыми рысаками, вписавшими свои имена в историю русского

коневодства, императоры выглядели мелко и незначительно.

С восторгом прочел Володя страницы, посвященные великому, несравненному Крепышу. Поражение Крепыша в 1912 году на московском ипподроме стало черным днем для всех русских любителей конного спорта. На славу орловского рысака подло посягнул наездник-иностранец. Он придержал Крепыша и дал выиграть приз американскому рысаку Джереналь Эйчу.

«Черный день России. Каково?! — Володя задумался. — Я сейчас вычитал очень важную для меня подробность. Лошадь как предмет народной гордости. Создатели породы орловских рысakov гениально угадали, какая лошадь по всем своим качествам отвечает русскому вкусу, русскому характеру. Но ведь все эти годы, когда на конных заводах пестовали орловского рысака, по деревням крестьяне создавали своего, крестьянского, работающего коня. Сколько существовало неписанных конских родословных! Знали ведь, чье потомство славится силой, выносливостью, неприхотливостью. Знали и упорно, последовательно отбирали. У каждого народа своя любовь к лошади, свои требования к ней. У кавказского горца — своя, у степняка-казаха своя. «Какой русский не любит быстрой езды», — писал Гоголь, воспевавший русскую тройку, птицу-тройку. Но превыше всех самых красивых и самых родовитых лошадей крестьянская лошадка, впряженная в плуг. Лев Толстой написал житие изумительного Холстомера, однако на картине Репина Толстой пашет землю на крестьянской лошадке...»

Теперь Володя знал, о чем ему надо говорить с апачами и с другими путятинскими лошадиниками. Он прочтет им цикл лекций. Здесь, в музее. Их жестокость к лошадям — результат невежества. Они никогда не слыхали ни о Любезном 1-м, ни о Крепыше, ни о Холстомере. Зато видят каждый день, как лихо скачут всадники в кино и на экране телевизора, как падают подстреленные кони. Покончить с невежеством — значит покончить с жестокостью.

Володины мечтания были прерваны гулками шагами по ступенькам наружной лестницы. Двое торопливо поднимались в кабинет. Володя поднял голову и с любопытством посмотрел на дверь. Она распахнулась настежь, в ка-

бинет вступила чинно и строго тетя Дена, за ней протиснулась бочком старуха, державшая в руке тонкую хворостину. Володя узнал дебринскую Анютку.

VIII

Серенькое утро благоухало укропом, чесноком, лавровым листом. После удачной грибной охоты Путятин приступил к засолке, повытаскивал из погребов бочки, стеклянные банки, развел огонь в летних кухнях.

Дразнящие запахи, к которым примешивался, наплывающая густыми волнами, ни с чем не сравнимый запах сушеных белых грибов, несколько омрачили боевое и уверенное настроение идущего на работу Фомина. «Черт бы побрал этих лошадиников! Сентябрь на носу, неизвестно, какими окажутся следующие суббота и воскресенье. А что, если похолодает? Ну, ничего... Сегодня я это дело закончу».

Но Фомину так и не удалось приступить к осуществлению тщательно обдуманного плана. На Советской его обогнал на мотоцикле участковый уполномоченный из Ермакова. Молодой и шустрый участковый мчал с бешеной скоростью и не заметил идущего по тротуару Фомина. И Фомин не успел разглядеть, кто сидит в коляске. Заметил только, что на пассажире — или задержанном? — зеленая спецовка, какие выдают в студенческих стройотрядах.

В горотделе дежурный не дал Фомину раскрыть рта для вопроса, нет ли вестей про лошадиников.

— Где ты пропадаешь? — накинулся на него дежурный. — Срочно на полусогнутых к Налетову. Полчаса тебя ищем!

В кабинете начальника горотдела Фомин увидел уполномоченного из Ермакова и его пассажира в студенческой спецовке, седенького старичка. Уполномоченный сидит в сторонке, а старичок на верхнем конце длинного крытого зеленым сукном стола что-то горячо рассказывает Петру Петровичу Налетову и заместителю начальника по оперативной части Вадиму Федоровичу Баранову.

— Садись ближе и слушай! — приказал Налетов. — Товарищ из Ленинграда, слесарь с Кировского завода, проводит отпуск в родной деревне.

Фомин сел в середине стола, огляделся по сторонам:

а где же ружье? Он почему-то сразу подумал, что ленинградец и есть тот добрый человек, который унес ночью ружье, похищенное Лешкой Супруновым.

— Живу в своей деревне, привожу в порядок родительский дом,— продолжал свой рассказ старичок.— Скоро пенсия, вот и подумываю, не перебраться ли сюда насовсем. Починил крышу, расчистил сад. Копаюсь помаленьку. Места дальние, глухие, ни одна душа в мою деревушку не заглядывает. Начинаю понемногу знакомиться с жителями соседних таких же глухих деревушек. Они-то и предупредили меня, что в лесу появились подозрительные туристы. Ходят по деревням, что-то высматривают, лазят в заколоченные дома. И замечено, что кое-где из пустых домов исчезли иконы. Я проверил у себя в деревне — как будто все на месте, все цело. А вчера пошел в Ермаково за продуктами, возвращаюсь к вечеру — и вроде бы что-то не так, вроде бы у избы, что рядом с моей, доски, которыми окно заколочено, передвинуты. Дай, думаю, проверю. Подозрительного окна касаться не стал, распечатал соседнее. Заглядываю в избу — так и есть, красный угол ободран, икон нет. Хотел было бежать в Ермаково к участковому, но не решился на ночь глядя. Кто их знает, грабителей, может, они за мной подсматривали. А утром взял пестерь, будто по грибы, а сам напрямик в Ермаково,— смущенно закончил ленинградец.

Налетов встал и торжественно пожал руку старичку.

— Вы действовали точно и умело. Большое вам спасибо.

Фомин, слушая ленинградца, сначала приуныл. Не сбылась надежда, что нашлось наконец ружье. Ведь для Фомина главным было отыскать ружье, а не ловить угонщиков. Но потом он повеселел. Если позвали слушать старичка, значит, возьмут в группу по задержанию.

Возглавил группу сам Петр Петрович. В нее вошли Баранов, Фомин, участковый и еще проводник с собакой, с тем самым Джульбарсом, который обнаружил в монастырском подземелье украденные фотокамеры.

Выехали на УАЗе. Ленинградца усадили впереди, рядом с шофером, остальные поместились позади. Когда свернули с шоссе, проводник приказал Джульбарсу вспрыгнуть на сиденье, обхватил его и прижал к себе.

— Джульбарсу хуже нет как ездить по ухабам. Вы вон за скобы ухватились, а ему держаться нечем.

Пес в подтверждение слов проводника конфузливо моргнул и лизнул обхватившую его руку.

В обворованной избе Джульбарс уверенно взял след, пошел по нему резво и, как говорят проводники, «не занюхиваясь». Участковый по приказанию Налетова остался в деревне. Фомин бежал вслед за проводником. Налетов и Баранов стали отставать.

«Нагло орудовали,— размышлял Фомин.— Никаких хитростей, чтобы сбить собаку со следа. Считали, что сделали свое дело аккуратно, окно заколотили, единственный — и к тому же временный — обитатель деревушки ничего не заметил... Или... Или они собирались сразу же удрать из своего лагеря. И катят сейчас по шоссе на тех самых желтых «Жигулях».

Джульбарс в азарте погони выскочил на знакомую Фомину поляну и обескураженно завертелся на месте.

Так и есть! Ни палаток, ни машины! В ожидании, когда появятся Налетов и Баранов, Фомин решил повнимательнее осмотреть поляну.

«Вот здесь стояли «Жигули», и я исползал на карачках всю траву в поиске пыжей. Может, в самом деле некто мне неизвестный пытался помешать отъезду похитителей икон? Он прострелил шины в ночь на субботу. Из-за неизвестного они проторчали на поляне лишних два дня, однако времени даром не теряли, продолжали шарить по пустым избам.. Но что же мешало неизвестному пойти и заявить о похитителях икон в милицию? Только то, что он их поля ягода Конкурент!..— Фомину пришла на память болтовня дяди Васи про схватку в лесу двух бандитских шак. — А что, если Толя вправду проговорился дяде Васе о конкуренте или конкурентах, дал толчок фантазии умельца? Не исключено. А Кисель болтал разные глупости насчет интеллектуальной элиты и потом намеревался дать мне ценный совет, но я торопился и положил трубку... Что хотел сказать Кисель? Что он знает об этих туристах? О неизвестном, который украл ружье у спящих лошадиников и прострелил шины?..»

Послышался треск сучьев, из лесу показались запыхавшиеся Налетов и Баранов. Бегло осмотрев покинутый лагерь, Налетов решил разделить группу на две.

— Ты, Вадим Федорович, двигайся обратно. Выйдешь к машине, свяжешься с ГАИ, узнаешь, что им известно о желтых «Жигулях», нас встретишь у моста через Медвежий овраг. Фомин, отсюда сколько километров ходу?

— Не больше семи.

— Засаека время.— Налетов и все остальные поглядели на часы.— Выход на шоссе через два часа.

— Не много ли? — спросил Фомин.

— Прогуляемся, не спеша, осмотрим дорогу, Джульбарс поработает. Они могли припрятать иконы где-нибудь в лесу. После происшествия с шинами их «Жигули» под особым наблюдением, это они знают. Припрятали иконы, уехали чистенькими, потом выждут срок и вернутся за иконами. А то и пришлют кого-нибудь новенького...

На лесной заросшей дороге переплетались три автомобильных следа. Самый широкий — от ЗИЛа, на котором сюда заезжал Куприянов. Поуже — от «газика» ГАИ. Самый узкий и недавний — от «Жигулей». Впереди шел проводник с Джульбарсом на поводке, позади Налетов и Фомин, внимательно осматривая каждый свою сторону дороги. Ничего подозрительного не встречалось. Только раз Джульбарс свернул в лес и проводник подобрал пустую пачку от сигарет «Мальборо».

Километра через три на дороге появился еще один автомобильный след. Кто-то на тяжелой грузовой машине разворачивался довольно бестолково. Заехал в лес, оставил на мягкой почве четкий рисунок протекторов, выехал на дорогу и отчего-то забуксовал на вполне сухом месте, долго тут бился и провертел колесами две глубооченные ямы.

Джульбарс заволновался.

— Они тут вылезали «Жигули» толкать,— пояснил проводник.

— Осмотри лес вокруг! — Налетов присел на корточки возле отпечатков шин развернувшейся машины.— А ведь тот же ЗИЛ! Щербатина на правом протекторе. Как думаешь, Фомин, почему Куприянов не доехал до них? Почему повернул обратно?

Фомин много чего успел подумать, разглядывая ямы, набуксованные на дороге. Он и про Киселева подумал со злостью: «Куприянову такого в жизни не сообразить.. Это Кисель! Опять лезет не в свое дело!» Но выкладывать свои догадки начальству? Ни за что.

— Кто его знает,— промямлил Фомин.— Если бы другая машина... Можно бы предположить, что шофер ошибся дорогой, на этом месте ему стало ясно, что он едет не туда. Развернулся и поехал обратно. А Куприянов?.. Его могли на этом месте встретить. Кто-то ему знакомый сел в кабину, и они поехали обратно.

— Возможно,— сказал Налетов.— Растешь на глазах. «И еще кто-то... растет!» — чуть не сорвалось у Фомина. Какой пронизательностью он мог бы сейчас блеснуть!

Проводник вернулся и доложил, что, пожалуй, никто из преследуемых здесь не откололся. Двинулись дальше. Дорога виляла под уклон, ямы, пробуксованные сумасшедшим ЗИЛом, становились все глубже, вокруг них валялся истерзанный хворост, втоптаные в грязь еловые лапы. «Жигули» тут пробивались с великим трудом. Возле одной из ям Джульбарс облаял рваную брезентовую рукавицу, возле другой проводник поднял обнаруженную Джульбарсом кожаную пуговицу.

— Фирменная! Хозяин спасибо скажет.

— Ну, ты оптимист! — удивился Налетов.— Вам с Джульбарсом от жуликов спасибо! — И спросил Фомина: — К болоту идем?

— С километр осталось! — доложил Фомин.— Болото обширное, через него проложена гать. Давно прокладывали, сгнила.

Свои догадки относительно того, в каком виде сейчас гать, Фомин оставил при себе.

Проводник с Джульбарсом продолжали педантично прочесывать лес по обе стороны дороги. Никаких следов. Пассажиры «Жигулей» в полном составе упорно пробивались к шоссе.

Лес все больше редел, мельчал, обрастал седыми космами, тонул во мху. Наконец завиднелась меж деревьев яркая зелень болота, блеснуло оконце чистой воды.

«Р-р-р...» — негромко предупредил Джульбарс проводника.

— Спокойно,— посоветовал псу Фомин. И пояснил проводнику: — У них там собака.

Он не ошибся в своих догадках. Куприянов постарался. Гати не было. На ее месте пузырилась черная болотная жижа. В сторонке приткнулись «Жигули». Возле машины на поваленной сосенке сидели спиной к лесу четверо.

— Останешься в лесу, — приказал Налетов проводнику. — А то твой Джульбарс с ходу опознает вора, испортит нам радостную минуту встречи. Ты, Фомин, подойдешь к ним, как к добрым знакомым. Мы с тобой ищем не похитителей икон, а подростков-лошадников. Ясно?

— Ясно! — Фомин направился к «Жигулям».

Налетов взял немного в сторону.

А где же Ральф? Золотой медалист выскочил сбоку, из кустов, и злобно рывкнул. Компания нехотя оглянулась. Никакого испуга в глазах, только ожесточение. Полюбуйтесь, мол, нашей российской расхлябанностью. Тем, что может натворить какой-то олух!

— Н-да, — посочувствовал Фомин, разглядывая ободранную сосну по другую сторону болота. — Он-то себя на тресе вытянул, а вам как выбраться? До зимы придется ждать. Пока не замерзнет. — Среди сидящих на поваленном дереве Фомин обнаружил новое лицо. Подросток в шикарных темных очках, делающих его похожим на заграничного гангстера. «Это, конечно, Безин. Тогда где же Толя?» Фомин перевел взгляд на «Жигули» и увидел, что задняя дверца приоткрыта, из машины торчат ноги в грязно-белых шерстяных носках. Толя, конечно, повкалывал больше всех и теперь спит.

— Петр Петрович! — крикнул Фомин Налетову. — Идите сюда, я старых знакомых встретил!

Налетов подошел, оглядел «Жигули», жалостливо поохал.

— Лошадников ищем, — пояснил Фомин своим «старым знакомым». — Третий день. Вам они сегодня не попадались?

Вопрос остался без ответа. На лицах было написано: «Иди ты куда подальше! И без тебя тошно». Ральф занервничал, наставил уши. Чует неподалеку другого пса.

— Ваша собачка не укусит? — благодушно спросил Налетов.

Фомин приготовился. Сейчас Налетов скажет, что и с ними есть собака, позовет проводника, будто бы замешкавшегося в лесу, и Джульбарс укажет на вора... Но все испортил Безин. Вскочил, схватил спортивную сумку и кинулся бежать.

— Назад! — заорали на него три глотки. — Идиот! Безин удирал без оглядки.

— Задержи! — бросил Налетов Фомину. — Сумку не прозевай.

Преследуя Безина, Фомин время от времени поглядывал на часы. Назначенный Налетовым срок встречи на шоссе настал. «Сейчас Баранов, не дождавшись нас, едет навстречу... Он уже у болота... Оставил УАЗ, пошел в обход... Добрался, помогает Налетову. Нашли иконы в «Жигулях» или не нашли?..»

Безин на бегу далеко отбросил сумку. Пока Фомин ее отыскал, преследуемый выиграл метров двести. Фомин поднажал и опять повис у Безина на плечах, напоминая время от времени:

— Спокойно! Поиграли, и хватит. Все равно не уйдешь.

Безин бежал из последних сил, тяжело запинаясь о корни. Лес раздался, Фомин увидел бревенчатый угол, заколоченное наискосок оконце. Безин, почти падая с ног, метнулся за угол и исчез. Фомин влетевший следом за ним на заросший двор, уже никого там не обнаружил.

«Все!.. Игра в догонялки кончилась. Начинаем играть в прятки. Но куда же он залез?» Фомин с досадой оглядел заброшенную усадьбу. Изба с крылечком, сараюшка, ход в погреб. Крапива в рост человека. Лопухи. Нигде вроде бы не потревожено, не промято. «Ну и черт с ним! Никуда не денется, придет домой. А сумка у меня». Но тут Фомину представились насмешки завтра в горотделе. Да что завтра! Годы будут вспоминать! Упустил сопливого мальчишку... Но куда же он все-таки ушмыгнул? Фомин присел на скособоченное крыльцо. Главное дело — не пересуетиться. Действовать спокойно. Да, спокойно...

В детстве, когда играли в «двенадцать палочек», Фомин никогда подолгу не водил. Не то что Кисель. Тому померещится, что кто-то в подземелье юркнул, и он туда без оглядки. Пока бегал, двенадцать палочек разлетелись, — начинай сначала. Киселю приходилось из-за своего нетерпения по три дня водить. А Фомин подберет палочки, сложит на доску и далеко не отходит. Потому что знает: спрятались и следят за каждым его шагом. И всех ближе спрятался самый хитрый, самый быстрый. Только удалишься на лишний шаг, он выскочит и ногой по доске. Поэтому первая задача — застукать того, кто спрятался всех ближе. Остальные сами пойдут в руки.

Из-за этих детских воспоминаний Фомину вдруг помешалось, что Безин сейчас прячется рядом и наблюдает за ним. «Чепуха какая! На что ему за мной следить? Уполз отсюда и чешет без оглядки». Но ощущение, что Безин прячется где-то близко, не проходило. Фомин явственно услышал чье-то дыхание. Оглянулся назад — никого, заколоченная крест-накрест дверь. «Добегался до галлюцинаций! Фантазирую, как Кисель!» Фомин в сердцах ударил кулаком по крыльцу. Наступила мертвая тишина. Ни вдоха, ни выдоха. Но Фомину недолго пришлось торжествовать победу над наваждением. Невидимка опять задышал. Чаше и тяжелей. Словно бы нырял под воду, задержал дыхание сколько мог, а теперь выскочил, судорожно хватая ртом воздух. «Ах, вот ты где! — Фомин встал и топнул ногой по трухлявым доскам. — Черта с два я кому-нибудь расскажу, какие мне тут мерещились домовые. Я с самого начала знал, что он прячется под крыльцом. Я потому и сел на крыльцо».

Снизу послышалось кошачье чихание. Фомин вспомнил юность, сбавал по доскам чечеточку и негромко спросил:

— Безин, тебе мои танцы еще не надоели?

Под крыльцом зашуршало, сбоку, из собачьей дверцы, выбрался путятинский супермен, весь в пыли, паутине, древесной трухе.

— Снимай ремень! — скомандовал Фомин.

Безин с усмешкой протянул ему широченный, по последней моде, ремень с ковбойскими бляшками. Фомин ловким приемом вывернул руки супермена за спину, стянул ремнем.

— Теперь не побегаешь. Спокойно пойдем куда надо. И побеседуем по дороге...

— О чем, шеф? — нагло спросил Безин.

— О жизни.

Фомин решил осмотреть деревушку. Может быть, тут кто и живет, укажет дорогу. Три дома выглядели не брошенными, на окошках цвела герань, Фомин постучался в один, в другой, в третий. Никто не выглянул. Торная дорога сыскалась за церквушкой с провалившимся куполом. И пожалуй, вела не в лесную глухомань, а куда-то в более населенные места.

Фомин не спешил заводить разговор с идущим впереди

Безиным. «Нина права, парень нагловат и подловат. Супрунов уперся и не выдал его, а Безин и верного своего Супу заложит, и всех знакомых спекулянтов, и этих с иконами. Мальчишки молчат или из чувства товарищества, или из страха перед главарями, а главари продают, главарям своя шкура дороже. И не буду я с Безиным заговаривать по душам. У него и нету души. С Безиным правильнее сесть за стол и вопрос — ответ, вопрос — ответ...»

Впереди слышались громкие веселые голоса, скрип телеги, стук копыт по мягкой дороге. Кто-то ехал навстречу. Из-за поворота вывернул гнедой конь в нарядной упряжи, дуга расписана зелеными листьями и алыми розами. Фомин отступил с дороги и потянул за собой Безина. Гнедой бежал весело, Фомина поразило, что конь словно бы сияет от радости.

Но еще больше удивился Фомин, когда увидел, кто правит гнедым. Воистину мудра была бабушка Андрея Бубенцова, когда показала фотографию любимого внука! У подростка, который лихо держит вожжи, волосы справа у виска торчат вверх. Как теленок лизал. Андрей Бубенцов, собственной персоной!.. Но когда Фомин разглядел, кто сидит рядом, у него глаза полезли на лоб. Кисель! Сидит, свесив ноги до земли, и что-то рассказывает Бубенцову с самой распрекраснейшей, дружеской улыбкой. «Как он сюда попал? Какие у Киселя дела с Бубенцовым?»

Третий в телеге сидел отворотясь, на задке, закутанный с головой. Фомин решил не удивляться больше ничему. Даже если он увидит в этой подозрительной компании Ольгу Порфирьевну, бывшую директоршу музея. Или печально известного дядю Васю. Или даже свою жену Валю! От Киселя можно ожидать чего угодно!

Меж тем Бубенцов заметил, что Безин находится на положении арестованного. Он побледнел, но не отвернулся, кивнул Безину и буркнул какое-то нечленораздельное приветствие. А Киселев ужасно обрадовался встрече с Фоминым.

— Приветик! Надеюсь, у тебя все в порядке? «Жигули» в плену? Возле болота? — По голосу чувствовалось, что он чрезвычайно доволен собой.

Телега проехала мимо, и Фомин увидел, что третий седок — самая обыкновенная деревенская старуха. Он испытал даже что-то вроде разочарования.

— Пошли! — скомандовал Фомин приунывшему Безину. — И ответь-ка на вопрос: какие отношения тебя связывают с Бубенцовым?

— Никакие. — Безин презрительно сплюнул. — Вы лучше поинтересуйтесь у него, где он лошадь украл.

— Спасибо за информацию. Поинтересуюсь!

Фомин подумал не без злорадства: «Значит, Кисель разъезжает на краденой лошади. Поздравляю!..» Фомина не удивила легкость, с которой Безин выдал Бубенцова. «Для такого типа это в порядке вещей. Зря Бубенцов проявлял свое благородство и здоровался с Бесом».

— А откуда ты взял, что лошадь краденая? — Фомин задал вопрос с нарочитым неверием. — Старуху видел? Лошадь наверняка колхозная.

— Ну да, колхозная... — издевательски протянул Безин.

— Так, так... — Фомин понял, что отношения между этими двумя отнюдь не дружеские. Даже наоборот. На чем-то они не ладили. И быть может, не далее как вчера, когда Безин вызвал к себе Бубенцова.

При таких обстоятельствах Фомину уже не доставило особой сложности получить у Безина необходимые сведения о Бубенцове. Без всякого деликатного подхода и задушевных бесед. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. Пока дотопали до Ермакова, из ответов Безина сложился вполне отвратительный облик Бубенцова. Крадет лошадей. В прошлом году связался со старым конокрадом цыганом дядей Пашей, тот ему передал какие-то свои секреты. И с похитителями икон связан. Если бы не Буба, то Безин бы с ними и не знался. Похитители икон обещали заплатить Бубе сто рублей. Они его подрядили обокрасть одну тетку. Она пса держит, лютого, как тигр. А Бубу собаки не трогают. Он сначала согласился за сто рублей, а потом струсил. Но может и не струсил — хотел потянуть время и содрать побольше.

IX

По пути в Ермаково, в тряском автобусе, дебринская Анютка рассказала Володе, каким образом угодил в плен умный и самоотверженный Вихрь.

Ночью у одной из старух начались боли в правом боку. Час от часу сильнее. Что делать? Надо скорей в больницу. Запрягли Вихря и поехали. Врач после операции сказал, что опоздай они немного — и больную бы не спасти. Гнойный аппендицит. Вот ведь какая беда. А Вихрь ее отвел...

— Уж он так старался...— вспоминала со слезами дебринская Анютка.— А я вовсе обеспамятела. Под утро хватилась: где наш спаситель? Увели! Я в сельсовет — не отдают! Велят, чтобы Хозяин пришел. А разве ему отдадут? Ему не отдадут. Как нам теперь в глаза-то ему глядеть, Хозяину...

Автобус остановился в Ермакове напротив сельсовета. Возле высокого крыльца понуро стоял привязанный к резному столбику гнедой конь. Дебринская Анютка кинулась к нему, обняла за шею. Конь обрадовался, заржал.

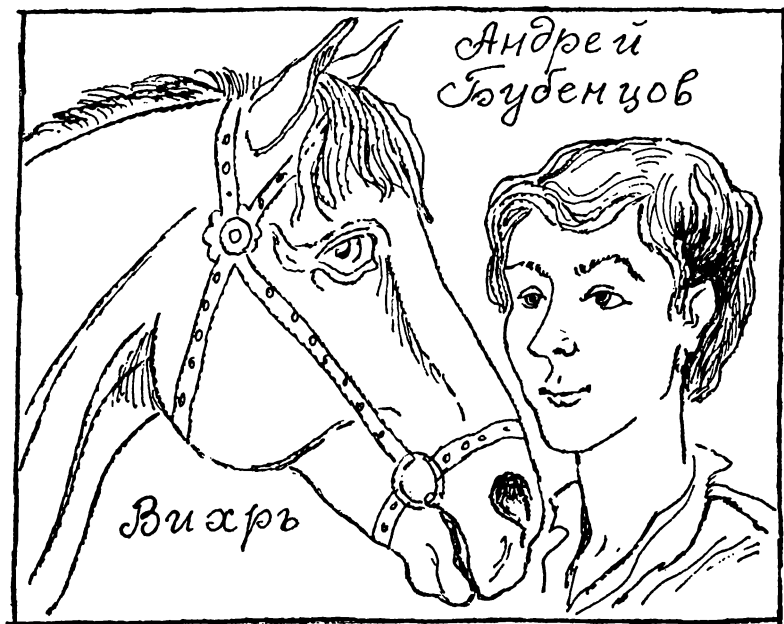
«Да ведь это он, гнедой дикарь с лесной поляны!» — осенило Володю.

Из окна сельсовета выглянул сердитый человек в стальных суровых очках.

— Вот и Дебрь припожаловала! — ехидно провозгласил он, обращаясь к кому-то в комнате.— Сейчас мы им устроим очную ставку!

«Кто там у них? — заволновался Володя.— Неужели сам Хозяин, как его величают бабули? Но ни он меня не знает, ни я его. Придется ориентироваться по ходу разговора. Определить ситуацию и действовать...»

Володе очень помогло экспансивное поведение его спутницы. Пока она размахивала своей хворостиной, припоминала сельсоветчикам все прошлые обиды, Володя огляделся. Типичная конторская обстановка. Три письменных стола, деревянный диванчик для посетителей. В красном углу стол председателя, там сверкают стальные очки. На столе напротив лежат счета с измызганными деревяшками, женщина, сидящая за этим столом,— бухгалтер. А другая, в уголке, возле несгораемого ящика,— кассир. Перед этим обществом гордо стоит подросток. Володя мысленно перебрал в памяти листки с характеристиками из блокнота Кости-джигита. «Блондин? Несомненно. Уравновешен? Вполне. Стоит и молчит. Чем и довел председателя до белого каления. Да, здесь вся атмосфера пропитана его упрямым молчанием. Следовательно они еще ничего не знают. Я тоже не знаю, на чем он попался, но за

мной преимущество: я мыслю и анализирую». Володя приосанился и заговорил нудным голосом:

— Что тут происходит? Я учитель Андрея Бубенцова и хотел бы знать.

Люди с неорганизованным мышлением никогда не отвечают на прямо поставленный простой вопрос. Сначала Володе было высказано немало горьких истин о нынешнем состоянии педагогической науки и практики. Критику школы он выслушал с легким сердцем. Володя и сам мог бы кое-что сказать о Двудворицкой школе, но, разумеется, не в этой аудитории. Хладнокровно отнесся Володя и к выпадам против него лично как негодного воспитателя. Наблюдая потихоньку за Андреем Бубенцовым, он сделал для себя очень важный вывод: этот уравновешенный блондин намерен по-прежнему не произносить ни слова. Между тем сельсоветчики начали излагать состав преступления. Оказывается, Андрей пытался похитить лошадь, которую сельсовет конфисковал у присутствующей здесь гражданки. При этих словах Володина спутница вознамерилась

что-то растолковать человеку в стальных очках, но Володя ее удержал. Как полагает Шопенгауэр, правда может подождать, потому что у нее впереди долгая жизнь. Пускai считают Андрея заурядным лошадиником, а старух из Дебри пускai подозревают в укpывательстве той шайки, насчет которой участковому передавали из города особое предупреждение. Упоминание об участковом несколько смутило Володю, но, к счастью, вскоре выяснилось, что участковый уехал в город.

Все тем же скрипучим голосом Володя потребовал немедленной выдачи своего ученика, несовершеннолетнего Андрея Бубенцова. Призвав на помощь всю свою эрудицию, он цитировал опешившим сельсоветчикам уголовно-процессуальный кодекс, по которому задержание несовершеннолетнего может применяться лишь в исключительных случаях. В заключение Володя категорически потребовал, чтобы присутствующей здесь гражданке вернули телегу и лошадь.

— Присутствующая здесь гражданка,— образцово нудил Володя,— проживает на территории Ермаковского сельсовета, и вы имеете возможность ее вызвать...

Сельсоветчики растерялись. Но неожиданный удар нанесла Володе кассирша.

— А расписку напишете? — спросила она и с видом превосходства оглянулась на председателя и бухгалтершу: вот, мол, как надо действовать с такими умниками. Говорить-то они мастера, а бумажку подписать кишка тонка.

Володя, как и всякий русский человек, с опаской относился к бумаге, которую надо подписать. Однако не отступать же теперь!

— Разумеется! — Свой уверенный ответ Володя подкрепил соответствующим жестом: протянул руку и нетерпеливо пошевелил пальцами: а ну, где эта бумага? Давайте ее сюда, мне некогда с вами канителиться...

Андрей Бубенцов глядел на него широко распахнутыми ясными глазами. Дебринская Анютка состроила постную мину, чтобы не выдать своей радости. У Володи еще была возможность отказаться, но он решительно извлек из кармана шариковую ручку и погрузился в болото канцелярского стиля: «Настоящим удостоверяю, что мною взят на поруки в Ермаковском сельсовете несовершеннолетний Бубенцов А...» Лихо подписавшись, Володя проставил

внизу число и месяц, подумал немного и вывел свой настоящий адрес. Он не собирался скрываться от правосудия.

Вихрь помчал из Ермакова во всю свою стариковскую прыть, словно понимая, что отсюда надо уносить ноги как можно скорее. Дебринская Анютка отбросила хворостину и расхохоталась. Глядя на нее, засмеялся и Володя. Дольше всех крепился державший вожжи Андрей, но наконец и он присоединился к общему веселью.

«Мальчишка наверняка сгорает от любопытства,— думал Володя.— Сейчас начнет стеснительно выпрашивать, кто я такой и почему примчался к нему на выручку...»

Увы!.. Володино аналитическое мышление на этот раз подвело. К Андрею Бубенцову не следовало применять стандартных мерок. Он и не собирался ни о чем расспрашивать своего спасителя. Он просто и естественно принял Володю в друзья, бесхитростно стал рассказывать, как повстречал в лесу одинокого Вихря, обреченного конюхом на живодерню, как привел коня в Дебрь к трем добрым старухам, вспахал огород и стал называться Хозяином, пахать землю и запасать сено на зиму. Цыган дядя Паша снабдил Андрея мазью от лошадиных болячек и сварил по старинному цыганскому рецепту краску, превратившую Вихря из рыжего с белой отметиной на лбу в гнедого без всяких отметин.

Дядя Паша!.. Володя вспомнил, что про дядю Пашу мельком упоминал при первой встрече Костя-Джигит. Обмолвился, что дядя Паша показывал апачам, как цыгане ловят лошадей. «А я пропустил мимо ушей, не расспросил!»

Хорошо знакомый Володе старый цыган с медной лысиной и черно-седой всклокоченной бородищей с давних времен прижился в Путятине, работал в будке под вывеской «Металлоремонт». Володя еще в детстве носил дяде Паше в починку прохудившиеся кастрюли — на новые у него денег не было. А недавно старый цыган мастерски запаял исторический кубринский самовар. Не он ли научил Андрея делать красивые уздечки с бляшками?

— Ага,— сказал Андрей,— дядя Паша и цыганские умеет делать, и с русским узором.

— А еще чему он тебя учил?

— Дядя Паша говорит, на ипподомах, если лошадь стала нервная, непригодная для скачек, ее передают ре-

бятam. Потому что лошади любят детей и стараются быть с ними добрыми. Она побудет с ребятами несколько месяцев, успокоится и опять может участвовать в скачках. Дядя Паша говорит, что и ребятам для улучшения характера полезно ходить за лошадьми.

«Ах ты старый лошадишник!» — с восхищением подумал Володя.

Из дальнейшего рассказа Андрея выяснилось, что ему помогал не только дядя Паша. Мальчишке удивительно везло на добрых людей. Старик из затерянной в лесу деревушки подковал Вихря и надарил Андрею разной упряжи, даже телегу подарил. И книги дал по кузнечному делу, велел учиться ковать. А уж три бабули из Дебри души не чают в Вихорьке.

— Все свои запасы моркови ему скормили, — рассказывал Андрей. — Придется в будущем году побольше вспахать под огороды. Овес обязательно посею.

Телега мягко катилась по заросшей лесной дороге.

— А вы знаете, почему тридцать первого августа день Флора-распрягальника? — спросил Андрей.

— Знаю. — Володя обрадовался, что может поддержать беседу о лошадях. — По старинной легенде, пастухи потеряли табун и обратились за помощью к Флору и Лавру. Те помогли отыскать табун. С тех пор они и считаются покровителями лошадей. На иконах так и рисуют Флора и Лавра с пастухами на лошадях, и внизу табун скачет. Ну а у нас на Руси народный праздник, наверное, связан с окончанием полевых работ. Все убрано, свезено, пора дать отдых верному помощнику...

Андрей благодарно просиял.

— И я так думал, что лошади заработали свой праздник.

«Вот тебе и Буба! — Володе вспомнился воображаемый взрыв в химическом кабинете. Как давно это было! — Мог ли я предвидеть, начиная поиск шпиона, выдающего тайны апачей Бесу, что мне удастся не только осуществить оригинальное расследование, но и встретить среди ребят прекрасного мечтателя! Я еду с ним сейчас не в прошлое, не в старую, доживающую свой век деревню. Его мечта абсолютно современна. Реальна! Кто-то из великих сказал, что человеку — каждому! — надо посадить дерево и вырастить сына. Наше время добавило еще одну необхо-

димось: поработать на земле, походить за плугом. И лучше всего в детстве...»

Стой же простотой и бесхитростностью Андрей поведал Володе, что задумал перевестись из Двудворицкой школы в Ермаково, там есть при школе интернат для учеников из дальних деревень.

— Мне деревенская жизнь больше нравится. Люди друг друга лучше знают. И работа. Кончу школу и пойду работать в колхоз.

— Конюхом! — увлеченно подхватил Володя.

Увы. Он опять ошибся.

— Я пойду по специальности, — объяснил Андрей. — В Ермаковской школе обучают на тракториста. К лошадям меня и так пустят.

Видно было, что мальчишка все обдумал серьезно и обстоятельно.

— Вот только мама и бабушка... — Голос Андрея дрогнул. — Я им еще не говорил. Я бы давно сказал, да Вихря жалко. Они бы велели вернуть на фабрику. А мне его жалко отдавать. И маму жалко. И бабушку. Они плачут. После каждого родительского собрания. Им в школе наговорят... — Андрей отвернулся в сторону. — Меня в школе и в глаза обзывают: «Дурак, мешком прибитый». Ну и пускай я для них дурак. Уйду в интернат, в Ермаково.

Андрей сел прямо, прищелкнул языком. Вихрь согласно тряхнул гривой, прибавил шаг. Андрей дал ему немного пробежаться и окликнул ласково, негромко:

— Да ладно тебе, не спеши!

И тотчас Вихрь поплелся с прохладцей.

— Слушается! — похвалил Володя.

— Ага, — согласился Андрей. — Понимает. — И добавил упрямо: — Если не отпустят в интернат, все равно у них учиться не буду!

— Я знаю, — осторожно вставил Володя. — Ты недавно ходил в школу за документами, но тебе не выдали.

— Ага, — подтвердил Андрей, совершенно не интересуясь, откуда Володе известно, что он ходил за документами.

— Ты вышел из школы злой и обиженный, — задумчиво продолжал Володя, — и написал карандашом на стенке нового спортивного зала: «Курочкин предатель». Зачем ты это сделал?

Андрей и теперь не удивился, откуда Володя все знает.
— Я решил, что больше в школу не приду. А Курочкин... — Андрей замялся.

— Выдает одному человеку тайны апачей, — подсказал Володя. — А Костя-Джигит подозревает тебя.

— Ага! — Андрей обрадовался тому, что Володя сам произнес неприятные слова.

«У мальчишки удивительно чистая душа! — восхитился Володя. — Он искренен и доверчив. У ограниченных людей это вызывает раздражение. Они не понимают, как можно быть таким доверчивым и непосредственным. И прилепили свое тупоумное объяснение — дурак».

Вихрь почувствовал, что Дебрь уже близко, весело зажал. Дебринская Анютка поддернула кончики белого в горошину платка, завела тонким голосом:

Ай, по бережку конь идет,
По-другому вороной идет.
Сива-гривушкой помахивает,
Золотой уздой побрякивает.

Ну чего же вы? — упрекнула она Володю с Андреем.

Они подтянули так громко, что Вихрь удивленно оглянулся, еще больше развеселив всю компанию.

Дорога сделала поворот, и Володя увидел Фомина с каким-то подростком. Невозможно было отказать себе в удовольствии хоть немного поддеть Фому.

Однако что за юнец его сопровождает? Спутник Фомина произвел на Володю самое невыгодное впечатление. Тусклые глаза, мерзкая ухмылка. Володя огорчился, когда Андрей, поравнявшись с юнцом, дружески поприветствовал его. «А ведь это Бес! — молниеносно определил Володя. — Жаль, что Андрей все-таки знает с этим типом». Оглянувшись, Володя обнаружил, что у юнца, уходящего по лесной дороге на два шага впереди Фомина, руки связаны за спиной. «Ах, вот оно что! Бес пойман. Неужели это произошло в Дебри? Что там делал Бес? — Володя терялся в догадках. — Может быть, в Дебри что-то прояснится...»

Надежды оказались напрасными. Старуха, остававшаяся в деревне одна-одинешенька, до смерти напугалась. Ходят двое, стучат в избы, а у одного — она в щелку подглядела — руки связаны. Не иначе как жулики!

Володя не стал ей объяснять, что жуликам незачем связывать друг другу руки и незачем стучать. Они бы тихом пошарили по избам.

«Но кого же искал Фома в Дебри? Почему водил с собой связанного Беса? Если Фома приходил за Андреем, он бы остановил нас на дороге. Да, загадка...»

Андрей распряг Вихря, угостил распаренным овсом, заботливо приготовленным к их возвращению.

— Иди погуляй! — Мальчишка взял Вихря за холку, повел к воротам, но конь сделал несколько шагов и уперся, дальше не пошел. — Боишься? — ласково спросил Андрей и пояснил Володе: — Видите, как его напугали. Он теперь долго будет всего бояться. У лошадей знаете какая память!

Вихрь понял, о чем говорит Хозяин, положил ему на плечо свою стариковскую костлявую голову. С Хозяином он никого и ничего не боялся, он еще больше поверил в могущество Хозяина, который пришел и забрал его от чужих недобрых людей, привел обратно в деревню, где Вихрь опять будет жить спокойно и делать нужную, правильную работу. Эта спокойная жизнь и правильная работа казались Вихрю теперь еще прекрасней и дороже, как бывает всегда с тем, что утратил, а потом посчастливилось сызнова обрести.

Человека, приехавшего на телеге вместе с Хозяином, Вихрь узнал и терпеливо надеялся, что получит от него посланный хлеб. Так и вышло. Человек пошел в избу и вынес кусок, но не положил, как в прошлый раз, на землю, а протянул Вихрю на раскрытой ладони. Вихрь покосился на Хозяина и деликатно взял хлеб мягкими стариковскими губами.

У Володи комок встал поперек горла. Неужели всему конец? Неужели нельзя оставить все по-прежнему? Ну, пускай бы старухи никуда не уезжали из своей родной деревни! И пускай бы конь, много поработавший на своем веку, доживал тут на покое. И ходил бы к ним из Ермаковского сельского интерната Андрей Бубенцов. Три старухи, да конь, да мальчишка. Славная компания!..

— Пойдемте, я вам все покажу. — Андрей повел Володю по деревне, отпирал сараи и скотные дворы, показывал, каким хозяйством успел обзавестись.

В одном месте Володя увидел плуг со сверкающим от недавней работы лемехом, в другом крестьянские сани,

подлатанные свежим деревом, с новыми железными полосками на полозьях. Володя понял, что каждую нужную ему вещь Андрей чинил и оставлял там, где она стояла. И при надобности словно бы по-соседски одалживался и с благодарностью возвращал.

— Сейчас еще покажу! — сказал Андрей с каким-то особенным выражением.

Он долго возился с хитрыми запорами вросшего в землю омшаника. Наконец тяжелая дверь из полуторных досок растворилась, на Володю дохнуло запахом меда и воска. Андрей прошел в омшаник, снял с окошка внутренний ставень. Вечерний розовый свет упал на улы, стоящие по вдоль бревенчатой, заново проконопаченной стены. Андрей возился у противоположной стены, снимал и откладывал в сторону доски, мешковину, какие-то латанные одежды. Из-подхлама появился громадный ларь, в таких когда-то хранили зерно. Андрей поднял массивную крышку и принялся снимать лежащие сверху старые газеты. Сундук оказался доверху наполнен иконами.

— Можно посмотреть? — спросил Володя.

— Только не перепутайте. Там написано, какая из какого дома.

Володя стал бережно вынимать одну икону за другой. Больше всего тут оказалось самых простеньких. Дешевая литография, поверх нее оклад из жести, грубо посеребренной или позолоченной, веночек искусственных цветов — и все это заключено в лакированный застекленный футляр.

Да, не шедевры древней иконописи! Не Рублев и не безвестный русский гений. Ну и что же? Володя внимательно прочитывал надписи на газетной бумаге: «Из дома Печниковой Груни... Из дома Мочаловой Таси...» Видно, старухи диктовали Андрею, что писать. И они подзабыли некоторые фамилии. Володе попались иконы, принадлежавшие какой-то Нюре, у которой «во дворе колодец», «безногому Николаю». Он аккуратно заворачивал бесценные семейные реликвии и вновь наклонился над ларем. Может быть, там сыщутся и старинные доски? Их надо будет попросить у старух на сохранение в музей. И выставить обязательно с надписями: «Из дома такого-то в деревне Дебрь».

— Бабушки просили схоронить от плохих людей,—

рассказывал Андрей.— Богатые, на «Жигулях» приехали, сначала хотели купить у бабы Ани все иконы. Баба Аня отказалась. А через день одна икона пропала. Самая дорогая. По пустым домам посмотрели — тоже поворовано, еще две, самых дорогих. Я расспросил, какие люди, какая машина. Ну и нашел, по машине узнал — желтые «Жигули». Туристы. В лесу жили, в палатках. И по деревням шарили. Я того дедушку сразу же предупредил, который Вихря подковал. А сам стал следить за туристами. Не сразу получилось иконы забрать, ходил несколько дней. А когда принес, бабушки решили и все другие иконы в деревне снимать, спрятать в одном месте. Бабушки ждут, что люди вернутся в деревню. Как людям тогда в глаза глядеть, если жили здесь и не уберегли!

— Это хорошо, что ты помог бабушкам...— Володя запнулся. «Спросить или не спрашивать? Эх, была не была, спрошу!» И положил руку Андрею на плечо.— Но ведь туристов этих четверо. И собака. Как же ты?

— Ага. Четверо.— Андрей что-то вспомнил, тихо засмеялся.— Я подождал, они ушли. А собака что? Ей можно объяснить.

— Значит, правду говорят, что тебя собаки не трогают?

— Я всех собак не проверял.

Володя вновь склонился над ларем. Небольшой сверток был перевязан с особой тщательностью.

— Самая дорогая? — спросил Володя Андрея.

— Ага.

Володя развязал бечевку, с шорохом слетели на пол газетные листы. Доска небольшого размера была сплошь черна. Володя провел пальцем по обратной стороне, нащупал порожек. Старинная! Приятели Толи не простые жулики. Специалисты. Володя заглянул в ларь и увидел еще два свертка, упакованные с особой тщательностью. Теперь он и не разворачивая мог сказать, что в них.

— Спасибо, Андрей! — произнес Володя торжественно.— Ты спас очень дорогие иконы. И не деньгами меряется их цена. Красотой!

— А я думал, они только для бабушек самые дорогие.

— И для них! И для всех! Ты молодец, Андрей. Я очень рад, что встретил тебя. И знаешь что? Если ты мне доверишь...— Володя испытующе поглядел на Андрея и до-

ждался его кивка.— Если доверяешь... Отдай мне то ружье, я его отнесу и сдам.

— Ага,— обрадовался Андрей.— И патроны.

«Вот и все. И кончился детектив»,— печально сказал Володя самому себе.

Х

— Где он взял патроны? — спросил Налетов.

— Прошлой зимой в Дебри жил охотник. Оставил целую пачку.

— Охотнички,— проворчал Налетов.— Туристики... Упускаем заброшенные деревни. Чуть иконы не прошляпили. Спасибо старику ленинградцу.

— Его предупредил Бубенцов!

— Это тебе Киселев сказал? — Налетов увидел по лицу Фомина, что попал в точку.— Ты правильно делаешь, что опираешься на общественность. Но не очень-то увлекайся. Сегодня твой Киселев дает в сельсовете какую-то безграмотную расписку, посылает Куприянова уничтожить гать. Завтра еще что-нибудь выкинет...

Фомин стиснул зубы и промолчал. А что он мог сказать? «Это не мой Киселев! Возьмите его себе!» Глупо.

— Ты на будущее изучи как следует инструкцию о работе с общественными помощниками. Там сказано: «Помощник не совершает самостоятельных следственных действий». Разъясни своему Киселеву.

«Как же! — подумал Фомин.— Ему разъяснишь!» Но оспаривать совет начальства не стал.

Киселев ждал его во флигельке у Нины Васильевны. Они о чем-то беседовали и разом умолкли при появлении Фомина.

— Ну?! вскричал Володя с Васькиной выразительностью.

— Не понукай, не запрягал! — осадил Фомин своего «общественного помощника». — И учти, Нина такой же работник милиции, как и я. Представитель закона. Действующий согласно правилам и инструкциям. Не смей ее втягивать в свои аферы!

Нина Васильевна покраснела.

— Коля! Как тебе не стыдно! У Владимира Александ-

ровича такие замечательные мысли! Мы составляем план работы. Владимир Александрович прочтет подросткам лекции о русском коневодстве.

Нина Васильевна поглядела на Володю: «Что же вы? Говорите! Вы скажете лучше меня». Но Володя не раскрыл рта.

— Мы организуем при Доме пионеров кружок, — продолжала она. — И чтобы не только катались. Возьмут шефство над стариками, будут пахать огороды, косить сено, возить дрова. Летом поездки в ночное!.. Купание лошадей в Путье!.. Представляешь, какое удовольствие для мальчишек?

— Представляю. — Фомину было не до восторгов. Он с возрастающим напряжением следил за тем, как Кисель роется в карманах. Опять какие-то фокусы?

— Возьми, может пригодится... — Володя наконец извлек из внутреннего кармана пиджака прозрачный пакет, в котором лежал мятый, измызганный конверт.

У Фомина отлегло от сердца. Он догадался, что в этом конверте. Письмо апачам, оставленное в конюшне Лешкой Супруновым и его приятелями. В целях воспитания «общественного помощника» не мешало бы напустить на Киселя. Какое он имел право оставить у себя важную улику! Но уж больно у Киселя жалкий вид.

Фомин взял из Володиных рук злополучное письмо и, не заглянув в него, сунул в папку.

— Давай, Нина... Что у тебя там еще?

— В райкоме комсомола сказали: «Поддержим». Фабком — «за», обещали дать лошадей. И Вихря мы непременно заберем к себе.

Володя скорбно отвернулся. И тут у Фомина лопнуло терпение.

— Ладно тебе! Не вешай носа. И пойми, я не могу хлопотать, чтобы Вихря оставили в деревне. Обязанность милиции — вернуть лошадь владельцу.

— Но неужели нельзя оставить все как есть? — грустно спросил Володя. — Три старухи, конь да мальчишка. Уже деревня не пропала, живет! Коля! Нина Васильевна! Поймите, мои планы работы с подростками не содержат ничего оригинального. Все это способен предложить любой мыслящий человек... А то, что создал Андрей Бубенцов... Вспомните, он живет в Доме Пушкина! Он придумал сказ-

ку и создал ее наяву, своими руками. В его сказку я бы позвал всех других ребят. Поймите, на свет родилась новая, самая современная детская игра!

Фомин понял, что ему тут больше делать нечего. Едва он закрыл за собой дверь, Нина Васильевна радостно воскликнула:

— Продолжим, Владимир Александрович! Мы говорили о Мише Курочкине... Мишей займусь я. Мне уже давно казалось, что тайны апачей выдает он. У него какая-то обида на Костю-Джигита.

— Обида на Костю?

Володя молниеносно вспомнил рожи на стенах и заборах у школы. Костя Мусин там изображен дважды. «Каким я оказался недалеким! Надо было сразу догадаться, кто так мстительно нарисовал Костю-Джигита. И ведь я был совсем рядом с разгадкой. Возвращаясь из школы, я встретил в Двудворицах Ваську и Костю-Джигита, которые упустили Андрея. Я прекрасно помню свою тогдашнюю внезапную мысль, что Костя кого-то крепко обидел. И потом я спросил Костю про Мишу Курочкина, и мне ответил не Костя, а Васька. Я должен был обратить внимание на странную медлительность вождя, на его нежелание говорить о Курочкине. Да, разгадка была рядом, и я ее непростительно прозевал...»

— Я его, конечно, не оправдываю,— сказала Нина Васильевна.— Предательство — это предательство.

— Публилий Сир...— задумчиво начал Володя.— Публилий Сир говорил, что лучше не замечать обиду, чем мстить за нее...

Нина Васильевна хотела было спросить, кто такой Публилий Сир, но постеснялась.

— А Бертольд Ауэрбах...— Володя сделал паузу, и Нина Васильевна успела дать себе слово, что сегодня же пойдет в библиотеку, поищет в энциклопедии и Публилия Сира, и Бертольда Ауэрбаха. Не забыть бы только трудные имена! — Так вот, Бертольд Ауэрбах,— с пафосом произнес Володя,— сформулировал великолепно: «Кто мстит, тот вместе с другими губит и себя».

— И верно! — Нина Васильевна всплеснула руками.— Я так и передам Курочкину! Лучше и не скажешь! Большое вам спасибо, Владимир Александрович, за мудрые советы. А теперь...— Она заглянула в свой календарик.—

Надо решить, на какое число мы назначим общий сбор всех лошадников.

— На какое?..— Володя неопределенно пожал плечами: «Не все ли мне равно, на какое». И рассеянно уставился в окно.

Во дворе милиции шла своя жизнь. Въехал запыленный синий фургончик с красной полосой на боку, из него выпрыгнула рослая овчарка, степенно вылез пожилой проводник. А вот стремглав вылетел из дверей Фомин, вскочил на мотоцикл и был таков. Наверное, получил новое задание. Наверяд ли интересное. А это кто? Володя встрепнулся. Через двор, неуверенно оглядываясь по сторонам, шел к флигельку великий сказочник. Володя распахнул окно.

— Андрей! Я давно тебя жду! — И повернулся к Нине Васильевне.— Значит, запишем так. Общий сбор тридцать первого августа. В день, когда крестьянин по народной традиции давал отдых коню. У Вихря будет в этом году свой праздник! Законный праздник всех рабочих лошадей!

«Крепко проняло Киселя,— размышлял Фомин, мчась на мотоцикле.— Если уж он назвал собственные мысли неоригинальными, то дальше некуда. И мы на этот раз остались без финального рассказа нашего знаменитого путятинского сыщика.

Впрочем, в истории с похищенным ружьем и без финальных разъяснений все понятно. Бубенцов следил за туристами, чтобы улучшить время и забрать иконы. Ночью он обнаружил неподалеку от туристов компанию Лешки Супрунова. Бубенцов отпускает лошадей, берет ружье, возвращается в Дебрь за патронами. Затем он опять у лагеря туристов, они уходят по своим делишкам, Бубенцов проникает в лагерь. Он умеет обращаться с собаками, поэтому Ральф его не трогает. Бубенцов отыскивает иконы и дырявит выстрелами шины. Возможно, он надеялся привлечь внимание милиции к этим туристам. Мальчишка прекрасно знал, кто они такие. Они через Безина пытались использовать Бубенцова, чтобы выкрасть иконы из дома одинокой старухи. Дом охраняет злоющий пес по кличке Пират, а Безину известно от «шпиона» Миши Курочкина, что на Бубенцова не бросается ни одна собака. Кстати туристам,

когда они обнаружили простреленные шины, сразу стало ясно, на кого не гавкнул золотой медалист Ральф. Они дают нахлобучку Безину, тот посылает Супрунова за Бубенцовым. «В твоих услугах туристы больше не нуждаются, ты дурак, мог легко заработать сто рублей». Безин знал про Вихря и припугнул Бубенцова, что выдаст его тайну. Бубенцов обещал молчать и ушел очень довольный. Накопец от него отстали! А Безину досадно, что уплывают обещанные заграничные шмутки. Он крадет иконы в пустой, как ему кажется, деревне и приносит туристам. Сумка, которую он пытался выбросить, была набита барахлом, полуценным за иконы. Туристы, конечно, народ опытный, знали, что на этой примитивной краже можно попасться, но жадность взяла верх. Самый осторожный преступник попадает из-за жадности. И из-за необходимости иметь дело с такими помощниками, как Безин. Толя обратил внимание на этого супермена еще в первый свой приезд в Путятин. Но сам Толя даже не подозревал о размахе деятельности солидных знакомых двоюродного брата. Думал, что они — жертвы моды на старину, поворовывают для себя. А они сбывали иконы зарубежным туристам. В Москве обрадовались, когда узнали, кто нами пойман с поличным. Мы в Путятине ухватили одну из ниточек крупного дела. Настоящий детективный сюжет, а не какое-то примитивное похищение из провинциального музея всего лишь одной-единственной картины. И я бы мог рассказать свой детектив не хуже Киселя. Но не сейчас. Не стоит его огорчать. Когда-нибудь потом...»

СОДЕРЖАНИЕ

ПОХИЩЕНИЕ ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО МУЗЕЯ	5
© «Детская литература», 1980 г.	
ЗНАКОМОЕ ЛИЦО	93
© «Детская литература», 1980 г.	
ОПЯТЬ КИСЕЛЕВ	185
© «Детская литература», 1980 г.	
ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА	247
© «Детская литература», 1984 г.	

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ирина Ивановна Стрелкова

ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА

П о в е с т и

ИБ № 7135

Ответственный редактор *И. В. Пахомова*

Художественный редактор *И. Г. Найдёнова*

Технические редакторы *Л. С. Стёпина* и *Г. Г. Рыжкова*

Корректоры *О. И. Иванова* и *И. В. Козлова*

Сдано в набор 12.05.83. Подписано к печати 27.12.83. А03326.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт литературный.
Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,58. Уч.-изд. л.
20,92. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3121. Цена 95 коп.
Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов изда-
тельство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720,
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного
Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

К читателям

Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Стрелкова И. И.

С 84   Одна лошадиная сила: Повести / Рис. С. Воробьева.— М.: Дет. лит., 1984.—383 с., ил.— (Библиотека приключений и научной фантастики).

В пер.: 95 к.

В книгу входят повести «Похищение из провинциального музея», «Знакомое лицо», «Опять Киселев!» и «Одна лошадиная сила», действие которых происходит в наши дни в старинном русском городке и объединено одними и теми же главными героями: лейтенантом милиции и его добровольным помощником, школьным товарищем. Много драматических событий связано с подростками; писательница показывает, как важны знание их психологии, чуткость, тонкость в развязывании сложных узлов, как велика роль милиции в профилактической работе с молодежью.

